

ΔΙΣΚΑ
ΚΑΙΜΠΑΣ

Λερονι
στος

Во всем лондонском высшем свете не было мужчины более красивого, более блестящего, более элегантного, чем князь Николай Ангеловский, загадочный русский аристократ. Прекраснейшие из дам мечтали покорить сердце князя, но он желал лишь одну — гордую и независимую Эмму Стоукхерст, которая не могла — да и не хотела — принадлежать ему. Однако Николай пустил в ход чары, против которых Эмма была не в силах устоять, — чары настоящей любви, магию обжигающей чувственной страсти...

Лиза Клейпас

Герой снов

Часть первая

Мы странно сошлись.
Средь салонного круга,
В пустом разговоре его,
Мы словно украдкой, не зная друг друга,
Свое угадали родство.
И сходство души не по чувства порыву,
Слетевшему с уст наобум,
Проведали мы, но по мысли отзыву
И проблеску внутренних дум.

Каролина Павлова

— Ждете кого-то? — Мужской голос нарушил тихие шорохи парка. Русский акцент, мягкий, слегка гортанный, ласкал слух.

С невеселой улыбкой Эмма обернулась навстречу выступившему из сумрака князю Николаю Ангеловскому.

Золотистой кожей, неровно выгоревшими на солнце волосами и непредсказуемой жестокостью Николай напоминал тигра. Никогда ни в ком другом не видывала Эмма такого идеального сочетания красоты и угрозы. Она по собственному опыту знала, что его стоит бояться. Но она привыкла обращаться с опасными животными и знала, что самый верный способ накликать беду — это выказать страх.

Расслабив спину, Эмма поудобнее уселась на каменной скамье, стоявшей в самом отдаленном уголке распланированного на французский манер регулярного парка.

— Уж точно не вас, — резко откликнулась она. — А вы здесь зачем?

Он улыбнулся в ответ, сверкнув в темноте белоснежными зубами.

— Захотелось прогуляться.

— Буду признательна, если вы станете прогуливаться где-нибудь в другом месте. Я надеюсь встретиться здесь кое с кем наедине.

— С кем же? — Сунув руки в карманы, он обогнул скамью.

— Уходите, Николай.

— Велите мне.

— Уйдите!

— Дитя, вы не можете приказывать мне в моем собственном поместье.

Николай остановился в нескольких шагах от нее. Он был высок — один из немногих мужчин в Лондоне, на которых Эмме не приходилось смотреть сверху вниз. У него были крупные руки и ноги и мощная поджарая фигура. Тень скрывала его лицо, лишь желтый блеск глаз пронзал сумрак ночи.

— Я не дитя, я взрослая женщина.

— Верно, — мягко сказал Николай. Он окинул взглядом ее тонкую фигуру в простом белом платье. Лицо Эммы, как всегда, было без румян и пудры. Волосы необыкновенно красивого рыжего цвета, с бронзовыми и коричневыми отблесками стянуты в тугой узел, но непокорные кудряшки выбивались, обрамляя завитками лицо и шею.

— Вы сегодня прекрасны, — произнес он. Эмма рассмеялась:

— Не льстите мне. В лучшем случае меня можно назвать привлекательной, и я это отлично знаю. Бесполезно втыкать в голову шпильки и сдавливать ребра корсетом так, что едва возможно дышать. Поэтому я предпочитаю носить сапоги с брюками и чувствовать себя удобно, как мужчины. Если уж ты некрасива, то не стоит и стараться.

Николай не стал спорить, хотя у него было свое мнение насчет особой, неповторимой привлекательности Эммы, которая всегда его завораживала. Она была сильной и жизнерадостной, обладала смелым изяществом парусника с высокими мачтами. В ее лице

изысканно сочетались нежность угловатых скул, сочный рот и золотая россыпь веснушек на переносице. Тонкая, длиннорукая и длинноногая, она даже без каблуков была почти шести футов ростом. Николай был выше ее всего лишь на какие-то два дюйма. Он часто представлял себе, как идеально прильнет к нему ее тело, как обовьются вокруг него ее руки и ноги...

Они подходили друг другу. Странно, что никто другой этого не видел, но Николаю это стало ясно давно, еще с первой их встречи. Она тогда была дьяволенком, взрывчатым комком. Неуклюжие руки и ноги... Буйные рыжие кудри... Теперь, в двадцать лет, она превратилась в молодую женщину, беспощадно искреннюю и прямодушную, что так оттеняло его собственную скрытность и замкнутость. Она напоминала ему тех женщин, которых он знал в России: с пламенной душой... совершенно не похожих на этих европейских, с рыбьей кровью, с которыми сводила его жизнь последние семь лет.

Понимая, что он ее оценивающе разглядывает, Эмма скорчила рожицу.

— Мне все равно, что я некрасивая, — заявила она. — Насколько я успела заметить, красота доставляет кучу неудобств. А теперь, Николай, вам действительно следует удалиться. Пока вы рядом, ко мне ни один мужчина не осмелится подойти.

— Кого бы вы ни ждали, он продержится не дольше остальных.

Эмма насупилась и промолвила с внезапным вызовом:

— Этот продержится.

— Из них никто не задерживается, — лениво продолжал он. — Вы сами их всех прогоняете в том же порядке, как они приходят. Почему бы это?

Ярко-алый румянец, вспыхнувший на ее щеках, совсем не гармонировал с рыжим цветом волос. Она стиснула зубы: его стрела попала точно в цель. Эмма уже третий год появлялась в лондонском свете. Если она не выйдет замуж в самое ближайшее время, ее будут считать неудачницей, провалившейся на брачном торжище, которой одна дорога — в старые девы.

— Не понимаю, зачем мне вообще нужен муж, — проговорила она. — Я не могу себе представить, что стану чьей-то собственностью. Вы, наверное, считаете, что это делает меня неженственной?

— Я считаю вас в высшей степени женственной.

Темно-рыжие брови взлетели вверх.

— Это комплимент или насмешка? Вас никогда не поймешь.

— Я никогда не насмехаюсь над вами, Эмма. Над другими людьми — да. Над вами — нет.

Она недоверчиво фыркнула.

Николай шагнул вперед, ступив в полосу света, струившегося от садового фонаря.

— А теперь вы вернетесь со мной обратно в дом. Как хозяин... и ваш дальний родственник... я не могу позволить вам оставаться здесь одной без сопровождения.

— Не пытайтесь претендовать на какое-либо родство между нами. Вы — родня моей мачехи и со мной никак не связаны.

— Мы родственники по браку вашего отца, — настаивал он.

Эмма усмехнулась, понимая, что в качестве родственников они смогут держаться более свободно: звать друг друга по имени и разговаривать без надзора.

— Как скажете, ваша светлость.

— Возможно, вам хотелось бы осмотреть мое художественное собрание? — предложил

Николай. — Вас может заинтересовать мой иконостас. Многие иконы в нем относятся к тринадцатому веку, они из Новгорода.

— Искусство меня не интересует, тем более какие-то мрачные иконы. Зачем вы вообще их держите? — Эмма скептически вздернула бровь. — Вот уж кого я никогда бы не заподозрила в собирательстве религиозных картин!

— Иконы — окно в русскую душу.

Губы Эммы искривились в презрительной улыбке.

— Никогда не видела ни малейшего признака того, что у вас есть душа.

— Возможно, вы смотрели с недостаточно близкого расстояния.

Он сделал шаг вперед, затем другой и еще один... Носки его башмаков почти коснулись струящегося по земле подола ее белого платья.

— Что это вы делаете? — спросила она.

— Встаньте.

Мгновение Эмма продолжала сидеть не шевелясь. Николай никогда не говорил с ней подобным тоном. Сейчас, хотя он стоял непринужденно, уронив вдоль тела руки без перчаток, она ощутила в нем какое-то расчетливое спокойствие, как у кошки, готовящейся к прыжку. Эмма невольно подчинилась: выпрямилась во весь рост, так что они оказались почти лицом к лицу.

— Чего вы хотите, Николай?

— Я хочу побольше услышать об этом вашем друге. Держал ли он вас в объятиях? Шептал ли слова любви? Целовал ли вас? — Пальцы его сомкнулись на ее руках, тепло ладоней проникало сквозь тонкий шелк рукавов.

Эмма подскочила на месте и тихо ахнула. Сердце забилося болезненно тяжело и часто. Невообразимо, невысказанно было ощущать руки Ангеловского на себе, стоять так близко к нему, грудь к груди. Она попыталась высвободиться, но его хватка стала лишь крепче.

— Если вы кончили развлекаться, Николай, будьте любезны убрать свои царственные лапы. Ваше чувство юмора меня не веселит.

— Я не шучу, Ры-жеч-ка. — Его руки обвили ее талию, притягивая к себе. Услышав недоуменное восклицание, он объяснил:

— По-русски это означает "рыжеволосая малышка".

— Я вовсе не малышка, — нахмурилась она, стараясь вырваться.

Он продолжал удерживать ее без особых усилий. Хотя они были почти одного роста, он был вдвое тяжелее, мускулистый и ширококостный, с плечами шире церковных врат.

Не обращая внимания на ее сдавленные протесты, он продолжал тихо и настойчиво:

— Знаешь, ты легко сошла бы за славянку с этими своими рыжими волосами и белой кожей. И глаза у тебя цвета балтийской воды... синего-синего.

Эмма подумала, не следует ли ей позвать на помощь. Зачем он так поступает? Чего от нее хочет? В голове промелькнули все слухи и сплетни, которые она слышала о Николае. В его прошлом были предательство, убийство, государственная измена. Он навеки изгнан из России за преступления против царского правительства. Множество женщин находили чарующим ореол опасности, который его окружал, но Эмма к их числу не относилась.

— Пустите меня, — задыхаясь, произнесла она. — Мне не нравятся ваши игры.

— Могут и понравиться...

Он удерживал ее так легко, словно она была куклой или котенком. Эмма чувствовала, что он наслаждается своей властью над ней, дает понять, насколько сильнее ее. Голова ее

запрокинулась, глаза закрылись. В любую минуту его губы могли прижаться к ее губам. Затаив дыхание, она ждала... ждала... ждала...

Ладонь Николая легла ей на шею, слегка лаская. Большой палец поглаживал бьющуюся на шее жилку. От неожиданной нежности этого прикосновения по ее телу пробежала дрожь. Эмма подняла трепещущие ресницы и взглянула ему в лицо. Оно было так близко.

— Когда-нибудь я тебя поцелую, — проговорил он. — Но не сегодня.

Эмма вырвалась от него оскорбленным вихрем. Попятившись, она скрестила на груди длинные тонкие руки.

— Почему бы вам не вернуться к своим гостям и не поиграть в хозяина? — бросила она. — Уверена, что в доме найдется достаточно женщин, умирающих от желания быть к вам поближе.

Николай продолжал стоять в круге света, волосы искрились золотом, кончики губ подергивались в улыбке. Несмотря на всю свою досаду, Эмма не могла не отметить, как необыкновенно... непристойно был он хорош собой.

— Ладно, кузиночка, наслаждайся объятиями своего... друга.

— И буду!

Эмма не тронулась с места, пока не убедилась, что он ушел. Лишь тогда она вернулась к скамье и села, вытянув длинные ноги. Николай оставил ее взволнованной и... странно разочарованной.

"Когда-нибудь я тебя поцелую..."

Несомненно, он просто насмеялся над ней. Вряд ли кто-либо из мужчин потеряет из-за нее голову. Эмма вспомнила все детские праздники и вечера, на которых прыщавые мальчишки насмешничали над ней из-за того, что она была ростом выше присутствующих; первый выезд в свет, когда все холостяки игнорировали ее, обращая внимание на хорошеньких миниатюрных куколок. В семнадцать лет она прочно заняла место у стены бальной залы, несмотря на богатство своей семьи и, следовательно, большое приданое.

Однако теперь наконец-то у нее появился поклонник, который хотел на ней жениться...

Она была влюблена в лорда Адама Милбэнка, который уже несколько месяцев с самого начала сезона тайно ухаживал за ней. При мысли о нем сердце Эммы тревожно забилося. Адам уже должен быть здесь. Что могло задержать его?...

Парк Ангеловского был как бы разбит на лужайки, окаймленные и отделенные друг от друга живой изгородью, клумбами или деревьями. Николай, укрываясь за высокими ирландскими тисами, кружил около лужайки, где сидела Эмма. Найдя хорошую точку обзора, он замер и стал ждать появления таинственного поклонника девушки.

Считая, что она одна, Эмма поерзала на скамье, попыталась пригладить рыжие кудри и несколько раз поменяла положение ног, стараясь, чтобы они выглядели короче. Наконец, решив, что все усилия напрасны, она обреченно ссутулилась. Николай улыбнулся, забавляясь ее стараниями. Эмма встала, отряхнула юбки и выпрямилась, расправляя плечи. Она стояла в профиль к нему, и Николай залюбовался элегантностью ее стройного силуэта, округлостью груди... Она обошла несколько раз вокруг скамьи, отломила веточку жимолости от живой изгороди.

Мужской голос прозвучал резко, перекрывая мирные шорохи сада:

— Дорогая!

Эмма обернулась, уронила веточку. Ослепительная улыбка озарила ее лицо.

— Ты опоздал, — укоризненно пролепетала она, бросаясь в объятия мужчины. Она

стала покрывать поцелуями его лицо.

— Я должен был ухитриться ускользнуть, не вызывая подозрений. — Молодой человек рассмеялся, пытаясь оправдаться. — Ты же знаешь, ничто на свете не остановит меня, когда я стремлюсь к тебе.

— Каждый раз, когда я вижу тебя в другом конце комнаты, мне хочется бегом устремиться к тебе.

— Скоро мы будем вместе.

— Но когда? — нетерпеливо спросила она.

— Очень скоро. А теперь постой спокойно, чтобы я мог тебя поцеловать.

Он обхватил руками кудрявую голову Эммы и прильнул к ее губам.

Напряженно сощурившись, Николай наблюдал за влюбленными. Мужчина стоял к нему спиной. Терпеливо, как охотник, Николай пошел вдоль живой изгороди. Слегка раздвинув ветки, он всматривался в слившуюся воедино парочку.

Мужчина чуть отпрянул, и свет упал на его лицо. Это был лорд Адам Милбэнк.

Николай облегченно выдохнул.

— Лучше быть не может, — прошептал он совершенно искренне.

Теперь он понял, почему Эмме так хотелось сохранить тайну: Милбэнк был обедневшим виконтом, охотником за приданым. Отец Эммы никогда не позволил бы единственной дочери выйти замуж за нищего пройдоху вроде Милбэнка. Несомненно, Стоукхерст запретил им видеться. Николай повернулся и направился обратно в бальную залу, только что не мурлыча от удовольствия. Он был удовлетворен ситуацией: ничто не мешает ему завладеть Эммой.

Эмма обвила руками шею Адама Милбэнка. Она упоенно вдыхала знакомый запах, сжимала в ладонях ткань сюртука, наслаждалась его близостью. Высокий двадцатичетырехлетний красавец, он был по-мальчишески обаятелен.

— С каждым днем я люблю тебя все больше и больше, — сказала она, устремив взор в его бархатно-карие глаза. — Я думаю о тебе, не переставая.

Адам нежно погладил ее по щеке:

— Ты околдовала меня, Эмма Стоукхерст.

Он прильнул к ее рту долгим поцелуем. Губы у него были теплыми, горячие ладони скользили по ее узкой спине. Когда наконец он поднял голову, оба не сразу отдышались.

— Нам надо поскорее вернуться в залу, — сказал он. — Разумеется, поврозь. Нельзя, чтобы нас заподозрили. И не хмурь брови, ты же знаешь, что это необходимо.

— Кажется, мы целую вечность только так и делаем. Десять минут здесь, десять минут там... Этого так мало. Теперь, когда мы оба поняли свои чувства, нам надо вместе предстать перед отцом. И если он не даст своего благословения, не согласится на наш брак, мы убежим и поженимся!

— Тише, дорогая, — успокаивал ее Адам. Лицо его омрачилось внезапной тревогой. — Не хочу слышать из твоих уст слово "побег". Я знаю, как важна для тебя твоя семья, и не стану причиной разлада между тобой и твоим отцом.

— Но папа никогда не согласится...

— Со временем он поймет и смирится. — Адам нежно поцеловал ее в нахмуренный лоб. — Я могу быть очень терпеливым, Эм.

— А я не могу! — Она досадливо засмеялась. — Возможно, терпение относится к твоим достоинствам, но никак не к моим.

— Попробуй поговорить со своей мачехой, — предложил Адам. — Если ты заручишься ее поддержкой, она сумеет смягчить сердце твоего отца.

— Возможно, — задумчиво откликнулась Эмма. Ее мачеха Тася всегда была ей вроде старшей сестры, сочувствуя всем ее проблемам. — Полагаю, если кто и сможет изменить решение отца, так только Тася. Но если у нее не получится...

— Должно получиться, Эм. Ты же понимаешь, как важно нам добиться его согласия. Без него мы никогда не сможем пожениться.

Она удивленно отпрянула:

— Никогда? Но почему?

— Нам не на что будет жить.

— Но деньги не так важны, как возможность быть вместе.

— Очень достойные чувства, любимая, но ты выросла в окружении лучшего, что может дать жизнь. Ты представления не имеешь, как обходиться без этого. Не забудь также, что без денег ты не сможешь сохранить свой зверинец, и тебе придется продать животных в зоопарки и частным лицам.

— Нет! — в ужасе воскликнула Эмма, содрогнувшись от одной этой мысли. — С ними станут плохо обращаться. Я не могу этого допустить! — Уже много лет она содержала в фамильном поместье зверинец, куда собирала брошенных и раненых животных. Она приютила там лошадей, медведей, волков, собак, обезьян и даже азиатского тигра. — Они зависят от меня... Лишь немногие из них смогут выжить без особой заботы.

— Значит, ты понимаешь, почему нам необходимо согласие твоей семьи?

— Да, — неохотно кивнула Эмма.

Она мечтала, что сумеет вызвать Адама на открытое противостояние ее отцу. Если бы только Адам решительно встал перед ним и потребовал согласия на брак с ней! Но этого не произойдет никогда. Бедный Адам ненавидел споры и, кроме того, как и все, робел перед лордом Стоукхерстом.

Это было понятно. Ее отец легко мог запугать кого угодно. В его глазах никто не был достоин его дочери. Несколько месяцев назад он напрочь отверг Адама, запретив ему ухаживать за Эммой. Адам был слишком напуган, чтобы спорить. Он признал поражение и удалился, так что теперь ситуация была просто немыслимой.

Эмма вздернула подбородок.

— Я поговорю с мачехой, — пообещала она. — Я как-нибудь заставлю ее понять, что мы с тобой — одно целое. Тогда она убедит папу разрешить наш брак.

— Вот и чудесно, умница ты моя. — Адам улыбнулся и поцеловал Эмму. — Возвращайся на бал первой, Эм. А я выжду здесь несколько минут.

Она поколебалась и нерешительно спросила:

— Адам, ты меня любишь?

Он притянул ее к себе, прижал к груди так, что она чуть не задохнулась.

— Я тебя обожаю. Ты для меня самая драгоценная на свете. Не бойся, нас ничто не разлучит.

Свою мачеху Эмма нашла около круглой бальной залы, в примыкающем к ней роскошном гроте, украшенном золоченой резьбой и зеркалами. Тася выглядела как юная девушка, а вовсе не почтенная двадцатипятилетняя матрона. В ее внешности, в манере держаться был тот же налет загадочности, который делал ее двоюродного брата Ангеловского таким пленительным. Оба были чистокровными русскими, которых обстоятельства вынудили обрести дом в Англии.

Эмма направилась к мачехе и отозвала ее в сторонку.

— Belle-mere «Мачеха (фр.).», — настойчиво сказала она, — мне надо с тобой поговорить по очень важному поводу.

Тася смотрела на нее без удивления. Мало что укрывалось от ее зоркого ока, временами казалось, что она обладает способностью читать мысли.

— Это имеет отношение к лорду Милбэнку, не так ли?

— Кто тебе рассказал?

— Никто. Это очевидно уже несколько месяцев, Эмма. Стоит тебе куда-то отлучиться во время бала или вечера, как то же происходит с лордом Милбэнком. Вы тайно встречаетесь. — Тася укоризненно покачала головой. — Ты ведь знаешь, как не одобряю я все, что делается за спиной твоего отца.

— Но я вынуждена так поступать, — виновато попыталась оправдаться Эмма. — Все получилось из-за того, что папа несправедливо запретил Адаму ухаживать за мной.

— Отец не хочет, чтобы кто-либо, особенно какой-нибудь охотник за приданым, воспользовался твоей неопытностью.

— Адам вовсе не охотник за приданым!

— Однако у всех создалось именно такое впечатление. Эта ужасная прошлогодняя история с леди Клариссой Эндерли...

— Он мне все объяснил, — возразила Эмма, морщась при напоминании о том, что случилось незадолго до их романа. Адама поймали, когда он пытался обвенчаться с наивной и юной богатой невестой. Возмущенное семейство Эндерли пригрозило избить Адама до полусмерти, и дочку быстро выдали за старого барона с большим состоянием. — Это была ошибка. Недоразумение...

— Эмма, твой отец и я хотим видеть твоим мужем человека, который тебя достоин...

— И который достаточно богат, — прервала ее Эмма. — В этом-то и дело. Вам с папой не нравится, что у Адама нет большого состояния.

— А если бы ты была бесприданницей? — тихо спросила Тася. — Адам и тогда хотел бы на тебе жениться? Разумеется, деньги не единственное, что его в тебе привлекает... Но ты ведь не можешь отрицать, что они для него существенны.

Эмма насупилась.

— Ну почему никто не верит, что мужчина может просто в меня влюбиться? Ему вовсе не нужно мое состояние... не в том смысле, как вы думаете. Все, чего он хочет, это чтобы я была счастлива!

Тася с сочувствием смотрела на падчерицу.

— Я понимаю, Эмма, ты его любишь и веришь, что он испытывает к тебе те же чувства. Но твой отец уважал бы Адама гораздо больше, если бы у того хватило мужества прийти к нему и заявить: "Милорд, пересмотрите свое решение запретить мне ухаживать за Эммой. Лишь тогда я получу возможность доказать ей свою преданность и любовь". Но нет, вместо этого Адам вовлекает тебя в очень подозрительные тайные взаимоотношения...

— Можешь ли ты винить Адама за то, что он боится папы? — со сдерживаемой яростью спросила Эмма. — Я-то уж точно не могу! Многие считают папу каким-то драконом!

Тася рассмеялась. Ее серо-голубые глаза мгновенно отыскивали в толпе широкоплечую фигуру мужа.

— Я тоже так считала... когда-то. Но теперь я знаю его лучше.

Словно почувствовав ее взгляд, Лукас Стоукхерст обернулся. Мужественное лицо его с яркими синими глазами было скорее привлекательным, чем красивым. Некоторые терялись при виде серебряного крючка вместо кисти левой руки. Он потерял кисть очень давно, пытаясь спасти Эмму и ее мать из смертельной ловушки пожара, случившегося в их доме. Эмма выжила в этой катастрофе, но ее мать погибла. Иногда Эмма задумывалась, как сложилась бы ее жизнь, если бы она росла с матерью. Но у нее был только отец, любящий, властный и чересчур стремящийся защитить ее от всего.

Увидев жену и дочь, Люк извинился перед случайным собеседником и стал пробираться к ним.

— Ты достойна человека вроде твоего отца, — пробормотала Тася, наблюдая, как он прокладывает себе дорогу в толпе, приближаясь к ним. — Он все сделает для тех, кого любит, даже отдаст за них жизнь.

— Другого такого на свете нет, — уныло признала Эмма. — Но, Боже мой, если я стану мерить каждого поклонника отцовской меркой, мне никогда не найти себе жениха.

— Ты найдешь человека, достойного тебя. Просто на это потребуется некоторое время.

— На это уйдет вечность. Возможно, ты обратила внимание, что за мной поклонники гурьбой не бегают.

— Если бы ты показала им те качества, которые видит в тебе твоя семья, за тобой гонялись бы толпы женихов. В тебе столько врожденного обаяния и теплоты! Но когда рядом появляется мужчина, ты застываешь как статуя.

— Такая уж я есть. — Эмма испустила тяжкий вздох. — Но с Адамом я совсем другая, belle-mère. С ним я чувствую себя особенной... даже красивой. Пожалуйста, постарайся понять. Ты должна поговорить с папой и убедить его пригласить Адама в наш дом.

Расстроенная Тася погладила Эмму по руке и кивнула.

— Посмотрю, что можно сделать. Но не жди слишком многого. Люку это придется не по нраву.

Тем временем отец Эммы добрался до них, и, хотя он улыбался обеим, взгляд его

задержался на Тасе. Казалось, на мгновение они погрузились в свой особый, отдельный от всех мир. Редко можно было встретить мужа и жену, так страстно влюбленных друг в друга. После смерти первой жены Люк не собирался снова жениться. Однако с той минуты, как Тася вошла в его жизнь, он был околдован ею. За время их брака она подарила ему двух темноволосых сыновей — Уильяма и Закари. Временами Эмма чувствовала себя лишней в их тесном кругу, несмотря на все старания отца и Таси вовлечь ее в жизнь семьи.

— Тебе доставляет удовольствие этот вечер? — Люк вглядывался в дымчато-серые, по-кошачьи раскосые глаза жены.

— Да, — ласково отозвалась она, разглаживая широкий лацкан его черного фрака. — Но ты еще не приглашал свою дочь танцевать.

Эмма быстро прервала ее:

— Лучше я простою весь вечер у стены, чем допущу, чтобы единственным моим партнером на балу был отец. И я не хочу, папа, чтобы ты находил мне партнера. Никто не любит танцевать по обязанности.

— Я собирался представить тебе молодого лорда Линдона, — сказал Люк. — Он человек неглупый и остроумный...

— Мы уже познакомились, — сухо заметила Эмма. — Он очень не любит собак.

— Вряд ли это повод отвергать его.

— Но поскольку я все время вожусь с собаками и лошадьми, то пропахла ими, и у меня вечно платье в шерсти какого-нибудь животного. Не думаю, что мы с ним найдем общий язык. Папа, не начинай очередное сватовство. Ты приводишь меня в ужас.

Люк улыбнулся и легонько потеревил ее за ярко-рыжий локон.

— Ладно. — Он повернулся к Тасе:

— Окажите мне честь, мадам.

Они направились к танцевальной зале, и Люк заключил хрупкую жену в объятия. Отдавшись ритму вальса, они смогли обменяться несколькими фразами.

— Почему Эмма ни с кем не общается? — вздохнул Люк. — У нее сегодня удрученный вид.

— Ее интересует только один человек. Люк насупился.

— Все еще Адам Милбэнк? — мрачно спросил он. — Я считал, что с этим покончено.

Тася улыбнулась:

— Дорогой, не думай, что, если ты запретил им видеться, их чувства угасли.

— Я скорее выдам ее за кого угодно, чем за этого бесхребетного ловца богатых невест. Любой другой будет лучше.

— Не говори таких слов. — Тася предостерегающе сдвинула тонкие брови. — Любишь ты искушать судьбу. Люк усмехнулся в ответ:

— Ах ты, суеверная русская душа! Я сказал именно то, что имел в виду. Ну какой зять может быть хуже Милбэнка?

Предоставленная самой себе, Эмма медленно отошла к стене и прислонилась к ней. Она

порывисто вздохнула, мечтая покинуть бал или по крайней мере побродить в одиночестве по особняку Ангеловского. Дом был полон старинных русских сокровищ, великолепных произведений искусства, резной мебели, изумительных икон в окладах, сплошь усыпанных драгоценными камнями. Николай привез все это, а также целую армию домашних слуг из России.

Дом Николая напоминал музей, бесподобный, роскошный, устрашающе богатый и мрачный. Центральный холл окаймляли пятнадцать золоченых высоченных колонн. Пятнадцатая была добавлена из-за русского суеверия, что четные числа приносят несчастье. Великолепная лестница с сине-золотыми стойками перил вела на второй и третий этажи изящно изогнутыми маршами. Сиреневато-сизые, как голубиное крыло, стены и черный с серыми прожилками мрамор полов контрастировали с дивным разноцветьем огромных витражных окон.

Особняк Ангеловского стоял в центре поместья в пятьдесят тысяч акров, раскинувшегося по обе стороны Темзы к западу от Лондона. Николай купил поместье три года назад и устроил по своему вкусу. Великолепная обстановка хоть и была достойна князя, но не шла ни в какое сравнение с дворцами, которыми он владел в России. Ему было дозволено взять в изгнание лишь десятую долю состояния, и эта доля составляла примерно тридцать миллионов фунтов стерлингов. Николай был одним из богатейших людей в Европе и, пожалуй, самым завидным женихом. Обладатель такого баснословного богатства должен был считаться счастливецом, но Николай казался Эмме самым несчастным из всех ее знакомых. Возможно, он жаждал недостижимого или его сжигало неисполнимое желание?

Нежный тоненький голосок прервал течение ее мыслей:

— Посмотри-ка, Реджина, это ведь наша подруга Эмма подпирает стену, как всегда. Удивляюсь, почему здесь не прикрепят табличку, чтобы особо отметить это место как ее собственное: "Здесь леди Эмма Стоукхерст провела тысячи часов в надежде, что ее кто-нибудь пригласит на танец!"

Говорила леди Феба Коттерли, обращаясь к сопровождавшей ее подруге, леди Реджине Брэдфорд. В этом сезоне Феба была царицей балов. Сверкающая красота блондинки чудесно сочеталась в ней со знатным происхождением и щедрым приданым. Единственной стоявшей перед ней проблемой было решить, за кого из легиона своих поклонников она хочет выйти замуж.

Эмма неловко улыбнулась, чувствуя себя какой-то великаншей, неуклюже нависавшей над этой изящной парочкой. Она ссутулилась и прижалась спиной к стене.

— Здравствуй, Феба.

— Я знаю, почему она выглядит такой потерянной, — продолжала Феба. — Нашей Эмме гораздо уютнее в хлеву, чем в бальной зале. Что скажешь, Эмма, разве не так?

Эмма ощутила, как сжалось горло. Она бросила взгляд на Адама, который в другом конце залы увлеченно беседовал с друзьями. Ободренная его пусть отдаленным присутствием, Эмма напомнила себе, что Адам любит ее и поэтому колкости девушек значения не имеют. Но все равно они больно ранили.

— Какая ты скромная, и безыскусная, и пышущая здоровьем, — ворковала Феба, глубже вонзая коготки в несчастную Эмму. — Ты просто удивительна! Мужчины должны сбегаться к тебе стаями. Понять не могу, почему они никак не оценят твои сельские прелести.

Прежде чем Эмма успела ответить, рядом с ней внезапно возник Николай Ангеловский. Удивленно моргнув от неожиданности, она подняла на него глаза.

— По-моему, настало время танца, который вы мне обещали, кузина, — произнес он с непроницаемым лицом.

Эмма на миг лишилась дара речи, как, впрочем, и ее собеседницы. Среди блеска и роскоши бальной залы Николай в черном с белым вечернем костюме был так необыкновенно хорош, что казался нереальным. Падавший сверху свет высвечивал его суровые черты, превращая глаза в мерцающие желтые озера. Его ресницы были так длинные, что у внешних уголков глаз их золотистые кончики сплетались в пушистую бахрому.

Феба Коттерли растерянно приоткрыла рот, догадавшись, что Николай подслушал ее дешевые колкости.

— Князь Николай, — с придыханием вымолвила она, — какой чудесный вечер... то есть какой вы замечательный хозяин бала! Я получила сегодня необыкновенное удовольствие. Все просто идеально: и музыка, и цветы...

— Мы рады, что вы их одобрили, — холодно прервал ее Николай.

Эмма едва не прыснула со смеху. Она никогда еще не слышала из его уст это царское "мы". Но следовало признать, что прозвучало оно очень эффектно.

— Вы назвали Эмму кузиной? — поинтересовалась Феба. — Я и не знала, что вы и родственники.

— Мы дальние родственники, вернее, свойственники, — объяснила Эмма, игнорируя легкую усмешку, заигравшую на губах Николая.

— Наш танец, — напомнил он, предлагая ей руку.

— Но, ваша светлость, — запротестовала Феба, — вы танцевали со мной только раз, на балу у Бримфортов. Не хотели бы вы повторить?

Оценивающий взгляд Николая скользнул по фигурке Фебы вниз, до кончиков изящных ножек, затем снова поднялся вверх.

— По-моему, леди Коттерли, одного раза вполне достаточно.

Взяв Эмму за руку, он повел ее танцевать, оставив онемевшую Фебу и остолбеневшую Реджину около стены.

Эмма присела в реверансе в ответ на приглашающий поклон Николая и подала ему руку. С улыбкой, полной робкой радости, она заглянула ему в глаза.

— Благодарю вас. Я еще ни разу не видела, чтоб Фебу поставили на место. За это я у вас в долгу.

— Будем считать, что ты моя должница.

Он обнял ее за талию и закурил в вальсе. Эмма легко вторила каждому его па, их длинные ноги двигались в едином ритме. Она потрясенно молчала: никогда ранее... ни с кем не танцевалось ей так прекрасно. Это было как полет. Воздушные юбки ее белого платья вились и струились вокруг них, ноги, казалось, жили своей, отдельной жизнью. Она вдруг осознала, что окружающие смотрят на них. Некоторые пары даже отошли в сторону, чтобы лучше видеть. Эмма терпеть не могла быть в центре внимания, и жаркий румянец смущения залил ее лицо.

— Расслабься, — пробормотал Николай, и она поняла, что судорожно вцепилась в его руку.

— Простите. — Эмма тут же разжала пальцы. — Николай, почему вы никогда не приглашали меня танцевать... до сегодняшнего вечера?

— А ты бы приняла мое приглашение?

— Наверное, нет.

— Поэтому я и не приглашал.

Эмма с любопытством уставилась на человека, чьи сильные руки обнимали ее. Невозможно было понять, получает он удовольствие от танца или нет. Лицо его было совершенно непроницаемым. Двигался он с легкостью, необычной для такого высокого мужчины. Тело его казалось пружинистым, как у кошки. От него шел приятный теплый мужской запах, аромат дорогого мыла, безупречно чистой кожи.

Там, где край белого воротничка касался золотистой кожи, Эмма заметила кончик шрама. Она перевела взгляд на его плечо, внезапно припомнив, каким прибыл он в Англию семь лет назад... Почти на пороге смерти. Она как-то последовала за мачехой в дом больного Ангеловского и стала в упор его разглядывать. Ей никогда не забыть его ужасный вид: он был изможденным, бледным, едва мог поднять голову с подушки. А эти его шрамы!.. Их жуткая сетка покрывала его грудь и руки до запястий. Прежде она никогда не видела таких рубцов. Каким-то образом Николаю удалось поймать худыми пальцами локон ее волос. Кажется, он тогда говорил:

— У русских есть сказка о девушке, которая спасла умирающего князя. Она принесла ему волшебное перышко из хвоста жар-птицы. А перья у нее были красно-золотые... как твои волосы.

Эмма с презрением выдернула свой локон из его руки, но странные слова пробудили ее любопытство. Позднее она спросила Тасю, что с ним случилось, почему у него такие необычные раны.

— Николая пытали, — ровным голосом объяснила ей Тася, — а затем выслали из России за измену царю и отечеству.

— Он умрет от этих ран?

— Не от физических ран... не от них. Боюсь, что душевные раны окажутся слишком серьезны.

Эмма пыталась ему сочувствовать, но долго это не продлилось. Николай был чересчур надменным, чтобы можно было испытывать к нему жалость.

Мысли ее резко вернулись к настоящему, когда она пронеслась в танце мимо стоявшего в сторонке Адама Милбэнка. Адам с удивлением смотрел на них. Что должен был он подумать? Спина Эммы напряглась, движения стали неловкими, а Николай продолжал, вальсируя, вести ее через залу. Если бы только она могла броситься к Адаму и объяснить ему происходящее!

— Должно быть, твой друг наблюдает за нами, — проговорил Николай.

Эмма подивилась его проницательности.

— К несчастью, да

— Привкус ревности не вредит любви.

— Полагаю, вам это хорошо известно. Вы здесь нашли дорогу не в одну постель, не так ли?

По лицу Николая было видно, как забавляет его язвительный тон Эммы.

— Рыжик, ты когда-нибудь научишься придерживать свой язык?

— Вас оскорбляет моя манера выражаться?

— Нет.

— Иногда я пытаюсь быть вежливой и сдержанной. Но это длится не более получаса, а потом я снова возвращаюсь к старым привычкам. — Эмма нетерпеливо извернулась в его объятиях, чтобы взглянуть на музыкантов, разместившихся в увитом цветами алькове. —

Неужели этот вальс заканчивается? Мне казалось, он длится целую вечность.

— Разве ты не получаешь удовольствия от танца? — спросил Николай, ловя ритм после пропущенного ею шага.

— Только не когда на нас смотрит столько людей. Может быть, вам это не в диковинку, но я начинаю от этого нервничать.

— В таком случае я прекращу твою пытку. — Отведя Эмму в сторону, он выпустил ее из объятий. Затем галантным жестом поднес к губам ее пальцы. — Благодарю вас за танец, кузина. Желаю, чтобы вам повезло с вашим другом.

— О, в везении я не нуждаюсь, — самоуверенно отозвалась Эмма.

— Как знать. — Николай поклонился и широкими шагами отошел от нее.

"Никакие силы в мире ей не помогут, — размышлял он. — Никогда она не будет принадлежать другому мужчине". С самого начала их знакомства он понял, что она предназначена судьбой ему и только ему. И уже скоро, очень скоро он будет ею обладать.

Милбэнки принадлежали к тому типу европейских аристократов, которых Николай презирал больше всего: существуя на уменьшающееся с каждым днем состояние, они были либо чересчур ленивы, либо слишком горды, чтобы его восполнить или преумножить каким бы то ни было способом, за исключением разве что женитьбы на богатых невестах.

Они никогда не пытались заняться делом, иногда лишь принимали какой-нибудь номинальный пост в банке, юридической конторе или страховой компании. А еще они с поразительной цепкостью держались за свои жалкие гроши, не рискуя поместить их в выгодное предприятие.

Стоя перед парадной дверью лондонского дома Милбэнков, Николай твердо встретил вопрошающий и несколько удивленный взгляд дворецкого.

— Я хотел бы повидать лорда Милбэнка, — произнес он, протягивая визитную карточку.

Дворецкий взял карточку и сразу пришел в себя.

— Разумеется, ваша светлость. По-моему, лорд Милбэнк дома, но я могу и ошибаться. Если вы подождете в холле...

Николай ответил коротким кивком и вошел в дом. Его непроницаемый взгляд оценивающе скользил по обстановке, отмечая обтрепанные края ковра на лестнице, поцарапанную, хоть и натертую воском резьбу деревянных панелей. В воздухе стоял неистребимый запах плесени и упадка. Как он и ожидал, этот дом отчаянно нуждался в ремонте и обновлении.

Минуты через две дворецкий возвратился. Не глядя Николаю в глаза, он сказал:

— К сожалению, ваша светлость, я ошибся. Лорда Милбэнка нет дома.

— Понимаю. — Не сводя сурового взгляда с невыразительного лица дворецкого, Николай позволил молчанию неловко затянуться. Тот напрягся, лоб его покрылся потом. — Мы оба с вами знаем, что он дома, — тихо произнес Николай. — Вернитесь к лорду Милбэнку и передайте ему, что мне необходимо обсудить с ним деловое предложение. Это

не займет много времени.

— Хорошо, ваша светлость. — Дворецкий исчез с такой быстротой, что один из его начищенных башмаков оставил след на мраморном полу.

Вскоре в холл спустился лорд Милбэнк.

— Здравствуйте, князь Николай, — проговорил он с настороженной улыбкой. — Не могу представить, что привело вас сюда. Мне передали, что у вас ко мне дело.

— Дело, и притом личное...

Они обменялись оценивающими взглядами. Видимо, ощутив неприязнь за холодной сдержанностью Николая, Милбэнк невольно сделал шаг назад. Он выглядел моложе, чем показалось Николаю ранее. Смазливое лицо, карие щенячьи глаза.

— Не угодно ли вам пройти в гостиную, выпить чего-нибудь освежающего? — нерешительно предложил Милбэнк. — Может быть, чаю с тостами?

Чаю с тостами! Типично английское угощение... еще довольно щедрое. В этой стране гостям обычно ничего не предлагали. Вот в России, кто бы ни пришел, будь он друг или враг, его встречали особой едой и напитками. Николай с трудом подавил вздох, с тоской вспомнив о традиционных русских закусках — соленых огурчиках, икре, пирогах, хлебе с маслом, которые запивали холодной водкой. Да, он заново создал себе дом в Англии, но никогда ему не почувствовать себя уютно здесь, где культура и традиции настолько отличались от обычаев его родины.

— Нет, не надо, благодарю вас, — отказался он. — Это не займет много времени. Я пришел поговорить с вами о Стоукхерстах. В частности, об одном из представителей этого семейства. — Он намеренно выдержал паузу, наблюдая, как каменеет лицо Милбэнка. — Я хочу, чтобы ваши отношения с Эммой прекратились.

Бархатные карие глаза изумленно расширились.

— Я... я не понимаю. Это герцог просил вас предупредить меня, чтобы я держался подальше от его дочери?

— Не будьте глупцом, — пожал плечами Николай. — Стоукхерст вполне способен прогнать вас без моей помощи.

Милбэнк недоумевающе потряс головой.

— Значит, вы просите об этом от себя? Почему?... Что за причина у вас?

— Вам этого знать не надо.

Милбэнк резко втянул в себя воздух.

— Прошлым вечером я наблюдал, как вы танцевали с Эммой. Бог мой, что, собственно, происходит? Ведь у вас не может быть к ней личного интереса!

— Почему бы нет?

— Зачем вам такая девушка, как Эмма? Приданое ее вам наверняка не нужно.

Николай выгнул золотистую бровь:

— Вы считаете, что, кроме приданого, Эмме больше нечего предложить мужчине?

— Этого я не говорил, — поспешил возразить Адам. Лицо Николая осталось невозмутимым, но в голосе прозвучало презрение:

— Сезон вскоре закончится. Как обычно, за бортом останется несколько богатых невест, недостаточно приглядных, чтобы найти себе мужа. Они с радостью осчастливят вас своими пухлыми ручками. Если вам нужны деньги, женитесь на одной из них. Но держитесь подальше от Эммы Стоукхерст.

— Черта с два я вас послушаюсь! — Подбородок Адама задрожал то ли от гнева, то ли

от страха, то ли от взрывчатой смеси того и другого. — Я собираюсь попытать счастья с Эммой. Я, видите ли, люблю ее. А теперь убирайтесь из моего дома и никогда не возвращайтесь.

Губы Николая искривились в ледящей усмешке. Как бы убедительно ни играл Милбэнк свою роль, Николай видел насквозь все его притворство и фальшь.

— Думаю, вы меня не вполне поняли, — почти промурлыкал он.

— Если вы пытаетесь меня запугать...

— Я не оставляю вам выбора в отношении Эммы. Никаких визитов, никакой переписки, никаких тайных свиданий! Если вы попытаетесь увидеться с ней, вы причините себе ненужные мучения.

— Так вы мне угрожаете?

Всякие следы насмешки исчезли с лица Николая. С беспощадной суровостью он ответил:

— Обещаю превратить вашу жизнь в такой ад, что вы проклянете свою мать за то, что она вас на свет родила.

Казалось, воздух в комнате сгустился из-за исходивших от хозяина досады и неудовлетворенности. Спокойно выжидая, Николай с наслаждением наблюдал за очевидной внутренней борьбой Милбэнка между страхом и алчностью. Милбэнк был трусливым шакалом: он жаждал заполучить Эмму вместе с ее деньгами, но не хотел рисковать своей безопасностью.

Кровь бросилась Милбэнку в лицо.

— Я много слышал насчет разрушенных вами судеб. Наслышан о вашей жестокости... и свирепости. Если вы осмелитесь причинить вред Эмме, я вас убью!

— Никому не будет причинено никакого вреда, пока вы будете следовать моим пожеланиям.

— Зачем вам это? — хрипло произнес Милбэнк. — Каковы ваши намерения насчет Эммы? Я имею право знать!

— Во всем, что касается Эммы Стоукхерст, у вас больше нет никаких прав. — Николай поклонился с изысканной грацией и удалился, оставив дрожащего от ярости Адама Милбэнка в полной растерянности.

Весело насвистывая, Эмма вошла в холл лондонского дома Стоукхерстов, расположенного на берегу Темзы. Июньское утро выдалось прохладным, и верховая прогулка по Гайд-парку взбодрила и доставила ей удовольствие, хотя ее лошадь, красивая, но нервная двухлетка, была почти неуправляема. Раскрасневшаяся от быстрой езды, Эмма, едва войдя в холл, на ходу расстегнула короткий жакет амазонки.

— Мисс Эмма! — Дворецкий подал ей на серебряном подносе запечатанное письмо. — Оно пришло совсем недавно.

— Спасибо, Сеймур. Любопытно, от кого... — Она смолкла, узнав мелкий, идеальный ровный почерк. Письмо было от Адама. Сердце девушки от волнения забилося чаще, и она

быстро взглянула на дворецкого. — Папа или Тася знают о нем?

— Никто из них его не видел, — признался тот. Эмма улыбнулась ему самой обаятельной улыбкой:

— Не думаю, что есть необходимость сообщать им об этом. Не правда ли?

— Мисс Эмма, если вы просите меня обмануть их...

— Сеймур, ради всего святого, я не прошу вас лгать кому-либо. Просто не упоминайте об этом, пока вас не спросят. Ладно?

Он еле слышно вздохнул:

— Да, мисс.

— Вы чудный, замечательный человек! — Эмма обвила руками потрясенного дворецкого, на миг крепко сжав его в объятиях, и помчалась наверх, в свою комнату, чтобы поскорее в уединении прочитать письмо.

Она заперла дверь на ключ и бросилась на постель, не обращая внимания на кусочки засохшей грязи, посыпавшейся с юбок и сапожек на вышитое покрывало. Сломав коричневую восковую печать, она развернула письмо и нежно погладила кончиком пальца первые строчки:

"Моя дорогая Эмма!

Хотелось бы мне найти слова, чтобы передать, как сильно я тебя люблю".

Эмма на секунду остановилась и прижала письмо к губам.

— Адам, — прошептала она, и слезы счастья выступили у нее на глазах. Однако когда она возобновила чтение, улыбка постепенно сползла с ее лица и кровь отхлынула от щек.

"За последние месяцы жизнь подарила мне счастливые мгновения: я узнал тебя, испытал несказанную радость изредка держать тебя в объятиях. С глубочайшим сожалением... нет, с отчаянием... пришлось мне осознать, что какие бы то ни было отношения между нами невозможны. Твой отец никогда их не одобрит. Я понял, что мне должно распрощаться с мечтой о счастье, лишь бы не подвергнуть тебя жизни, полной лишений и жертв. Трудно быть бескорыстным, любовь моя, но честь обязывает меня вернуть тебе свободу. Я покидаю Англию и не знаю, когда вернусь.

Не жди меня. Мое самое заветное желание, чтобы ты однажды нашла свое счастье с тем, кто сможет обеспечить тебя так, как того хочет твой отец. В заключение я говорю тебе не до свидания, а прощай.

Вечно твой Адам".

На минуту в голове у Эммы помутилось, она ощутила огромную пустоту, за которой маячила страшная боль, грозившая поглотить ее целиком. "О Боже! Нет, я этого не вынесу..." Она перекатилась на бок, судорожно прижимая к груди письмо и пытаясь вздохнуть. Глаза ее были сухими. Ей было слишком больно, чтобы плакать. "Адам, ты не должен покидать меня... Ты же сказал, что будешь ждать. Ты сказал..." У нее перехватило горло. Она не замечала, что затаила дыхание, пока воздух вдруг не ворвался ей в легкие...

Один вдох... другой...

— Адам!

Она задохнулась его именем и смолкла, в отчаянии думая, сможет ли еще хоть когда-нибудь что-либо чувствовать.

Люк лежал на ковре перед камином, глядя в огонь. Тася прильнула к его груди. Они понемножку отпивали бренди из одного бокала, время от времени целуясь, чтобы разделить наслаждение его вкусом к ароматом. Гостиная, примыкавшая к их личным покоям, была наполнена золотистым сиянием и отблесками горящих поленьев.

— Где наши дети? — спросил Люк.

Тася медленно крутанула бренди в сужающемся кверху бокале и предложила ему еще глоток, осторожно наклонив край хрусталя к его губам.

— Мальчики играют в детской. Скоро время их вечернего купания. Полагаю, мне пора отправиться к ним.

— Погоди немного. — Большая теплая ладонь мужа слегка сжала ее руку выше локтя. — Сейчас самая лучшая пора дня... Вечер, и мы с тобой одни.

Тася засмеялась и потыкалась носом в нежное местечко под его колючим подбородком.

— Мне правда надо пойти помочь няне, а то мальчишки расплещут всю воду. Кроме того, я хочу посмотреть, как там Эмма. Она весь день сидит, запершись в своей комнате. Я велела повару отправить ей наверх ужин, но не знаю, притронулась ли она к нему.

Люк слегка нахмурился.

— Наверное, тоскует по этому Милбэнку.

— Возможно.

— Я был уверен, что она уже переболела этим и не думает о нем. Мы можем что-то предпринять, чтобы ускорить ее выздоровление?

— Ты явно никогда не страдал от мук безответной любви, — сухо заметила Тася.

— Страдал. Из-за тебя.

— Едва ли! Ты решил, что любишь меня, и уже два дня спустя заявился ко мне в постель.

— Это были самые длинные два дня в моей жизни.

Тася расхохоталась от прочувствованного тона, каким это было сказано. Она отставила бокал с бренди и обвила руками его талию. Ее ладони легко легли на спину мужа.

— И с тех пор мы были вместе почти каждую ночь.

— За исключением вмешательства Ангеловского, — мрачно напомнил Люк.

— Шшш... — Тася прижалась ртом к его губам. — Мы ведь договорились простить и забыть об этом. Прошло уже семь лет.

— Я не забыл.

— И кажется, не простил. — Тася уставилась в прищуренные сапфировые глаза и медленно покачала головой. — Ты, мой дорогой, второй по упрямству человек из всех, кого я знаю.

— Только второй?

— Думаю, Эмма будет поупрямее, хоть и ненамного.

Люк, ухмыляясь, склонился над ней.

— Это все кровь Стоукхерстов, — объяснил он. — Мы не можем себя переупрямить и стать кроткими.

Тася хихикнула, отворачиваясь, чтобы уклониться от его поцелуев.

— Ты все сваливаешь на кровь Стоукхерстов!

Он стал любовно покусывать ее шею, а она, пугаясь щекотки, пыталась вырваться.

— Мы упрямые и страстные... Дай мне это тебе доказать...

— Я уже получила твои доказательства... в полной мере. — Она задыхалась от смеха.

Внезапно их шаловливые игры прервал резкий стук в дверь. Тася подняла глаза и увидела над собой фигуру Эммы. Оторвавшись от мужа, она постаралась сесть поправее.

— Эмма, дорогая... — В этот момент она разглядела бледное, осунувшееся лицо падчерицы и смолкла в тягостном предчувствии.

Оно, видимо, передалось и Люку. Он резко выпрямился и встревоженно произнес:

— Эмма?

— Простите, что прервала вас, — холодно проговорила девушка.

— В чем дело? — взволнованно спросила Тася. — Что-то случилось? У тебя расстроенный вид...

— Со мной все в порядке. — Разжав кулак, Эмма швырнула к ногам Люка скомканный листок бумаги. Огонь камина бросал на него красновато-золотистые отблески. — Надеюсь, папа, тебя это порадует.

Не сводя глаз с напряженного лица дочери, Люк молча поднял листок.

— Прочти, — резко бросила Эмма. — Это от Адама. Он потерял надежду жениться на мне и покидает страну... на время. Из-за тебя у меня больше никого не будет. — Крохотная жилка нервно задергалась у нее на щеке. — Я никогда не прощу тебе, что ты отнял у меня единственный шанс быть любимой.

На лице Люка отразилось глубокое огорчение.

— Адам Милбэнк тебя не любил, — тихо произнес он. Губы Эммы искривились в горькой усмешке:

— Кто дал тебе право судить об этом? А если любил? Если это была настоящая любовь? Почему ты так уверен, что не ошибаешься? Мой отец... такой мудрый, такой благородный... такой, черт бы его побрал, идеальный, что может заглянуть в чужое сердце и оценить его как судья! Как приятно быть непогрешимым!

Люк ничего не ответил.

— Ты просто не хочешь, чтобы я вышла замуж, — продолжала Эмма, все больше распаляясь. — Разве что за какого-нибудь бесхребетного болвана, за марионетку, которым ты смог бы управлять, как тебе захочется... как ты управляешь всем и всеми вокруг...

— Довольно, — прервала ее Тася. Страдающий взор Эммы обратился к Тасе.

— Ты ведь не думаешь, что я причинила ему боль? Лишь слова человека, которого любишь, могут ранить... Но я не отношусь к привилегированному кругу тех, кого мой отец любит.

— Это не правда, — охрипшим внезапно голосом произнес Люк. — Я люблю тебя, Эмма.

— Неужели? Я-то думала, что любить человека означает желать ему счастья. Что ж,

папа, можешь оставить себе свою так называемую любовь. Мне уже хватило ее на всю оставшуюся жизнь.

— Эмма...

— Я тебя ненавижу. — Она содрогнулась от обуревавших ее чувств. Тяжкая тишина сгустилась в комнате. Эмма круто повернулась и пошла прочь.

Тася очнулась первой. Осторожно взяв у Люка письмо, она молча начала его читать. Люк продолжал сидеть, опустив голову. По лицу его ничего нельзя было понять.

Прочитав письмо, Тася с отвращением бросила его и презрительно воскликнула:

— Какая мелодраматическая чушь! Он изображает себя и Эмму в роли преследуемых роком несчастных любовников. А злодеем, их разлучившим, разумеется, выступаешь ты. Адам бросает ее по долгу чести и возлагает на тебя вину за их разлуку.

Люк поднял голову. Он был бледен, губы крепко сжаты.

— Кого же винить, кроме меня?

— Ты хотел как лучше.

Мгновенная защита жены вызвала теплый блеск в глазах Люка, но он устало покачал головой.

— Эмма права. Я должен был допустить возможность того, что Милбэнк на самом деле ее любит, но... — Он оборвал фразу и нахмурился. — Мы ведь с тобой оба знаем, что он просто паразит.

— Боюсь, это ясно всем, кроме Эммы.

— Неужели я должен был разрешить ему ухаживать за ней, зная, что он неизбежно причинит ей боль? Господи, не знаю, что делать с упрямыми дочерьми! В одном я не сомневаюсь: она слишком хороша для Милбэнка. Я не мог спокойно наблюдать, как он воспользуется ее неопытностью.

— Нет, разумеется, нет, — мягко проговорила Тася, — для этого ты слишком ее любишь. Да и Мэри никогда не захотела бы подобного мужа для своей дочурки.

Упоминание имени первой жены окончательно лишило Люка самообладания. Он со стоном отвернулся и уставился в огонь.

— Эмма столько лет была одинока после смерти Мэри... Мне надо было ради нее сразу жениться. Ей была необходима женская рука. Я должен был понять, каково ей расти без матери, а не думать только о себе.

— Ты ни в чем не виноват, — настойчиво возразила Тася. — И Эмма вовсе не испытывает ненависти к тебе.

Люк безрадостно засмеялся:

— Значит, она очень умело притворяется.

— Она сейчас очень расстроена и сердита. Ей больно, что Адам покинул ее, а ты — самая подходящая и доступная мишень для упреков. Я поговорю с ней, когда она остынет. С ней все будет в порядке.

Тася взяла в ладони лицо мужа и повернула к себе, заставляя его посмотреть ей в глаза. Серо-голубые, обычно чуть холодноватые, сейчас они были полны любви и нежности.

— Возможно, ты прав, что Эмме нужна была мать, когда она подрастала, — прошептала Тася. — Но я рада, что ты не женился ни на ком другом. Я эгоистично радуюсь, что ты дождался меня.

Люк прислонился лбом к ее округлому плечу, черпая утешение в ее близости.

— Я тоже, — приглушенно отозвался он.

Тася улыбнулась, поглаживая его черные волосы. Рука ее задержалась на серебристых нитях, поблескивающих на висках. Для всего остального мира Люк оставался сильным,

уверенным в себе и непроницаемым. Только с ней он раскрывался, поверяя ей свои сомнения, чувства, сокровенные тайны сердца.

— Я люблю тебя, — прошептала она ему на ухо и слегка коснулась мочки кончиком языка.

Люк нашел ее рот и жадно поцеловал, судорожно притянув к себе.

— Я благодарю Бога, пославшего мне тебя, — произнес он, увлекая ее на ковер.

По окончании лондонского сезона все семейство Стоукхерстов со слугами и животными переехало в обширное загородное поместье. Расположенный на покато холме над маленьким уютным городком, Саутгейт-Холл представлял собой живописное здание, возведенное на руинах старинного замка, вернее, норманнской крепости. Вычурные башенки особняка, узорчатый фасад, в рисунке которого великолепно сочетались кирпич и стекло, изумительно подошли бы для какой-нибудь волшебной сказки. Здесь семья рассчитывала несколько месяцев отдыхать от зловонной лондонской сырости, время от времени принимая друзей и родственников.

Эмма большую часть времени проводила в одиночестве. Она разъезжала верхом по зеленым лугам и лесам или работала в своем зверинце, разместившемся в четверти мили от Саутгейт-Холла. Бесконечные заботы о животных отвлекали ее от мыслей об Адаме. Днем она уставала до того, что все мышцы ныли от напряжения, зато ночью спала как убитая. Однако ее не покидало ощущение утраты. Она не могла смириться с тем, что ей больше никогда не быть с Адамом.

Самым плохим для нее временем дня был ужин. Эмма заталкивала в себя еду и торопилась выскочить из-за стола, не в силах выносить общество собственной семьи. Никогда еще она так не злилась на отца. Именно он был виновником каждой минуты, проведенной ею в одиночестве. Отец пытался подступиться к ней с извинениями, но она оставалась холодна и не прощала его. По мнению Эммы, сердечность доверительных отношений, существовавших между ними, была утрачена навсегда, не было никакой надежды их вернуть. Что-то в них непоправимо надломилось.

Казалось несущественным, что была доля правды в словах отца, будто Адаму хотелось завладеть ее приданым. Разумеется, деньги привлекали его. Адам этого и не скрывал. Но кроме того, он любил ее саму. Они бы прекрасно зажили вместе. Теперь все это ушло навсегда. Эмма убедила себя, что замуж не выйдет. Она не собиралась становиться женой какого-нибудь толстого пожилого вдовца или глуповатого зануды только ради того, чтобы называться замужней дамой.

Всякую ценность на брачном рынке она уже потеряла. Каждый сезон в свете появлялось множество девиц моложе и красивее ее. Именно они захватывали достойных внимания холостяков. Отец и Тася не видели в ней недостатков, очевидных для всех остальных. Они, казалось, не сознавали, что Адам был ее единственной надеждой на замужество.

— Эмма, а животные когда-нибудь женятся? — спросил ее однажды шестилетний братик Уильям, наблюдая, как она чистит клетку шимпанзе.

Ее стареющая обитательница Клео запустила кожистые пальцы в черные волосенки Уильяма в бесплодных поисках насекомых. Дверь строения оставалась открытой, чтобы свежий ветерок выдувал едкий звериный запах.

Бросив работу, Эмма оперлась на грабли и улыбнулась ему:

— Нет, Уильям, вернее, не так, как люди. Но некоторые животные находят себе пару на всю жизнь. Например, волки. Или лебеди.

— А что значит "пара"?

— Это как твои отец и мать... Два существа, которые верны друг другу всю свою жизнь.

— А обезьяны тоже верны друг другу всю жизнь?

Оттолкнув ищущие пальцы Клео, Уильям заглянул в томные бархатисто-карие глаза шимпанзе. Та вытянула губы трубочкой и, вопросительно фыркнув, вновь потянулась к его волосам.

— Нет, — сухо ответила Эмма, — они не так разборчивы.

— А тигры?

— И тигры тоже.

— А люди сходятся на всю жизнь?

— Большинство, — кивнула она. — Когда им это удастся.

— А когда им это не удастся, они становятся старыми девами, как ты и Клео?

Эмма рассмеялась, стряхивая с одежды приставшие соломинки:

— Что-то вроде того.

Внезапно новый голос ворвался в их разговор:

— Твоя сестра слишком молода и прелестна, чтобы быть старой девой.

Эмма и Уильям разом обернулись и увидели на пороге в потоке слепящего света Николая Ангеловского. Окинув критическим взглядом шимпанзе, он добавил:

— Боюсь, не могу сказать того же о Клео. Клео взвизгнула и заукала, а Уильям бросился со всех ног к неожиданному посетителю. Эмма криво улыбнулась, подумав, что никто не может остаться равнодушным к тому покоряющему сочетанию тайны и обаяния, которое составляло характерную особенность Николая.

— Князь Николай! — захлебнулся от восторга мальчуган. — Здравствуй-ти!

— Здравствуйте, Уильям, — отозвался Николай, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ребенком. Он улыбнулся, когда Уильям старательно повторил за ним приветствие. — У тебя отличный выговор. Твоя мать хорошо тебя выучила. Только мальчик, в жилах которого течет русская кровь, может выговорить это так чисто.

— Во мне течет и кровь Стоукхерстов тоже, — гордо откликнулся Уильям.

Николай через голову мальчика поглядел на Эмму.

— Да, мощное сочетание, не так ли?

Эмма с каменным лицом смотрела на него. Хотя у Николая давно вошло в привычку время от времени навещать Саутгейт-Холл, выпивать бесчисленное количество чашек китайского караванного чая и беглой скороговоркой обсуждать что-то по-русски с Тасей, он до этой минуты никогда не заглядывал в зверинец. Это был ее маленький личный мирок, в который никому не было доступа без особого приглашения.

— Что вам угодно, Николай? Он загадочно улыбнулся:

— Я до сих пор ни разу не видел твоего зверинца. Мне хотелось бы посмотреть.

— Я работаю, — коротко ответила Эмма. — Не сомневаюсь, что вы сумеете найти себе лучшее развлечение, чем наблюдать, как я кормлю зверей и выгребая навоз.

— Не уверен.

Губы Эммы искривила усмешка.

— Оставайтесь, если хотите.

Она закончила выгребать грязную солому из клетки шимпанзе и разбросала в ней свежую. Затем махнула рукой Клео, чтобы та вернулась внутрь:

— Возвращайся, старушка. Заходи обратно — Шимпанзе бурно затрясла головой и оскалилась. — Да, да, понимаю. — Эмма продолжала указывать на клетку. — Мы поиграем позже, Клео. Позже.

Недовольно бормоча что-то себе под нос, обезьяна подобрала из маленькой кучки игрушек тряпичную куклу, и гибкое жилистое тело в мгновение ока взлетело по лесенке почти к потолку: проволочной клетки. Взобравшись наверх, она уселась на деревянном помосте и, насупившись, посмотрела вниз.

Эмма закрыла дверцу клетки и обернулась к брату:

— Уильям, тебе пора возвращаться домой.

— Можно, я останусь с Клео? — молящим голосом произнес Уильям, не сводя жалобных глаз с шимпанзе.

— Ты же знаешь правило: без меня никаких посещений животных. Мы навестим ее позднее, ближе к вечеру.

— Ладно, Эмма.

Когда мальчик ушел, Эмма обернулась к Николаю. Он был в черных бриджах для верховой езды и белой рубашке, оттенявшей его смуглую кожу и золотистые волосы, которые сегодня выглядели скорее каштановыми. От легкой испарины его кожа поблескивала, словно он был статуей, отлитой из драгоценного металла. Густые ресницы, окаймлявшие его желтые глаза, сверкали, как нити света.

Впервые с того момента, как Адам отрекся от нее, Эмма ощутила, что в глубине души пробуждается какое-то иное чувство, кроме гнева и горечи, — странная смесь волнения, растерянности и возбуждения. Осознав внезапно, что уставилась на него пристальным взглядом, она отвернулась и стала качать ручку насоса, пока не потекла ровная струя воды.

Николай шагнул вперед и взялся за ручку насоса:

— Позволь тебе помочь.

— Нет, — поспешно проговорила она, локтем отталкивая его. — Я справлюсь сама.

Николай пожал плечами и отступил назад, внимательно наблюдая, как она наполняет поилку. Мускулы Эммы напряженно ходили под мокрой от пота рубашкой. Узкие, облегающие брюки четко обрисовывали стройные ноги, бедра и ягодицы. На миг ему вспомнилось, как выглядела она на балу: легкое белое платье, туго зачесанные волосы. Он предпочитал видеть ее такой, как сегодня: сильной, ловкой, раскрасневшейся от работы. Она была необыкновенной... необычной! Никогда не приходилось ему встречать аристократки, которая бы работала физически, словно крестьянка. Почему она взялась сама ухаживать за животными, вместо того чтобы приказать это слугам?

— Не часто представляется мне возможность видеть женщину в брюках, — сказал он. — По правде говоря, это происходит впервые.

Эмма резко выпрямилась и бросила на него настороженный взгляд.

— Вы шокированы?

— Чтобы шокировать меня, понадобится нечто большее. — Он окинул ее восхищенным взглядом. — Ты напомнила мне строку Тютчева:

Люблю, когда лицо прекрасной Зефир лобзаньем пламенит...

Очевидно решив, что он насмехается над ней, Эмма яростно сверкнула глазами и отвернулась к поилке.

— Я не люблю стихов.

— Что же ты тогда читаешь?

— Ветеринарные журналы и газеты. — Она с усилием подняла тяжелое ведро.

Николай машинально попытался ей помочь:

— Разреши...

— Я привыкла, — угрюмо буркнула она. — Отпустите.

Николай с усмешкой поднял руки, как бы сдаваясь:

— Ради Бога.

Эмма насупила густые рыжеватые брови и показала на стоящее рядом второе ведро:

— Если хотите помочь, берите это.

Николай подчинился и несколькими ловкими движениями закатал рукава. Ведро больше чем наполовину было наполнено свежими мясными обрезками. Их было, наверное, фунтов двенадцать. В нос ему ударил запах крови, и он помедлил, перед тем как поднять ведро.

— Брезгуете? — язвительно осведомилась Эмма. — Такая работа вам претит? Ниже вашего достоинства?

Николай ничего не ответил, хотя она была права. У него никогда в жизни не возникало необходимости или потребности заниматься подобным трудом. Физическую нагрузку мужчинам его круга доставляли верховая езда, охота, фехтование и кулачные бои.

Когда он наконец подхватил ведро и поднял его, запах крови усилился. Густой, сладковатый... Он замер, пальцы словно окостенели. Воспоминания нахлынули, захлестнули мозг. Мучительные, мрачные картины!.. Он боролся с ними, пытаясь прогнать прочь, но они затопили его алым приливом.

Кровь сочится, течет по груди. Спину жжет от ударов плетей, грубая веревка впилась в запястья, пропахав глубокую борозду до мяса. Царский дознаватель Львов легкими перстами коснулся его лица, не давая каплям едкого соленого пота попасть в глаза. Хоть и славился Львов изощренностью в пытках, но, кажется, не получал от этого удовольствия.

— Может, хватит? — тихо спросил он, — Может, теперь признаетесь, ваша светлость?

— Я ничего не сделал, — прохрипел Николай.

Это было ложью, и они оба прекрасно это понимали.

Он был убийцей. Он убил Савелия Щуровского, царского любимца и советчика. Однако, поскольку доказать это не удавалось, его обвинили в измене. Дни были бурными: реакционеры и реформаторы шли стенка на стенку, царю грозила опасность со всех сторон. Не требовалось никаких улик или доказательств для того, чтобы заключить человека в

тюрьму на неопределенное время, достаточно было лишь подозрения.

Уже неделю Николая подвергали ежедневным допросам. Львов и его подручные пытали зверски, держа свою жертву между жизнью и смертью. Николай превратился в страдающее животное, ожидающее прихода минуты, когда муки окончатся и могила навсегда скроет в себе его тайны.

Львов вздохнул и повернулся к своим помощникам:

— Подайте снова кнут.

— Нет! — вскричал Николай, содрогаясь всем изболевшимся обнаженным телом. Он больше не выдержит обжигающих ударов кнута, сдирающих мясо до кости под монотонное жужжание голоса допросчика: "Вы сочувствуете нигилистам? Вы согласны с политикой царя?" Ирония состояла в том, что он никогда не интересовался политикой. Его заботили только семья и принадлежащие ему земли. Львов взял с жаровни, полной горящих углей, раскаленную кочергу и поднес ее к самому лицу Николая:

— Может, вы, ваша светлость, предпочтете это кнуту?

От близости жаркого металла Николая затрясло крупной дрожью. Он кивнул, и голова его, упав на грудь, так и повисла. Слезы и пот бежали по лицу и капали с подбородка...

— В чем дело? — спросила Эмма. Она посмотрела на его по локоть открытые руки, и лицо ее стало замкнутым. Глаза метнулись вверх, ловя его взгляд. — А-а, — негромко протянула она.

Николай напрягся. Обычно он держал рукава застегнутыми на запястьях. Странно, что он забыл спрятать руки от Эммы. Впрочем, они не должны были ее удивить. Она видела их раньше... еще ребенком.

Он медленно выдохнул и усилием воли заставил себя расслабиться.

— Что-то ты сегодня раздражительна, — произнес он с деланной небрежностью. — Я чем-то обидел тебя, кузина?

Поняв его желание поменять тему, Эмма двинулась дальше. К великому его облегчению, она не стала упоминать о шрамах, а дерзко заметила:

— Последнее время весь ваш мужской род меня раздражает.

— Из-за того, что лорд Милбэнк тебя бросил?

— Он меня не бросил, его прогнали прочь, и... — Она внезапно обернулась, расплескав воду из ведра. — А вы откуда знаете? О Боже, об этом уже говорят в Лондоне? Неужели сплетники уже прознали обо всем?

— Ходят слухи...

— Проклятие! — Эмма покраснела. — Ну, и пусть, мне все равно, что там говорят. Пусть сплетничают! — Она сгорбилась, словно стараясь этим защитить себя. — Знаете, Адам не виноват. Просто мой отец повел себя как современный Чингисхан. У Адама не оставалось никакого выбора, кроме как оставить меня и зажить своей жизнью.

— Милбэнк был слишком слабым для тебя.

— Вы ничего об этом не знаете.

— Если ты была ему нужна, он обязан был бороться за тебя.

— Адам для этого слишком цивилизованный человек, — не сдавалась она.

— Цивилизованный? — переспросил Николай, взглядом заставляя ее смотреть ему в глаза. — Значит, ты хочешь такого мужчину?

Глаза Эммы невольно заискрились смехом. Она поглядела на свои замызганные брюки и рубашку.

— Пожалуй. Я сама настолько нецивилизованная, что нуждаюсь в ком-то противоположном для уравнивания. Согласны со мной?

— Нет, — тихо возразил он. — Тебе нужен человек, который позволит быть такой нецивилизованной, как тебе хочется.

Улыбка застыла на губах Эммы, она покачала головой:

— Ну и хорошенькое зрелище это будет!..

Она повела его в соседнее строение, где в просторной клетке металась ржаво-рыжая лисица. Животное лоснилось и выглядело здоровым, но передвигалось неровными скачками. Николай вздернул брови и, приглядевшись, заметил, что у лисицы нет передней лапы.

— Это лис. Я назвала его Престо. Как в музыке, — объяснила Эмма, — потому что он быстрый и ловкий.

— Видимо, все-таки недостаточно ловкий, если не сумел сохранить все свои лапы.

Лис бойко подскочил к поилке, которую Эмма наполнила до краев. Несколько глотков, и он обратил все внимание на Эмму. Блестящие темные глазки зверя пристально наблюдали, как Эмма вытаскивала из кармана яйцо.

— У меня для тебя лакомство, Престо, — зазывным тоном проговорила девушка. Она очистила вареное яйцо и просунула его сквозь прутья клетки.

Подрагивая от возбуждения, лис придвинулся поближе.

— Он попался в капкан. — С привычной сноровкой Эмма вовремя выпустила из пальцев яйцо. Престо тут же его подхватил и в два укуса с ним расправился. — Он отгрыз себе лапу, чтобы освободиться, и был полумертвым от потери крови и изнеможения. Если бы я тогда не нашла его, он сейчас украшал бы собой плащ или муфту какой-нибудь дамы...

— Ради Бога, — вежливо произнес Николай, — побереги свое красноречие для членов клуба... как там он называется? Друзья животных или что-то в этом роде?...

— Королевское общество гуманного обращения с животными.

— Вот именно.

В ответ Эмма, обернувшись через плечо, удивила его проказливой улыбкой. Ни у какой другой женщины на свете не было такой улыбки, лукавой и быстрой, как солнечный зайчик. Перед ней невозможно было устоять.

— Если хотите и впредь навещать мой зверинец, Ник, терпите мое красноречие.

Николай чуть вздрогнул, услышав свое сокращенное имя. Так его звали лишь немногие друзья детства в России. В устах Эммы, произнесенное по-английски звонко и четко, оно прозвучало странно и необычно. Он вдруг ощутил потребность скрыться от ее безыскусной улыбки, по-детски незамутненной ясности взгляда. Однако он остался из-за необходимости докончить начатое: осторожно заманить ее в расставленные силки.

— Я не вижу смысла в подобных речах, — услышал он собственный голос. — По крайней мере до тех пор, пока не будет найдено замены продуктам, которые дают животные... включая мясо на вашем столе.

— Я — вегетарианка. — Поняв по выражению его лица, что этот термин ему не знаком,

Эмма объяснила:

— Так у нас в Англии называют тех, кто не ест мяса. — Она рассмеялась при виде его поднятых бровей. — Вы удивлены? А разве в России нет вегетарианцев?

— У русских к еде три требования: побольше мяса, чтобы кости были крепкими, а кровь жаркой, черного хлеба, чтобы набить желудок, и водки, чтобы жизнь была веселее. Дайте русскому тарелку зелени, и он скормит ее корове.

На Эмму его слова не произвели особого впечатления.

— Я ем зелень каждый день.

— По-моему, душенька, ты доводишь свои взгляды до крайности. — По глазам Николая видно было, как его забавляет их разговор. — Когда же это ты решила прекратить есть мясо?

— Кажется, лет в тринадцать или чуть позже. Однажды вечером за ужином посреди разговоров я посмотрела на тарелку, где лежала жареная дичь, и вдруг поняла, что ковыряю трупик птицы... Увидела ее тоненькие ребрышки, жилки, мышцы, кожицу... — Ее передернуло при этом воспоминании. — Я извинилась, вышла из-за стола, а когда добралась до своей комнаты, меня вырвало. Мне было дурно несколько часов.

— Странное дитя, — улыбнулся Николай.

— Так все говорят. — Эмма махнула рукой, приглашая следовать за ней, и они направились к двери в соседнее строение. На ходу она искоса посмотрела на него. — Каким русским словом вы меня обозвали?

— Душенька.

— Что оно означает?

— Возможно, когда-нибудь я тебе объясню.

В ответ она сдвинула брови:

— Я, пожалуй, спрошу вечером у мачехи.

— А вот это будет неразумно.

— Почему? Это плохое слово? Ругательство?

Николай не успел ответить, а они уже вошли в строение. Несмотря на то что в помещении было много света и воздуха, проникавшего сквозь зарешеченные окна и двери, едкий кошачий запах ударил Николаю в ноздри. Однако он тут же забыл про вонь, когда увидел, как устремился к Эмме огромный полосатый зверь. Его остановила лишь железная решетка. Великолепный тигр со шкурой яркого красно-оранжевого цвета, с широкими черными полосами и белыми усами. Николай никогда не видел такого большого зверя... тем более так близко.

— Вы принесли его мне котенком. Помните?

— Разумеется, — тихо откликнулся Николай.

Это был единственный его подарок Эмме, тогда еще двенадцатилетней девочке. Он обнаружил больного тигренка в какой-то захудалой лавчонке, полной экзотических животных, купил и принес ей. С тех пор он этого зверя не видел.

Эмма присела около решетки на корточки и заворковала, словно разговаривала с ребенком:

— Маньчжур, это князь Николай.

Огромная кошка уселась у решетки и сонно, с видом полного удовлетворения уставилась на них из-под полузакрытых век. В стенке было прорезано отверстие, через которое Маньчжур мог выбираться в наружный загончик и греться на солнышке. Сейчас его лапы и брюхо были мокрыми: перед их приходом он нежился в неглубокой ванне с водой.

— Ну разве он не красив? — спросила Эмма с материнской гордостью. — Посмотрите, какие у него огромные лапы. Знаете, тигры убили больше людей, чем любые другие кошачьи. Они на удивление непредсказуемы.

— Как чудесно, — сухо проронил Николай. У него перехватило дыхание, когда Эмма просунула руку через прутья решетки в клетку и стала почесывать шею тигра.

— В Азии, откуда родом Маньчжур, тигра считают символом реинкарнации, возрождения в другой жизни. — Эмма перевела глаза с Маньчжура на Николая. — По правде говоря, вы с ним похожи. Возможно, ваша светлость, вы были в прежней жизни тигром.

— Не лезь в клетку дальше.

Николай произнес это мягко, но в голосе прозвучала нотка, заставившая и Эмму, и тигра вопросительно оглянуться на него.

Эмма еще дальше просунула руку в клетку и стала гладить тигра сильнее.

— Если вы не забыли, у него нет когтей, — сказала она. — Их вырвали по приказу первого владельца. Маньчжур никогда не сможет сам добыть себе пропитание. Он никогда не узнает свободы. Бедный котенок!

Она смотрела на тигра взглядом, полным любви и жалости. Из груди тигра вырвалось громовое любовное мурлыканье, он нежно уставился на Эмму, как детеныш на мать. Николай заметно напрягся и смог расслабиться, лишь когда она убрала руку из клетки.

— Не стоит волноваться, — заметила она. — Маньчжур считает меня другом.

— Или закуской перед обедом. — Николай поднял ведро с мясными обрезками. — Полагаю, это предназначается ему?

Тигр вскинул голову и с живым интересом посмотрел на ведро.

Эмма выпрямилась и взяла ведро из рук Николая. Затем с большой сноровкой вытрясла из него в клетку сочащиеся кровью куски.

— Приятного аппетита, Маньчжур.

Удовлетворенно заурчав, тигр принялся за еду. Эмма скорчила гримаску и засмеялась.

— Отвратительно. Я окружена плотоядными. — Она вытерла руки о штаны и ухмыльнулась, глядя на Николая. — Ну как вам нравится ходить с грязными руками, ваша светлость? Наверное, ощущение для вас новое.

Он медленно приблизился к ней:

— По-моему, Эмма, ты стараешься меня раззадорить.

Сомкнув пальцы на тонком запястье, он поднял ее руку, поглядел на раскрытую ладонь, потом медленно перевернул ее.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Эммы, она отпрянула, ощущая неловкость и смущение. Рука ее была в мозолях, шершавая и красная. Пальцы длинные и тонкие, однако ногти безжалостно коротко подпилены. От запястья до кончиков пальцев руку испещряли бесчисленные белые шрамы и шрамчики — следы царапин от когтей и зубов. После ухоженных ручек холеных дам, к которым привык Николай, ее руки должны были его просто ужаснуть.

— На руку леди не похоже, не так ли? — прошептала она. Он погладил большим пальцем тонкую сетку голубоватых жилок, светившихся под белой кожей запястья.

— Это рука женщины.

Эмма нервно попыталась отнять руку.

— Что вы от меня хотите? Зачем вы здесь?

Он только крепче сжал пальцы.

— Я получаю удовольствие от твоего общества.

— Быть этого не может.

— Почему? Ты умна, занимательна... и очень красива.

— Ах негодяй! — взорвалась Эмма. — Не смейте надо мной смеяться!

— Неужели ты так низко себя ценишь? Я вовсе не смеюсь над тобой. — Не обращая внимания на ее гнев, он взялся за другое запястье. — Моя рыженькая, с красными кудрями, — мягко пробормотал он. — В старину в России "красное" означало еще и "прекрасное".

Эмма попыталась вырвать руки.

— Что вы себе позволяете?

— Я говорил, что однажды поцелую тебя, а я всегда держу слово.

Ее мускулы напряглись от усилия высвободиться из жесткой хватки.

— Если вы не уберете от меня руки, я вам оба глаза подобью. Может, вы не заметили, что я такого же высокого роста, как вы!

Николай легонько подтолкнул ее к ближайшей стене.

С приглушенным стуком плечи ее мягко ударились о деревянную перегородку.

— Не совсем. — Он слегка наклонился к ней, прижав ее руки к бокам. — А весишь ты вдвое меньше.

— Я... я пожалуйюсь папе! — В прошлом/ей приходилось несколько раз произносить эти слова, и они всегда производили эффект. Все боялись ее отца.

— Неужели пожалуешься? — Глаза Николая заискрились: слова эти явно его позабавили. — Что ж, будет очень интересно.

Эмма отвернулась, понимая, что допустила ошибку. Ей следовало ответить презрением, следовало рассмеяться и сказать, что он выглядит нелепо. Вместо этого она сорвалась, разозлилась, сделав именно то единственное, что могло лишь усилить его интерес.

Он выпустил ее руки и склонился ближе, телом прижимая ее к стенке. Затем медленно наклонил ладонь ее тяжелую косу и довольно сильно потянул за нее, оттягивая голову Эммы назад. Его рот навис над ее губами... близко, но не касаясь.

Она ощущала на губах жар его дыхания... Ее начало трести... Каким-то незнакомым, низким голосом она проговорила:

— Так что вы там собирались делать? У меня много работы.

В тот же миг она почувствовала его рот, жестоко напавший на ее губы. Впрочем, нападение закончилось так же быстро, как и началось. Он поднял голову и уставился на нее сверху вниз сверкающими глазами из-под золотых ресниц. От страстного поцелуя губы Эммы покалывало. Она осторожно облизала их и ощутила легкий привкус сладкого чая.

— Оставьте меня в покое, — Неуверенно прошептала она.

Его высокие скулы, казалось, заострились еще больше. В своей суровой неподвижности лицо его выглядело экзотически восточным.

— Я не закончил.

Эмма внезапно напряглась, пытаясь его оттолкнуть. Но мужские руки лишь теснее сомкнулись вокруг нее. Она забилась в них, но вынуждена была покориться мощи притиснувшего ее тела. Николай вновь наклонил голову, целуя ее с силой и страстью, раз и навсегда вытеснившими воспоминания обо всех других мужчинах. Никогда больше не сможет она вызвать в памяти милую неуклюжесть своего первого поцелуя с деревенским мальчишкой и даже нежные объятия с Адамом Милбэнком. Свирепая страсть Николая

словно заклеила Эмму, не оставляя места ничему и никому другому. У нее закружилась голова от быстроты, с которой все переменялось. Он перестал быть великолепной, но непонятной фигурой, маячившей где-то на дальнем краю ее жизни. Внезапно он оказался близкой, сиюминутной реальностью, заставил понять, прочувствовать его с такой стороны, которая никогда не приходила ей в голову. Никогда не смела прийти...

Большие ладони легли ей на спину, заскользили вдоль спины, дошли до крутизны бедер. Под рубашкой и брюками на ней были надеты только легкая сорочка и тонкие полотняные панталоны. Никакого корсета с косточками и шнуровкой, никакой защитной прослойки, которая бы скрывала формы ее тела. Она понимала, что он может ощутить упругую мягкость ее груди и естественный изгиб талии. Стыд и желание яростно столкнулись в ней, заставив слепо качнуться к нему. Она готова была обхватить его руками, прижать к себе ближе, теснее, запустить пальцы в его изумительные волосы. Кожа и плоть ее горели там, где соприкасались с ним... Грудь, ноги, живот... Господи Боже, как ей хотелось притянуть его руки к своему телу!

Губы его оторвались от ее рта, и она издала слабый стон разочарования. Руки Эммы барахтались в складках его рубашки, бессмысленно терзая ее. Он пробормотал что-то по-русски, его жаркое дыхание пронзало ее волосы, лаская и обжигая кожу головы. Постепенно пальцы ее расслабились и тихо легли ему на плечи. Открыв глаза, Эмма увидела через его плечо, что Маньжур наблюдает за ними влажными немигающими глазами, а хвост его слегка подергивается. Она отдернула руки от Николая и стала нервно поправлять рубашку и пояс.

Николай отступил на шаг и, невозмутимо поглядев на нее, тихо сказал:

— Если тебе когда-нибудь что-то понадобится, можешь прийти ко мне. Я хочу стать твоим другом, Эмма.

— По-моему, у вас и так достаточно друзей.

Большим пальцем он пригладил ей темно-красную шелковистую бровь.

— Не таких, как ты.

— Друзей так не целуют.

Он небрежно коснулся указательным пальцем ее щеки.

— Не будь ребенком, Эмма.

Его замечание больно уязвило Эмму, и она отозвалась самым надменным тоном, какой сумела изобразить:

— Какой прок нам обоим в этой дружбе?

Его пальцы скользнули по щеке, приподняли подбородок, и девушка вся напряглась. Чуть коснувшись губами ее губ, он ответил:

— Возможно, мы узнаем это потом... Рыжик.

Затем он отпустил ее, но она продолжала стоять, прислонившись к стене, полузакрыв глаза, пока он не ушел.

Весь конец недели Эмма не могла ни о чем думать, кроме визита Николая и возможных

причин его поведения. Ей было непонятно, чего он добивается. Ведь наверняка он не стремился завести роман с ней, эксцентричной дочерью английского герцога, когда столько красивых женщин Лондона пылко стремились залучить его в свои постели. Она была не настолько глупа, чтобы поверить, будто он и вправду хочет ее дружбы. Он наслаждался обществом аристократов, ученых, артистов, политиков, бросавшихся бегом навстречу, стоило ему лишь щелкнуть пальцами. Нет, общества ему всегда хватало... любого.

Однако не успела она убедить себя, что оказалась просто минутной забавой для него, как он снова явился с визитом. Эмма находилась в своей комнате. Нежась на утреннем солнышке, она сидела на подушке в глубокой нише окна и читала роман. Ее пес Самсон, дворняга с большой примесью овчарки, выжидающе поднял голову, прислушиваясь к звуку шагов.

В дверях появилась Тася и постучала костяшками пальцев по косяку.

— Эмма, — странным тоном проговорила она, — приехал Николай.

Книжка дрогнула в руках Эммы. Она посмотрела на Тасю, не скрывая удивления.

Между тем Тася негромко продолжила:

— Он спрашивает, не хочешь ли ты покататься с ним верхом.

Буря смятения поднялась в душе Эммы, ей отчего-то захотелось вскочить и заметаться по комнате. Вместо этого она отвернулась к окну и устремила взор вдаль.

— Не знаю, — протянула она, разволновавшись от мысли, что окажется наедине с Николаем. Что он ей скажет? Что ему надо? Возможно, он попытается вновь ее поцеловать?

— Я не уверена, что Люк это одобрит, — осторожно заметила Тася.

Эмма насупилась.

— Уверена, что не одобрит! Папа хочет, чтобы я вечно оставалась одна и ни с кем не виделась. Мне все равно, что он скажет, когда вернется из Лондона со своих деловых встреч. Пусть выругает меня! Я буду поступать так, как мне захочется. Скажи Николаю, что я спущусь через пять минут.

— Ты несправедлива к отцу.

— А он был справедлив ко мне?

Эмма встала и направилась к комоду. Она открыла верхний ящик и стала искать перчатки для верховой езды.

— Ты не можешь ехать без сопровождения.

— Почему? — презрительно пожала плечами Эмма. — Ведь Николай мне родственник, не так ли?

— Не совсем. Точнее, весьма и весьма дальний, и то по мачехе.

— Сомневаюсь, что в обществе разразится скандал, если я поеду с ним на верховую прогулку. Ни один здравый человек не поверит, что Николай Ангеловский вдруг воспылал интересом к престарелой девице с морковными волосами.

— Ты вовсе не престарелая девица!

— Но и не царица лондонских балов. — Стоя спиной к Тасе, она продолжала копаться в ящиках.

Тася тихонько вздохнула:

— Эмма, когда ты перестанешь так сердиться на свою семью?

— Может быть, когда вы перестанете вмешиваться во все подробности моей жизни. Я чувствую себя запертой в клетку, как эти бедные животные в моем зверинце.

Эмма так и стояла спиной к Тасе и наконец услышала удаляющиеся шаги. Тогда она с

вызовом посмотрела на Самсона, который, похоже, огорчился. Свесив язык, он укоризненно уставился на девушку.

— Не смотри на меня так, — проворчала Эмма. — Она, как всегда, на стороне папы.

Но пес не сводил с нее удивленных глаз, уши его подергивались от любопытства. Внезапно он перевернулся на спину и раскинул лапы, подставляя живот в надежде, что его почесут.

Мятежный гнев Эммы угас, и она, фыркнув, подошла к нему.

— Глупая старая псина. Глупый мальчик! — Присев около него на корточки, она скребла коротко остриженными ногтями его грубую шкуру, пока он не начал блаженно повизгивать и извиваться. Эмма тяжело вздохнула. — Ох, Самсон, сколько же своих секретов я тебе рассказала? Ты мой лучший друг! — Она погладила его длинные уши и грустно продолжала:

— Удивляюсь, почему я не могу относиться ко всему спокойно, как Тася. Она умеет держать свои чувства в узде, а я то и дело взрываюсь. Феба Коттерли права: я лучше и привычнее чувствую себя на конюшне, чем в бальной зале. Слава Богу, что с моими животными мне не надо быть ни умной, ни изысканной. Все, что от меня требуется, это их любить, и они отвечают мне любовью. Правда, Самсон? — Она сумрачно улыбнулась, когда в ответ Самсон ткнулся мокрым носом ей в руку. — Может быть, со временем любовь Адама ко мне угасла бы. Не думаю, что могу стать хорошей женой кому бы то ни было. Ведь для этого одной любви недостаточно. Женщине надо быть послушной и преданной, красивой... Помощницей своему мужу... А я — строптивая, и некрасивая, и...

Эмма посмотрела на себя и сморщила нос при виде обычной своей одежды: брюки, сапоги и белая рубашка. Она предпочитала ездить на лошади не боком, по-дамски, а по-мужски и по-мужски одеваться для этого. Так было удобнее, не говоря уж о том, что так легче управлять конем. Однако по какой-то причине сегодня ей не хотелось появляться перед Николаем Ангеловским в этих дурацких штанах.

Вернувшись к гардеробу, она открыла сверкающую полировкой дверцу и, распахивая массу нарядов, отыскала синюю амазонку. Отлично сшитый жакет и широкая юбка были цвета индиго, в точности такого оттенка, как ее глаза. Порывшись в шкафу, Эмма обнаружила голубую вуаль и прикрепила ее к черной шелковой шляпке с высокой тульей.

Обернувшись к внимательно следившей за ней собаке, она задорно улыбнулась:

— Князь Николай ждет. Как ты думаешь, Самсон, удивлю я его, одевшись как леди?

Если Николай и был удивлен ее внешностью, то виду не подал. Он ждал ее в большом холле, присев с элегантной небрежностью на край восьмиугольного каменного столика. В руке он держал хлыстик и легонько похлопывал им по голенищам сверкающих сапог. Солнечный свет, струившийся из круглых верхних окон, преображал его волосы в золотое пламя. Он наблюдал, как Эмма спускается по широкой главной лестнице, и глаза его сверкали дерзостью, словно намекавшей на общий секрет. В сущности, так оно и было, напомнила себе Эмма, ощутив внезапную неловкость. Николай каким-то образом догадался, что она никому не расскажет, как он ее поцеловал.

Вообще- то она подумывала об этом. Но вроде бы делать это было незачем. А если представить себе реакцию отца и последующий выговор, который он попытается сделать Николаю... Нет, это будет слишком унижительно.

Он с улыбкой поднялся ей навстречу.

— Я счастлив, кузина, что ты согласилась повидаться со мной.

— Мне было скучно, — безучастно произнесла она, — и я подумала, что, возможно, вы меня развлечете.

— На мое счастье, у тебя не оказалось лучших предложений, — проговорил он бодрым голосом.

Внимательно посмотрев на него, Эмма поняла, что он доволен возможностью покататься с ней. Вид у него был скорее даже самодовольный. Она подозрительно прищурилась.

— Чего вы добиваетесь, Ник?

— Отвлечь тебя от скуки. — Он приглашающе согнул руку в локте.

Эмма оставила без внимания этот вежливый жест.

— Меня не надо торжественно провожать в мою собственную конюшню, — сказала она, взмахом руки предлагая ему следовать за собой. — И если вы сегодня осмелитесь прикоснуться ко мне хоть пальцем, я вас изувечу.

Николай, улыбаясь, подстроился под ее широкий шаг.

— Благодарю за предупреждение, кузина.

Выбранная Эммой лошадь, послушная и бойкая гнедая кобылка, была под стать вороному жеребцу, которого привел Николай. После того как быстрая езда успокоила норов его коня, они поехали ровно и в полной гармонии. Эмма не могла обнаружить ни в посадке, ни в манере езды Николая ни малейшего изъяна. Он оказался прирожденным всадником, терпеливым и твердым. Однако она чувствовала, что между жеребцом и его хозяином идет борьба характеров. Это проявлялось в том, как Николай властно управлял животным. Так ездят почти все мужчины, словно они — высшие существа, а все остальные — низшие. Сама Эмма обращалась с лошадьми как с равными, и поскольку она ухаживала за ними и общалась с ними постоянно, они с готовностью подчинялись ей.

С пологого холма, на котором стоял Саутгейт-Холл, Эмма и Николай спустились к окраине бурлящего деловой суетой городка. День был теплым и ясным, дул приятный легкий ветерок. Переехав небольшую речушку, они пересекли дубовую рощу на границе Саутгейта и поскакали по широкому зеленому лугу.

Вороной легко обогнал гнедую кобылку Эммы, и она замедлила ход, со смехом признав свое поражение.

— Я бы еще померилась с вами, если бы не мое боковое седло! — воскликнула она.

Николай натянул поводья жеребца и ухмыльнулся в ответ:

— Ты едешь, как ни одна из знакомых мне женщин, Емелия: как ласточка в полете.

— Это что? Русский вариант моего имени?

Он кивнул.

— Мою прапрапрабабку звали Емелия. Тебе подходит. У нас есть и мужское такое имя — Емельян. — Он загородил ей дорогу. — Может быть, пройдемся немного пешком?

— Что ж. — Эмма легко соскочила с лошади, прежде чем он успел предложить ей помощь.

Николай соскользнул с седла и досадливо прищелкнул языком, словно упрекая своевольного ребенка.

— Ты, Рыжик, чересчур самостоятельна. Разве преступление — иногда опереться на руку мужчины? Или разрешить ему помочь тебе слезть с коня? Или подняться по лестнице?

— Я не нуждаюсь в помощи. Не хочу ни от кого зависеть.

— Почему?

— Потому, что могу к этому привыкнуть.

— Неужели это так страшно?

Она нетерпеливо передернула плечами.

— Лучше справляться самой. Я так всегда поступала.

Оставив лошадей щипать траву под сенью старого дуба, они пересекли широкий зеленый луг. Над травами жужжали пчелы, собиравшие пыльцу и нектар с роскошного ковра полевых цветов. Эмма искоса поглядывала на Николая. Ее не переставало удивлять то, что он идет рядом с ней, — ступая с плавной грацией прогуливающейся кошки. Никогда в жизни не встречала она такого непредсказуемого человека. Впервые она увидела его, когда он чуть не разбил их семью. Тогда они все его ненавидели. Однако в последующие годы он сумел прокрасться в их жизнь. И в доме Стоукхерстов теперь его принимали если не с распростертыми объятиями, то по крайней мере вполне терпимо.

— Никогда не думала, что мы будем вот так гулять с вами... наедине, — заметила она.

— Почему бы нет?

— Ну, мой отец вас не любит, моя семья вам не доверяет, и все мои знакомые считают вас опасным человеком.

— Я не опасен, — ответил он, и на губах его заиграла улыбка.

— Судя по рассказам и сплетням, опасны. Негодяй, изменник, соблазнитель замужних женщин... А по утверждениям некоторых, еще и хладнокровный убийца.

Николай долго молчал. Потом она еле расслышала его ответ:

— Все это правда. Даже последнее. Я покинул Россию потому, что убил человека. Но вовсе не хладнокровно.

Эмма споткнулась от неожиданности и устремила на него потрясенный взор. Лицо его было замкнутым, золотистые ресницы опущены, скрывая выражение глаз. Почему, ради всего святого, он признался ей в этом? Она почувствовала, что сердце ее часто забилось. Николай продолжал идти, и она неуверенно следовала за ним. Они дошли до тенистого проселка, по другой стороне которого шел деревянный заборчик.

Николай остановился посередине дороги, мышцы его напряглись. Он рассчитанно пошел на риск, рассказывая Эмме о том, что совершил. Но она все равно узнала бы обо всем, так что лучше пусть услышит эту историю от него. Испарина выступила у него на лбу, четким движением он стер ее рукавом.

— Хочешь послушать об этом?

— Пожалуй, — застенчиво проговорила она, но за ее сдержанностью он почуял жгучее любопытство.

— Человека, которого я убил, звали Савелий Щуровский. — Николай замолчал и с трудом сглотнул. Царские дознаватели никакими пытками не смогли выжать из него это признание. Конечно, это было игрой воображения, но ему вдруг показалось, что все шрамы заныли и стали жечь. Он отрешенно потер запястья и продолжал, выдавливая из себя слова:

— Щуровский был любимцем царя, его советчиком, предполагаемым генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Они с моим братом Михаилом были любовниками. Когда Михаил с ним порвал, Щуровский обезумел от ярости и заколол его насмерть.

— Ох, Боже мой! — прошептала Эмма, приоткрыв от изумления рот. Она пыталась осознать не только то, что его брат имел любовную связь с мужчиной, но и то, что он пал от руки любовника. Подобное откровение, да еще сказанное небрежно, обыденным тоном, ее поразило. Такие темы, как секс и убийство, в ее присутствии никогда не обсуждались, за

исключением нескольких материнских бесед о морали, проведенных с ней Тасей.

— У меня не было никого ближе Михаила, — продолжал Николай. — И я был единственным, кого волновала его судьба. Я за него отвечал. Когда он был убит, я... — Он помедлил и потряс головой. Солнечные лучи засверкали в его золотисто-каштановых волосах ливнем искр. — Лишь одна мысль давала мне силы дышать, есть и жить — найти его убийцу!

Постепенно Николай забыл, что всего лишь рассказывает. Воспоминания нахлынули на него, затмевая настоящее. Глаза оставались открыты, но взгляд был невидящим.

— Сначала я решил, что это сделала Тася. Как ты помнишь, я последовал за ней из России в Англию, стремясь заставить ее заплатить за совершенное преступление. Но затем я узнал, что в смерти брата виновен Щуровский. Я знал, что справедливость не восторжествует, если только я не возьму дело в свои руки.

— Почему вы не могли передать это соответствующим властям?

— В России надо всем главенствуют политические интересы и соображения. Щуровский был фаворитом и советчиком царя. Я знал, что его никогда не станут судить за убийство Михаила. Он был слишком влиятельным лицом.

— Поэтому вы отомстили сами, — невыразительным голосом произнесла Эмма.

— Я позаботился не оставить никаких улик, но тем не менее под подозрение попал. И меня арестовали. — Внезапно слова словно застряли у него в горле. Он столько не мог ей передать! Всех ужасов, гнездившихся в нем где-то глубоко внутри. Жесточайшим усилием воли он вновь принял обычный невозмутимый вид. — Правительственные дознаватели пытались выжать из меня признание если не в убийстве, то хоть в измене. Когда же я устоял и ни в чем не признался, меня изгнали.

Он замолчал, сосредоточенно уставившись в землю. Легкий ветерок шевелил влажные пряди, упавшие ему на лоб. Высылка из России была пыткой хуже смерти. Она означала, что он будет полностью отрезан от живительного источника. Даже самых закоренелых преступников жалели, если они подвергались высылке с любимой родины. Россия была великой матерью. Она питала детей своих морозной свежестью воздуха, тайнами темных лесов, силой земли, баюкала в колыбели снегов. После прощания с Петербургом какая-то часть души Николая съежилась и умерла. Иногда ему снилось, что он снова там, и пробуждение приносило невыносимую тоску.

— Зачем вы рассказали мне это? — прервала Эмма его угрюмые раздумья. — Вы же никогда ничего не делаете без причины. Почему вы захотели, чтобы я это знала?

Николай посмотрел в ее серьезное лицо и саркастически усмехнулся:

— Разве друзья не должны верить друг другу свои тайны?

— Откуда вы знаете, что я никому не скажу об этом?

— Мне придется просто поверить тебе, душенька.

Эмма пристально вглядывалась в него.

— Вы жалеете, что убили Щуровского?

Николай покачал головой.

— Я не верю в сожаления. Они не могут изменить прошлого.

— Вы — человек без морали, — сказала Эмма, устремив на него голубые глаза. — Мне следовало бы вас бояться. Но я не боюсь.

— Какая отвага! — усмехнулся он, забавляясь ее бравадой.

— Я даже подумала... что, если бы оказалась на вашем месте, наверное, сделала бы то

же самое.

Прежде чем Николай успел ответить, он ощутил ее прикосновение у себя на запястье. Он замер, осознав, что во время разговора невольно потирал шрамы на груди. Под ее тонкими пальцами рука его напряглась, окоченела. Но на лице Эммы не отразилось жалости. Она смотрела на него странным взглядом, словно принимая таким, как есть: свирепым существом, которое нельзя винить за то, что оно поступает согласно своей натуре.

— Значит, ты не винишь меня за это убийство? — внезапно охрипшим голосом поинтересовался он.

— Не мое дело вас судить. Но я понимаю, почему вы так поступили. — Ее рука без перчатки легко легла на его руку. — Я сохраню вашу тайну, Ник.

Николай не шевелился. Все его мышцы судорожно свело, внезапная дрожь нахлынувших чувств сотрясла тело. Он не мог понять, почему ее прикосновение, ее слова имели над ним такую власть. Одно было ему ясно: он хочет держать ее в объятиях, причинять ей страдания и утешать поцелуями. Он хочет опустить ее наземь прямо здесь, распустить ее красно-золотые кудри и взять посреди поля, словно крестьянку. Вместо этого он отпрянул и отдернул руку. Тонким приятным и дружелюбным он ответил:

— Верю, что сохранишь, Емелия.

Она осторожно улыбнулась в ответ и возобновила прогулку. Ее юбки взметали пыль по колеям и засохшим буграм проселочной дороги. Николай, засунув руки в карманы, шагал рядом. Она отреагировала совсем не так, как он себе представлял. С готовностью приняла его рассказ. Отнеслась к нему слишком легко. До сих пор семья чересчур оберегала ее, позволяя жить своей жизнью, словно в каком-то романе. Эмма оказалась еще более наивной, чем он предполагал.

"Бедная глупышка, — подумал он, украдкой поглядывая на нее сквозь полуопущенные янтарные ресницы, — ну почему ты так облегчаешь мне задачу соблазнить тебя?"

Вслух же произнес:

— Могу ли я вновь увидеть тебя завтра утром?

Эмма заколебалась, прикусив нижнюю губку.

— Нет, — наконец откликнулась она, — я до конца недели буду в Лондоне.

— Какие-то развлечения?

— По правде говоря, я собираюсь принять участие в собрании Королевского общества гуманного обращения с животными. Меня попросили сказать несколько слов относительно новых законов о защите животных.

— Твоя семья будет тебя сопровождать?

Эмма поджала губы:

— Нет. Они моими крестовыми походами не интересуются. А если бы и захотели, я не хочу, чтобы они там присутствовали.

— А-а, — понимающе протянул он, — значит, ты так и не помирилась с отцом.

Она покачала головой:

— Отец прогнал единственного человека, которого я люблю. Если бы с вами кто-нибудь так поступил, сомневаюсь, что вы поспешили бы простить!

— Возможно, и нет. Но я ни в ком не нуждаюсь, в то время как ты... ты в одночасье утратила свою любовь и семью. — Николай внимательно следил за впечатлением, которое производят на нее его речи, но она умело скрывала свои чувства. Проникновенным голосом он сделал еще одно замечание, тонко и хитро нацеленное:

— Нелегко быть одинокой, не так ли? Пустота, молчание, тоска... Все это может и дворец превратить в тюрьму.

Эмма бросила на него задумчивый взгляд. В широко открытых глазах читалось удивление. Она не смотрела, куда идет, и споткнулась на глубокой рытвине от колес. Николай мгновенно подхватил ее, помогая восстановить равновесие. Прежде чем она успела запротестовать, он продел ее руку себе под локоть и с веселой улыбкой заглянул в ее вспыхнувшее лицо.

— Принимай помощь, когда предлагают, кузиночка. Это всего лишь временная поддержка.

Королевское общество гуманного обращения с животными проводило ежегодное общее собрание в одном из лондонских лекционных залов неподалеку от "Ковент-Гардена". Маленькое здание, перестроенное из гостиницы, располагалось по соседству с аукционами, книжными магазинами и конторами издателей. Окидывая взглядом комнату, освещаемую светом, льющим в приоткрытые окна, Эмма ощущала приятное родство с присутствующими членами общества. Их было около двух сотен, большей частью пожилые мужчины: одни — сухонькие, оцепеневшие в креслах красного дерева, другие — полные, едва помещающиеся на квадратных маленьких сиденьях. Кое-где виднелись женщины, самая молодая из которых была вдвое старше Эммы. Она знала, что их привели сюда весьма разные причины. Лишь некоторые разделяли ее страстную тревогу о благополучии животных, другие же пришли просто потому, что это было модно. Однако все эти соображения были не важны, коль скоро, все хотели работать вместе для такой благородной цели.

Ощув на себе чей-то упорный взгляд, она посмотрела направо вдоль ряда. Молодой человек с узким лицом и живыми темными глазами сидел неподалеку от нее. Пока они обменивались осторожными улыбками, Эмма попыталась припомнить его имя. Мистер Генри Даулинг, а может, Гарри... Они разговаривали здесь раз или два. Если она правильно запомнила, он служил в издательской конторе, но главным интересом его жизни были собаки колли. Он был известен как один из лучших заводчиков колли во всей Англии. Его задорное остренькое лицо напоминало Эмме мордочку ее лиса Престо. На мгновение губы девушки расплылись в улыбке, но она сразу же отвела от него глаза, однако продолжала ощущать на себе его взгляд, и жаркий румянец полыхал у нее на щеках.

Собрание выслушало нескольких ораторов. В зале не прерывался бумажный шелест: члены общества делали заметки и готовились к выступлениям. Деревянные сиденья скрипели, слушатели ерзали во время долгих речей. Время от времени речи прерывались вопросами — собрание требовало разъяснений. После четвертого оратора настал черед Эммы. Лорд Кроулс, президент общества, предложил заслушать сообщение о руководстве по защите животных, и у Эммы пересохло во рту.

Казалось, в зале воцарилась тишина. Эмма осторожно пробралась вперед, держа перед собой как щит ворох бумаг. От возбуждения и страха ее подташнивало. Побледнев, она

крепко вцепилась в пачку листов и устояла на маячившие перед ней ряды лиц.

К удивлению Эммы, ее голос зазвучал звонко и уверенно:

— Леди и джентльмены, я хочу предложить вашему вниманию поправки к "Наставлению" по защите животных. Оно было пересмотрено в соответствии с многочисленными полезными и разумными предложениями со стороны прославленных членов правления нашего общества. Если вы сочтете данное "Наставление" приемлемым, мы распорядимся напечатать его большим тиражом и распространить среди широкой публики.

Пожилой джентльмен, сидящий в первом ряду, заговорил:

— Не сочтет ли леди Стоукхерст за труд описать нам характер внесенных поправок?

Эмма коротко кивнула в ответ, и плечи ее слегка расслабились.

— Да, сэр. Теперь в "Наставлении" более подробно объясняется процедура подачи жалоб насчет избиения животных. Для примерного наказания виновных рекомендуется собрать побольше свидетельств такого проступка. Ни для кого не секрет, что животных часто избивают на улицах. Мы все видели, как бьют лошадей кнутах, дубинками или другими предметами, как плохо обращаются с домашним скотом по дороге на рынок, как мучают собак и кошек. Подобная жестокость многих возмущает, но люди не знают, что предпринять для ее пресечения. Настоящее "Наставление" содержит в себе рекомендации, как оценить подобные действия и каким образом сообщить о лицах, совершающих такие преступления, властям.

К удивлению Эммы, ей задал вопрос мистер Даулинг:

— Леди Стоукхерст, а что вы скажете по поводу научных экспериментов? Упоминаются ли в "Наставлении" занятия вивисекцией?

Эмма с сожалением покачала головой.

— Медицинские и научные сообщества заявляют, что им необходимо производить вивисекцию, то есть операции на живых животных без наркоза, для того чтобы продвинуться в познании. Но они не добиваются ничего, кроме жестокой и мучительной смерти тысяч животных. Я полагаю, что упоминание об этом следует включить в "Наставление", но пока этого не сделано. Мы никак не можем узнать, какие эксперименты необходимы для науки, а какие представляют собой лишь способы пытки. Возможно, члены общества сочтут целесообразным создать комитет по изучению этого вопроса...

Эмма собралась продолжать, но что-то привлекло ее внимание в глубине зала. Знакомый золотистый блеск и высокая мужская фигура в темной одежде. Это был Николай Ангеловский. Даже с такого расстояния его глаза и волосы светились ярким янтарем. Ее охватило смущение. Она едва могла осознать доброжелательное согласие лорда Кроулса на ее предложение. Между тем решение было принято и поддержано. Каким-то образом ей удалось оторвать взгляд от Николая. Она передала свою рукопись секретарю общества, ожидавшему рядом. Мужчины в ее ряду вежливо привстали, когда она пробиралась на свое место.

Собрание продолжалось еще целый час. Эмма старательно устояла на спинку стула перед собой, но была не в силах сосредоточиться. С трудом удерживала она себя, чтобы не оглянуться на Николая. Он появился здесь потому, что ему было что-то от нее нужно. Это было единственным объяснением такого намеренного преследования. В ней боролись гнев и неясная тревога. Но... неужели и вправду в ней шевельнулось удовольствие от его поступка? Николай был таким красивым и сильным мужчиной. Множество женщин все бы отдали за то, чтобы привлечь его внимание хоть на несколько минут, а он был здесь и поджидал ее.

Заключительное слово лорда Кроулса знаменовало конец собрания, присутствующие поднялись, собираясь расходиться. Эмма стала пробираться к задним рядам и оказалась в обществе мистера Даулинга. В глубине его темных глаз бродила улыбка.

— Леди Стоукхерст, я собираюсь предложить лорду Кроулсу включить ваше имя в "Наставление" в знак признания великолепной работы, которую вы проделали.

— О нет, — без улыбки откликнулась Эмма. — Благодарю вас, но я не так много сделала. И я не хочу никакого признания. Я просто хочу, чтобы помогли животным.

— Если мне будет позволено заметить, вы, леди Стоукхерст, так же скромны, как и привлекательны.

Смущенная и польщенная Эмма опустила глаза.

Мистер Даулинг заговорил вновь, на этот раз гораздо неувереннее:

— Леди Стоукхерст, я подумал, не согласитесь ли вы...

— Кузина, — ворвался в разговор теплый голос с легким русским акцентом, — как приятно увидеть вас здесь. Но вы, кажется, потеряли где-то свою компаньонку. Вы должны позволить мне проводить вас домой. Для безопасности.

Эмма вскинула голову и хмуро уставилась на Николая, который прекрасно знал, что она часто игнорировала требования этикета выходить из дома только с компаньонкой. За ней прочно закрепилась слава взбалмошной особы. Поняв, что вежливость требует представить своих спутников друг другу, она скрестила руки на груди и угрюмо совершила требуемый обряд:

— Князь Николай Ангеловский, разрешите представить вам мистера Даулинга.

Мужчины холодно пожали друг другу руки. Затем Николай обратился к Эмме, бесцеремонно давая понять Даулингу, что встреча закончена:

— Ты прекрасно выглядишь сегодня, Емелия.

Мистер Даулинг еще продолжал топтаться рядом, глаза его ловили взгляд Эммы. Она улыбнулась с извиняющимся видом.

— Доброго дня, леди Стоукхерст, — нерешительно произнес он. — Наилучшие пожелания вам... и вашей семье.

Он с сомнением посмотрел на Николая, явно пытаясь сообразить, подпадает ли белокурый русский под эту категорию. Затем он исчез, словно его и не было.

Эмма яростно сверкнула глазами на Николая:

— Что вы здесь делаете?

— Меня волнуют вопросы защиты животных, — невозмутимо ответил он.

— Черта с два! Это было закрытое собрание. Как вы сюда проникли?

— Я купил членство в вашем обществе.

— Членство нельзя купить. Нужно заполнить бумаги, пройти собеседование, потом правление должно проголосовать... — Она резко оборвала себя. — Вы дали кому-то взятку.

— Я сделал пожертвование, — поправил он ее. Эмма рассмеялась с досадой:

— Существует ли на свете что-нибудь, чего вы не можете добыть за деньги? И что вы хотите теперь?

— Я намереваюсь проводить тебя домой, кузина.

— Спасибо, но меня ждет экипаж.

— Я взял на себя смелость отослать его.

— Вы самонадеянны, — спокойно проговорила она, просовывая руку под его локоть. — Вы всегда добиваетесь своего?

— Почти всегда. — Не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих, Николай вывел ее из здания. — Мне понравилось, как ты выступала, Емелия. Я восхищаюсь женщинами, которые не прячут своего ума.

— Поэтому вы и последовали за мной в Лондон? Потому, что так безумно мной восхищаетесь?

Ее дерзость вызвала у него улыбку.

— Я признаю, что ты меня интересуешь. Неужели ты осудишь мужчину за это?

— Осужу? Нет, конечно. Но доверять вам не стоит. По-моему, вы, Ник, просто сотканы из противоречий и низких подспудных мотивов.

Тихий удовлетворенный смешок прозвучал у нее над ухом. Он свел ее к мостовой, где их поджидал великолепный лакированный экипаж. В него была запряжена четверка блестящих вороных рысаков знаменитой орловской породы. При карете находились два высоких лакея в черных ливреях.

Эмма влезла в экипаж первой и удобно расположилась на бархатном сиденье такого темно-красного цвета, что он казался почти черным. Внутри карета была отделана отполированными до блеска панелями дорогого дерева. Хрустальные окошки были обрамлены золотом, лампы инкрустированы полудрагоценными камнями. Несмотря на значительное состояние, которым обладала ее семья, Эмма никогда не видела такого роскошного экипажа. Николай сел напротив нее, и карета с волшебной плавностью помчалась по ухабистым улицам Лондона.

Пораженная Эмма на мгновение задумалась о жизни, которую Николай вел в России, обо всем, что он принужден был там оставить.

— Ник, — внезапно спросила она, — вы видите с кем-нибудь из родных? Они приезжают в Англию навестить вас?

Он не изменился в лице, но она почувствовала, что вопрос озадачил его.

— Нет... Да я этого от них и не жду. Когда я покинул Россию, все связи были оборваны.

— Но ведь не кровного родства. У вас есть сестры, не так ли? Тася как-то упоминала, что их у вас четыре или пять...

— Пять, — сухо отозвался он.

— Разве вы по ним не скучаете? Неужели вам не хочется их повидать?

— Нет, я по ним не скучаю. Мы с ними были почти чужими. Нас с Михаилом воспитывали отдельно от сестер.

— Почему?

— Потому, что так хотел наш отец. — Скорбные складки залегли возле его губ. — Мы чем-то походили на зверей в вашем зверинце: жили в клетках и полностью зависели от милости отца.

— Вы не любили его?

— Мой отец был бессердечным мерзавцем. Когда десять лет назад он умер, о нем не пожалела ни одна живая душа.

— А ваша мать? — робко поинтересовалась Эмма. Николай покачал головой и усмехнулся:

— Я предпочитаю не говорить о своей семье.

— Понимаю, — пробормотала она. Николай продолжал усмехаться.

— Нет, не понимаешь. Ангеловские — отвратная семейка, и каждое следующее поколение хуже предыдущего. Мы пошли от киевских князей-воинов, которые затем

укрепили свой род грубым крестьянским семенем и добавили еще монголов, завоевателей-кочевников, любивших освежаться в долгих походах кровью из жил своих коней. В дальнейшем мы лишь катились вниз... чему я являюсь ярким примером.

— Хотите меня испугать?

— Предупредить, чтобы ты не питала на мой счет никаких иллюзий. "Нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый". Не стоит этого забывать, Эмма.

Она засмеялась, в голубых глазах запрыгали веселые чертики.

— Вы напоминаете мне Тасю, когда она цитирует Библию. Никогда не думала, что вы религиозны.

— Религия тесно вплетена в русскую жизнь. Ее влияния никак не избежать.

— Вы ходите в церковь?

— С детства не был. Мы с братом думали, что ангелы живут на главах церквей. Они собирают наши молитвы и отсылают на небо.

— И были ваши молитвы услышаны?

— Нет, никогда, — коротко передернул плечами Николай. — Но ведь наш основной талант — терпеть... Это Божий дар русскому народу.

Карета миновала дешевый рынок с фруктовыми, овощными, рыбными и прочими прилавками, в том числе заваленными подержанной обувью и одеждой. Толпа шумела вокруг них, толкалась на соседних улочках, заставляя лошадей замедлять ход, а экипажи — вытягиваться в цепочку. Воздух звенел особыми рыночными звуками — смесью людских криков и визга животных.

Когда их карета остановилась, Эмма наклонилась и с любопытством выглянула в окошко.

— Там что-то случилось, — заметила она. — Возможно, драка или что-то в этом роде.

Николай открыл дверцу кареты и легко спрыгнул наземь. Велев кучеру обождать на месте, он направился в толпу. Эмма выждала минуту или две, прислушиваясь к продолжающейся какофонии. Возможно, столкнулись два экипажа или кого-то задавили... Сердце ее заныло от жалости, когда до нее донеслось жалобное ржание лошади или осла. В нем ясно слышались боль и страх. Не в силах вытерпеть ни одной лишней минуты, Эмма выскочила из кареты как раз в ту минуту, как возвратился Николай. Лицо его было мрачно.

— Что там случилось? — взволнованно спросила она.

— Ничего особенного. Возвращайся в карету, мы тронемся через пару минут.

Эмма посмотрела в его непроницаемые, безучастные глаза и рванулась мимо него.

— Эмма, вернись!

Но она, не обращая внимания на суровый приказ, уже пробиралась сквозь толпу.

Посреди оживленного перекрестка перегруженная кирпичом повозка полностью перегородила дорогу. Старый осел, понурый, с торчащими ребрами и прогнутой спиной, отчаянно пытался втащить ее на небольшой подъем. Хозяин, плотный, коренастый здоровяк с руками как окорока, озверело бил осла обрывком железной цепи. Залитое кровью, охромевшее, несчастное животное безумно выкатывало глаза, но не могло сдвинуть непосильный груз.

В "Наставлении", только что представленном Эммой собранию Королевского общества гуманного обращения с животными, была подробно расписана процедура, которой надлежало следовать в подобных случаях. Она должна была записать имена виновника и свидетелей, дать описание преступления и нанесенных увечий... Но при звуке жалобных криков осла все мысли о правилах и формальностях вылетели у нее из головы. Взрыв ярости сотряс ее и дал силы растолкать гущу толпы.

— Прекратите! Прекратите немедленно, или я вас убью!

Пораженные появлением рыжей фурии, несколько человек, стоявших у нее на пути, попятились. Короткошей здоровяк перестал бить осла и злобно уставился на нее:

— Не лезь не в свое дело, сука!

Не обращая на него внимания, Эмма приблизилась к перепуганному животному. Она подобралась к безумно мотавшейся голове и стала успокаивать ласковыми словами, пока ослик не уткнулся носом ей в живот, как ребенок, ищущий спасения и убежища. Толпа ахнула, раздались возгласы удивления.

На владельца осла, однако, это впечатления не произвело.

— Убирайся прочь от моей скотины! — проревел он и угрожающе вскинул руку. — Я заставлю его влезть на этот холм, или он отправится прямой дорогой в ад.

— А я вас отправлю под арест! — вскричала Эмма, обнимая дрожащее животное за шею. — Эта повозка для него слишком тяжела. Он не может ее тащить, тупой ты ублюдок!

— Убирайся прочь! — Цепь взвилась в воздух и ударила оземь у самых ее ног. — Прочь, или я раскрою тебе голову!

Руки Эммы судорожно сжались вокруг животного.

Поглядев на багровое лицо мужчины, она поняла, что он от ярости ничего не соображает и грозит ей вполне серьезно. Однако отступить она не могла. Ей никогда не простить себя, если она даст забить несчастного осла до смерти.

— Сэр, — начала она примирительным тоном, но в ответ он разразился градом непристойностей и отвел назад руку с цепью, намереваясь ее ударить.

Внезапно события стали развиваться с такой быстротой, что она не успела ничего сообразить.

Рядом вдруг оказался Николай, который с неистовой силой схватил ее и закрыл своим телом как раз в тот момент, когда блестящая дуга опустилась. Она ощутила, как вздрогнул он от удара металлических звеньев, и слышала свист втянутого сквозь зубы воздуха. Резким толчком он отшвырнул ее в сторону.

Для Николая прикосновение цепи к спине неожиданно прорвало плотину глубоко зажатых переживаний. Настоящее исчезло, растворилось в небытие, явью стало лишь прошлое, которое нахлынуло бурным потоком безумия, опустошения, жажды крови.

Мгновенной вспышкой вернулась к нему агония пытки в царском застенке, он вновь ощутил боль в иссеченной кнутом спине... "Почему бы вам не признаться, ваша светлость?" Руки его сомкнулись на шее здоровяка, зрачки впились в водянисто-голубые глаза, полные злобы и зарождающегося страха. Черный убийственный гнев затуманил сознание князя.

— Нет, — захныкал хозяин повозки, барахтаясь в жестких руках Николая и тщетно пытаясь оторвать их от себя жирными короткими пальцами.

Николай продолжал сжимать его горло, и тот, придушенный, смолк. Сильные пальцы князя впились в толстую напрягшуюся шею. Жажда убить сочилась из его пор, как пот. Лишь один звук пробился в сознание Николая: грудной женский голос тихо и настойчиво звал его, оттягивая от края бездны.

— Ник, Ник, отпустите его!

Он заморгал, вздрогнул, оглянулся на голос. Эмма стояла рядом. Ее синие глаза потемнели и удержали его взгляд.

— Отпустите его, — повторила она. Порыв свирепой ярости прошел, и Николай послушно подчинился ее тихому приказу, с неохотой выпустив из рук шею коренастого мужчины.

Шатаясь от ужаса, прикрывая руками горло, тот скрылся в толпе, успев хрипло прокричать предостережения окружающим зевакам:

— Это дьявол! Гляньте на его глаза... Видите, он точно дьявол!..

Некоторые поспешили убежать, другие остались, жалуясь, что повозка загородила им дорогу и необходимо очистить перекресток.

Несколько добровольцев вызвались оттащить повозку с кирпичами к обочине.

Пальцы Николая были все еще судорожно скрючены. Он попробовал их разогнуть несколько раз. Стремясь согнать напряжение, покрутил запястьями, как сквозь туман наблюдая, что под присмотром Эммы ослика выпрягли из повозки. Четко и ясно она отдала распоряжение одному из лакеев привязать тощее животное сзади к лакированной карете.

— Мы отведем его к дому моей семьи, — ответила она на почтительный вопрос лакея. — Думаю, он сможет дойти, если карета будет ехать не слишком быстро.

Николаю хотелось поскорее покинуть это место. Неразбериха и смятение окружающих не шли ни в какое сравнение с внутренним хаосом, воцарившимся в его душе. Ему было необходимо очутиться в каком-либо тихом уголке, чтобы прийти в себя и хорошенько обдумать происшедшее. Он впился пристальным взглядом в спину Эммы, посылая ей безмолвный приказ оглянуться. Она обернулась через плечо и, осознав его состояние, сразу послушалась мысленной команды. Внешне спокойная и невозмутимая, она вернулась к экипажу. Николай влез в карету вслед за ней и уселся напротив. К своему удивлению, он заметил, что она побледнела и стиснула руки.

— Я все время сталкиваюсь с подобными издевательствами, — взволнованно проговорила она, — но никогда к этому не привыкну. Зачем люди так жестоки?

Николай ничего не ответил, лишь резко задернул занавески на окнах кареты, чтобы не видеть роящуюся толпу. Эмма вглядывалась в полумрак, стараясь прочесть выражение его лица. Карета снова поехала.

— Наверное, вам было очень больно, когда цепь вас ударила? — робко спросила она. — С вами все в порядке?

Николай коротко кивнул, все еще охваченный старыми мрачными воспоминаниями. Как мог он так легко утратить над собой контроль? Он никогда не терял присутствия духа.

Это было бы слабостью, которую он не мог себе позволить.

Запустив пальцы в рассыпавшиеся локоны, Эмма заговорила снова:

— Благодарю вас за то, что пришли мне на помощь. Вы меня спасли, так что я, кажется, снова у вас в долгу.

— На этот раз нет, — отозвался он. Внимание его медленно переключилось на нее. Хотя она отвернулась от него, ему показалось, что она пытается побороть слезы. — Тебе нужен платок? — спросил он.

Эмма покачала головой, отказываясь, но он все-таки вытащил платок из кармана и протянул ей.

— Я не плачу, — сказала она. — Я никогда не плачу. Слезы ничем не могут помочь, и лучше мне от них не становится.

Тем не менее она взяла мягкий полотняный квадратик, шумно высморкалась в него и с вызовом посмотрела на князя.

Сердце Николая забилось вдруг гулко и часто. Другие женщины пользовались слезами, чтобы обольстить или вызвать сочувствие, но его это никогда не трогало. Только Эмма смогла его взволновать, Эмма, старательно отрицавшая свою слабость, глядевшая с вызовом, чтобы он не смел ей сочувствовать.

Николай поймал себя на том, что склоняется к ней. Она невольно отпрянула, но он, не обращая внимания, обнял ее. После краткой борьбы она обмякла и прильнула к нему, прижавшись грудью к его груди. Ее волосы не были надушены, а пахли лесной свежестью, словно она отдыхала в зарослях фенхеля или на ковре жесткого зеленого мха. Он глубоко вдохнул этот аромат и замер, с трудом сохраняя самообладание: все его тщательно продуманные планы грозили рухнуть под напором необоримого желания. Каким-то чудом он заставил свои руки лежать спокойно и безжизненно у нее на спине, хотя испытывал отчаянную потребность трогать и гладить трепетное девичье тело.

— Упрямая, порывистая глупышка, — шептал он по-русски, зная, что она не может его понять. — Я ждал тебя тысячу ночей. Будучи с другими женщинами, я воображал, что это ты. Занимаясь с ними любовью, я притворялся, что держу в объятиях тебя. Скоро ты узнаешь, что предназначена мне судьбой. Скоро ты придешь ко мне...

Растерянная, озадаченная потоком непонятных слов на чужом языке, Эмма потрясла головой.

— Что вы сказали?

Николай замолчал, завороженный темным блеском ее сапфировых глаз. Он жаждал прильнуть губами к ее коже, осыпать поцелуями золотую россыпь веснушек, огненную бахрому ресниц. Его прославленное самообладание ускользало из-под контроля, протекая как песок между пальцами. Огромным усилием воли он взял себя в руки, вновь овладел своими чувствами и произнес с прохладцей, чуть насмешливо:

— Я сказал, Рыжик, что для слез нет повода. Не надо так переживать.

— Ничего не могу с собой поделать, — ворчливо отозвалась она. — Я всю жизнь такая... не к месту и не вовремя. Как бы мне хотелось быть как все вокруг. Единственной моей надеждой на это было выйти замуж за лорда Милбэнка.

Николай улыбнулся, бережно приглаживая ее растрепавшиеся волосы.

— В ту же минуту, когда ты станешь такой, как все, я покину Англию навсегда. Тебе предназначено идти не в ногу со всем миром. И если ты думаешь, что лорд Милбэнк дал бы тебе счастье, ты жестоко ошибаешься. Я хорошо знаком с людьми такого типа. Они есть

повсюду. Как мыши.

— Я не стану слушать никаких оскорблений по поводу Адама...

— Ты когда-нибудь позволила ему увидеть эту сторону твоей натуры? Осмеливалась поспорить с ним? Нет! Ты надела маску тихой робости, чтобы угодить ему, потому что тебе нравились его внешность и обходительность. Ты считала, что он не захочет тебя, если поймет, как ты умна, отважна и свирепа. И ты была права. У него недостаточно мужской характер, чтобы оценить эти качества.

— Ну разумеется, ведь "свирепость" — чудесная черта женского характера, — пробормотала Эмма, высвобождаясь из его рук. — Странно, что Адаму это не пришло в голову.

— В России ты стала бы самой желанной женщиной на свете.

— Слава Богу, я не в России. Так что перестаньте мне льстить. Знаете ведь, что я этого не люблю.

Николай взял в ладони ее вспыхнувшее лицо и стал пристально его изучать. Кожа под его пальцами была мягкой, нежной и жаркой.

— Самой желанной женщиной на свете, — повторил он, глядя ей прямо в глаза и не давая отвернуть голову.

Дрожь пробежала по его телу. Эмма должна ощутить неодолимую силу, которая притягивала их друг к другу. Это их неразделимая судьба. Николай как истинно русский крепко верил в судьбу. Все происходит так, как назначено Богом, и чтобы предначертанное сбылось, требуются от русского человека лишь терпение и выносливость. Он, Николай, Господу Богу ведомо, доказал, что этого добра у него хватает.

Экипаж тряхнуло на выбоине, и Николай, оторвавшись от Эммы, снова уселся напротив. Однако он продолжал наблюдать за ней, хотя она упрямо не поднимала глаз от сложенных на коленях рук. До самого дома Стоукхерстов на берегу Темзы они не обменялись ни единым словом. Только здесь Эмма, запинаясь, сказала:

— Я очень благодарна вам, Николай, за оказанную сегодня помощь. Но... я предпочитаю, чтобы вы не делали дальнейших попыток увидеться со мной. Не думаю, что мы сможем быть друзьями. Я не жду от этого добра.

Возможно, она ожидала, что он с ней не согласится, даже станет спорить. Но он вместо этого лишь пожал плечами и криво улыбнулся:

— Как хочешь.

Расставшись с Николаем, Эмма испытала откровенное облегчение. С помощью кучера и конюха она разместила осла в конюшне за домом и позаботилась о его ранах и ссадинах. Она увидела, что он к тому же крайне истощен и страдает воспалением копыт. Впрочем, ее не покидала уверенность, что животное вполне сможет оправиться. Оставив его на попечение конюха, она направилась в дом.

Особняк Стоукхерстов представлял собой живописное здание в итальянском стиле, с мраморными колоннами, полами светлого мрамора, элегантными керамическими каминами и несколькими бьющими фонтанами, расположенными внутри дома. Эмме всегда нравилось здесь, хотя дому не хватало уютной атмосферы Саутгейт-Холла.

Расстроенная и встревоженная, она решила принять ванну и улеглась в огромной фарфоровой чаше с горячей водой. Ванная комната была украшена расписными изразцами. Эмма задумчиво водила мокрым пальцем, очерчивая силуэты крохотных экзотических птиц, и думала о Николае.

Последние встречи с ним внушали ей все большую растерянность. Никогда ни один мужчина не вызывал у нее такую массу противоречивых чувств. Он был обаятелен, загадочен, ежесекундно бросал ей вызов и... пугал. До нее доходили слухи о его романах, бесчисленных кратких связях со светскими женщинами. Николай любил именно таких — сдержанных, элегантных дам, которым наскучили их безжизненные браки. Почему вдруг он решил заняться ею? Что толкало его на это?

Что ж, теперь с этим покончено. Николай ушел из ее жизни так же навсегда, как Адам Милбэнк. Подняв из воды стройную намыленную ногу, она окинула ее критическим взглядом. Интересно, если бы она была маленькой и хрупкой, остался бы с ней Адам или нет? С плеском уронив ногу обратно в воду, она тяжело вздохнула. Если бы она была достаточно красивой, Адам не позволил бы никому стать между ними: ни ее отцу, ни деньгам, ничему иному.

— Если бы я была похожа на Тасю! — громко проговорила она.

Тася была миниатюрной и тоненькой, ее изысканная красота завораживала мужчин. Подавив легкий порыв зависти, Эмма стала пригоршнями лить воду себе на плечи и грудь.

Теперь, после того как она потеряла Адама, ей придется остаться старой девой, высохшей внутри и снаружи. Она никогда не узнает, что означает быть с мужчиной, отдаваться ему в порыве страсти, засыпать в его объятиях. Конечно, она могла бы завести любовника, но мысль об этом нагнала на нее тоску. Как, должно быть, тоскливо делить постель с мужчиной, которого не любишь, вступить в отношения сугубо плотские, не затрагивающие сердце и душу.

— Мисс Эмма? — прервал ее размышления голос служанки. Она посмотрела на дверь. Там стояла ее горничная Кэти с охапкой чистых полотенец и белым льняным халатом. — Вы закончили купание, мисс?

— Полагаю, закончила. — Эмма встала, обернулась одним из полотенец и вышла из ванны.

Кэти промокнула ее плечи другим полотенцем и помогла надеть халат.

— Мисс Эмма, сбегать мне вниз и сказать повару, что вы хотите поужинать?

— Я сегодня не слишком голодна.

— Ох, мисс, но ведь вам надо съесть что-нибудь. Эмма улыбнулась и неохотно кивнула.

— Ладно, я выпью чаю и съем поджаренный хлеб. У себя в комнате. И еще я хочу почитать что-нибудь. Пожалуйста, принеси мне новый номер "Таймс".

— Хорошо, мисс.

Эмма прошла босиком в свои комнаты и присела к туалетному столику. Вытащив из волос шпильки, она расплела их и запустила пальцы в буйные кудри, массируя наболевшую кожу головы. Затем она стала методично расчесывать волосы, бережно проводя щеткой по длинным непокорным локонам, распутывая узелки и приглаживая их, пока не устали руки. Тогда она положила щетку в один из ящичков хитроумно устроенного столика и уставилась в зеркало, пристально разглядывая свое отражение.

"Обычное лицо, — подумала она. — Бледная кожа в веснушках, прямой нос, заостренный подбородок".

Единственное, что ей нравилось, — это глаза. Синие, точно такие же, как у отца, только ресницы у нее были золотисто-рыжие, а не черные.

Николай Ангеловский сказал, что она желанная. Он назвал ее красивой. Говорил ли ей Адам когда-нибудь нечто подобное? Эмма не могла припомнить такого случая.

Нахмурившись, она подошла к кровати, улеглась на шелковое голубое покрывало, облокотившись на парчовую подушку, и задумалась. Ее мысли прервала явившаяся с подносом Кэти.

— Вот, мисс Эмма, чай, тосты и "Таймс".

— Спасибо, Кэти. — Она безучастно наблюдала, как горничная поставила рядом с ней поднос.

Поглядев на нее с дружеским участием, та спросила:

— Все в порядке, мисс? Вы сегодня вроде как побледнели.

— Со мной все хорошо. Просто день был долгим. — Взяв намазанный маслом поджаренный хлеб, Эмма ухитрилась изобразить обычную свою проказливую улыбку и откусила большой кусок.

Успокоенная горничная удалилась.

Эмма налила чаю из фарфорового чайничка в цветастую чашку и всыпала туда полную ложку сахарного песка. Затем она отхлебнула горячий сладкий напиток, наслаждаясь его крепостью.

Перелистывая газету, она равнодушно просматривала длинные колонки, задерживаясь взглядом на некоторых разделах.

Она чуть не пропустила объявление в самом низу одной из внутренних страниц, почти затерявшееся в море заметок и писем. С легким недоумением она уставилась на него. По мере того как слова доходили до ее сознания, шрифт становился все чернее и расплывался перед глазами словно кровавое пятно. Слабый стон сорвался с ее губ. Чашка затряслась в руке, выплескивая обжигающую жидкость на пальцы и запястье. Эмме как-то удалось поставить ее на блюдце, и она с неестественной сосредоточенностью стала устанавливать чашку точно в центре. Затем снова посмотрела на страницу... Нет, этого не может быть! Это не правда, какая-то жестокая шутка... ложь!

"Во время своих недавних заграничных путешествий виконт Адам Милбэнк обручился с мисс Шарлоттой Брикстон, американкой, известной как наследница посудного короля".

— Адам, ты не мог так поступить, — прошептала Эмма. — Ведь прошло лишь несколько недель. Ты не мог забыть меня — так скоро... не мог так предать.

Но черные буквы стояли у нее перед глазами, и боль в груди становилась нестерпимой. Ей нужна помощь. Ей нужен кто-то... чей-то разумный голос, чтобы не сойти с ума. Никогда в жизни не испытывала она подобной муки. Невозможно было вынести ее в одиночку. Слезы слепили глаза. Шатаясь, она слезла с постели, дрожащими пальцами вытерла мокрое лицо, почти на ощупь нашла привычные брюки и рубашку. Одевшись, она набросила на себя плащ с капюшоном и поспешила из комнаты.

У главной лестницы она столкнулась с Кэти, и та в изумлении остановилась.

— Мисс Эмма, что вы?...

— Я должна выйти, — хрипло проговорила Эмма, пряча лицо под капюшоном. — Не знаю, когда вернусь. И если ты хоть слово скажешь кому-нибудь, что я ушла, я добьюсь, чтобы тебя уволили.

— Хорошо, мисс, — вытаращила на нее глаза растерянная Кэти.

Эмма сморгнула слезы и, проведя рукавом под носом, пробормотала:

— Ничего, Кэти, все будет в порядке. Только никому не говори.

Служанка осторожно кивнула.

Эмма торопливо вышла из дома и направилась в конюшню, стараясь, чтобы ее никто не

увидел. Она сама оседлала коня, довольно резко прогнав прочь конюха, попытавшегося ей помочь.

— Я все сделаю сама. Возвращайся в свою комнату.

— Отправляетесь спасать еще какую-нибудь зверюгу, мисс Эмма?

Проигнорировав дерзкий вопрос, она замешкалась, подтягивая подпругу посильнее. Ее руки, обычно такие ловкие, тряслись и двигались неуклюже.

— Поди прочь, — сказала она конюху, с недоумением наблюдавшему за ней.

— Могу я чем-то помочь, мисс?

— Просто уйди, пожалуйста, — грубовато откликнулась она.

Он неохотно повиновался, но, уходя, несколько раз оглянулся через плечо.

Эмма села на своего мерина и выехала через двор на улицу. У нее было ощущение, что только так она сможет выжить. Она не принимала сознательного решения, куда ехать, казалось, все было решено за нее. Перейдя на галоп, она поскакала на запад, в поместье Ангеловского. Слезы струились по ее лицу, и влажный летний воздух не мог их осушить.

Доехав до поместья, она приблизилась к господскому дому — великолепному зданию классической архитектуры с белыми мраморными колоннами — и, поднявшись по полукруглой лестнице к парадной двери, заколотила в нее кулаком.

Вскоре на пороге появился седой дворецкий с широким славянским лицом и черными бровями. Имени его она никак не могла запомнить, хотя видела его не в первый раз.

— Пожалуйста, велите позаботиться о моем коне, — проговорила Эмма, — и скажите князю Николаю, что к нему гостя.

Дворецкий ответил по-английски с легким славянским акцентом:

— Сэр, вам придется вновь приехать завтра. Но если желаете, я приму вашу визитную карточку.

— Я не сэр! — с отчаянием воскликнула Эмма. Она отбросила с головы капюшон, и масса сверкающих рыжих кудрей упала до пояса. — Я хочу видеть моего кузена. Скажите ему... — Она оборвала себя на полуслове и со сдавленным стоном потрясла головой. — Впрочем, не надо. Мне не стоило сюда приезжать. Я сама не знаю, что делаю.

— Леди Стоукхерст, — произнес дворецкий, и лицо его заметно смягчилось, — заходите в дом. Я выясню, сможет ли князь Николай поговорить с вами.

— Нет, пожалуйста, не надо...

— По-жа-луй-ста, — повторил он по-русски, протяжно, — прошу вас, миледи.

Эмма подчинилась и, войдя в холл, напряженно застыла у порога, уставившись в узор паркета.

Прошла целая минута. Наконец над ее головой раздался тихий голос Николая:

— Эмма?

Пара начищенных черных сапог возникла в поле ее зрения. Николай двумя пальцами за подбородок приподнял к свету ее лицо. Взгляд его впился в ее глаза, большой палец легонько скользнул по заплаканной щеке. Выражение его лица оставалось бесстрастным, и держался он со спокойной утиховостью.

— Пройдем со мной, душенька. — Он взял ее за руку. Эмма заартачилась:

— У вас кто-то есть? Я не п-подумала... не спросила...

— Никого у меня нет. — Он тихо пробормотал несколько фраз по-русски дворецкому, и тот в ответ кивнул с непроницаемым видом.

Эмма с благодарностью оперлась на руку Николая и позволила проводить себя по

лестнице вверх. Рука у него была сильной и горячей. Охватившая ее паника стала постепенно отступать, дыхание выровнялось. Вежливое самообладание Николая, его светскость не позволяли ей отдаться истерике.

Они прошли в западное крыло особняка, где размещались личные покои Николая, в которых Эмма никогда раньше не бывала. Она заморгала с изумлением при виде синего хрустального потолка, украшенного золотыми накладками, и великолепных сочных тонов отделки. Тихое сияние ламп из горного хрусталя создавало ощущение уюта и покоя.

Николай закрыл инкрустированную аметистами дверь, отрезая их от внешнего мира. В мягком, приглушенном свете суровая красота его лица казалась нереальной. В расстегнутом вороте рубашки цвета слоновой кости виднелся извилистый шрам, сбегавший по коже вниз.

— Расскажи мне, что случилось, — произнес он.

Эмма вытащила из кармана смятый клочок газеты и молча подала ему. Не сводя глаз с ее потрясенного лица, он взял его и расправил на ближайшем столике. Пока он читал объявление о помолвке, лицо его оставалось невозмутимым, опущенные золотистые ресницы отбрасывали на щеки длинные тени.

— А-а, — протянул он, кончив читать.

— Вы, кажется, не с-слишком удивлены, — запинаясь проговорила Эмма. — Наверное, никто, кроме меня, не удивится этому. Я... я думала, Адам вправду меня любит, а все было фальшью. И я — величайшая дура на свете, раз поверила его лживым заверениям.

— Он — дурак, — тихо отозвался Николай. — Он, а не ты.

— О Господи! — Она закрыла вздрагивающими ладонями лицо. — Я и не подозревала, что возможно испытывать такую муку.

— Сядь. — Николай подтолкнул ее к диванчику, обитому мягкой кожей янтарного цвета. Эмма, сжавшись в комочек, подобрала длинные ноги и забилась в угол дивана. Она нагнула голову так, что пышные кудри упали на лицо, почти скрыв его от глаз Николая. Раздался звон хрусталя, звук льющейся жидкости, и бесшумно приблизившийся князь подал ей маленький запотевший стаканчик.

Эмма отхлебнула из него. Жидкость отдавала лимоном и была очень холодной. Она стекала в горло мягко, почти что ласково, оставляя странное ощущение огня и льда одновременно.

— Что это такое? — поинтересовалась Эмма, чуть кашлянув.

— Лимонная водка.

— Никогда раньше не пробовала водки. — Она сделала большой глоток и закрыла глаза, впитывая гжучую бархатную крепость, затем отпила еще глоток. Закашлявшись, она протянула ему стаканчик, чтобы он вновь его наполнил.

Чуть усмехаясь, Николай налил водки ей и себе.

— Пей медленно. Она гораздо крепче вина, к которому ты привыкла.

— А русские женщины пьют водку?

— В России все пьют водку. Лучше всего ее заедать хлебом с маслом и икрой. Послать за ними?

При мысли о еде Эмма содрогнулась.

— Нет, я не смогу проглотить ни крошки.

Николай сел рядом с ней и, передав ей льняную салфетку, внимательно наблюдал, как она промокает слезы, продолжавшие тихо струиться по щекам.

— Никак не могу перестать плакать, — сдавленно пробормотала она. — Кажется,

сердце мое разбилось.

— Нет. — Он откинул у нее со лба крутой рыжий локон. Прикосновение его было легким, как трепет крыльев бабочки. — Сердце твое не разбилось, Емелия, пострадала лишь твоя гордость.

Она отпрянула, возмущенно сверкнув глазами.

— Я должна была догадаться, что вы отнесетесь к моим чувствам с высокомерной снисходительностью.

— Не люблю Милбэнка, — без обиняков объявил он.

— А я любила его! И всегда буду любить!

— Неужели? Что же такого он сделал, чтобы заслужить подобную великую любовь? Что дал он тебе? Подарил несколько улыбок, сказал несколько льстивых слов, наградил украдкой парой поцелуев? Это не любовь. Это было обольщение, и к тому же довольно жалкое. Когда ты наберешься побольше опыта, ты сможешь понять разницу.

— Это была настоящая любовь, — твердо возразила она и, залпом допив водку, задыхнулась, закашлялась. Ей пришлось вытереть вновь набежавшие слезы. — Вы в этом ничего не понимаете, потому что слишком циничны.

Николай рассмеялся, забрал у нее пустой стаканчик и отставил его в сторону.

— Да, я циник, но это не отменяет того, что Адам Милбэнк тебя недостоин. И если ты твердо решила отдать свое сердце негодяю, то по крайней мере выбери такого, который даст тебе роскошь и свободу... который знает, как доставить тебе удовольствие в постели. Такого типа мужчина окажется несравненно полезнее тебе, чем этот твой Милбэнк.

Если бы она была трезвой, то, несомненно, обиделась бы на его грубоватую резкость. Джентльмен никогда не употребляет подобные слова в разговоре с девушкой, которую уважает. Но алкоголь затуманил ей мозг, затянул его холодной белой мглой, и все, о чем она могла думать, это о том, что Адам был ее единственным шансом, единственной надеждой. Никто не ждал за кулисами, чтобы выйти на сцену и пасть к ее ногам...

— Кого вы имеете в виду? — с горечью осведомилась она.

Его руки крепко ухватили ее за плечи, затем мягко скользнули вниз. Ладони ласково погладили бока и грудь. Эмма вздрогнула, напряглась, у нее перехватило дыхание. Она не мигая уставилась на него. Свет хрустальной лампы, мерцая, высвечивал золотистую россыпь веснушек на белоснежной коже.

По лицу пробегали, сменяя друг друга, смутение, гнев, отрицание. Он поднял руку к ее щеке, и губы ее задрожали. Большим пальцем он нежно коснулся краешка ее нижней губы.

— Я... я не для этого сюда пришла, — хрипло прошептала Эмма.

— Тогда почему же ты здесь? — ласково спросил он.

— Не знаю. Я хотела... утешения. Хотела почувствовать себя лучше...

— Ты правильно поступила, что пришла ко мне, Рыжик.

Она сделала движение, чтобы вскочить с дивана, но Николай удержал ее стальной хваткой, но не больно, положив одну руку ей на плечо, другую — на талию.

— Ник... — проговорила она с вызовом, но умоляюще.

Он склонился к ней и захватил ее рот быстрым легким поцелуем, затем произнес, не отрывая губ:

— Я могу предложить тебе гораздо больше, чем твоя семья, чем сможет когда-либо Адам. Я могу помочь тебе во всем, позаботиться о тебе... дать тебе наслаждение, которого ты не знала ранее.

— Мне пора, — с отчаянием промолвила она. От водки мысли ее путались, все вокруг расплывалось, какие-то непонятные чувства рвались наружу, грозя затопить ее целиком.

— Останься со мной, Эмма. Я сделаю только то, что тебе захочется... И только если ты так решишь.

Он медленно обвел ее губы кончиком языка, затем нежно прихватил зубами полную нижнюю губку и стал ласково покусывать ее сочный изгиб. Зовущими неторопливыми поцелуями он покрывал ее брови, виски, щеки и наконец завладел ее ртом. Пальцы его легонько играли ее рыжими локонами, постепенно отводя их в сторону, обнажая стройную шейку.

Эмму трясло от новых неизведанных ощущений. Его рот медленно скользил по ее коже, возбуждая непонятные желания, вызывая из глубины ее существа на поверхность жаркую головокружительную волну. Незаметно для себя, невольно она подняла руки и обвила ими его шею. Никогда в жизни не испытывала она таких чувств к мужчине, не ощущала близость его твердого тела под белоснежной рубашкой, мощных мускулов, полных сокрушительной силы. Все было ошибкой: не правильно, что она здесь с ним, не правильно, что его руки и губы ласкают ее. Но вдруг это представилось ей идеальным проявлением мятежа против отца, против неверного возлюбленного, против всех тех, кто вечно называл ее эксцентричной и никому не интересной. Почему бы не позволить Николаю любить ее? Ее девственность принадлежала ей, и она могла распоряжаться ею по своему усмотрению... К тому же теперь эта девственность не имела никакой цены, потому что единственный человек, которого она когда-либо хотела в мужа, был для нее потерян.

Возможно, то, что происходит, — грех, но в этом грехе таится несомненное наслаждение.

Эмма потянулась к его изумительным волосам. Золотисто-каштановые, похожие на львиную гриву завитки пружинили под ее пальцами, как шелк-сырец. Ощувив ее робкое касание, Николай резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы и теснее притянул ее к себе, одновременно отклоняя к спинке дивана, пока они не соприкоснулись телами. Эмма плотнее прижалась к нему в жажде ощутить его мощную мужскую тяжесть, это трение, давление веса, вминающего ее в упругую кожу дивана. Поцелуи его становились все глубже и томительнее, переходя от просьб к требованию.

Она не воспротивилась, когда Николай расстегнул на ней рубашку, и рука его скользнула внутрь, кончики пальцев широко легли ей на живот, лаская гладкую кожу. Она и представить себе не могла, что мужское прикосновение может быть таким нежным, таким почтительным. Горячая большая ладонь накрыла ее грудь, захватив в горсть упругую округлость. Сосок мучительно и сладко заныл, сокращаясь в тугий бутон. Открыв глаза, она увидела, что он впился взглядом в ее лицо.

Эмму сразу неприятно поразило, что в сверкающей желтой глубине его глаз не отражалось никаких эмоций. Своей жгучей напряженностью они напоминали глаза тигра и были столь же бесстрастны. Даже в этот миг интимной близости его сердце и душа были от нее скрыты. Она ощутила необходимость прильнуть к нему, проникнуть в его суть, каким-то образом найти уязвимое место.

Дрожащими пальцами она стала расстегивать его рубашку, а затем бережно стащила с его плеч. Взгляд ее бежал его мощный торс... весь в бугрящихся шрамах и следах ожогов.

Хотя Эмма знала, чего ждать, так как видела его шрамы ребенком, ее все равно потрясло это свидетельство перенесенных в России пыток. Наверное, до того его тело было

прекрасным... Скульптурные литые мышцы перекачивались под отсвечивающей золотом кожей. Каким же сильным надо было ему быть, чтобы выдержать чудовищную боль! Николай замер под пристальным взглядом, без стеснения и жалости к себе ожидая ее реакции. Ей хотелось каким-то образом выказать свое понимание и сочувствие, но подходящие слова не шли на ум. Вместо этого она намеренно неторопливо наклонилась к нему и приникла губами к шраму под горлом.

Николай сжал кулаки, когда рот Эммы прижался к его коже, а волосы накрыли его огненным покрывалом. Некоторых женщин его шрамы отталкивали, некоторых — возбуждали, но ни одна не приняла их с бережным пониманием. Мышцы его напряглись и окаменели. Ему хотелось отшвырнуть ее и в то же время прижать к себе так, что хрустнули бы косточки. Никогда в жизни он не боялся ничего, ни боли, ни смерти, но это нежное участие, эта близость впервые заставили его ужаснуться.

Прерывающимся шепотом он прохрипел:

— Не смей меня жалеть, черт тебя побери.

Эмма подняла на него синие затуманенные глаза.

— Я вовсе тебя не жалею.

Она снова опустила голову, прильнула губами к его шее и повела их по шраму вниз, к ключице.

Мощным рывком Николай высвободился из ее объятий и вскочил на ноги.

На мгновение Эмма сочла, что он покидает ее, но тут он протянул ей руку. Она помедлила, не решаясь взять ее.

— Все хорошо, — ласково промолвил он.

Словно со стороны Эмма наблюдала, как рука ее поднялась и легла в его руку, пальцы их переплелись в крепкий замок.

Николай повел ее в спальню. Темное поблескивающее дерево мебелировки украшала скупая резьба. На стенах не висели картины. На красном дереве гладких панелей сияла лишь одна икона: одинокий всадник гонит запряженную алыми конями колесницу на фоне огромного огненного солнца. Постель была застелена белой простыней и накрыта кремовым шелком. Легкий тюль оконной занавески колыхался от свежего ветра.

В мерцании лунного света Николай подвел Эмму к широкой постели. Она села на краешек и позволила ему снять с себя сапожки и чулки. Он знал, что она боится, чувствовал это по ее напряженности, слышал в неровном ритме ее дыхания. Но она безмолвно позволила ему закончить раздевание. Наконец ее бледное тело обнажилось во всей красоте своих изысканно удлиненных очертаний.

Она перекатилась на бок и с трудом пролепетала дрожащим голоском:

— Ник, я... мне необходимо еще водки.

Он слегка улыбнулся, снимая свою одежду.

— Тебе достаточно.

Эмма крепко зажмурилась. Он последовал за ней на кровать и, притянув оцепеневшее тело к себе, стал гладить теплой рукой по спине, стремясь успокоить и прогнать дрожь.

— Не надо бояться. Я покажу тебе, какая ты желанная. Ты же сказала, что хочешь почувствовать себя лучше.

— Мне было лучше, когда я была одета, — сдавленно проворчала она, и Николай рассмеялся.

— Обвей меня руками.

— Я никогда раньше этого не делала.

— Знаю. Я буду очень осторожен, душенька моя.

Он поцеловал ее в плечо, прильнув открытым ртом к ее коже. Эмма робко ответила тем же. Ее язык проложил влажную дорожку вдоль его шеи.

Николая сжигала жажда вторгнуться в нее.

Тело Эммы было стройным и крепким, а грудь — более пышной, чем он ожидал. Трепещущая кожа пылала словно от избытка жизненной силы.

"А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души!"

Впервые в жизни он прочувствовал эту строку Лермонтова, потому что жаждал утонуть в невинности Эммы, поглотить ее целиком, как редкое лакомство.

Он провел руками по ее телу, задерживаясь на нежных ямках под коленками, на тонких лодыжках, расходящихся дугах ключиц. Слегка ободренная бережностью его касаний, Эмма обвила руками его талию, впиваясь кончиками пальцев в ложбинку вдоль позвоночника. Николай покрывал теплыми летучими поцелуями ее груди, нежно втягивал в рот их вершинки, слегка покусывая соски, заставляя ее ахать и стонать от наслаждения. Только после этого дотронулся он до мягких рыжевато-коричневых завитков в средоточии ее бедер, ласково пропуская их между пальцами. Она была девственно скованна, но предательская влага смочила их, и его плоть запульсировала в сладостном предвкушении. Вопрошающие, осторожные касания его пальцев вызвали наверх еще больше жара, еще больше влаги. Он нежно ввел в расщелинку средний палец, поглаживая упругую, скользкую плоть. Она, застонав, замерла под ним, ноги ее судорожно сжались.

— Тебе не больно? — прошептал Николай.

Она отозвалась растерянным быстрым качанием головы, на слова у нее не хватило ни сил, ни дыхания.

Николай поцеловал полуоткрытый рот и слегка откинулся, наблюдая, как отдавалась она нарастающему возбуждению, покоряясь наконец его власти, бессильная помешать его желаниям. Она еще выше выгнулась навстречу его руке, приглашая ее в себя. Повернув в сторону голову и закрыв глаза, она всецело погрузилась в упоительные ощущения, давая жаркой волне чувств накрыть ее восторгом. Он искусно довел ее до пика наслаждения, упиваясь тем, как невольно и мощно сжали девичьи бедра его руку.

— Эмма, ты все еще девственница. Хочешь, чтобы я остановился?

— Нет, — дрожащим голосом пролепетала она. — Продолжай.

Хотя Николай предполагал, что ее ответ будет именно таким, он все же испытал невыразимое облегчение. Приподнявшись над ее телом, он пристроил колени между ее ногами, широко разводя их в стороны. До сих пор ему ни разу не приходилось иметь дело с девственницей, и это оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Ее плоть была набухшей, узкой и сопротивлялась вторжению. Он нажал сильнее, проталкиваясь сквозь тесное, не пускающее в себя кольцо. Короткий болезненный вскрик Эммы угас, когда она прижалась лицом к его шее. С внезапной легкостью он скользнул вглубь, чувствуя, как поддается она его медленному проникновению.

Тепло Эммы окутало его. Он зарылся губами в нежную кожу ее шейки, переполненный

блаженством и негой погружения в давно желанную глубину.

— Емелия, — горловым шепотом простонал он, — я ждал этого всю жизнь... вечно желал тебя...

Тонкие руки Эммы сжали его голову, привлекая его рот к губам. Доведенный до края, теряя над собой контроль, он жадно, глубоко поцеловал ее, продолжая ровный настойчивый ритм вонзающихся ударов. Она обвилась вокруг него руками и ногами, крепко прижалась к нему, и вдруг все это стало нестерпимым для Николая. Он содрогнулся, застонал, все чувства его взмыли, взорвались радостным фейерверком огненного наслаждения. Эмма притянула его к себе еще теснее, ее ладони скользили по его влажной от пота спине. Утомленным движением Николай перекатился на бок, прижался щекой к ее волосам, и так, замерев, они задышали в такт, восстанавливая дыхание.

Эмма не знала, как долго длилась эта дремота. Она проснулась в объятиях Николая. Ладонь ее покоилась у него на плече, кончики пальцев ощущали грубый рубец шрама. Она чувствовала себя слабой и беззащитной и в то же время удивительно умиротворенной. Она тут же попыталась понять, что произошло, как получилось, что она легла в постель с мужчиной, с Николаем... Ей казалось, что сейчас ее разразит гром, ударит молния, придет ощущение беды... Но ничего похожего не происходило. Должно быть, у нее нет никаких моральных принципов, раз она не испытывает ни малейшего стыда.

В какой-то момент во время ее сна Николай укрыл ее до плеч простыней. Прижимая теперь простыню к груди, Эмма повернулась к нему лицом. Голова ее шла кругом. Ей надо найти свою одежду, надо поскорее возвращаться домой... И, важнее всего, надо убедиться, что он никому не расскажет о случившемся этой ночью. Ради них обоих следовало соблюдать тайну.

— Ник... — смущенно начала она. Он приложил палец к ее губам.

— Я хочу, Рыжик, чтобы ты кое-что обдумала. Мне не нужно немедленного ответа, прямо сегодня. Тебе потребуется время, чтобы понять, чего ты хочешь. Теперь же просто выслушай меня.

— Ладно, — настороженно пробормотала она.

— У тебя ведь теперь никого нет, не так ли? Я имею в виду, никого, за кого ты бы надеялась выйти замуж?

Вопрос вызвал у нее горький смешок.

— Нет и никогда больше не будет.

— Значит, ты собираешься всю жизнь прожить с отцом и Тасей?

— У меня нет выбора.

— Разве? — Он большим пальцем разгладил хмурую морщинку у нее на лбу. — Почему бы тебе, Эмма, не выйти замуж за меня?

Она потрясла головой, словно сомневаясь, что правильно его расслышала.

— Что-что?

— Если ты станешь моей женой, тебе откроются все двери. У тебя будет в десять раз больше богатства и влияния, чем сейчас. Я окажу щедрую поддержку всем твоим благотворительным и прочим начинаниям. Ты сможешь проводить все свободное время со своими животными, если захочешь. Я предлагаю тебе жизнь без запретов и ограничений. Щелкни лишь пальцами, и ты получишь все, что взбредет тебе в голову. Подумай об этом, Эмма, как следует.

Сердце Эммы забилося часто-часто. Она изумленно уставилась на него. Прошла долгая

минута, прежде чем она сумела выговорить одеревеневшими губами:

— Почему ты выбрал меня? За тебя ведь пойдет любая. Любая!

Он провел рукой по ее обнаженной груди, ласково задержав ладонь на ложбинке между грудями.

— Ты напоминаешь мне женщин, которых я знал в России. Пылких, искренних, прямодушных... Я уважаю тебя за честность, радуюсь твоей красоте. Почему бы мне на тебе не жениться?

— И давно появилась у тебя эта безумная мысль?

Николай поймал длинный огненный локон и навил его на палец.

— С тех пор как узнал тебя в твои тринадцать лет, — обыденным тоном ответил он.

— Боже мой!

— Я никогда не видел ребенка с такой силой воли. Ты была великолепна. Я следил за тем, как превращалась ты из своенравной девчонки в прекрасную женщину. Ты единственная никогда не нагоняла на меня скуку. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Эмма недоверчиво, ошеломленно покачала головой.

— Настоящей женой?

— Во всех смыслах, — подтвердил он, глядя ей в глаза.

— Что, если я откажу тебе? Ты стараешься наказать меня? Пригрозишь рассказать всем о том, как... — Она повела рукой в сторону смятых простыней. — Обо всем этом?

Он усмехнулся, забавляясь:

— Неужели ты обо мне такого плохого мнения?

— Да, — не задумываясь откликнулась она, заставив его рассмеяться. — Впрочем, если бы я даже захотела выйти за тебя замуж, мне это не удастся. Отец никогда этого не допустит.

— Я знаю, как подействовать на твоего отца, — ответил Николай. — Решение только за тобой. Если ты согласна выйти за меня, так и будет.

Она скептически скривилась:

— Я еще не встречала человека, который смог бы справиться с моим отцом.

— Так ты все-таки подумаешь?

— Подумаю, но не верю, что...

Он заставил ее замолчать поцелуем.

— Погодя, — прошептал он. — Ты дашь мне свой ответ погодя.

— Но...

Не обращая внимания на слабые протесты, он осыпал поцелуями ее лицо и шею. Она затрепетала и смолкла, а он продолжал ласкать ее с поразительно бережной нежностью. Она прижала ладони к его изборожденной рубцами бархатной спине и ощутила под пальцами пережатые мышцы, когда он вновь надвинулся на нее. В этот миг ей почудилось, что она больше себе не принадлежит. Ее тело стало его собственностью, созданной ему на радость и владение. И он оказался добрым, заботливым хозяином, терпеливо лелеющим его, умело пробуждающим отклик в каждой жилке. Никто и никогда не держал ее так долго в объятиях. Она и мечтать не могла об этих удивительных ощущениях. Все тревоги и заботы улетели куда-то прочь... Осталось лишь восхитительное наслаждение от его баюкающих, гладящих рук, длящееся бесконечно, неутомимо, пока страсть не накрыла ее мощной жаркой волной.

Когда, пресытившиеся и довольные, они разжали сплетенные руки, Николай перевернулся на живот и заснул, уткнувшись лицом в подушку. Видны были только слабо светящийся в полумраке лоб и полукруг ресниц. Эмма потянулась и пригладила кудри,

вьющиеся на затылке, касаясь их легко-легко, чтобы не потревожить его сон.

Она пожалела женщину, у которой хватит глупости полюбить его... а таких наверняка было немало. Такой недостижимый красавец, как Николай, легко мог разбить не одно сердце. Не говоря уже о загадочном обаянии его личности... такой сильной, таинственной и такой одинокой. В полном смятении Эмма закинула руки за голову. Черт бы побрал Адама за его измену! Это из-за него оказалась она в нынешней невообразимой ситуации. Однако он покинул ее навсегда, а Николай Ангеловский ее хотел. Неужто будет так страшно стать его женой? Во все времена хватало людей, вступавших в брак без любви.

Она попыталась представить себе, как сложатся их отношения, как все это будет выглядеть. Ей было известно, что он ее желает, но князь относился к тем людям, которые не способны любить кого бы то ни было.

— Не очень-то ты годишься в мужа, — прошептала она, глядя на его мирное лицо. — Но ведь и я не слишком похожа на идеальную жену.

Он сжал пальцы, сдвинул брови во сне. Эмма вдруг осознала, что до сих пор не воспринимала его как обычного живого человека. Он ей казался каким-то экзотическим существом, которым лучше восхищаться с безопасного расстояния, а приближаться ближе чем на вытянутую руку не стоит. Но на самом деле Николай Ангеловский был просто мужчиной. Уязвимым и одиноким, как она сама.

Решение сразу стало легким.

Она прикоснулась к его щеке, погладила появившуюся за ночь щетину и увидела, что он проснулся.

— Николай, — прошептала она, — мне надо отправляться домой, пока еще не рассвело.

Он приподнялся на локтях и потряс головой, чтоб в ней прояснилось.

— Я провожу тебя. Отвезу в карете.

— Нет, я поеду верхом...

— Это небезопасно. Я поеду с тобой.

Эмма поразмыслила и кивнула, соглашаясь.

— Мне не надо времени на обдумывание твоего предложения, Ник. Я могу дать тебе ответ прямо сейчас. Я... я принимаю твое предложение.

Николай не выказал ни удивления, ни особой радости, но она почувствовала его глубокое удовлетворение. Он поднес к губам ее руку и поцеловал кончики пальцев.

— Я знал, что ты согласишься, — произнес он с таким спокойствием, что Эмма чуть не засмеялась.

— Думаю, лучше сначала сообщить эту новость моей семье. Первым порывом отца может быть попытка тебя убить. — Эмма вздрогнула при мысли о возможной реакции семьи. Отец придет в ярость, сдвинет небо и землю, стремясь удержать ее от брака с Николаем. Он может даже лишить ее наследства.

— Я и раньше имел дело с твоим отцом, — ответил Николай. В голосе его прозвучала ирония. — С ним проблем не будет.

Эмма озадаченно моргнула и промолчала. Одна мысль сверлила ей мозг, затмевая все остальные: после того как она выйдет за Николая, никто никогда не посмеет указывать ей, как себя вести и что делать.

На следующее утро Эмма проснулась в своей постели. В голове стоял туман, мысли разбегались.

Дневной свет струился сквозь полураздвинутые гардины, и от его сверкающей яркости у нее заломило в висках. Тело саднило в каких-то совершенно непривычных местах. Растерянность ее длилась лишь несколько секунд: воспоминания нахлынули тяжелой волной...

— О Боже... — прошептала она, и сердце ее гулко забилося. Страх, головокружение, тошнота... Она ощутила все сразу. Она в постели с Николаем. Это был сон! Это должен быть сон!

Но ей помнилось слишком много деталей: отчаянное бегство из дома к Николаю, его любовные ласки, предложение выйти за него замуж...

Она сказала ему "да". Эмма с трудом сглотнула слюну и закрыла глаза. Неужто Николай в самом деле хочет на ней жениться? И у нее хватило безрассудства дать согласие? Она стала испуганно придумывать способы, как сделать, чтобы все это исчезло... ушло в небытие. Она скажет Николаю, что была пьяна... не понимала, что делает и говорит. Если понадобится, она умолит его сохранить прошедшую ночь в тайне. Что на нее нашло? Что заставило поступить так безрассудно? Она утратила невинность и вручила свою судьбу в руки Ангеловскому.

— О нет, — бормотала она, чувствуя, что ее мутит. — О Боже...

— Мисс Эмма? — Раздался осторожный стук в дверь, и в приоткрывшуюся щель просунулась головка Кэти. На лице у нее была написана полная растерянность. Она уставилась на хозяйку, словно на какую-то незнакомку.

— Который час? — спросила Эмма, протирая заспанные глаза.

— Восемь часов, мисс.

Эмма перекатилась на живот.

— Я хочу поспать еще.

— Да, мисс, но... его светлость князь Ангеловский ждет внизу. Он приехал четверть часа назад и послал меня вас разбудить.

Эмма ахнула и рывком села на постели. Тело ее запротестовало от такого резкого движения, и ей пришлось стиснуть бедра, чтобы унять непривычную боль.

— Скажи ему, чтобы уехал... Нет, постой... погоди. Скажи ему, что я скоро спущусь. Пусть подождет в гостиной.

Кэти кивнула и удалилась выполнять поручение, а Эмма поторопилась встать с постели. Дрожащими руками она налила из фарфорового кувшина воды в таз и стала умываться. Она терла себя, пока кожа не запылала огнем, затем надела чистое белье. Морщась от пульсирующей боли в голове, она провела щеткой по волосам и заплела их в толстую косу. Вернувшаяся служанка помогла ей надеть бледно-голубую полотняную юбку и тонкую белую блузку с сапфировым бантиком у ворота. Напоследок Эмма бросила взгляд в зеркало на пылающее лицо и заправила за ушко выбившийся локон.

Неужели Николай решил взять назад свое предложение? При этой мысли губы ее сжались от оскорбленной гордости. Ладно, что бы он сейчас ни сказал, она будет наготове. Она будет держаться холодно и сдержанно, а если он осмелится произнести какую-либо

угрозу или насмешку, она презрительно рассмеется в ответ.

Расправив плечи, она решительно вышла из комнаты и спустилась в гостиную, где ждал ее Николай. На пороге она помедлила и, обернувшись к следовавшей за ней по пятам служанке, сказала:

— Можешь оставить нас одних, Кэти.

Служанка раскрыла было рот, чтобы возразить, но, встретившись глазами с непреклонным взглядом Эммы, послушно кивнула.

Глубоко вздохнув, Эмма шагнула через порог и, закрыв за собой дверь, повернулась к Николаю. Он поднялся с кресла и пристально всмотрелся ей в лицо. Выглядел он, как всегда, красивым и отчужденным. Золотисто-желтые глаза сверкали топазовым блеском. Эмма намеревалась заговорить первой, но неожиданно не смогла выдавить из себя ни слова. Эта встреча в такой обыденной обстановке, после того как она прошлой ночью делила с ним постель, оказалась просто невыносимой. Она молча стояла пред ним, заливаясь алым румянцем, а сердце бешено стучало в груди.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Николай приблизился и взял ее холодные пальцы теплой рукой.

— Ты не передумала? — мягко проговорил он.

— Я... я решила, что, может быть, ты передумаешь? — выпалила Эмма.

Глаза его лукаво блеснули.

— И не надейся. Слишком долго я тебя дожидался.

Она растерянно потрясла головой.

— Как это может быть? Я бы поверила тебе, если бы была красивой, или талантливой, или обладала какими-нибудь особыми способностями, но я всего лишь...

Рука Николая легла ей на затылок и притянула к себе. Поцелуй его был глубоким и жарким, напомнив о головокружительной страсти прошлой ночи. После долгой минуты он поднял голову и уставился в ошеломленные синие глаза.

— Я хочу тебя. Я буду вечно ждать тебя, даже если ты решишь отвергнуть мое предложение. — Рука его скользнула по ее спине и остановилась ниже талии. — Подумай об этом, Эмма. Есть много причин, по которым люди вступают в брак. Любовь, одиночество, удобство, необходимость, а иногда, как в нашем случае, дружба. Не такая уж и плохая причина... Ты как считаешь?

Казалось, слова его распечатали нежданный источник внутри ее существа. Облегчение забило ключом, и она не могла сдержать порыва... Невозможно было не опереться на него, не принять его помощь.

— Нет, — задыхаясь, прошептала она, — я не передумала. Я имею в виду, что выйду за тебя замуж.

— Прекрасно.

Он снова поцеловал ее, крепко прижимая к своему возбужденному телу и давая ей ясно почувствовать, какое сильное желание она в нем вызывает. Эмма обвила его шею руками, губы ее приоткрылись под жестким напором его рта. Никогда не испытывала она такого захватывающего ощущения. Этот мужчина завладевал ею не только физической привлекательностью, но и необычайной силой своей личности. И вместе с тем ее это совершенно не пугало. Она рвалась навстречу его вызову, жаждала узнать его и покорить так же просто и легко, как покорила ее он. Сама себе удивляясь, она вдруг поняла, что не стала бы возражать, если бы он сию же минуту потащил ее наверх и занялся с ней любовью.

Николай откинул голову и чуть улыбнулся, словно читая ее мысли.

— Может, отправимся в Саутгейт-Холл и сообщим об этом твоей семье?

— Они не дадут тебе своего благословения, — предостерегла его Эмма.

Он лишь рассмеялся и нежно коснулся синего бантика у нее под горлом.

— Я и не собираюсь его выпрашивать, Рыжик.

В карете по дороге в загородное поместье Стоукхерстов они почти не разговаривали. Эмма была занята своими мыслями, а Николай молча торжествовал. Он исподтишка поглядывал на решительный профиль, она же неотрывно смотрела в окно. В сиянии солнечного света ее кожа излучала какое-то внутреннее свечение, заставляя веснушки сверкать брызгами золота. Он вспомнил, как струились сквозь пальцы ее волосы, мягкие и живые. Эмма дала ему больше радости и блаженства, чем он мог себе вообразить... Не говоря уж о том, что впервые в жизни он почувствовал себя в мире с самим собой.

Подавив мрачную усмешку, он представил себе, какотреагирует Лукас Стоукхерст на новость о предстоящей свадьбе. Они со Стоукхерстом всегда недолюбливали друг друга. Их разделяла не только личная неприязнь, но и глубокая пропасть культур. Отец Эммы с открытым подозрением относился к фатализму и мистицизму русского подхода к жизни, считая все непохожее на западный образ мыслей дикарством и варварством. Стоукхерст любил свою жену Тасю, но любовь эта не распространялась на ее родину, а Николая он считал выразителем самых зверских ее черт. И вот теперь дочь Стоукхерста собралась замуж за русского. В улыбке Николая сквозило дьявольское удовольствие.

— Не нравится мне выражение твоего лица, — заметила Эмма. — Ты выглядишь как кот, прижавший лапой мышку.

Он встретился с ней взглядом и усмехнулся:

— Кто же, по-твоему, эта мышка? Наверняка не ты.

— С каждой милей, приближающей меня к отцу, я чувствую себя все больше на нее похожей.

Он понимающе кивнул и прищурился:

— Но ведь ты не боишься отца? А?

Эмма неловко передернула плечами:

— Нет, но... это будет нелегко.

— Разумеется. Но битвы народов не будет, если тебя страшит именно это.

Она презрительно фыркнула:

— Как ты можешь это утверждать, зная мою семью?

— Верь в меня. Я умею быть очень убедительным. — И с проказливым блеском в глазах добавил:

— Пора бы тебе в этом перестать сомневаться.

Эмма насупилась и бросила на него свирепый взгляд, но он только насмешливо улыбнулся в ответ.

Наконец карета подъехала к огромному фамильному особняку. Один лакей помог им

выйти из экипажа, в то время как другой поторопился предупредить дворецкого об их приезде. Эмма взяла Николая под руку и, вцепившись пальцами ему в рукав, торжественно повела вверх по ступеням к парадной двери.

Она приветствовала дворецкого напряженной улыбкой. Лицо Сеймура оставалось, как всегда, невозмутимым, но Эмме показалось, что в глазах его мелькнула искорка любопытства.

— Сеймур, где папа и Тася?

— По-моему, они в библиотеке, мисс.

— Они принимают гостей?

— Нет, мисс Эмма.

Все перепуталось в голове у Эммы. Они с Николаем пересекли большой холл и приблизились к библиотеке, а она никак не могла сообразить, с чего начать. Как ей объявить семье, на что она решилась? Какими доводами отразить их возражения? "Это то, чего я хочу!" — упрямо повторяла она себе. А кроме того, дело зашло слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

Отец ее сидел за письменным столом и читал вслух какое-то письмо. Тася пристроилась рядом с вышиванием. При неожиданном появлении Эммы они оба подняли глаза, и на их лицах отразилось удивление. Нельзя было не признать, что они составляли прекрасную пару: оба красивые, темноволосые. Их нежная близость была очевидна и в том, как они обменялись взглядами, словно передавая друг другу мысли.

"Вот что могло быть у меня с Адамом, — подумалось Эмме, и она ощутила в груди жаркий прилив гнева. — Это ты виноват, папа. Я собираюсь выйти за человека, которого не люблю, потому что ты не дал мне выйти за того, кого я действительно хотела".

— Эмма, — с недоуменной улыбкой проговорила Тася, откладывая вышивание, — почему ты так скоро вернулась из Лондона? Что?... — Тут взор ее упал на Николая, и дальнейшие слова замерли на устах.

Эмме показалось, что эта немая сцена продолжалась целую вечность, хотя длилась она всего несколько секунд. Серо-голубые глаза Таси пронзительно впились в вошедшую пару. Эмма почувствовала, что мачеха со своей необыкновенной интуицией догадалась о необратимой серьезной перемене, которая сейчас произойдет в их жизни.

— Папа и belle-mere, — проговорила Эмма сдавленным голосом, — мы должны вам кое-что сообщить.

Лицо Люка окаменело. Он медленно покачал головой, словно заранее отрицая то, что она намеревается сказать.

— Николай и я... — неловко продолжала Эмма, — мы хотим... — Она замолчала, ощутив, что Николай слегка сжал ей локоть.

— Позвольте мне, — пробормотал он, устремив немигающий взгляд на Люка. — В последнее время дружба между мной и Эммой переросла в нечто более... значительное. Я сообщил вашей дочери о своем желании взять ее в жены, и она соизволила принять...

— Нет! — Отказ прозвучал резко и окончательно. Люк не удостоил дочь взглядом. Глаза его яростно впились в Николая, а лицо побледнело под бронзой загара. Было очевидно, что слово это вырвалось прямо из сердца, до того, как рассудок смог его осознать. — Не знаю, что, черт побери, здесь происходит. И знать не хочу. Убирайтесь из моего дома, а я сам разберусь со своей дочерью.

Этого бурная натура Эммы вынести не смогла. Она взорвалась:

— Не будешь ты со мной разбираться, папа! Я взрослая женщина и поступлю так, как захочу... Если Николай сейчас покинет этот дом, я уйду вместе с ним! На этот раз тебе не удастся победить меня.

— Емелия, — тихо прервал ее Николай, поворачивая к себе лицом, — не надо ссориться. Почему бы тебе не пойти с Тасей и не рассказать ей обо всем? Нам с твоим отцом надо остаться наедине.

— Что я должна ей сказать? — прошептала вспыхнувшая ярким румянцем Эмма. Он чуть улыбнулся.

— Что захочешь, душенька.

Эмма кивнула и перевела глаза на мачеху. Лицо Таси было бесстрастно, только между бровями залегла тревожная морщинка. Прямая и грациозная как тростинка, она направилась впереди Эммы к двери. Эмма неуверенными шагами последовала за хрупкой, изящной фигуркой.

Как только женщины покинули комнату, Стоукхерст заговорил по-другому. Его потрясение сменилось яростью.

— Зачем тебе понадобилась моя дочь? — рявкнул он. — Ты, хитрый русский ублюдок! Мне следовало вырвать тебе горло много лет назад, когда ты впервые начал крутиться вокруг моего дома и моей семьи! — Он взмахнул серебряным крючком, заменявшим ему кисть левой руки, и тот сверкнул стальным кинжальным блеском. Многие мужчины пришли бы в ужас при виде разъяренного Лукаса Стоукхерста. Даже на Николая это зрелище произвело сильное впечатление, его самоуверенность заметно поубавилась. — Я не допущу, чтобы она стала твоей, — прорычал Стоукхерст.

Николай не отступил:

— Боюсь, что у вас нет выбора. Если вы не дадите согласия, то потеряете Эмму навсегда. Она вам этого не простит. Поверьте моим словам, что брак этот состоится, с вашего согласия или без него. Так что можете спокойно дать нам свое благословение.

— Мое благословение? — возмущенно повторил Стоукхерст и расхохотался в лицо Ангеловскому.

— Вам не надо бояться за Эмму, — продолжал Николай. — Клянусь, я никогда пальцем ее не трону. У нее будет больше денег, чем она когда-нибудь сможет потратить. Я никогда не стану мешать ее благотворительности, ее зверинцу и тому подобному. У нее будет полная свобода. А вы знаете, что в этом она нуждается больше всего.

— Ей нужен муж, который будет ее любить. Вы не сможете дать ей это.

— Смогу, — сдержанно произнес Николай. — Спросите у нее. Она объяснит вам, чего хочет.

— Вы отлично выбрали момент. Сумели найти случай влезть в ее жизнь, когда она растеряна и уязвлена. — Стоукхерст внезапно замолк. Очевидно, у него возникло подозрение, от которого гнев его возрос вдвое. — Неужели вы осмелились прикоснуться к ней? Богом клянусь, я убью вас!

Николай сохранил невозмутимость.

— Эмма обратилась ко мне потому, что была несчастна. Жизнь, которую вела она здесь, в Саутгейте, больше ее не устраивала. Она взрослая женщина, а не маленькая девочка. Ей пришла пора выйти замуж.

— Не за вас! — последовал грозный ответ.

— Ни за кого другого она не пойдет.

Стоукхерст скрипнул зубами:

— Я найду способ вам помешать.

— Чем больше будете вы стараться, тем быстрее ускользнет она из ваших рук.

В потрясенном молчании наблюдал Николай за муками Стоукхерста, зная, что из всех перенесенных Люком страданий этот удар оказался самым тяжким. Князь почти сочувствовал страдающему отцу. Но жизнь полна несправедливостей. Он сам хватил их полной мерой.

— Как я уже сказал, у вас нет выбора, — обыденным тоном повторил он.

— Зачем вы это делаете? — выдавил сквозь стиснутые зубы Стоукхерст. — Собираетесь использовать ее потом в качестве козырной карты в какой-то своей игре? Или мстите мне за прошлое?

Николай коротко рассмеялся и широко раскинул руки, обращенные ладонями к Стоукхерсту.

— Я делаю это по одной простой причине. Я хочу ее. До свидания, Стоукхерст. Пожалуйста, передайте вашей дочери, что я навещу ее через несколько дней.

Не добавив более ни слова, он покинул библиотеку, довольный, что наконец добился своего.

Эмма с Тасей сидели в соседней гостиной на золоченых стульях, обитых гладким розовым дамаском. Тася продолжала пока сохранять спокойствие, но Эмма понимала, что мачеха отчаянно волнуется. Девушка ощущала свою вину в том, что расстроила ее, но ничего не могла с этим поделать. Она выйдет за Николая, и Тасе придется в конце концов смириться и признать, что это наилучший выход.

— ...Уверена, что Николай представляется тебе очень романтической фигурой, — говорила Тася. — Он опытен в обращении с женщинами. Он умеет добиваться их благосклонности, и они рады поверить ему, несмотря на доводы рассудка, убеждающие, что не стоит он их доверия. Николай — опасный человек, Эмма. Ты не знаешь об ужасных вещах, которые он творил, о том, на что он способен...

— Не говори мне ничего, — резко прервала ее Эмма. — Не стоит. Уже слишком поздно менять что бы то ни было, все уже совершилось.

— Что уже?... — побелела Тася. — О Боже мой, Эмма... — Она запнулась. — Ты позволила ему?... Ты ведь не?... Эмма потупилась.

— Это не важно. — Она не стала поднимать глаз, даже услышав, как у Таси перехватило дыхание. — Суть дела в том, что я хочу выйти замуж за Николая. Хочу жить собственной жизнью. Как бы ни сложилась жизнь с ним, она будет лучше той, которую я веду сейчас.

— Не будь так уверена в этом. Ты привыкла жить с людьми, которые тебя любят. Не надо принимать это как должное. Ты права: спала ты с ним или нет, значения не имеет. Мы никогда об этом никому не расскажем. Главное — защитить тебя, поскорее увезти подальше...

— Я никуда не поеду.

— Дай мне сказать, — проговорила Тася с непривычной резкостью, так что Эмма сразу смолкла. — Николай отличается от тех мужчин, которых ты знала до сих пор. Он не задумываясь предаст кого угодно, и тебя в том числе. Все, что он делает, делает только для себя и собственного удовольствия. — Тася крепко сжала руку Эммы. — Николая выслали из России не за измену отечеству. Он хладнокровно убил человека, Эмма. А когда его допрашивали и пытали чуть не до смерти в царских застенках, он, по-моему, окончательно растерял душу. Никто не сможет ему помочь. Есть нечто непоправимое и невозстановимое. Это не в человеческих силах!

Эмма неловко пожала плечами.

— Я знаю о том человеке, которого он убил. Мне все равно, что он сделал в прошлом. Я выйду за него замуж.

В глазах Таси блеснули слезы.

— Пожалуйста, не делай этого. Не отбрасывай всякую надежду на счастье. Ты еще так молода, столько можешь дать...

Эмма вырвала у нее свою руку.

— Не хочу больше это обсуждать. Я приняла решение.

Светлые глаза Таси сверкнули так ярко, что Эмма отпрянула.

— Ты поступаешь так, чтобы наказать Люка? Хочешь отплатить ему за то, что он уберет тебя от Адама? Но кончится тем, что больше всего вреда ты причинишь себе.

Эмма стиснула зубы.

— Папа ошибся насчет Адама.

— А если и так? Ну и что? Ох, Эмма, тебе еще столько надо узнать об умении прощать. Только юные могут быть так уверены в своей правоте, так оскорбляться и горевать, называя родительские ошибки предательством. Что из того, что отец твой ошибся? А ты... можешь ли ты поклясться, что ни разу не обидела его или не причинила ему боли?

— Я никогда не мешала папе любить, кого он хочет. Никогда не отнимала у него единственного человека, который мог бы сделать его поистине счастливым.

— Уходя из-под отцовской опеки, ты делаешь именно это. Если не понимаешь, насколько ты необходима для его счастья, ты вообще ничего в нем не понимаешь.

— Папе нужна только ты, Тася. Все это знают.

Смятение отразилось на лице мачехи.

— Эмма, ты же знаешь, что это не правда! Что, ради всего святого, с тобой случилось? — При виде упрямо молчащей Эммы она глубоко вздохнула и покачала головой. — Мы поговорим об этом позднее. После того как у нас будет время все обдумать.

— Я не изменю своего решения! — вызывающе бросила Эмма, провожая взглядом уходящую Тасю.

Тася вернулась в библиотеку. Николай уже ушел. Муж ее стоял у окна и невидящими глазами смотрел на солнечный день. Почувствовав ее присутствие, Люк произнес голосом, лишенным всяческих эмоций:

— Он сказал, что я не смогу остановить свадьбу, не потеряв ее навсегда. Он прав. Если я не дам своего разрешения, они просто сбегут и все равно поженятся.

— А что, если тебе отослать ее на некоторое время куда-нибудь? — предложила Тася. — Может быть, она побудет у твоей сестры в Шотландии? Или твоя мать увезет ее в заграничное путешествие?

— Николай последует за ней, куда бы я ее ни отправил. Я могу помешать этому браку, лишь убив его... или заперев свою дочь в ее комнате до конца жизни.

— Я буду снова и снова уговаривать Эмму. Может быть, мне каким-то образом удастся заставить ее понять, что за человек Николай на самом деле.

— Попробуйся, — безучастно откликнулся он. — Но не думаю, что будет толк.

— Люк... — Она подошла к нему сзади и обвила руками его талию, но он отчужденно напрягся.

— Мне надо побыть одному, — произнес он, отворачиваясь от нее. — Я должен подумать. — Он потряс головой и мучительно простонал:

— Господи, как я подвел мать Эммы! Все, чего Мэри хотела для дочери, — это счастья. А я допустил случиться такому...

— Ты никого не подвел. Ты всегда был самым любящим и щедрым отцом, какого только можно представить. Это не твоя вина. — Тася ласково погладила его по спине. — Эмма родилась своенравной. Она вспыльчива и упряма, но сердце у нее любящее, и она умеет учиться на своих ошибках.

Люк повернулся к ней, синие глаза его сверкали яростным огнем.

— Не на такой, — хрипло прошептал он. — Эта ошибка ее погубит... Но, будь я проклят, я ничего не могу поделать!

Вернувшись в свое поместье, Николай провел день за чтением последних отчетов своего управляющего, а затем устроился коротать вечер за бутылкой ледяной водки. Надев удобный халат серого шелка, он раскинулся у себя в покоях на кушетке янтарной кожи и принялся небрежно перелистывать томик Лермонтова.

В дверь нерешительно постучали, и раздался приглушенный голос Павла, его камердинера:

— Ваша светлость, к вам гостя, леди Стоукхерст.

Николай был несколько удивлен этим известием:

— Леди Эмма?

Павел приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Его широкоскулое русское лицо озадаченно насунилось:

— Нет, ваша светлость, ее мачеха, герцогиня.

С глубоким изумлением Николай поднял брови. Тася не наносила ему визитов со времени его болезни семь лет назад, когда она выходила его, буквально вырвав из объятий смерти.

— Это должно оказаться интересным, — сказал он. — Проси.

Он пристально смотрел на дверь, пока Тася наконец не возникла на пороге. Лицо ее осунулось и было фарфорово-бледным. Как всегда, она держалась с безупречным достоинством и серьезностью. Сиреневое платье прекрасно подчеркивало серебристую голубизну ее глаз, ни один волосок не выбивался из гладкой прически. Точно так же она выглядела и в восемнадцать лет: изысканно отрешенная, горделивая и замкнутая... Она всегда казалась Николаю загадкой.

— Ты оделась в траурные цвета, — с легкой насмешкой произнес он, вставая при ее появлении. — Но ведь нынче настает время праздновать, кузина Тася. — Он махнул рукой в сторону стоящего рядом с кушеткой столика и предложил:

— Может быть, хочешь водки? Или закусок?

Тася покачала головой при виде серебряного подноса, полного милых русскому сердцу угощений: ломтиков хлеба с маслом и икрой, крохотных пирожков с мясом, прихотливо разложенных кусочков сельди, а также разных солений.

— Тогда присядь хотя бы, — пригласил Николай. Тася продолжала стоять.

— Ты мой должник, — наконец тихо проговорила она. — Ты признал этот долг много лет назад и сказал, что он перейдет к твоим детям и детям твоих детей. Ты считал, что я убила брата твоего Михаила... Из всех, кто требовал моей казни, твой голос был самым громким. Когда я бежала из России сюда, ты последовал за мной в Англию, похитил и вывез обратно в Санкт-Петербург. Ты хотел, чтобы я умерла, заплатив за преступление, которого не совершала.

— Я был не прав, — поспешно возразил Николай. — Обнаружив свою ошибку, я сделал все, что мог, чтобы ее исправить.

— А позже, — продолжала Тася тем же холодным голосом, — когда, высланный, ты приехал в Англию, полумертвый, потерявший желание жить, я заботилась о тебе, пока ты не поправился. Без моей помощи ты мог умереть.

— Я умер бы несомненно, — грубовато признал он.

— Я никогда не просила у тебя ничего взамен... до сих пор.

— Чего же ты просишь сейчас, кузина? — пробормотал Николай, прекрасно понимая, какая просьба последует.

— Не женись на Эмме. Покинь Англию навсегда и больше ни разу не встречайся с моей падчерицей.

— А каково будет ей? Как перенесет она, что ее бросили двое мужчин подряд... за такое короткое время?

— Эмма молода. Она сильнее, чем ты думаешь. Она скоро оправится.

Губы его искривились в полуусмешке:

— Не будь дурочкой. Если я сейчас уеду, она будет раздавлена. В лучшем случае навсегда перестанет верить мужчинам. Она возненавидит тебя и твоего самоуверенного английского мужа. Ты этого хочешь?

Самообладание Таси дрогнуло, гневный румянец окрасил щеки.

— Возможно, это окажется для нее лучше, чем день за днем гибнуть от тебя. Умирать по капельке, по кусочку, пока от нее ничего не останется!

— Я стану для Эммы лучшим мужем, чем любой из тех, кого она сможет заполучить.

— Да уж, хорош будет муж, — язвительно подтвердила Тася. — Муж, который искусно управлял ее поступками и в конце концов совратил ее. Едва могу дождаться, что дальше будет. Может быть, намерения у тебя, Николай, хорошие. Возможно, ты сумел себя убедить,

что станешь достойным мужем. И все же ты только причинишь Эмме боль. Потому что изменить свою натуру не сможешь. Тебя навсегда искорежило прошлое, полное муки и ужаса. Многое случилось не по твоей вине, но дела это не меняет. Ты таков, какой есть. Я понимаю, почему ты хочешь Эмму. Она — сама доброта, и невинность, и сострадание, которых тебе не довелось испытать и прочувствовать. Ты намереваешься завладеть ею и держать подле себя наряду со всеми этими прекрасными сокровищами, которые собрал так любовно. Но я прошу тебя сейчас отдать мне свой долг чести. Ты должен оставить Эмму в покое.

Глаза Таси прожигали его насквозь. Они сверкали таким огнем, что Николай вынужден был отвернуться. Он сознавал справедливость ее просьбы и привык всегда платить свои долги. Это было делом чести и самоуважения. Но отдать Эмму?... Нет! Что угодно, только не это!

Тихий голос его нарушил хрупкую тишину:

— Я не могу!

Тася холодно улыбнулась, словно он еще раз подтвердил самые худшие ее подозрения.

— Ты просто себялюбивый негодяй, — прошептала она и покинула комнату.

Эмму удивило, как мало возражали ее родные против помолвки с Николаем Ангеловским. Разумеется, они попытались втолковать ей, как неразумно она себя ведет, но она встречала их уговоры ледяным молчанием. Если бы она уступила на дюйм, это поощрило бы их настаивать на своем, требовать, чтобы она поступала так, как хочется им. Ее упрямство подействовало. Отец и Тася, казалось, поняли, что она не откажется от брака с Ангеловским. В глубине души Эмма не сомневалась, что потом у нее будет полная возможность помириться с ними. Когда она благополучно выйдет за Николая и они увидят, как она довольна, то убедятся, что возражали зря.

Свадьба должна была состояться через шесть недель. Такая поспешность вызвала бурю сплетен.

Эмма не представляла себе, сколько удовольствия доставит ей реакция окружающих, особенно ревность и зависть женщин. Они приезжали с визитами, даже не пытаясь скрыть удивление тем, что Эмма сумела заполучить князя Николая Ангеловского, одного из самых заманчивых женихов в Европе.

— Но, дорогая моя, как вам это удалось? — поинтересовалась одна из вьедливых светских дам, леди Сифорд, чья дочка была помолвлена всего лишь с каким-то графом. — Князь почти не смотрел даже на мою Александру, а ведь она — одна из самых очаровательных девушек этого сезона! Возможно, он заинтересовался вами потому, что состоит в родстве с вашей мачехой?

Эмма сдержанно улыбнулась:

— Он как-то сказал, что я напоминаю ему русских женщин.

Леди Сифорд задумчиво окинула ее взглядом поверх края чайной чашки.

— Я понятия не имела, что русские женщины такого, как бы это сказать, крепкого

сложения. По-видимому, у моей милой Александры не было никаких шансов, она ведь такая изящная и миниатюрная.

Эмму передернуло от этого замечания, и Тася поспешила вмешаться.

— Русские женщины, леди Сифорд, славятся силой духа и живым, отважным характером, — проговорила она строго, глядя бесцеремонной гостье прямо в глаза. — Возможно, князь Николай увидел в Эмме именно эти качества и не заметил их в вашей милой Александре.

— Что ж! — Леди Сифорд оскорбленно поджала губы и замолкла.

Эмма благодарно улыбнулась Тасе. Хотя наедине мачеха продолжала возражать против брака, на людях она, как всегда, стояла за Эмму горой. Она даже отвезла ее к своему любимому портному, чтобы тот придумал необыкновенный фасон подвенечного платья. Его шили из шелка цвета слоновой кости, с высоким воротом и вставками из нежного старинного кружева. Вместе с Эммой Тася продумывала все детали церемонии, которая должна была состояться в часовне Саутгейт-Холла. Свадебный прием устраивали в белой с золотом бальной зале.

Множество дней Эмма провела с нанятыми Николаем ландшафтным архитектором и садовником. Они проектировали строения и загоны для размещения ее зверинца на землях поместья Ангеловского. Даже Тася вынуждена была признать, что Николай не жалел усилий, чтобы угодить всем желаниям и потребностям Эммы. Под ее вкус заново отделялись покои, предназначенные для новобрачной, и князь прислал ей образцы материй на выбор. Эмма одобрила бледно-голубой льдистого оттенка шелк для стен и тяжелую сапфирового цвета парчу для занавесей на окна и постель.

В те дни, когда Николай не приезжал с визитами, он присылал цветы и разнообразные подарки — от пестрой жестянки с бисквитами до изысканной золотой шкатулки с гербом Ангеловских. Как-то он привез ей кольцо из двадцати бриллиантов по числу ее лет. Тася нахмурилась, завидев такой неподобающий до свадьбы подарок, но настаивать, чтобы Эмма его вернула, не стала.

Внимание Николая приводило Эмму в недоумение. Однако он держался с чрезвычайной учтивостью: в гостиной садился на почтительном от нее расстоянии и лишь издали наблюдал, как она ухаживает за питомцами своего зверинца. Он разговаривал с ней, как старший брат, дружески и чуть шутливо, слегка поддразнивая. Но иногда она ловила на себе пристальный, манящий взгляд золотых глаз. Он следил за каждым ее движением, и она начинала нервничать, не зная, чего ожидать от него в любую минуту. Внешне он вел себя вполне цивилизованно, но под наружным лоском таился человек страстный и непредсказуемый. Ей все еще было трудно поверить в то, что Николай хочет ее, хотя какая-то часть ее существа сознавала, как его к ней тянет, потому что она сама чувствовала то же самое. Нет, она не любила его, но он ее завораживал, и ее тянуло к нему неудержимо, с неведомой ранее силой.

Утром в день свадьбы Эмма была испугана и встревожена. Однако отец невольно подтолкнул ее и тем помог ей преодолеть нерешительность. Люк вошел к ней в комнату, когда она была уже полностью одета в подвенечный наряд. Эмма повернулась к нему от зеркала, перед которым пыталась пригладить непокорные кудри, и виновато улыбнулась.

В платье цвета слоновой кости она выглядела высокой и тоненькой. Собранные в высокую прическу локоны были убраны кремовыми розами. В одной руке она держала маленькую Библию своей матери и кружевной платочек, одолженный у Таси, как полагалось

по английской примете: невеста должна иметь при себе что-то новое, что-то старое, что-то взятое взаймы, что-то голубое. Шею ее обвивала тройная нитка жемчуга — прибывший утром свадебный подарок Николая. Отец с трудом сглотнул, словно в горле у него застрял комок.

— Ты сегодня очень красива, Эмма.

— Спасибо, — чуть слышно отозвалась она.

— Как бы я хотел, чтобы такой тебя увидела Мэри!

Эмма растерянно заморгала, не уверенная, что мать одобрила бы этот брак. Она была совсем маленькой, когда умерла Мэри, и воспоминания о матери сохранились смутными, обрывочными. Скорее это были даже не воспоминания, а впечатления: тепло рук, нежный музыкальный голос, пышные рыжие, совсем как у дочери, волосы. Папа всегда повторял, что они с Мэри очень любили друг друга. Возможно, маме бы не понравилось, что она выходит за Николая.

— Эмма, — тихо начал отец, — если ты когда-нибудь пожалеешь... если наступит момент, когда ты сочтешь все это ошибкой... ты всегда сможешь вернуться. Я приму тебя с распростертыми объятиями.

— Ты ждешь, что я раскаюсь в этом браке, не так ли? — спросила она.

Люк промолчал, но отвел глаза в сторону, что было ответом само по себе.

— С моим браком все будет в порядке, — холодно проговорила Эмма. — Он будет не похож на ваш с Тасей, но меня он вполне устроит.

— Надеюсь.

— Неужели? — иронически осведомилась она. — Я в этом не уверена, папа — Она гордо выпрямилась и расправила плечи, внутренне решив: ничто на свете не помешает ей выйти за Николая Ангеловского.

Но позднее, когда они после венчания вместе шли по проходу церкви, в глазах у нее стояли непроливишиеся слезы.

Замкнувшись в скорбном молчании, Эмма почти ничего не запомнила из свадебной церемонии, за исключением того, что она оказалась краткой и безрадостной. Николай был, как всегда, красив, но мрачновато серьезен, и выражение его лица заставило ее осознать, что для него свадьба — всего лишь выполнение долга. У Эммы тоже не создалось ощущения, что заключается духовный союз. И даже вечные слова любви и обета из библейской "Книги Руфи": "Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом" — отозвались в ее душе эхом захлопнутой тяжелой двери.

Только во время принужденного веселья после свадебного приема Эмма начала дышать свободнее. Тосты шли за тостами, танцы сменялись танцами, а угощение состояло из английских и русских блюд. Свадебный пирог представлял собой грандиозное сооружение, украшенное цветами, птичками и амурчиками из сверкающего кристалликами сахара. Вечер достиг апогея, когда молодым пришла пора удалиться. Их шумной толпой проводили к

стоявшему наготове экипажу, осыпая колким рисом и поздравлениями.

Оказавшись в карете, Эмма разразилась неудержимым нервным хохотом, отчаянно тряся головой и рассыпая вокруг рисинки. Николай прочесал пальцами волосы в тщетной попытке избавиться от риса, застрявшего в его густых золотисто-каштановых волосах.

— По-моему, плодовитость нам теперь обеспечена, — сказала она, и Николай расхохотался при этом замечании, не отличающемся девичьей стыдливостью.

— Я, Рыжик, в этом и не сомневался.

Выражение его глаз бросило ее в краску. Она нагнула голову и смущенно поинтересовалась:

— А сколько детей ты хочешь иметь?

— Сколько Богу будет угодно послать. Эмма тронула врученное им кольцо — кроваво-красный рубин в обрамлении бриллиантов.

— Благодарю тебя, — произнесла она. — Оно прелестно.

— Тебе нравится? У тебя было странное выражение лица, когда ты увидела его впервые во время церемонии.

— Я удивилась, — честно ответила она. — Мне никогда не доводилось видеть такого большого драгоценного камня.

Николай улыбнулся и, взяв ее тонкую руку в свои, стал играть изящными длинными пальцами.

— У тебя будет много их, с еще большими камнями. Твои руки созданы для подобных драгоценностей.

— Да, они мне понадобятся, чтобы прикрывать следы звериных укусов, — откликнулась она, отнимая руку.

Николай наклонился и, приподняв ее ноги, положил их к себе на колени.

— Ник, — запротестовала она, поежившись, когда он снял с нее атласную туфельку на низком каблуке, — что ты делаешь?

— Устраиваю тебя поудобнее, чтобы ты не устала, пока мы едем в поместье. — И, не обращая внимания на возражения, он стал разминать и массировать ее облитые шелковыми чулками лодыжки.

— Я не хочу сидеть удобнее. Я... — Она сморщилась, когда он осторожно растерпующий подъем, но постепенно расслабилась и откинулась на бархатные подушки. — У меня чересчур большие ноги, — сумрачно пробормотала она.

— Ты восхитительная. — Николай прижал ее подошву к своему бедру, ближе к паху. Эмма вздрогнула, ощутив твердую продолговатость его возбужденной плоти, но не смогла заставить себя отодвинуться.

Эта блаженная пауза окончилась, когда они подъехали к поместью Ангеловских, и Николай снова надел ей туфли и спустил ее ноги на пол. Эмма преисполнилась почтительного изумления, осознав, что эта похожая на дворец резиденция является теперь ее домом. Огромная круглая бальная зала с бесчисленными колоннами и зеркалами, роскошные комнаты, отделанные золотом и драгоценными камнями, галереи и бесконечные анфилады покоев с высокими окнами... Все это теперь принадлежало ей, и она могла бродить по ним в свое удовольствие.

— Княгиня Эмма... — произнес Николай, словно читая ее мысли. — Много ли понадобится тебе времени привыкнуть к своему титулу?

— Возможно, мне никогда не удастся к нему привыкнуть, — скорчила она в ответ

мильную гримаску.

Карета остановилась прямо у широких ступеней, ведущих к парадной двери. Николай помог Эмме выйти. Тут же вокруг них засуетилась прислуга: лакеи поспешили распахнуть двери, дворецкий вышел на порог их приветствовать, а сзади в холле уже выстроились шпалерами служанки.

Николай подвел ее к порогу и махнул рукой в сторону застывшего в ожидании дворецкого.

— Ты, разумеется, знаешь Станислава по прошлым посещениям.

Эмма залилась краской, вспомнив последнее из них, когда она осталась у Николая на ночь.

Лицо дворецкого осталось успокоительно безучастным. На чистом, почти без акцента английском он произнес:

— Ваша светлость, все слуги приносят вам свои искренние поздравления и пожелания счастья. Мы постараемся служить вам верно и хорошо.

— Благодарю вас, Станислов, нет, Станис... — Эмма посмотрела на него с извиняющимся видом. — Я буду повторять ваше имя, пока не научусь выговаривать его правильно.

Прежде чем дворецкий успел ей ответить, Николай подхватил Эмму на руки и высоко поднял до уровня груди. Она изумленно ахнула:

— Что ты делаешь?

— Переносу тебя через порог, — ответил Николай. — Разве это не английская традиция?

— Только если невеста гораздо меньше жениха. Не надо... Я слишком тяжелая! Пожалуйста, спусти меня на землю.

— Перестань вырываться, а то я тебя уроню.

Эмма застонала от мучительной неловкости, но Николай решительно перенес ее через порог и прошел по холлу мимо ожидавших слуг. Под их хихиканье и перешептывания он пронес невесту до лестницы, ведущей в верхние покои.

— Ты разве не собираешься представить меня им? — спросила Эмма, оглядываясь на небольшую толпу при входе.

— Завтра. Сегодня я хочу быть лишь наедине с тобой.

— Остальной путь я могу пройти сама. Ты надорвешься.

— Пустое, — небрежно фыркнул он. — Я носил на плечах оленя, весившего вдвое против тебя.

— Как лестно! — пробурчала Эмма и от смущения молчала всю дорогу до своих комнат. Николай донес ее до покоев, специально отделанных для новобрачной, и поставил на пол посреди спальни.

— Ох! — воскликнула она, медленно поворачиваясь вокруг себя.

— Если тебе не нравится, мы все переделаем.

— Переделаем? — ошеломленно повторила она. — Я и думать об этом не желаю.

Покои состояли из гостиной, гардеробной, спальни и ванной комнаты и были красивее всех виденных ею когда бы то ни было раньше. Отделанные в голубых тонах, с хрустальными колоннами и аксессуарами, они подошли бы королям и царям. Стены были увешаны бесценными полотнами в массивных серебряных рамах. Русская печь, выложенная розовато-сиреневыми изразцами, помещалась в углу. Огромнейшая кровать была покрыта темно-

синим расшитым шелковым покрывалом. На ней горой громоздились подушки с кистями. Распахнув дверки шкафа красного дерева, Эмма обнаружила, что он пуст, за исключением некоторых предметов ее приданого, перевезенных сюда несколькими днями ранее.

— Где же твоя одежда? — удивленно спросила она.

— Мои покои в другом конце этого крыла.

— Значит, мы не будем делить комнаты?

Николай покачал головой, и Эмма вспыхнула из-за своей ошибки. Отец и Тася всегда спали вместе, начиная и заканчивая день в объятиях друг друга. По наивности Эмма решила, что Николай захочет так же устроить их жизнь. Если он останется в своих отдельных комнатах, они лишатся всех мелких интимных житейских подробностей, которые позволяют мужу и жене чувствовать себя друг с другом легко и удобно. Но, по-видимому, Николай не стремился к подобной фамильярности. Возможно, так оно и лучше... А может, он когда-нибудь изменит свои взгляды.

Она подошла к столу красного дерева, уставленному собранием крохотных резных фигурок. Взяв в руки одну из них, она заулыбалась от удовольствия: это был лебедь из белого коралла, с золотым клювом и сапфировыми глазами. Рядом стояли малахитовая лягушечка, золотой лев, слон из слоновой кости, аметистовый волк с золотыми лапами, а также медведь, рыбка, разные птицы — все из драгоценных металлов и самоцветов. Дольше всего взгляд ее задержался на самой выразительной фигурке: янтарном оскалившемся тигре с желтыми алмазами вместо глаз и мелким жемчугом вместо зубов.

— Эта коллекция принадлежала моей прапрапрабабке Емелии. Мне показалось, что тебе захочется ее иметь.

Эмма обернулась к нему, глаза ее лучились восторгом:

— Спасибо.

Николай кивнул на тигра, зажатого в ее руке:

— Говорят, эта вещица была у нее самой любимой.

Осторожно приблизившись к нему, Эмма легонько поцеловала его в щеку.

— Спасибо, — повторила она. — Ты очень добр ко мне, Ник.

Николай пристально смотрел на нее, чувствуя, как горит место на щеке, которого коснулись ее губы. На него нахлынуло странное состояние, и он замер, не шевелясь. Синие глаза Эммы, звук ее голоса, то, как она сжимала в руке янтарную фигурку, — все казалось ему знакомым, словно когда-то уже случалось. Сердце его забилось гулко и часто, в тяжком ритме. Воздух вокруг стал жарким, в голове медленно кристаллизовалась странная картина.

Она взяла в руки тигра, разглядывая его со всех сторон.

— Посмотри, как сверкают его глаза. Разве он не прекрасен?

— Прекрасен, — мягко согласился он, не в силах отвести глаз от ее сияющего лица. Он оторвался от этого зрелища лишь на мгновение, чтобы сказать золотых дел мастеру:

— Мы берем их все.

Она радостно засмеялась и порывисто обняла его.

— Ты так добр ко мне, — прошептала она ему на ухо. — Ты заставляешь меня любить тебя чересчур сильно.

Он провел губами по ее нежной щечке.

— В любви нет понятия "чересчур".

— Что с тобой? — тревожно нахмурилась Эмма. Видение исчезло. Николай потряс головой и коротко усмехнулся:

— Ничего. Просто какое-то странное чувство.

Он отступил на шаг, все так же не сводя с нее глаз. Сердце продолжало биться тяжкими, мучительными ударами. Проведя рукой по лбу, он ощутил испарину. Впечатление было такое, будто он прыгнул в ледяную прорубь, напарившись до изнеможения в жаркой русской бане.

— С тобой все в порядке? — настаивала Эмма.

— Позвони горничной, чтобы помогла тебе переодеться, — резковато произнес он и, круто повернувшись, направился к двери. — Я скоро вернусь.

Эмма недоуменно насупилась. Она бережно поставила на столик тигра и погладила его по спине кончиком пальца. Янтарь светился изнутри, словно жил какой-то своей, особой жизнью.

Николай смотрел на нее странным, отрешенным взглядом, словно созерцая нечто неземное... У кого Эмма уже видела именно такое выражение?

— У Таси, — тихо проговорила она. Тася выглядела точно так же после одного из своих предчувствий. Мачеха как-то объяснила Эмме, что русские люди очень суеверны. Жизнь их полна тайн и сказок, они крепко верят в предзнаменования и приметы. Что промелькнуло в голове Николая? Что предстало его мысленному взору?

Встревоженная Эмма вызвала горничную, и вскоре появилась девушка, ровесница Эммы, может, немножко постарше. У нее были умные серые глаза и толстая каштановая коса. Она хорошо говорила по-английски и сообщила, что ее зовут Марфа.

— Мне нравится имя Марфа, — заметила Эмма, когда та начала расстегивать замысловатый узор пуговиц и крючков на спинке лифа подвенечного платья. — Это что, русский вариант имени Марта?

— Да, ваша светлость. Мои родители называли всех детей по Евангелию. У меня есть еще два брата, Матвей и Лука, и сестра Мария.

— Мэтью, Люк и... Мэри? — догадалась Эмма.

— Да, — подтвердила служанка, помогая Эмме выбраться из платья, которое горкой опало на пол.

Она ловко подхватила пышное облако шелка и отнесла на ближайшее кресло.

— А твои братья и сестра все еще в России? — Эмма затаила дыхание, когда Марфа стала расстегивать на ней корсет.

— Нет, ваша светлость, они все здесь, работают на князя Николая. Мы приехали сюда с князем, когда... после того как... — Служанка замолчала, подыскивая слово поделикатнее.

— После его изгнания, — без обиняков dokonчила ее фразу Эмма.

Марфа кивнула, уголки ее губ приподнялись в улыбке.

— Как хорошо, ваша светлость, что вы прямо говорите все, как есть. Русские любят прямоту. Распустить вам волосы?

— Да, пожалуй.

В одной батистовой рубашке Эмма присела к туалетному столику. Горничная бережно отколола от огненных локонов кремовые розы и стала распускать прическу, расчесывая каждую прядь щеткой в серебряной оправе.

— Вам хотелось поехать в Англию с князем Николаем, — поинтересовалась Эмма, — или у вас не было выбора?

— О да, моя семья хотела сюда поехать. Мы ведь, знаете ли, издавна принадлежим Ангеловским. Разумеется, не по закону. Шестнадцать лет назад царь Александр отменил крепостное право, то есть освободил рабов. Но мы, Сударевы, служили Ангеловским более ста лет, так что сочли своим долгом последовать за князем Николаем, куда бы он ни поехал.

— Уверена, что он ценит вашу преданность, — сказала Эмма, хоть и подозревала, что Николай со своей надменной самоуверенностью, вероятно, считает это само собой разумеющимся.

Марфа пожала плечами:

— Бог даст, мы всегда будем при нем. Князь Николай — хороший хозяин.

— Это обнадеживает, — пробормотала Эмма. Служанка приостановила плавное поглаживание щетки и задумчиво вздохнула.

— Бывают минуты, когда я тоскую по России. А князь Николай вроде бы нет, хотя, по моему, должен. Что у него здесь за жизнь?! А там! Он был чуть ли не богаче царя. Двадцать семь дворцов и земли повсюду... Однажды он подарил своему брату, князю Михаилу, на день рождения гору.

— Гору?

— Да, красивую гору в Крыму. — Марфа старательно распутывала узелок, расчесывая локоны, пока волосы не распрямились. — Вам трудно себе представить, ваша светлость, какая жизнь была у нас в России. Иногда у меня сердце сжимается, так хочется снова увидеть родные края. У нас есть поговорка "В гостях хорошо, а дома лучше".

— Это верно, — подтвердила Эмма и рассмеялась. — Я рада, что ты здесь, Марфа.

Когда кудри Эммы рассыпались буйной шелковой волной по плечам, Марфа помогла госпоже надеть пеньюар из тонкого вышитого батиста.

— Вы очень похожи на русскую, ваша светлость.

Понимая, что ей сделали комплимент, Эмма благодарно улыбнулась:

— Боюсь, что я стопроцентная англичанка.

— У моих соотечественников добрые сердца и веселый характер. Полагаю, что вы русская по духу.

Эмма собралась было ответить, но в этот момент у нее громко заурчало в животе, и она, покраснев, смущенно рассмеялась.

— Я сегодня почти ничего не ела, — объяснила она, прижимая к животу ладонь. — Я так волновалась... из-за свадьбы.

— Принести вам супа и каких-нибудь закусок?

— Закусок? — повторила Эмма, с трудом выговаривая непривычное русское словечко.

— Это когда подают понемножку всяких вкусных, но не сладких угощений. Они вам

понравятся, ваша светлость. Я принесу сейчас вам их попробовать.

Служанка убежала, а Эмма стала бродить по своим комнатам. Она изумленно покачала головой, обнаружив ванную, отделанную исключительно белым мрамором. Золотые краны в форме дельфинов нависали над краем фарфоровой ванны.

Она задумалась, жила ли Тася в детстве в России в такой же роскоши. Прошное мачехи во многом все еще оставалось тайной за семью печатями, чем-то очень личным. Впервые Эмма начала сознавать, насколько Тася подавляла свою русскость, сколько русских обычаев она оставила позади вместе с родной речью. Как же отличалась их родная культура, как же трудно было им, и Тасе, и Николаю, приспособиться к чужой стране!

Тихий стук в дверь спальни предвещал возвращение Марфы. Служанка внесла большой поднос, уставленный аппетитно пахнущими блюдами. Здесь были супница с острыми щами, ломтики ветчины, лососина холодного копчения, пирожки с мясом и грибами.

С восторгом проследовав за девушкой в гостиную, Эмма уселась на мягкую кушетку, рядом с которой стоял небольшой столик. Марфа поставила на него поднос, указала Эмме на некоторые особенно вкусные кушанья и удалилась.

Еда действительно оказалась восхитительной. Многие блюда были приправлены чесноком, перцем и мускатным орехом. Эмма попробовала всего понемножку, щедро запивая еду крепким красным вином. Роскошь обстановки давала ей изумительное ощущение неги и довольства. Ее баловали, ее лелеяли.

— К этому легко привыкнуть, — пробормотала она, откидываясь на пышные бархатные подушки. От двери ей ответил голос Николая:

— Я искренне надеюсь на это, Рыжик. — На нем был халат из золотисто-коричневого шелка, чуть более темного, чем его волосы. Ноги и руки у него были голыми, и Эмма с внезапным испугом подумала, что, наверное, под халатом на нем ничего нет.

Однако она попыталась скрыть нервозность лучезарной улыбкой и подняла бокал, как бы приветствуя его.

— Не хочешь ли присоединиться ко мне, Ник?

— Только если ты перестанешь так улыбаться.

— Почему? — осведомилась она, настороженно наблюдая за его приближением.

— Потому, — прошептал он, и рука его скользнула ей на затылок, — потому, что от этого у меня голова идет кругом.

Ресницы Эммы, затрепетав, опустились, и она ощутила на своих губах его губы. Когда Николай уселся рядом с ней на кушетку, она неуклюже потянулась к подносу и, изображая радужную, благовоспитанную хозяйку салона, попыталась угостить его:

— Не хочешь ли поест пирожки?

— Пирожки, — поправил он и, нагнув голову, надкусил сочный пирожок из ее рук. Она удивленно хихикнула:

— Ты первый человек, которого я кормлю из своих рук.

Дождавшись, пока он проглотит первый кусок, она снова поднесла к его губам лакомство. Николай улыбнулся и ухватил весь остаток, чуть прикусив кончик ее пальца.

Несколько встревоженная, но заинтригованная, Эмма поколебалась, но потом все-таки поднесла к его губам кубок вина. Он отпил, глядя на нее поверх сверкающего драгоценными камнями края. Затем он медленно взял кубок из ее рук и отставил в сторону. Опустив палец в густое ароматное вино, он коснулся ее нежной нижней губки, оставив на ней рубиновую каплю. Эмма как замороженная не сводила с него глаз. Наклонившись к ней, он слизнул

повисшую винную бисеринку и ласково накрыл ее рот своим. Он целовал и полизывал ее губы все более долгими касаниями, пока Эмма не задрожала и не потянулась к нему. Ее руки скользнули по темно-янтарному шелку его халата, перешли на мощную грудь... Тогда он заключил ее в объятия, крепко прижимая к себе.

Эмма расслабилась, в голове все плыло от волнения и восторга, а губы его продолжали свое летучее скольжение. Шесть недель прошло с той ночи, когда он целовал ее именно так. Она успела позабыть, какое же это блаженство. Внезапно она ощутила отчаянную пустоту. Ей было необходимо, чтобы ее взяли и заполнили. Она жаждала повторения того волшебства, которое ощутила с ним в первую ночь.

Николай взял руку Эммы и потянул ее вниз, между их телами. Подчиняясь, она просунула руку под его шелковый халат, и пальцы ее сомкнулись вокруг атласно гладкой, горячей твердости его возбужденной плоти. Она ахнула и прильнула к нему всем телом, стремясь прижаться как можно теснее. Николай погрузил лицо в ее волосы, потерся, как кошка, щеками и лбом о мягкие кудри, пропуская сверкающие пряди сквозь пальцы, запутываясь в них. Он не знал, почему с ней все было не так, как с другими. Он обладал многими женщинами, но ни одна не оказывала на него такого действия, как Эмма.

Сомкнув пальцы на ее запястье, Николай поднял ее на ноги. Эмма встала и прижалась вспыхнувшим лицом к его лицу.

— Ник, — прошептала она, — ты придешь сегодня ко мне... в постель?

— Это приглашение?

Эмма приостановила свои шаловливые поцелуи.

— Хочешь получить его в письменном виде?

— Это не обязательно. — Он стянул с ее плеч пеньюар и бросил на пол. Легко провел ладонью по ее груди. Сквозь тонкую ткань ощущались гибкая податливость и теплота стройного девичьего тела. — Емелия... жена моя... — Слова вновь не шли с языка, и он в неистовом порыве завладел ее ртом, сминая, расплющивая его нежную сочность.

Он повел ее в спальню, где сбросил с себя халат и, обнаженный, сел на постель. Раздвинув колени, Николай притянул Эмму вплотную. Она стояла перед ним, держась за его плечи, пока он медленно поднимал подол ее рубашки вверх, к талии.

Его теплые ладони очертили плавную линию ее бедер, пальцы, едва касаясь, прошли по тугим ягодицам. Он прижался ртом к округлости ее груди и приник сквозь легкую ткань к острой твердеющей вершинке. Сосок жестко уперся ему в язык. Эмма застонала и прислонилась к нему, тонкие руки легли ему на голову. Ничего не видя вокруг, она направила его рот к своей груди и задохнулась, когда он куснул нежный пик, превращая его в напрягшееся жало.

Когда Эмма не могла больше выдержать этой изысканной муки, Николай опустил ее на постель и сорвал окутывающую ее ткань. Она положила ладони ему на спину, ощутив сразу грубый узор шрамов, и стала ласково их гладить, словно стараясь излечить давние рамы. Он провел губами по ее шее, груди, животу. Язык его обводил тайные чувствительные местечки, отчего тело ее вздрагивало и напрягалось.

Он поцеловал кустик рыже-коричневых локонов, и его горячее дыхание всколыхнуло их. Эмма постанывала, возбужденная стыдом и наслаждением, не зная, можно ли это допускать, и не желая прекращения блаженства. Ее руки вслепую нашли его голову, пальцы погрузились в густые волны его волос, подрагивая от их шелковистой ласки. Мир сузился до порхающего движения его умелого, дразнящего рта между ее бедрами. Она приподнималась

ему навстречу пылкими неловкими толчками, и каждый выдох превращался в страдальчески восторженный вскрик.

Николай поднял голову и надвинулся на Эмму, раздвигая ее колени. Когда началось его вторжение, она поморщилась от неожиданной болезненной тесноты в потаенном месте.

— Осторожнее, — выдохнула она с рыданием. Он ласково и бережно втискивался в нее, выжидая и приостанавливаясь, пока она не расслабилась под ним. Тогда они начали неторопливо и ритмично двигаться в такт, прижимаясь друг к другу с нарастающей голодной жадностью. Эмма запрокинула голову, а Николай покрывал поцелуями ее горло и плечи, шепча по-русски рокошующие ласковые слова.

Их стройные длинные тела переплетались, обвивали друг друга, мышцы напрягались и расслаблялись в стремлении к блаженству, манящему, желанному, недостижимому. Оно нахлынуло на них одновременно, внезапно, сладкой судорогой неопишуемого восторга. Николай вонзился мощным толчком в ее лоно, ощутил его тугую, упругую глубину и замер в ней, пока Эмма содрогалась в мучительном облегчении. Когда яростное биение крови в жилах утихло, Николай перекатился на спину. Эмма последовала за ним. Она перебросила через него руку и ногу и прижалась лбом к его гладкой повлажневшей груди. Совершенно обмякшая, она прильнула к нему, как дремлющая кошка.

Николай поднял руку к ее растрепанным локонам и стал нежно их гладить. Его широко открытые глаза были устремлены в темноту. Он был охвачен странными смешанными чувствами, испытывая одновременно отчаянное желание раздавить ее в своих объятиях или отбросить прочь. Мирная тяжесть тела жены, ее довольный вздох, когда она пристроилась к нему под бочок, — все это заставляло мучительно ныть его сердце. Ему никак не удавалось успокоиться, не мог он принять от нее необязательную легкую привязанность, которую сам же ей предложил. Если он позволит себе раскрыться, стать уязвимым хоть на миг, шлюзы откроются, и все, что он железной волей заставлял себя вытерпеть и забыть, вырвется наружу.

Осторожно высвободившись из-под нее, он встал с постели и ошупью нашел отброшенный халат.

— Николай? — сонно пробормотала она.

Не обращая внимания на тихий призыв, он накинул халат и твердым шагом направился в свои темные пустые комнаты в противоположный конец крыла.

Эмма растерянно села на постели и отбросила волосы со лба. Почему он внезапно ее покинул? Что она сделала не так? Прикусив губу, она старалась не расплакаться. Она ведь не ребенок, она взрослая замужняя женщина, которая не может позволить себе такую глупую блажь, как слезы.

— Ты сама выбрала такую жизнь, — утрюмо напомнила она себе. — Постарайся теперь сделать ее лучше.

Прошло много времени, прежде чем она снова откинулась на подушки, и еще больше, пока наконец она заснула, свернувшись калачиком посреди огромной постели.

Часть вторая

*Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет...*

А. С. Пушкин

Николая отвлекли от работы отчаянные выкрики за окнами библиотеки. Он вскочил из-за стола и, не обращая внимания на растерянно застывших в креслах управляющих мистера Мидоуса и мистера Бэйли, с которыми совещался, в два шага оказался у окна. Поглядев на хмурую картину октябрьского утра, он молча застыл.

— Ваша светлость, — с тревогой обратился к нему Мидоус, — что-то случилось? С кем? Николай покачал головой.

— Это моя жена, — пробормотал он. — Занимается своими ежедневными упражнениями. — С легкой улыбкой он наблюдал, как Эмма в белой рубашке, брюках и сапожках бежит по аккуратному газону наперегонки со своим псом Самсоном. Глядя на это зрелище, незнакомые с ней люди могли бы решить, что ее пора отправить в сумасшедший дом. Эмма гонялась за собакой по клумбам и газонам, перепрыгивая через расчерчивающие регулярный французский парк низко подстриженные кусты. Рыжие кудри развевались по ветру, как знамя. В мгновение ока она круто развернулась и помчалась в другую сторону. Ее неуклюжий пес бросился за ней.

За месяц, прошедший после женитьбы Ангеловского, все обитатели и слуги его поместья привыкли к раскрепощенному поведению Эммы и к тому, что она разгуливает в мужском наряде. Обычным стало зрелище молодой княгини, прохаживающейся по дому под ручку со старым шимпанзе. По сравнению с этим бурные игры с собакой на лужайке казались пустяком.

Николай не делал замечаний жене по поводу эксцентричности ее манер. Он просто получал от них огромное удовольствие, особенно когда она шокировала окружающих. Он наслаждался ее сообразительностью и необычным складом ума, прямоотой и отсутствием какого бы то ни было притворства. Она обладала неиссякаемой энергией ребенка, могла доработаться до изнеможения, а затем сбросить напряжение бешеной скачкой или пробежкой по полям вдогонку за Самсоном.

Николай наслаждался каждой минутой, проведенной в ее обществе... За исключением тех моментов, когда она внезапно затихала и стремилась ласково прильнуть к нему, положив кудрявую голову ему на плечо. Тогда он заставлял себя уклоняться, чтобы не впасть в безумную панику. Эмма понятия не имела, чем его пугала, какими разрушительными последствиями грозила ее улыбка. Он не станет... Он не может влюбиться в нее. Но точно так же не мог он игнорировать свое желание быть с ней. Поэтому их взаимоотношения все время сложным образом балансировали между притяжением и отталкиванием.

Князь был уже готов отвернуться от окна, когда Самсон, догнавший Эмму, прыгнул на нее с разбега и толкнул здоровенными лапами в спину. Она упала ничком и не шевелилась.

Николая словно подбросило. С бешеной энергией, не промолвив ни слова ошеломленным посетителям, он в два шага проскочил всю комнату и, рывком распахнув французское окно, помчался не разбирая дороги к лужайке.

— Эмма! — хрипло воскликнул он, подбегая к лежавшей неподвижно жене. Он упал рядом с ней на колени, вминая их в мягкую землю.

Эмма мучительно давилась воздухом. Он перевернул ее навзничь, и кровь отлила у него от лица, когда он увидел, что ей никак не удастся вздохнуть.

— Емелия. — Он трепеща склонился над ней и стал расстегивать верхние пуговицы ее

рубашки.

— Я... со мной... все в порядке, — прохрипела она — Дух... вышибло... — Она попыталась сесть, но он прижал ее плечи к земле.

— Тихо. Лежи тихо и просто расслабься. Нигде не болит? Не тошнит?

Эмма помотала головой, а он тщательно осматривал ее, не видно ли крови или признаков перелома.

— Да нет же! — все еще задыхаясь, выговорила она, пытаясь оттолкнуть его проверяющие руки.

Самсон приблизился, жалобно повизгивая и виновато тычась в ее волосы. Николай насупился и нетерпеливо отпихнул его в сторону. Самсон попятился на несколько шагов и улегся на землю, тревожно подвывая.

— Ваша светлость, — раздался голос дворецкого. Он находился еще в нескольких ярдах, но торопился спросить, чем может помочь. Было очевидно, что слуги уже знают о происшествии. — Послать за доктором?

— Пока не надо, — ответил Николай, вглядываясь в бледное лицо жены. — Посмотрим, как она будет себя чувствовать через несколько минут. Возвращайся в дом, Станислав.

— Хорошо, сэр.

К его удивлению, Эмма, как только выровнялось дыхание, захихикала.

— Мы играли, — прерывисто дыша, объяснила она. — И я с размаху упала на живот... всего-навсего.

— Да, я видел, — отозвался Николай, подтягивая ее к себе на колени и прислоня к груди.

Пригладив упавшие ей на лицо кудри, он прислушался к ее успокаивающемуся дыханию и нежно дотронулся до порозовевшей щеки. Задержав палец на золотистой россыпи веснушек, он легчайшим касанием прошелся по ним. Он понимал, что множество взглядов наблюдает эту картину из окон, но сдержаться не мог. Не мог заставить себя выпустить ее из рук.

— Сможешь сидеть сама? — наконец услышал он свой голос.

— Да, пожалуй.

Он бережно помог ей сесть, продолжая поддерживать под спину.

— С тобой все хорошо?

— Да, — прошептала Эмма, Синие глаза ее смотрели кротко и смущенно. Лица их находились очень близко друг к другу, дыхание смешивалось.

Николай хотел попенять ей, потребовать, чтобы она впредь была поосторожнее, но смог лишь беспомощно уставиться на ее полуоткрытые губы, такие мягкие, так прелестно изогнутые...

— Ник? — прошептала она, и рука ее трепетно потянулась к его груди, туда, где гулко и жаростно билось сердце.

С низким горловым стоном он приник к ее губам, отдаваясь неодолимому темному порыву. Эмма уступчиво, бессильно лежала в его объятиях, безмолвно покоряясь его страсти. Ее пальцы легли ему на затылок и робко скользнули в густые волосы.

Николай откликнулся мгновенно и решительно: плоть его жестко вздыбилась, упираясь в тесные, облегающие брюки. Он жаждал пригвоздить ее к земле и вонзиться в ее манящее лоно... тут же, прямо здесь, вминая ее бедра в пахнущую травами почву. Он хотел, чтобы она содрогалась от желания и срывала с него одежду, стараясь добраться до нагой кожи. Почти

дойдя до точки кипения, готовый взорваться от переполнявших его вожделения и нежности, он отпрянул и столкнул ее с колен.

Эмма села на корточки, растерянно глядя на него. Как можно суше Николай объявил:

— Постарайся избавить прислугу от лицезрения твоих забав вроде нынешней. Да и мне надо работать. Кроме того, если ты собираешься провести остаток дня с этим блохастым чудищем, советую тебе принять затем ванну. Запах, который вы оба распространяете, одинаков и весьма заметен.

Эмма оскорбленно выпрямилась.

— Бывает, что Самсон пахнет сильнее обычного, но блох у него нет!

Николай бросил ироничный взгляд на пса, в эту минуту старательно скребущего себя задней лапой, и усмехнулся, а затем молча встал и пошел прочь.

Эмма наклонилась к Самсону и потрепала его по грубой шерсти, провожая свирепым взглядом удаляющуюся фигуру мужа.

— Он просто невозможный человек, — сообщила она псу, радостно уткнувшись в нее. — Не обращай на него внимания. Нам все равно, что он о нас думает.

Покачивая головой, она задумалась. Что на Николая находит? То он ее страстно целует, то в следующее мгновение отшатывается, словно обжегся. После трех месяцев замужества он оставался для нее загадкой. Очень редко объяснял он мотивы своих поступков и решений, еще реже проявлял чувства. Но, несмотря на растущую досаду, Эмма была им околдована.

Николай бывал дьявольски занимателен, умел, рассказывая о событиях и людях, которых знал, с легкостью вызвать смех, изумление, а иногда и страх. Он терпеливо слушал, когда она читала вслух свои редкие письма к Тасе и ее ответы, и утешал, когда она огорчалась из-за натянутых отношений с семьей. Но при этом он мог, неизвестно по какой причине, быть невыносимо черствым и холодным. Она приписывала частые приступы его плохого настроения тому, что он много пил. Ежевечерним ритуалом для него было выпить за ужином несколько стаканов вина, завершив стаканом водки. Однако она никогда не видела князя пьяным. Спиртное делало его подчеркнуто вежливым, настороженным и донельзя проницательным.

В обществе считали его своим, похожим на большинство аристократов, проводивших жизнь в погоне за удовольствиями, для забавы слегка балуясь делами. Эмма быстро поняла, что это весьма далеко от истины. Николай посвящал делам больше времени, чем кто бы то ни был из ее знакомых, даже больше ее отца. Он умело управлял своим состоянием, делая тщательно продуманные инвестиции и участвуя в финансовых предприятиях, настолько сложных, что Эмма пугалась при одном виде сопутствующих им документов.

Светские обязанности, прием гостей и устройство развлечений для них оказались делом не слишком трудным, так как самой Эмме почти не приходилось заниматься их организацией. За много лет все было великолепно отлажено, и слуги прекрасно справлялись с ведением хозяйства, приготовлением и подачей еды, а также заботой о нуждах каждого из гостей. Как Николай и обещал, Эмма могла проводить большую часть времени в заботах о своих животных и в занятиях благотворительностью.

Поток гостей, стремившихся посетить Ангеловских, казался неиссякаемым, так что особняк их больше походил на отель, а не на семейный дом. За столом не переводились иностранцы, прибывавшие из Америки и с континента, а иногда даже из России. Послеобеденные разговоры мужчин касались исключительно дел: доходов и процентов, акций и инвестиций, пошлин и налогов. Иногда Эмма садилась в сторонке и тихо слушала их

изошренные дискуссии. Ее забавляло, с каким почтительным ужасом относились все эти люди к ее мужу, как хотели стать его друзьями и как при этом боялись его. Она им даже слегка сочувствовала. Николай мог быть обаятельным и приветливым, а спустя минуту — резким и суровым.

Жестче всего он относился к тем, кто пытался ему польстить. С язвительной усмешкой он объявлял им, что печется лишь о своих интересах, а кто считает иначе — просто глупец. Казалось, он не нуждался ни в чьей дружбе, и, как ни странно, это заставляло людей еще больше стремиться к близости с ним.

Со своей стороны, Эмма научилась сдерживать порывы быть с ним ласковой. Его словно бы раздражало, когда она мимоходом пыталась его поцеловать. Он был нежным и умелым любовником, но никогда не обнимал ее после акта любви, не давал прильнуть к себе в блаженной усталости. В одну из таких ночей, когда она попыталась на мгновение положить голову ему на плечо, он с раздраженным восклицанием быстро покинул постель. Ласки, касания, поцелуи были приемлемы, только если он сам их начинал. Эмма привыкла не нарушать расстояния, которое он установил между ними, и убедила себя, что, пожалуй, это к лучшему. Гораздо спокойнее жить без любви, зато и без сердечных мук и тоски, которые она несет с собой.

Затхлый воздух чердака всколыхнулся клубами пыли, когда Эмма с помощью Марфы и Марии Сударевых вытащила из дальнего угла громоздкий сундук. Обнаружив под крышей особняка пять запертых кладовок, Эмма спросила Николая, что в них находится. Он равнодушно пожал плечами и ответил:

— Семейное старье из дворца Ангеловских в Санкт-Петербурге. Посуда, резьба, безделушки... Ничего особенного. Посмотри их, если хочешь.

При этих небрежных словах любопытство Эммы выиграло не на шутку. Она потребовала у экономки ключи от всех чердачных помещений. Евстафьевна, жизнерадостная толстуха, которая с замечательной сноровкой управлялась со сложным хозяйством дома, предложила:

— Возьмите себе в помощь сестер Сударевых. Они снесут вниз те вещи, что вы захотите, и вычистят или вымоют их. Обе они девушки сильные и работающие.

Предложение Эмме понравилось. Марфа и Мария были очень похожи. У обеих были каштановые волосы, обаятельные улыбки и веселый, общительный характер. Взяв в каретном сарае нужные инструменты, они втроем отправились наверх и принялись открывать сундуки и ящики, отпирая позолоченные замки и сбивая скрепы. К несказанной радости Эммы, они сразу же обнаружили много интересных вещей: медвежью шкуру, обшитую золотой тесьмой, дамский туалетный прибор с серебряными ручками, резную деревянную шкатулку, полную вышитых кисейных шарфов.

— Какая прелесть! — воскликнула Эмма, бережно разворачивая легкие шелковистые полотна. — Для чего их используют?

Сестры Сударевы с восхищенными возгласами разглядывали содержимое шкатулки.

— Ими женщины покрывают голову, ваша светлость, — ответила Марфа. Она порывалась под шелковой кисеей и вытащила золотой обруч, чуть согнутый в одном месте, так что получился небольшой зубец. С его конца свисала рубиновая слезка. — Показать вам, как их носят?

Эмма кивнула и осталась сидеть на полу, а Марфа поднялась на ноги и покрыла ей волосы вышитой жемчугом вуалью. Затем она надела поверх нее золотой обруч, повернув его так, что рубиновая подвеска легла на лоб точно посередине.

— Замужние женщины не должны ходить простоволосыми. Они покрывают голову, чтобы чужой глаз не увидел их волос, — объяснила Марфа, отступая на шаг, чтобы полюбоваться делом своих рук. Она подала Эмме зеркальце с серебряной ручкой из туалетного прибора. — А вот девицы пристраивают кисею так, чтобы маковка оставалась открытой.

Эмма, прищурившись, старалась разглядеть свое отражение в помутневшем волнистом стекле.

— Я выгляжу странно, — сказала она, со смехом дотрагиваясь до рубина, покачивающегося надо лбом.

— Вам очень идет, — заметила Марфа. Мария кивнула:

— Вы выглядите совсем по-русски, ваша светлость.

— Давайте посмотрим, что еще здесь найдется. — Эмма сняла с себя золотой обруч и вуаль и снова полезла в сундук. Там лежали красивейшие вязаные шали и кружева, старинные гребни резной кости, выцветшие шелковые туфельки и кошельки, усыпанные сверкающими самоцветами. — Поглядите-ка на это, — проговорила она, вытаскивая на свет драгоценные кошелечки. На розовом шелке была вышита буква "Е". Марфа внимательно рассмотрела кошелек.

— Он мог принадлежать жене первого князя Николая. Ее звали Емелия.

— Неужели? Князь Николай как-то упоминал мне о ней. Кажется, она его прабабка?

Марфа кивнула:

— Да, Емелия была крестьянской девушкой из-под Москвы. Хотите послушать историю о Николае и Емелии?

— Конечно, хочу, — отозвалась Эмма, усаживаясь по-турецки.

Она уже успела заметить, что все русские слуги обожали при каждой удобной возможности рассказывать и слушать занимательные истории. Все они начинались одинаково: "Давным-давно..." или "В стародавние времена..." Эмма выжидательно посмотрела на Марфу и приготовилась слушать. Глаза служанки засияли от удовольствия.

— В стародавние времена жил-был могущественный и властный князь по имени Николай. Он был отважным витязем и так хорош собой, что солнце завидовало его светлому лику. Но любовь никогда не касалась его сердца. С годами ожесточилось оно и покрылось каменной коркой.

Когда же пришла пора ему жениться, приказал он, чтобы согнали к нему на смотрины девиц со всей Москвы и ее окрестностей, а он будет из них невесту выбирать. Явились пять сотен красавиц в надежде стать его нареченной. И стал он ходить между ними и отпускал прочь одну за другой, даря каждой золотую монету.

И уже совсем он отчаялся найти девицу себе по сердцу, когда упал его взгляд на Емелию, красавицу крестьянку. Солнце коснулось лучами ее волос, и засверкали они, словно волшебные красно-золотые перья сказочной жар-птицы. Чем больше смотрел князь Николай на это прекрасное сияние, тем больше согревалось его сердце, пока не почувствовал он, что каменная корка на нем расплавилась и исчезла.

"Вот моя невеста", — объявил князь Николай и, подхватив Емелию на руки, унес ее в свой дворец, а остальные девушки разочарованно отправились по домам. Князь Николай обвенчался с Емелией ко всеобщей радости. Велика была их любовь друг к другу, и зачали они сына... Но тут их история становится горькой.

— Почему? — не выдержала невольно заинтригованная Эмма. — Что произошло?

— Вскоре после свадьбы прогневал князь Николай царя, а завистливые бояре обратились против него.

Князя бросили в темницу, где он заболел и скончался. Княгиня Емелия тоже чуть не умерла от тоски и печали. Она скрылась от врагов своих в монастыре и там тайно родила сына. Мальчик вырос таким же красивым и благородным, как отец, и стал одним из самых могущественных людей в России. Он был одним из любимцев царицы Елизаветы.

— Неужели это было на самом деле? — недоверчиво поинтересовалась Эмма.

— О да, ваша светлость.

Эмма вглядывалась в крохотный вышитый кошелечек, лежавший у нее на коленях, поворачивая его к свету то одной стороной, то другой, отчего драгоценные бусинки на нем весело сверкали.

Грустная история растрогала ее, но не желая показать этого, она прикрылась легкой насмешкой:

— Только предок Ангеловских мог быть таким надменным, что заставил пятьсот девушек стоять перед ним, пока он будет выбирать себе жену... Да я бы плюнула ему в лицо!

— Возможно, — ответила Марфа с лукавым блеском в глазах. — Но говорят, что князь Николай был очень красивым мужчиной. Иногда ради этого стоит простить некоторую надменность. Как вы считаете?

— Мне все равно, каким бы красавцем он ни был. Все это сплошное дикарство!

— Такова была их семейная традиция. Теперь, конечно, так не делается, русские переняли западные обычаи...

— Слава Богу, хоть пришел прогресс, — фыркнула Эмма.

Она перегнулась и достала из сундука завернутую в материю раму. С помощью девушек она развернула ее и обнаружила живописное полотно: старинный осыпавшийся пейзаж. Краска потрескалась и покрылась слоем многолетней грязи. На Эмму картина особого впечатления не произвела: какая-то любительская вещица. Почему ее решили сохранить? Она сморщила нос и покачала головой.

— По-моему, она никакой ценности не представляет. Разве что была дорога кому-то как память.

Марфа и Мария стали у нее за спиной, чтобы получше разглядеть изображение. Это была сцена русской охоты: по темным полям борзые гнались за волком. В отдалении на фоне бледно-сиреневого неба виднелся загородный дворец.

— Посмотрите, — сказала Мария, указывая на уголок картины, где краска немного облупилась, — под слоем что-то виднеется.

Эмма склонилась пониже к холсту и поцарапала растрескавшуюся краску ногтем. Большая чешуйка краски отскочила, обнажив пятно, в котором проглядывало что-то медно-красное и телесное.

— По-моему, ты права, — заметила она. — Кто-то изобразил охоту поверх другой картины. Интересно, что там может быть?

Она отложила картину в кучку вещей, которые собиралась забрать вниз, и принялась сортировать дальше. Так прошло еще два часа. Эмма вспотела и перепачкалась пылью. Улыбнувшись сестрам, которые явно устали не меньше, она объявила:

— Давайте на сегодня закончим.

Служанки немедленно согласились и, взяв в охапку отобранные сокровища, понесли их в ее комнаты.

Эмма как раз прислонила картину к бархатной спинке кушетки в своей гостиной, когда раздался легкий стук в дверь и прозвучал голос Николая:

— Я пришел узнать, готова ли ты к обеду. Сегодня приедут несколько заводчиков-американцев, и ты... — Николай оборвал себя на полуслове при виде ее мятого платья, пропыленных лица и рук. На лице его мелькнуло раздражение, но он тут же нехотя рассмеялся. — Ты что, перевернула вверх дном весь чердак?

— Это настоящая сокровищница!

— Тебе надо немедленно умыться и одеться к ужину, — сказал он, с сомнением поглядывая на кучу найденных ею сокровищ. — Американцы...

— Подойди взгляни на эту картину, — настаивала Эмма, подзывая его к кушетке. — Она тебе знакома? Что-нибудь для тебя значит?

— Ничего.

— Посмотри в тот уголок, где осыпалась краска. По-моему, под верхней картиной скрыта другая.

— Возможно, — равнодушно произнес он. — Так вот, насчет ужина...

— Не можем ли мы узнать, имеет ли смысл ее реставрировать? Что, если под ней находится какое-нибудь чудесное творение, которое ждет не дождется, чтобы его явили на свет Божий?

— Если тебе так хочется, мы найдем кого-нибудь, кто этим займется. Хотя сомневаюсь, что там скрывается что-либо стоящее. Эмма, тебе следует поскорее привести себя в порядок и сойти вниз.

— Что, ради всего святого, могу сказать я группе заводчиков?

— Просто сиди мирно и улыбайся. — Николай бросил на нее многозначительный взгляд. — И чтоб никаких замечаний о несчастных птичьих трупиках, когда подадут фазана.

Проказливая ухмылка сверкнула и исчезла.

— А то что будет? — Подойдя к туалетному столику, она пристроила на волосы старинную русскую вуаль и обруч. В точности, как ей показала Марфа. Оглянувшись через плечо стой же лукавой улыбкой, она продолжала:

— Если я оскорблю чувства твоих американских гостей, ты меня побьешь? Каким именно образом наказывают русские князья своих жен?

Она замолчала, увидев, как он изменился в лице. Николай побелел как полотно и смотрел на нее потемневшими, полными ужаса глазами. Эмма медленно сняла с головы легкий старинный убор.

— Что-то не так? — спросила она.

Николай не ответил. Не было слов, чтобы передать его ощущение. Он перенесся в другое место. На миг его перебросило из одного времени в другое. Он увидел плачущую Эмму. Лицо ее опухло и покраснело от слез, волосы растрепались и спутались...

— Пожалуйста, накажите меня, — умоляла она.

— Дурочка ты, дурочка, — хрипло прошептал он и притянул ее к себе, стараясь успокоить и глядя по спине. Она дрожала не переставая. — Как, ради всего святого, могу я тебя наказать? Оставить на тебе след кнута? Как, по-твоему, могу я причинить тебе боль собственными руками? О, не думай, что мне этого не хочется, умница ты моя горемычная! Но даже очень постаравшись, я не смогу и пальцем тебя тронуть!

— Потому, что я ваша жена? — дрожащим голосом спросила она.

— Потому, что ты моя. Ты — единственная, кого я когда-либо желал, пусть в тебе и таится, наверное, моя погибель...

Яростно тряхнув головой, Николай прогнал странное видение. Он не мог понять удивительно мощное, сладкое и мучительно-пронзительное чувство, которое стиснуло ему горло. Сознывая, что Эмма ждет от него каких-то слов, он ответил ей взглядом, полным растерянности и внезапного гнева.

— Ник, — начала было она, но он уже отвернулся и направился к двери.

Его охватила паника, он задыхался. В мозгу билась одна мысль: бежать подальше... подальше от изумленных глаз жены.

Эмма приветствовала американских гостей жизнерадостной улыбкой, хотя ей было не до веселья. Она надела одно из самых своих любимых платьев из золотистого и кремового шелка, с глубоким квадратным вырезом, открывающим грудь почти целиком. Пышная оборка украшала двойную юбку и окаймляла доходящие до локтя рукава. Волосы ее были собраны в высокий узел, с которого ниспадали на шею два длинных локона. Она выглядела модно и очаровательно, сознавала это и потому чувствовала себя уверенно. Ей так необходима была эта уверенность в себе!

После сцены в спальне Николай впал в одно из своих непредсказуемых настроений. С ней он держался равнодушно, с легким оттенком презрительности, которая ее раздражала и обижала. Эмма знала, что не совершила ничего плохого, однако это не мешало его беспричинным, по крайней мере по ее мнению, приступам. Возможно, такое происходило из-за того, что он слишком много пил, а может быть, и слишком много работал. Наверное, ей следовало поскорее навестить Тасю и посоветоваться с ней насчет того, что гложет

Николая. Тася всегда повторяла, что в русском характере много мистики, суеверий, тайн. Она смогла бы пролить свет на то, что происходит с Николаем. Если бы он сам захотел помочь Эмме понять, что с ним делается! Но она уже поняла, что его об этом лучше не спрашивать.

За длинным обеденным столом, покрытым льняной скатертью, разместились десять гостей. Эмма и Николай сидели у противоположных концов стола. Как обычно, еду подавали по-русски: лакеи принимали с кухни горячие блюда и разносили их вдоль стола, предлагая каждому гостю. Повернув голову налево, Эмма улыбнулась сидевшему рядом тридцатилетнему джентльмену по имени Оливер Брикстон. Он был далеко не красив, с лицом круглым и неинтересным, редящими волосами, но с дружелюбной и доверчивой манерой, придававшей ему какое-то детское обаяние.

— Это ваш первый приезд в Англию, мистер Брикстон? — поинтересовалась она.

— Да, первый, — признался он, произнося слова с глухим нью-йоркским выговором. — До сих пор я никогда в жизни не выезжал за границу. Моя поездка началась с Франции, затем я побывал в Италии, и вот теперь — Англия. Вопреки моим ожиданиям она оказалась вовсе не такой чопорной.

Эмма была покорена его искренностью.

— Англия более чопорная, чем Америка, или менее?

— К моему удивлению, менее. Думаю, это происходит потому, что мы, американцы, все время стараемся доказать, будто мы не хуже. Видимо, из-за того, что живем в такой молодой стране. Нью-йоркское общество ведет себя напыщенно, надеясь тем самым не выдать нашу неотесанность.

Не донеся ложку до рта, Эмма лукаво посмотрела на него.

— Я не могу заметить вокруг никакой неотесанности.

Брикстон улыбнулся, продолжая с удовольствием поглощать ароматный суп с трюфелями.

— Рад слышать это, ваша светлость, потому что собираюсь в будущем неоднократно бывать в Англии.

— По делам, мистер Брикстон?

— Да, но, кроме того, мне хочется навещать мою сестру Шарлотту. Она, знаете ли, помолвлена с англичанином. Очаровательный человек, которого нам посчастливилось встретить несколько месяцев назад во Франции.

Не сводя с него глаз, Эмма опустила ложку. Голова ее пошла кругом от ужасной догадки. Брикстон, Брикстон... Где она раньше слышала эту фамилию? Нет, не может быть! Сидевший напротив, в дальнем конце стола, Николай, видимо, заметил странное выражение ее лица. Внимание его отвлеклось от соседки справа и сосредоточилось на побледневшем лице Эммы.

Ошибочно приписав ее реакцию любопытству, Брикстон продолжал свои объяснения:

— Через неделю моя сестра выходит замуж за лорда Адама Милбэнка. Возможно, ваша светлость, он вам знаком?

Не в силах вымолвить ни слова, Эмма молча кивнула. Николай громко ответил за нее, прервав легкую застольную беседу:

— Совершенно верно, княгиня с ним знакома. До нашей свадьбы княгиня была твердо намерена выйти за него, но он оказался слишком неуловим, и ей поэтому пришлось довольствоваться мной.

Взгляд Эммы обратился к нему. В его янтарных глазах сверкал огонек, выдававший злорадное наслаждение. Неужели он все это спланировал? Неужели помнил, что фамилия женщины, помолвленной с Адамом, тоже Брикстон? Смятение, возмущение кипели в ее душе, туманя мысли. Она попыталась скрыть свои чувства, вновь взявшись дрожащими пальцами за серебряную ложку.

Ослепительная красавица, сидевшая по правую руку Николая, вмешалась в разговор. Кокетливо сверкая черными глазами, она обратилась к нему медоточивым голоском:

— Но, ваша светлость, я едва ли назвала бы это словом "довольствоваться"! Любая здравомыслящая женщина предпочтет остальным такого красивого и состоятельного человека, как вы. Вы наверняка первоочередной выбор.

— Мой единственный выбор, — ядовито-сладким голосом подтвердила Эмма.

Колкость ее понял только Николай и с насмешливой улыбкой поднял в молчаливом тосте бокал, приветствуя достигший цели удар.

— Скажем лучше, что повезло нам обоим: лорду Милбэнку — потому, что он добился руки мисс Брикстон, а мне — потому, что я выиграл мою прекрасную Эмму.

Последующие несколько минут Эмма механически что-то глотала под непрекращающуюся болтовню Брикстона. К счастью, ему для поощрения не нужно было ничего, кроме сдержанного кивка или улыбки.

Встреча с Брикстоном подействовала на нее как пощечина. За суетой и заботами новой жизни Эмме удавалось почти не вспоминать Адама. Однако Брикстон вынудил ее осознать реальность женщины, которую Адам сделает своей женой через неделю. Всего через неделю! Из последних сил она сдержала слезы, заставляя себя не думать об этом. "Господи, как же я хочу, чтобы на ее месте была я..." Каждый раз, поднимая глаза на Николая, она видела, что он наблюдает за ней, холодно отмечая лихорадочный румянец, трепет ресниц, быструю смену выражений лица. Чего он от нее хочет? Что надеется прочесть в ее глазах?

— Вы самая обаятельная английская леди, с которой мне довелось встретиться, — произнес Брикстон. — Такая открытая и дружелюбная. Вы выгодно отличаетесь от других.

Усилив воли Эмма сосредоточилась на ответе:

— Признаюсь, мы, англичане, не зря заслужили репутацию людей сдержанных.

— Почему же вы не такая?

— Не знаю, — улыбнулась она. — Полагаю, я просто странная.

Брикстон ответил откровенно восхищенным взглядом.

— Может быть, и так, ваша светлость. Но в самом лучшем смысле.

Эмма покраснела и бросила взгляд на противоположный конец стола. Николай безучастно смотрел на нее. Губы его кривила чуть заметная усмешка, словно он видел перед собой глупое дитя, которое только что поймал на лжи.

Хотя манеру общения Эммы и Николая друг с другом никто не мог бы назвать любовной или нежной, но перед посторонними им всегда удавалось держаться дружески шутливо. На этот раз такое оказалось невозможным. Эмма тоскливо отмечала про себя каждую минуту напряженного молчания. Николай был отвлечен, как никогда, то меряя ее холодными взглядами, то отпуская язвительные замечания. Эмме безумно хотелось воскликнуть, что она этого не заслужила. Николай явно догадался, что ее расстроило сегодняшнее присутствие Брикстона. Возможно, его раздосадовало, что она все еще равнодушна к Адаму. Неужели он ее приревновал? Нет, Николай никогда не проявлял подобных чувств по отношению к ней. Не было никаких признаков того, что он испытывал к

ней нечто большее, чем дружба... Видимо, была уязвлена его гордость.

Эмма дострадала остаток вечера и со вздохом облегчения распрощалась после полуночи с гостями. Не промолвив ни слова Николаю, она поспешила к себе и захлопнула дверь. Усилия, потребовавшиеся, чтобы есть, пить, улыбаться и разговаривать, совершенно вымотали ее. Пытаясь успокоить расхолодившиеся нервы, она вызвала звонком Марфу, чтобы та помогла ей раздеться, и, дожидаясь служанку, заходила по комнате. Словно почуяв безмолвную ярость, бушевающую хозяйку, девушка молчаливо и ловко расстегнула на Эмме платье и распустила корсет.

— Остальное я сделаю сама, — коротко проговорила Эмма, жестом отсылая горничную прочь. — Спасибо, Марфа. Спокойной ночи, — добавила она по-русски.

— Спокойной ночи, ваша светлость, — ответила служанка тоже по-русски и выскользнула из спальни.

Эмма натянула батистовую ночную рубашку с вышивкой и легла в постель, задержавшись лишь для того, чтобы вытащить из волос шпильки. Лежа в темноте, укрытая по грудь простыней, она пыталась вызвать в памяти лицо Оливера Брикстона во всех подробностях. Интересно, похожа ли Шарлотта Брикстон на брата? Такие же у нее круглые щеки, редкие русые волосы? "Надеюсь, Адам, что ее мешок с деньгами достаточно толст, чтобы тебя удовлетворить... если тебе хотелось именно этого", — мрачно подумала Эмма.

Она вспомнила последнее свидание с Адамом на балу у Ангеловского, теплый взгляд карих глаз, мальчишескую улыбку, прикосновение губ к ее губам, его голос, повторявший: "Я тебя обожаю..." Слеза выползла у нее из-под ресниц, и она уткнулась лицом в подушку, чтобы сдержать подступавшие к горлу рыдания. Свернувшись в клубочек, она почти задремала, когда в темноте послышался шорох. Эмма перекатилась на спину и сонно буркнула что-то вопросительное. И в этот миг на нее навалилось тяжелое тело с напряженными, как струны, мышцами. Одурманенная сном, она решила, что это ей чудится, что в сновидении на нее набросился тигр Маньчжур. Но жаркое мужское дыхание обожгло ей ухо, и она потрясенно поняла, что это ее муж.

— Николай?!

Он пригвоздил ее к постели своим весом, и хотя оставался одетым, но настойчиво тычущаяся в ее бедра твердость его возбужденной плоти не оставляла никаких сомнений. Ахнув от удивления, Эмма забилась, пытаясь освободиться. Полное винных паров дыхание било ей в ноздри.

— Ты принадлежишь мне, поняла? — прозвучал над ней насмешливый голос Николая. — Я владею тобой, каждый чертов дюйм твоего тела — моя собственность. Думаешь, я не понял сегодня, чего тебе хотелось? Я наблюдал, как ты улыбалась Брикстону, как флиртowała с ним, когда он заглядывал за корсаж твоего платья! Ты хотела, чтобы я приревновал тебя, моя хитренькая женушка, но ничего у тебя не вышло. Я никогда не стану тебя ревновать.

Оправившись от потрясения, Эмма ткнула его острым локтем в ребра, воскликнув сдавленным голосом:

— Слезь с меня, пьяный осел!

Николай перевернул ее совсем навзничь и вжался в нее, раздвигая телом ее бедра. Он тяжело дышал от страсти, от ярости, от какой-то взрывчатой смеси обоих этих чувств.

— Ты хочешь меня узлом завязать, душу мою забрать, — бормотал он. — Но тебе не удастся вынудить меня чувствовать то, что я чувствовать не желаю. Я никогда тебя не

полюблю.

— Да кто тебя просит об этом? — возмущенно откликнулась Эмма и замолчала, замерла, каким-то мгновенным наитием осознав, чего Николай боится.

Она поняла, что он отчаянно борется с собственными чувствами к ней. Полная робкого недоверия, она потянулась к призрачной фигуре и коснулась всклокоченных волос, его виска...

— Ник... — прошептала она.

Он резко отпрянул, яростно крикнув:

— Не зови меня так!

— Трус, — промолвила она, и в голосе ее ясно послышался упрек. — Почему ты так боишься моей близости?

Эмма ощутила, как содрогнулось от гнева его тело. Он сидел верхом на ее бедрах, и от ярости мышцы его судорожно сжались. Прошло мгновение молчания, и Николай, издав жалобный стон поражения, склонился над ней. Его губы, жадные, страстные, нашли ее рот, а руки сорвали ночную рубашку, добираясь до податливого, манящего тела. Она задвигалась, помогая ему, освобождаясь от своей и его одежды, разрывая тонкую ткань рубашки, с таким пылом дергая брюки, что пуговицы полетели с них в разные стороны.

Когда сорванная одежда легла на пол беспорядочной кучкой, Николай прижался к ней обнаженным телом, кожей к коже. Прильнув губами к сладостной нежности ее шеи, он медленно, покусывая, посасывая, полизывая упругое податливое тело, повел их вниз к груди и далее. Эмма, постанывая от блаженства, раскрыла бедра ему навстречу и протянула руку, чтобы направить его в себя. Его напрягшаяся плоть заполнила ее лоно, и она затрепетала в экстазе, вздымаясь вверх, чтобы вобрать его в себя еще глубже, еще больше. Внезапным движением он перекатился на спину, и Эмма, ахнув, взметнулась над ним, оседлала и ритмично задвигалась, наслаждаясь его возбужденным телом.

Николай, притянув ее к груди и сжав в объятиях, направлял свои вонзающиеся удары в самую ее сердцевину. Эмма скользнула ртом к его уху и прикусила нежную мочку, вызвав страстное рычание. Тесно сомкнувшись с его долгим, изборожденным рубцами телом, она ощущала, как накатываются на нее одна за другой волны жгучего, все возрастающего волнения, пока не растворилась, не расплавилась в огненной лаве оргазма. Корчась в невыразимо сладкой муке, она с рыданием уткнулась лицом в его шею. Почти одновременно содрогнулся судорогой такого же наслаждения Николай. Его дыхание со свистом втягивалось сквозь сжатые зубы. Беспомощно всхлипнув, он толкнулся в нее еще раз и задержался внутри, в жаркой влажной глубине.

Зная, что он не любит, чтобы его долго касались, Эмма начала было откатываться. Но Николай удержал ее, резко сжав бедра и продолжая прижимать к себе. Так пролежали они несколько минут, медленно расслабляясь, выравнивая дыхание, а прохладный воздух спальни постепенно осушал испарину на спине Эммы. Новое, неизвестное прежде ощущение овладело ею — ощущение покоя и мира. Под ее ухом мерно стучало сердце Николая, его ладони бережно ласкали ее бедра и ягодицы. Кудри на виске шевелило его жаркое дыхание, твердые мужские губы прошлились по щеке. Это была самая нежная и добрая ласка с начала их знакомства. Она погружалась в сон, слишком усталая, чтобы воспротивиться, когда позже ночью он выскользнул из постели и покинул ее.

Первое, что заметила Эмма, проснувшись поутру, это примятую соседнюю подушку. Лежа среди сбившихся простыней, она испытывала странную легкость, почти головокружение. Прошлая ночь с Николаем отличалась от всех предыдущих. Он вел себя пылко, можно сказать, свирепо. А мгновение последовавшей за близостью нежности было... Словом, они будто пересекли какую-то границу, которую Николай ранее не собирался нарушать.

Вспоминая происшедшее, Эмма вспыхнула алым румянцем, не в силах объяснить охватившее ее волнение даже себе самой. Что сегодня скажет ей Николай? Как себя поведет?

Она долго нежилась в ванне, а потом надушила запястья и шею пряными духами, перевязала волосы на затылке жесткой лентой персикового цвета. Марфа помогла ей нарядиться в белую блузку с множеством оборок и персикового цвета юбку. В юбке на боку был глубокий карман, украшенный поверху шелковой розеткой. Поглядевшись в зеркало, Эмма порадовалась своему ухоженному виду и отправилась вниз к завтраку, как раз когда часы пробили девять. Ей доставило удовольствие обнаружить за столом Николая, хоть и скрывшегося от ее глаз за газетой, которую он держал перед собой как щит. Он не удосужился подняться или даже глянуть в ее сторону, лишь старательно и неторопливо перелистывал страницы.

— Доброе утро, — жизнерадостно произнесла Эмма.

Газета опустилась на несколько дюймов, открыв непроницаемое лицо мужа. Волосы его были еще влажными от утреннего умывания, золотистая, тщательно выбритая кожа поблескивала. Эмма подумала: не постарался ли и он выглядеть сегодня получше?

— Не часто мы завтракаем вместе, — заметила она, усаживаясь рядом. — Обычно в этот час я уже занимаюсь животными.

— Почему же сегодня иначе?

— Ну... сегодня нет ничего такого, о чем не могли бы позаботиться слуги. Обычная рутина.

Впервые с незапамятных времен ей захотелось потратить утренние часы не на уход за животными, а совсем на другие занятия. Сердце ее забилося чаще при мысли, что, возможно, Николай предложит ей провести день вместе с ним. Они могли бы покататься верхом, или погулять вдвоем, или пройти по лавкам...

— Что ты собираешься сегодня делать, Ник?

— У меня дело в Лондоне.

— Я могла бы поехать с тобой, — как бы мимоходом заметила она.

— Зачем?

— Чтобы побыть с тобой.

Николай опустил газету на стол. Брови его иронически взметнулись.

— За каким чертом нам может это понадобиться?

— Я просто подумала... — начала было Эмма и, сбившись, замолчала.

Прочтя на ее лице разочарование, Николай едко продолжал:

— Надеюсь, ты не станешь притворяться, что нас связывает нечто большее, чем дружба.

Давай не будем играть в эту игру, Эмма. Не стоит драматизировать ситуацию. Наверняка ты не настолько наивна, чтобы питать на мой счет какие-нибудь романтические иллюзии.

Уязвленная гордость Эммы быстро привела к тому, что она закипела гневом.

— Может быть, я и стану питать иллюзии, да только не на твой счет!

— Какое облегчение! Не становись кроткой и слезливой, Эмма. Ничто так не наводит скуку на мужчину.

— Что ж, мне вовсе не хочется заставлять тебя скучать, — сказала она, изо всех сил стараясь отвечать с той же холодной насмешкой.

В тот момент, когда обмен мнениями готов был перейти в обмен колкостями, на пороге утренней столовой возник Станислав. Хотя дворецкий держался как обычно, но напряженность его лица и голоса, легкая складка между бровями со всей очевидностью подсказали и Эмме, и Николаю, что происходит неладное.

— Ваша светлость, — ровным тоном произнес Станислав, — там, у парадной двери, посетители. Крестьянская женщина с маленьким мальчиком. Женщина спрашивает вас.

— Вели ей обратиться со всеми жалобами к управляющему помещьем, — последовал резкий ответ Николая.

— Ваша светлость, возможно... — Дворецкий деликатно смолк. — Возможно, вы захотите сами выслушать то, что она хочет сказать.

Это предложение из уст дворецкого ошеломило обоих. Его могли вызвать только в высшей степени необычные обстоятельства. Мужчины обменялись долгим взглядом. Не говоря ни слова, Николай поднялся из-за стола и вышел из комнаты. Эмма следовала за ним по пятам, слишком полная любопытства, чтобы остаться в столовой. От парадной двери они спустились по широким ступеням вниз, туда, где их ожидали две поникшие фигурки.

Женщина была в простой поношенной одежде. Голову ее покрывала шаль, некогда голубая, но давно выцветшая до уныло-серого цвета. Миловидное лицо ее казалось озабоченным и усталым. Худенький ребенок, мальчик лет пяти или шести, был одет в потертые, но чистенькие штанишки и плисовую курточку со слишком короткими рукавами. Угрюмое загорелое лицо выглядело еще мрачнее из-за густых черных, как и волосы, бровей.

Молодая женщина заговорила первой, обнажив желтые неровные зубы:

— Это Джейкоб. Мамаша его померла неделю назад от лихорадки. Последние слова ее были, чтобы кто-нибудь отвел его к вам. Все равно в деревне он никому не нужен. Только я и взялась присмотреть за ним... пока... — Она выжидательно протянула руку, явно рассчитывая получить вознаграждение за труды.

Николай с непроницаемым лицом махнул дворецкому, который дал ей несколько монет. Она спрятала их в карман и, не сказав мальчику ни слова, повернулась и пошла прочь не оглядываясь.

— Что происходит, Николай? — удивленно спросила Эмма. — Кто он такой?

— Тебя это не касается. Иди в дом. — Николай повернулся к Станиславу и пробормотал:

— Найди кого-нибудь, чтобы о нем позаботиться. Всего на несколько дней, пока я его не пристрою.

Эмма уставилась на мальчика, который не по возрасту терпеливо ожидал, что будет дальше. Взгляд его был устремлен в землю. Приблизившись к нему осторожно, как к пугливому зверьку, она присела рядом на корточки, чтобы глаза ее оказались на одном уровне с ним, и мягко сказала:

— Привет, Джейкоб. — Мальчик поднял на нее глаза, но ничего не ответил. — Тебя так зовут? — продолжала она. — Или ты предпочитаешь, чтобы тебя звали Джейк?

Личико ребенка напоминало лики русских икон: темные волосы, старое золото кожи, грустные янтарные глаза, опущенные густыми темными ресницами. Она никогда раньше не видела таких глаз, за исключением... за исключением...

Сама не зная как, Эмма выпрямилась и потрясенно посмотрела на Николая. Ноги под ней подгибались, колени дрожали. Облизнув внезапно пересохшие губы, она хрипло промолвила:

— Это твой сын.

Его сын, его сын... Николай не шевельнулся, когда Станислав торопливо увел мальчика на кухню. Он смутно сознавал, что Эмма засыпает его вопросами, но не обращал на нее внимания как на докучную муху. Когда ребенок скрылся с глаз, Николай направился в дом, двигаясь, как лунатик. Он прошел в библиотеку и оперся двумя руками о поставец красного дерева, где хранились крепкие напитки. Невидящими глазами уставился он на свое искаженное отражение в серебряном подносе.

Он считал, что ему никогда не придется увидеть этого ребенка. Временами даже удавалось забывать о его существовании. И вот теперь оказаться вдруг лицом к лицу с этим мальчиком, без всякого предупреждения... Он испытал чудовищное потрясение. Особенно когда увидел невероятное сходство ребенка с покойным братом... О Господи! Михаил в этом возрасте выглядел точно так же: те же взъерошенные черные волосы, угрюмое, но обольстительно прекрасное лицо, сияющие золотые глаза... Дрожащей рукой Николай нащупал графин с коньяком и бокал.

Он вспомнил бессчетные случаи в детстве, когда находил Михаила скорчившимся в чулане, рыдающим, истекающим кровью из-за надругательств отца. Николай залпом опрокинул коньяк в горло и снова наполнил стакан.

Ярость и ощущение вины не угасли в нем, были живы с детских лет, хотя он редко позволял себе вспоминать то время.

Почему отец выбрал именно Михаила предметом своих гнусных посягательств? "Я найду способ остановить тебя! — кричал Николай после одного из таких эпизодов, бросившись на отца с маленьким ножиком. — Я убью тебя!" Но отец рассмеялся и вывернул ему руку, сломав запястье, и ножик выпал на землю. А затем он безжалостно избил Николая. И зверское насилие над Михаилом продолжалось.

Оно навсегда искалечило Мишу, превратило его в озлобленного пустого юношу и в конечном итоге привело к безвременной смерти. Но и Николая оно сгубило. Пусть оба его родителя и брат давно умерли, но воспоминания о них были живы, и душу Николая они ранили навеки. Теперь его не могли тронуть ни любовь, ни страх, ни раскаяние, ни печаль. Он больше никогда не будет слабым. Никто и никогда больше не сможет причинить ему страдания.

— Николай, — раздался позади недовольный голос Эммы. Вырванный из глубоких раздумий, он, не оборачиваясь, бросил:

— Тебя это не касается.

— Я просто хочу знать, кто была мать Джейкоба и почему ты никогда не упоминал, что у тебя есть сын. Не думаю, что требую слишком многого!

Николай обернулся и посмотрел на жену. Эмма кипела возмущением и растерянностью. Несколько буйных рыжих кудрей выбилось из-под ленты, и она нетерпеливо, но тщетно пыталась засунуть их обратно.

Вздыхнув, он коротко объяснил:

— Шесть лет назад у меня была связь с женщиной, работавшей на молочной ферме в одном из моих поместий. Месяц спустя после того, как наши отношения закончились, она явилась ко мне с известием, что беременна. С той поры я регулярно выплачивал ей деньги на содержание ее и ребенка. Я никогда не упоминал об этом, потому что это не имеет никакого

отношения ни к тебе, ни к нашему браку.

Эмма горько поджала губы.

— Расплатиться деньгами... В этом ты весь! Ты всегда так решаешь все вопросы?

— А чего ты от меня хотела? Чтобы я женился на ней? Салли была хорошенькой молочницей, любившей мужчин. Я был у нее не первым и не последним...

— Поэтому ты решил предоставить сына судьбе крестьянина? Он не должен был никогда узнать о своем роде? Не имея ни собственного имени, ни пристойного образования, прожить всю жизнь в крытой камышом лачуге? Неужели ты не чувствовал никакой ответственности за него?

— Со дня рождения я давал деньги на его содержание. Разумеется, я и дальше буду это делать. Но избавь меня от проповедей о морали и ответственности. Внебрачные дети имеются у большинства титулованных землевладельцев Англии. Не сомневаюсь, что и у твоего отца есть несколько незаконнорожденных отпрысков в разных графствах.

— Никогда! Мой отец всегда заботился о своих близких... и уж точно не пользовался своим положением, чтобы совращать молочниц! — Эмма презрительно скривила губы. — Джейкоб — твой единственный внебрачный ребенок или имеются и другие?

— Единственный. — Боль стучала ему в виски, стягивала лоб мучительными складками. — А теперь, если твое благородное возмущение исчерпано, будь добра, предоставь мне уладить все это.

— Что ты собираешься сделать?

— Собираюсь отослать мальчика отсюда, как только найду подходящую семью, которая согласится взять его на воспитание. Не беспокойся, тебе не придется долго терпеть его присутствие в доме.

— Ты хочешь сказать, тебе не придется, — сказала Эмма и торопливо вышла из библиотеки. — Циник... бессердечное чудовище, — сквозь зубы повторяла она на ходу.

Она была о Николае лучшего мнения. Что он за человек, если не испытывает ни малейших чувств к собственному сыну? Она выскочила наружу и, метя юбками по земле, направилась к зверинцу. Не важно, что одета она была совсем неподходящим образом, ей сейчас было абсолютно наплевать на одежду. Она хотела оказаться рядом со своими животными.

Войдя в одно из прохладных побеленных строений, она поспешила к клетке Маньжур и уселась на пол около решетки. Маньжур лежал, наполовину погрузившись в бассейн, и при виде ее стал потягиваться, как огромный кот.

— Привет, — проговорила Эмма, прислонившись лбом к железным прутьям. Крепко зажмурившись, она старалась побороть слезы. — Тася была права. Я не признаюсь в этом никому, кроме тебя, Маньжур, но Николаю наплевать на всех, кроме себя самого. А самое худшее, что он мне не лгал. Он бесчувственный мерзавец, но никогда и не притворялся иным.

Маньжур подполз поближе и смотрел на нее, слегка склонив голову набок, словно обдумывая ее слова.

— Как теперь быть? — продолжала Эмма. — Николай хочет отделаться от Джейкоба, но я так не могу поступить. Несчастный малыш, без дома, без матери... Правда, я-то уж точно не гожусь в матери кому бы то ни было. Кроме того, я никогда не смогу глядеть на него, не думая о том, что он — незаконный сын Николая. Но ведь это мерзко... несправедливо. Если бы Джейкоб был зверенышем, я взяла бы его к себе, не задумываясь.

Так неужто я не сделаю того же ради маленького мальчика? Он такой же отщепенец, Маньчжур, как я и ты. Наверное, во мне говорит чувство долга, которое Николай вовсе не испытывает.

Когда Эмма вернулась в дом, там царила тишина, нарушаемая лишь тоскливой мелодией русской песни, которую тихонько напевал лакей, нагруженный столовым свежевывчищенным серебром. Он нес его, чтобы накрыть стол к обеду.

— Василий, — окликнула его Эмма, и лакей быстро обернулся.

— Что угодно вашей светлости?

— Где этот нынешний мальчик?

— Кажется, на кухне, ваша светлость.

Эмма пересекла холл и направилась на кухню. Так называлась совокупность помещений: кладовки, посудомойня, пекарня, столовая для слуг и собственно поварня — огромная, как сарай, с квадратным разделочным столом посередине. Посудомойки сустились, перемывая горы посуды, горшков и кастрюль, остальные трудились над выпечкой пирогов и печенья.

Эмма почувствовала укол неожиданной жалости, увидев тщедушную фигурку Джейкоба, прилепившуюся на уголке стола. Его короткие ножки болтались, не доставая до пола. Перед ним стояла нетронутая тарелка с тушеными овощами и запеченной в тесте бараниной. Качая ногой, он безучастно уставился на остывающее кушанье.

При неожиданном появлении Эммы повариха и кухонные девушки растерянно подняли головы.

— Ваша светлость! — воскликнула повариха. — Вы хотите что-нибудь из еды?

— Нет, спасибо, — вежливо ответила Эмма. — Пожалуйста, продолжайте свою работу. — Она приблизилась к столу и оперлась на него бедром, улыбнувшись, когда ребенок перевел взгляд на ее испачкавшееся платье.

— Не голоден? — небрежно поинтересовалась она. — Уверена, что эта еда отличается по вкусу от той, к которой ты привык. Почему бы тебе, Джейк, не попробовать эти пышные белые булочки? Они без начинки и очень мягкие.

Серьезные золотые глаза уставились прямо ей в зрачки. Он взял булочку, не помещавшуюся в его ручонке, и маленькие детские пальчики впились в свежий хлеб.

— Наверное, страшно было ехать в незнакомое место, где ты никого не знаешь? — продолжала Эмма, удовлетворенно наблюдая, как он откусил один кусочек булочки, потом другой. Он не выглядел истощенным. Кожа имела здоровый золотисто-розовый оттенок, зубы были белыми и крепкими. "Какой красивый ребенок!" — подумала она, отмечая про себя экзотический разлет темных бровей и густые пушистые ресницы.

Мальчик впервые заговорил, произнося слова по-деревенски:

— Не хочет он быть моим отцом.

Эмма попыталась быстро придумать какую-нибудь ложь, чтобы его утешить, но тут же решила, что лучше сказать правду, и негромко подтвердила:

— Кажется, не очень хочет. Но я собираюсь проследить, чтобы о тебе позаботились, Джейк. Мне бы хотелось стать твоим другом. Меня зовут Эмма.

Малыш замолчал, выковыривая кусочки мякиша и медленно отправляя их в рот.

Эмма с дружелюбным участием наблюдала за ним.

— Ты любишь животных, Джейк? У меня здесь зверинец, где я содержу старых и больных животных. Там есть лошади, обезьяна, волк, лис и даже тигр. Хочешь пойти со

мной и посмотреть на них?

— Да. — Джейкоб положил на стол выеденную булочку и сполз со стула. С любопытством подняв на нее глаза, он заметил:

— Вы высокая.

Эмма рассмеялась и подмигнула ему:

— Я росла, росла и забыла остановиться.

Но мальчик не ответил ни на улыбку, ни на подмигивание. Он настороженно глядел на нее и молчал. "Какой невеселый ребенок, одинокий и недоверчивый, — подумала Эмма. — Совсем как его отец".

Джейкоб оказался необычным ребенком, сообразительным, но диковатым, полным каких-то невысказанных чувств. Казалось, он вовсе не нуждался в обществе других людей, хотя к Эмме относился с большей терпимостью, чем ко всем остальным. Ей стоило огромных усилий уговорить его присоединиться к одной из очередных бурных потасовок с Самсоном, но Джейкоб держался скованно и никак не мог включиться в игру. Он никогда не упоминал о матери или о деревне, где вырос, и Эмма решила отказаться от расспросов о его прошлом.

Шли дни, и у них выработался некий привычный распорядок. Эмма знала, что Джейкоб, проснувшись у себя в детской, сам оденется и придет под дверь ее покоев терпеливо дожидаться ее появления. Он завтракал с ней вместе в утренней столовой, помогал в зверинце, а днем терпел ее усилия выучить его верховой езде. Он следовал за ней как тень, хотя трудно было понять, нравится ли ему ее общество, или он просто решил, что у него нет выбора. Слуги не знали, как с ним обращаться, а Николай упорно его не замечал.

— Неужели так трудно хотя бы поговорить с Джейком? — решительно обратилась к нему однажды за ужином Эмма. Был тот редкий вечер, когда они оказались одни. — Прошло почти две недели с его появления. Разве ты не собираешься хоть каким-то образом признать его существование?

— Я собираюсь в течение ближайшей недели найти ему новое местожительство. Если до тех пор тебе нравится забавляться с ребенком, пожалуйста, делай это на здоровье.

— Что за местожительство?

— Семью, которая будет готова принять его за ежегодное вознаграждение, выплачиваемое до совершеннолетия.

Эмма опустила нож и вилку и с тревогой посмотрела на мужа.

— Но ведь Джейк будет знать, что эта семья приняла его только ради денег. Другие дети станут дразнить его... Он будет чужим.

— Он выживет.

Эмма упрямо вздернула подбородок.

— А если я не захочу отпустить Джейка?

— Что, собственно, ты хочешь сделать с мальчиком? Держать его здесь напоказ, в качестве доказательства моих прошлых грехов?

— Я бы никогда не стала использовать ребенка таким образом! — яростно возмутилась она.

— Совершенно верно. Тебе не представится такой возможности, потому что он отсюда уедет.

Жгучие слова упрека трепетали у нее на языке, но Эмме удалось сдержаться. Снова взяв вилку, она стала ковырять капустное суфле, лежавшее перед ней на тарелке.

— Ты обращаешь на Джейка не больше внимания, чем на любого постороннего ребенка, — произнесла она наконец тихим, напряженным голосом. — Но ведь должны же быть у тебя хоть какие-то чувства по отношению к своей плоти и крови! Из-за них ты и хочешь отослать его прочь, не так ли? Ты не хочешь полюбить его или испытывать к нему хотя бы симпатию. Если бы ты только понял, чего себя лишаешь, на какую безрадостную и одинокую жизнь себя обрек! Ты живешь в постоянном страхе и стараешься защититься насмешкой, сарказмом и холодностью. Глаза его сверкнули ледяным блеском.

— Чего же я, по-твоему, боюсь? Скажи, ради всего святого.

— Ты боишься полюбить кого-либо. И просто панически страшишься, что тебя полюбят в ответ. Но отсутствие чувств — вовсе не есть проявление силы, Ник. Совсем наоборот. — Эмма скорее уловила, чем увидела, легкую дрожь, пробежавшую по его телу, почувствовала, как, словно тетива лука, напряглись его нервы.

Резким движением Николай отодвинул тарелку.

— На сегодня с меня достаточно, — пробормотал он.

— Если ты отдашь куда-нибудь Джейкоба, я его разыщу! Он заслуживает лучшего. Он — невинное дитя, которого лишили права рождения. Если таково твое представление об отцовстве, я надеюсь, что никогда не понесу от тебя детей!

— Тогда оставь его себе, — с издевкой произнес Николай. — Я должен был этого ожидать, зная твое пристрастие привечать всяких дворняжек и приبلудных калек. Только позаботься о том, чтобы он держался от меня подальше.

С этими словами он покинул комнату, предоставив Эмме в безмолвной ярости проводить его взглядом.

Битва за Джейкоба была прервана на следующий день приездом мистера Роберта Сомса. Пожилой художник быстро завоевывал известность изумительными реставрациями картин, пострадавших от времени или плохого хранения. Эмме он сразу понравился. Соме был вежлив, скромен и держался без всяких претензий, которых можно было ожидать от людей искусства. Его бледное худощавое лицо было приятным, но непримечательным, за исключением пронзительных голубых глаз.

Потрескавшийся пейзаж очень заинтересовал его, и он с большим пылом согласился вскрыть верхний красочный слой картины и посмотреть, что находится под ним.

— Возможно, там не окажется ничего примечательного, — предостерег он Эмму, пожав плечами. — А может быть, там откроется нечто особенное. Думаю, ваша светлость, недели через две у нас уже будет представление о том, что находится под этим пейзажем.

Для мистера Сомса была приготовлена гостевая комната, и он переехал в поместье на время своей работы, привезя с собой все необходимое. Эмма и Джейкоб каждый день навещали его, стремясь хоть издали поглядеть на появляющуюся картину. Они не задерживались подолгу, так как даже при открытых настежь окнах в комнате стоял едкий и терпкий запах растворителей, которые применял Соме.

— Фокус состоит в том, чтобы удалить верхние слои, не задев нижних, — объяснял им

художник, едва касаясь холста бережными легкими движениями кисти. — Конечно, ничего нельзя поделывать, чтобы какая-то доля оригинала не оказалась утраченной, пусть всего лишь тончайший слой краски. Но от меня требуется очень большая осторожность, дабы не лишить портрет текстуры, представляющей манеру автора.

— Так это портрет? — заинтересовалась Эмма.

— О, несомненно. Видите в том уголке? Совершенно очевидно, что это часть мужской руки.

— Надеюсь, это какой-нибудь предок Ангеловских. — Эмма погладила худенькое плечико Джейкоба, подошедшего поближе, чтобы разглядеть картину. — Это один из твоих родственников, Джейк. Разве не интересно?

Мальчик неразборчиво буркнул что-то. Он или не понял ее слов, или мысль о том, что он потомок рода Ангеловских, не слишком его увлекла.

— Это очень и очень любопытно, — твердо произнесла Эмма, сама отвечая на свой вопрос. Медленно прохаживаясь по комнате, она подошла к окну и присела на подоконник. — Право, Джейк, тебе следует прекратить свою непрерывную болтовню. У меня в ушах звенит от твоего голоса, пора бы тебе помолчать хоть немножко.

Ее веселое поддразнивание заставило дернуться уголок сурово поджатых губ Джейкоба, и он ответил, по-деревенски глухо выговаривая слова:

— Я ничего не успеваю вставить, когда вы говорите без умолку.

Эмма расхохоталась, небрежно покачивая длинной ногой.

— Невежливо укорять леди, что она много болтает, Джейк.

— Леди не носят брюк, — возразил он, искоса поглядывая на ее мужской наряд: белую рубашку, угольно-черные брюки и блестящие сапожки.

— Но я ведь княгиня, а княгини могут носить, что им вздумается. Разве не так, мистер Сомс?

Художник с улыбкой оторвал глаза от своей работы.

Ему понравилось, как ловко и успешно Эмма втянула мальчика в разговор.

— Я подтверждаю это, ваша светлость.

Взгляд его задержался на Эмме, которая, скрестив стройные ноги, раскинулась на подоконнике. Солнечные лучи золотили ее кожу, высвечивая сверкающую россыпь веснушек. Белозубая ослепительная улыбка, роскошная грива медных кудрей, перехваченная лентой на затылке... Она выглядела магнетически притягательной.

— Княгиня Эмма, — нерешительно заговорил Сомс, — если мне будет дозволено высказать личную просьбу...

— Говорите, ради Бога. Возможно, это оживит мое утро.

— Вы необычайно привлекательная женщина, ваша светлость. Я почел бы за честь когда-нибудь написать вас. Вот такой, как вы сейчас.

Эмма рассмеялась при этом предложении.

— И как же вы назовете свое произведение? "Сумасшедшая"? "Взбалмошная леди"?

— Я говорю совершенно искренне, ваша светлость. Вы обладаете редкой своеобразной красотой, которую хотел бы запечатлеть любой художник.

Эмма скептически вздернула брови.

— Могу указать вам сотню женщин, гораздо более красивых, начиная с моей мачехи.

Сомс покачал головой.

— Шаблонные лица и фигуры найти нетрудно. Меня они мало интересуют. Но вы... —

Он замолчал. На порог упала тень: в дверном проеме возник Николай и остановился.

— Я согласен, — проговорил он, услышав последнюю фразу. — Мне хотелось бы, чтобы портрет княгини написал человек, сумевший оценить ее красоту. Заказ ваш, если вы сможете представить мне удовлетворительные образцы вашего искусства.

— Разумеется, я... — начал было Сомс.

— Я не хочу, чтобы писали мой портрет, — насупилась Эмма, сердито сверкнув глазами на мужа.

— Но я этого хочу. — Он глянул случайно на стоявшего рядом с ней ребенка, и улыбка его потускнела. Резко обернувшись к художнику, он шагнул к картине. — Я пришел посмотреть, как далеко вы продвинулись, Сомс.

— Теперь работа пойдет быстрее: я сумел подобрать наиболее удачный способ растворения верхних слоев, — объяснил Соме. — Пока же я открыл лишь часть левой руки мужчины.

— Это я вижу, — откликнулся Николай, зачарованно впившись взглядом в открытый фрагмент портрета. Его левую руку стало жечь и покалывать. Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, скрестил руки на груди... Голова плыла, мысли путались... Он с трудом отвел глаза в сторону. — Мы обсудим портрет моей жены попозже, — пробормотал он. — А теперь не давайте им отвлекать вас от работы.

— Они мне не мешают, — поспешил возразить художник, но Николай уже вышел из комнаты. Художник вопросительно взглянул на Эмму, которая ответила ему саркастической улыбкой.

— Обходительный джентльмен — мой муж, не так ли?

Но она покинула мастерскую, прежде чем Сомс успел отозваться. Маленький мальчик следовал за ней по пятам.

На следующий вечер настал момент, когда Николай вынужден был наконец прямо обратиться к своему сыну. Он сидел у себя в покоях в одиночестве, медленно и задумчиво попивая ледяную водку в надежде, что она притупит нарастающее ощущение тревоги. Все было неладно. Все шло наперекосяк, и впервые в жизни он оказался слишком неповоротливым и медлительным, чтобы приспособиться к меняющейся обстановке. Он уже несколько недель не навещал спальню Эммы, и жгучее желание разъедало ему сердце. Он жаждал касаться ее, целовать ее кожу, стискивать в ладонях мягкие рыжие кудри, обладать этим юным податливым телом. Но ему не хотелось, чтобы Эмма поняла, как сильно он в ней нуждается, как жаждет ее, из страха, что тогда она, осознав его слабость, обратит его желание против него.

Его бесило, что Эмма ловко воспользовалась открывшейся историей с его внебрачным сыном и сначала разыграла обманутую жену, а затем решила оставить ребенка в их доме. Конечно, на самом деле у нее не было власти удерживать здесь Джейкоба, и Николай мог бы хоть завтра отправить его куда-нибудь. Проклятие заключалось в том, что он был почти благодарен... благодарен Эмме за то, что она твердо решила оставить ребенка в доме.

Николай часто ловил себя на том, что наблюдает за мальчиком, сгорая от желания поговорить с ним и в то же время мучаясь его необычайным сходством с Михаилом.

Странный тихий звук прервал его размышления. Николай поставил на столик стакан с водкой и напряженно прислушался. Это были приглушенные рыдания.

— Миша, — невольно прошептал он в ужасе: суеверие возобладало над разумом. Нет, конечно, это не мог быть его брат... Но всхлипывания, слезы... Тихие рыдания маленького мальчика...

Поднявшись, Николай, пошатываясь, вышел из комнаты, охваченный неодолимым страхом, которого не испытывал с детства. Следуя на жалобный плач, он пересек холл, повернул за угол и увидел у дверей Эммы съезжившуюся маленькую фигурку.

— Джейкоб, — с трудом произнес он. Имя сына непривычно и странно слетело с его губ.

Мальчик испуганно вздрогнул и поднял глаза. У него было несчастное, заплаканное лицо. Этот мерцающий от слез взгляд пронзил Николая до глубины души, до самого потаенного, самого болезненного ее уголка.

— В чем дело? — резко выдохнул он. — Ты заболел?

Джейкоб покачал головой и еще больше сжался в комочек у косяка, подобрав ноги под ночную рубашонку.

— Чего ты хочешь? Может, ты голоден? Или хочешь пить?

Тут дверь отворилась, и на пороге показалась Эмма в белой ночной рубашке и пеньюаре. Лицо ее было сонным и нежным. Первым она увидела Николая и открыла было рот, но вопрос замер у нее на губах: взгляд ее упал на несчастную фигурку на полу у ее ног.

— Джейк? — Она присела на корточки и притянула ребенка к себе, затем подозрительно посмотрела на Николая. — Что ты ему сделал?

— Ничего, — проворчал Николай. Ноги его словно приросли к полу. Так, не шевелясь, он наблюдал, как Эмма обвила тонкими руками тельце малыша.

— Что с тобой, Джейк? — спросила она. — Расскажи мне, что случилось?

Губы Джейкоба тряслись, слезы ручьем лились по щекам. Он с трудом выговорил:

— Я х-хочу к маме!

Он обхватил Эмму за шею и вцепился ручонками в ее локоны.

— Разумеется, дорогой мой, — бормотала она, крепко прижимая его к себе. — Разумеется. — Она баюкала его на коленях, не обращая внимания на то, что личико его заревано.

Зрелище, представшее перед Николаем — женщина, утешающая дитя, особенно женщина высшего круга, к которому принадлежала Эмма, — было ему непривычно. Его собственная мать полностью предоставила заботу о детях слугам и гувернерам, не желая заниматься их воспитанием. У Николая никогда не было возможности познакомиться с теплом семейного круга, за исключением разве что редких посещений дома Стоукхерстов. Неожиданное открытие, что Эмма может быть такой по-матерински отзывчивой, ошеломило его и наполнило странной тоской и бессмысленным гневом. Если бы кто-нибудь вроде нее вступился в свое время за него и за Михаила! Она никогда никому не позволила бы избивать маленького ребенка. Она бы утешила и защитила Мишу.

Николай с трудом сдерживал безумный порыв опуститься около нее на колени, обнять жену и плачущего сына, стать частью их объятия. Холод одиночества заставил его содрогнуться. Но именно в этот миг Эмма посмотрела на него враждебным взглядом, как на

чужака. Она не произнесла своих мыслей вслух. Но они и так были ясны. "Ты ничего не можешь для нас сделать... Ты здесь лишний".

Не сказав ни слова, Николай повернулся и пошел прочь через холл. За углом он остановился и прислонился к стене. От нахлынувших воспоминаний его била дрожь. Он вспомнил о той ночи в России, когда его вызвали, подняли из постели любовницы и сообщили о Мише. "Сегодня вашего брата убили. Ему перерезали горло..." И долгие поиски правосудия, справедливости, закончившиеся его мстью, убийством графа Щуровского. Нет! Не надо думать об этом... Но услужливая память вернулась слепящей вспышкой, и он увидел себя шагающим к пьяной фигуре Щуровского, распростертого на смятой постели. В спальне стояла особая вонь, смесь застарелого пота и винных паров. Сердце Николая гулко стучало, полное страха и жажды крови. Он ничего не слышал, кроме этого громового стука, даже жалкого вскрика Щуровского, увидевшего лицо своего убийцы...

Держась за стену, Николай тихо соскользнул на пол. Как в бреду, он смутно пытался вспомнить, о чем думал во время своего ареста, допросов, пыток, бесконечных часов, полных муки и безнадежности. Он почти ничего не помнил. Они расспрашивали его о Мише, о его любовных связях, особенно о связи с Щуровским. Николаю было все равно, что его брат спал с мужчинами. После страшных испытаний детства Миша заслуживал удовольствий, в чем бы он их ни находил.

Отдернув рукава, Николай уставился на шрамы, обвивающие запястья, следы веревок, которыми он был прикручен к дыбе, изрезавших кожу и мышцы. Дознавателей злило, что он не откликался на их издевки по поводу сексуальных вкусов брата.

"Возможно, ты и сам не видишь ничего дурного в любви к юным мальчикам? — говорили они. — Возможно, и ты страдаешь тем же недугом? Может, и ты вожделеешь мужчин, извращенец паршивый?"

Николай мотал в ответ головой, не в силах выговорить ни слова трясущимися губами. Тело его заоченело от потери крови и от боли. Нет, он никогда не испытывал вожделения к мужчинам, он всегда предпочитал изящество и нежность женщин, уютное тепло упругих грудей, пронизательность и отзывчивость женского ума. Лучше всего были женщины постарше, потому что они предъявляли меньше требований, понимали сложности реальной жизни... И кроме того, они были более страстными.

Однако он никогда не задумывался о женитьбе... Пока не встретил Эмму. Он ждал ее семь лет, никогда не сомневаясь, что она будет принадлежать ему. Он хотел ее так... Нет, он не назвал бы эту жажду обладания любовью, скорее жизненной потребностью, такой, как дыхание, еда или сон. Проблема состояла в том, что теперь она стала его слабостью. Ему придется оторвать, отрезать ее от себя, или он окончательно потеряет себя.

Николай встал и спустился по лестнице. Коротко отдал распоряжения Станиславу и лакею:

— Карету к подъезду.

Сейчас он отправится пить и играть, найдет себе женщину. Сгодится любая... Лишь бы не Эмма.

Успокоив Джейкоба, Эмма на руках отнесла его в детскую на третьем этаже, в его собственную постельку. Она укрыла его мягкой льняной простынкой и, опустившись у кровати на колени, пригладила темный вихор.

— Я знаю, что такое потерять маму, — прошептала она. — Моя умерла, когда я была еще меньше тебя. Я иногда плакала, потому что тосковала по ней и не могла даже вспомнить ее лица.

Джейк потер кулачком глаза.

— Я хочу, чтобы она вернулась, — жалобно произнес он. — Мне здесь не нравится. Эмма вздохнула.

— Иногда мне тоже здесь не нравится. Но, Джейк, князь Николай — твой отец, здесь твое место по праву.

— Я собираюсь убежать.

— И бросить меня с Самсоном? Мне будет очень грустно, Джейк.

Он замолк, поглубже зарываясь в подушку, веки его трепетали от изнеможения.

— Я вот что придумала, — продолжала Эмма. — Почему бы нам завтра не убежать вместе? Ненадолго. И взять с собой корзинку еды для пикника. Мы найдем пруд, побродим босиком по воде, половим лягушек...

— Леди не любят лягушек, — сонно возразил он.

— А я люблю. И еще я люблю жуков, червяков, мышей... всех, кроме змей.

— Мне нравятся змеи.

Эмма улыбнулась и наклонилась поцеловать его головку. Волосы его после энергичного утреннего мытья, на котором она настояла, пахли сладкой свежестью. Никогда еще, даже по отношению к своим братьям, она не чувствовала такой ответственности за ребенка, не испытывала такого желания защищать. Наверное, дело в том, что у них была любящая семья, а у этого малыша не было никого на свете, кроме равнодушного к нему отца.

— Спокойной ночи, Джейк, — прошептала она. — Все будет хорошо. Я всегда буду заботиться о тебе.

— Да, Эмма, — пробормотал он, проваливаясь в сон.

Эмма прикрутила лампу и тихо покинула комнату. Она решительно направилась в покои Николая. Настала пора объясниться с ним насчет ребенка. Раз и навсегда. Она ясно скажет ему, что Джейк должен остаться здесь и Николаю придется найти какую-то форму общения с ним. Несправедливо, что мальчик должен страдать из-за прошлых грешков родителей. Джейкоб — Ангеловский. У него есть право на все, что это предполагает. Образование, наследство, знание родословной... Он имел право на все эти вещи, он в них нуждался и их заслуживал. Николай не смел отлучать его от них.

Она с огорчением обнаружила, что Николая в покоях нет. Осмотрев все крыло, она спустилась на первый этаж и спросила Станислава, не видел ли он князя.

С непроницаемым лицом дворецкий ответил:

— Князь уехал на всю ночь, ваша светлость.

— Понимаю.

Эмма отвернулась, скрывая смятение и боль. Было очень поздно... Итак, Николай поехал искать утешения в постели другой женщины. До сих пор, несмотря на их постоянные мелкие стычки и отчужденность, он ей не изменял. Ей вдруг неудержимо захотелось расплакаться. Если бы она могла последовать за ним и сказать ему... Что сказать? Если

Николаю понадобился кто-то другой, захотелось тела иной женщины, она не могла ему помешать. Очевидно, она ему надоела. Она его не удовлетворяла. Его светлости наскучило посещать только постель жены.

— Будь ты проклят, Николай, — прошептала она. — Кончится тем, что я возненавижу не только тебя, но и себя.

Несколько часов она металась по своей комнате, пока не улеглись все слуги и поместье не погрузилось в темноту. Наконец-то до нее стало доходить, что, выйдя замуж за Николая, она совершила трагическую ошибку. Их браку не суждено стать лучше. По правде говоря, можно было ожидать, что он, напротив, станет еще хуже. Измены Николая ее унижат, вызовут лишние ссоры, горечь, если только она не найдет способа сделаться такой же жесткой и бесчувственной, как он. Ее родные были правы насчет Николая, но гордость никогда не позволит ей в этом признаться. Она тосковала по другу, с которым можно было бы поделиться, к которому можно было бы обратиться за помощью.

Направившись к главной лестнице, Эмма села на нижнюю ступеньку и, обняв колени, стала ждать возвращения мужа домой. Ей понадобится всего лишь один взгляд, и она поймет, был ли он неверен.

Почти перед рассветом раздались стук копыт и позвякивание упряжи. Эти звуки пробудили ее от полудремы, в которой она пребывала. Морщась от боли в одеревеневших мускулах, она села прямее и, моргая, уставилась на парадную дверь. Спина мучительно заныла от напряжения.

Николай вошел в дом, бледный и растерзанный. Полумрак холла приглушил его золотое великолепие. Смешанный запах вина и нежных духов донесся до Эммы даже через несколько футов, которые их разделяли.

"Значит, он сделал это", — подумала она, содрогнувшись от внезапной боли в сердце.

Николай не видел ее, пока не подошел к лестнице. Он застыл на месте, и лицо его помрачнело с угрюмым вызовом.

— Чего ты хочешь?

— От тебя — ничего. — Голос ее дрожал от обиды и отвращения. — Вообще ничего. Я постараюсь отнестись к этому со светским пониманием, Николай. Тебе не надо напоминать мне, что такое происходит в великосветских браках все время. Но тебе придется привыкнуть к постелям других женщин, потому что скорее ад замерзнет, чем ты снова получишь доступ в мою!

— Я буду делать с тобой все, что захочу, — с издевкой произнес Николай, подходя ближе и угрожающе нависая над ней. — Ты — моя жена, принадлежишь мне телом и душой... И когда я щелкну пальцами, ты раскинешь передо мной свои ноги тогда и там, где я пожелаю.

Дикая ярость вскипела в Эмме. Она ударила судорожно сжатым кулаком, целясь прямо в небритое ненавистное лицо. Удар отдался ей в руку до самого локтя. Сила его была неожиданной для Николая, и он, шатаясь, попятился на несколько шагов. Вид у него был совершенно ошеломленный.

Эмма глядела на него с таким же изумлением. Она ударила не раздумывая и теперь, безмолвно растирая запястье, ждала, не ответит ли он ей тем же.

Николай молчал. Оба тяжело дышали, не сводя глаз друг с друга. Дотронувшись рукой до подбородка, Николай коротко хохотнул. Эмма стояла, не шевелясь, пока муж не прошел мимо нее наверх, направляясь в свои комнаты. Когда звук его шагов стих совсем, она

бессильно опустилась на ступеньку и уткнулась головой в колени. Никогда не испытывала она подобной безнадежности, ощущения, что попалась в капкан.

Всю следующую неделю Эмма и Николай не разговаривали друг с другом, лишь при случайных встречах обменивались колкостями. Эмма не могла ни есть, ни спать. Она чувствовала себя как в стане врага. Ночью она запирала и баррикадировала двери в спальню, днем торопливо проходила через холл, стремясь не столкнуться ненароком с Николаем. Она знала, что выглядит измученной, еще до того, как мистер Соме робко осведомился, не заболела ли она. Николай, напротив, выглядел бодрым и отдохнувшим, убеждая разгневанную жену в том, что его такое положение вполне устраивает. Он намеренно вбил между ними клин и собирался оставить все, как есть.

Эмма старалась, как могла, игнорировать отъезды и приезды мужа, уговаривая себя, что не имеет значения, есть у него связи с другими женщинами или нет. Он не только нарушил их брачные обеты, но не хотел сохранять даже видимость дружбы с ней. Все было в порядке, пока не появился Джейкоб. Почему Николаю было так трудно терпеть присутствие мальчика? Почему ему было неприятно даже смотреть на него?

Ирония судьбы выражалась в том, что если брак Эммы и Николая распадался, то отношения ее с Джейком улучшались день ото дня. Малыш начал ей доверять. Она же была твердо намерена не предать этой веры, даже когда мальчик начал задавать неизбежные вопросы о Николае. Почему отец не разговаривает с ним? Почему он всегда либо хмурится, либо молчит?

— Твой отец — человек необыкновенный, единственный на свете, — объясняла ему Эмма, стараясь найти золотую середину между добротой и правдой. — У него была очень трудная жизнь. Ты заметил странные рубцы у него на руках и на груди? Это шрамы от ужасных испытаний, которые ему пришлось вынести в прошлом, когда он подвергся большому мучению. Ты должен не забывать об этом, особенно когда он бывает холоден или несправедлив. Он ничего не может с собой поделать. Все мы несем на себе отпечаток нашего прошлого жизненного опыта. Вот как животные в моем зверинце. Некоторые из них вредные и злые потому, что ранее им был причинен вред... потому, что они боятся повторения...

— Значит, отец тоже этого боится? — серьезно спросил Джейкоб, устремив недетский взгляд на ее лицо.

— Да, — пробормотала она, — думаю, дело в этом.

— Он когда-нибудь изменится?

— Не знаю.

Они направлялись в зверинец, чтобы осмотреть вместе проволочную клетку-загон для шимпанзе. Клео нашла способ распутать проволоку и проделать в сетке отверстие, достаточное, чтобы через него сбежать.

— Скверная девочка, — корила ее Эмма, разглядывая нанесенный урон. Клео отвернулась от нее, изображая непонимание, и уставилась в стеклянный потолок. Через

минуту шимпанзе схватила апельсин и начала тщательно его чистить. Эмма с Джейком весело переглянулись.

— Ну и хитрая старушка! Она, наверное, нашла один болтающийся кончик и от него распустила все. Нам придется самим заделать дыру, Джейк. Инструменты, которые нам понадобятся... — Она внезапно замолкла потому, что испытала странное, неуютное ощущение. Тем не менее она попыталась продолжить:

— Они, вероятно, лежат в каретном сарае...

— Эмма, — раздался от двери мужской голос.

Какое-то мгновение Эмма оставалась неподвижной, лицо ее по-прежнему было обращено к проволочной сетке. Клео посмотрела на вошедшего и сложила губы дудочкой, причмокивая, словно посылала ему поцелуй.

Наконец Эмма достаточно справилась с собой, чтобы обернуться.

— Лорд Милбэнк, — холодно приветствовала она возникшего на пороге мужчину.

Адам совершенно не изменился. Лишь волосы его отросли и спадали почти до плеч шелковистыми каштановыми волнами. Он выглядел модно и красиво в темных брюках в полоску, сером жилете и шерстяном фраке. Лицо его было мрачным, но глаза смотрели нежно и пылливо.

— Вы стали еще красивее, чем были, Эм.

Взгляд Эммы упал на его левую руку. Вид обручального кольца на безымянном пальце подействовал на нее как холодный душ.

— Откуда вы узнали, что меня можно найти здесь? Слуги не должны были допустить...

— Они этого и не сделали. Мне пришлось остановить экипаж, не доехав до ворот поместья, и добираться пешком по подъездной аллее. Я не сомневался, что вы будете со своими зверями. Подождал, чтобы убедиться, что никто не наблюдает, и тогда прошел через сады...

— Ворота должны быть заперты.

— Они были отворены. — Он пожал плечами. — Найти зверинец было нетрудно. Очень впечатляющая группа строений. — Каменное выражение лица Эммы заставило Адама перевести глаза на переминающегося с ноги на ногу мальчика. — А это кто? Ваш маленький брат Уильям?... Или это Закари?

— Ни тот, ни другой. Это мой пасынок Джейкоб.

— Ваш пасынок?...

Эмма увидела, как на лице Адама удивление сменилось грустью, а затем жалостью. Именно жалость раздосадовала ее сильнее всего, оскорбив гордость. Она скорее умрет, чем допустит, чтобы ее кто-либо жалел, особенно Адам.

— Позвольте поздравить вас с женитьбой, — проговорила она с ласковой издевкой, которую переняла у Николая. — Недавно я имела приятную возможность встретить вашего шурина. Он описывал ваше обаяние, хотя и половины его не знает.

Адам, никогда не видевший от нее ничего, кроме пылкого обожания, был изумлен.

— Эмма, вы разговариваете совсем по-иному. Это на вас не похоже!

— За последние несколько месяцев я сильно изменилась. Благодаря вам и моему мужу.

— Эмма? — обратился к ней Джейк, встревоженный ее язвительным тоном. — Эмма, что-то неладно?

Она смягчилась, поглядев в поднятое к ней детское личико, и пробормотала:

— Все в порядке. Лорд Милбэнк — мой старый знакомый. Почему бы тебе не вернуться

в дом и не попросить у кухарки чего-нибудь сладкого? Скажи ей, что я разрешила.

— Но я не хочу...

— Иди, Джейк, — твердо сказала она, ободряя его улыбкой. — Ступай скорее.

Мальчик подчинился, но шел не торопясь и оглядываясь через плечо. Клео устроилась в углу клетки и занялась разди-ранием апельсина на дольки.

— Я должен был повидаться с вами, — тихо произнес Адам. — Должен был удостовериться, понимаете ли вы, что именно произошло несколько месяцев назад.

— Я прекрасно все понимаю и не хочу слышать ваших объяснений. Теперь я замужем, а вы женаты. Что бы вы сейчас ни сказали, это не важно.

— Истина всегда важна, — настаивал Адам с пылом, которого Эмма раньше никогда за ним не замечала. Это она всегда вела себя пылко, в то время как Адам держался сдержанно и уклончиво. — Я не уйду, пока вы меня не выслушаете, Эм. Невзирая на все сомнения окружающих, я действительно любил вас. И сейчас люблю. Я не признавал, насколько сильно, пока не потерял. Вы совершенно особая женщина. Вас чертовски легко полюбить.

— Вы хотите сказать, легко покинуть.

Он не стал отвечать на ее сарказм.

— Меня угрозами вынудили покинуть вас. Я этого не хотел, но противостоять не мог. У меня не хватило на это силы воли. Я буду проклинать себя за это до конца своих дней.

— Кто же вам угрожал? Мой отец?

— Ваш муж. Он явился ко мне наутро после своего бала.

— И что он вам сказал? — ненавязчиво осведомилась Эмма.

— Князь Николай сказал мне, что я должен оставить вас навсегда или он превратит мою жизнь в ад. Он сказал, что я должен жениться на ком-нибудь другом, потому что у меня больше нет права на вас. Он намекнул, что, если я буду продолжать ухаживать за вами, кому-то будет причинен большой вред. Я испугался, Эмма. Испугался за нас обоих. Можете ненавидеть меня за трусость, но по крайней мере знайте, что я люблю вас.

Эмма почувствовала, что бледнеет. Она была потрясена. Рассказ Адама соответствовал всему, что она успела узнать о своем лживом, манипулирующем людьми муже. Она вспомнила, что Николай утешал ее после того как Адам ее бросил, что он воспользовался ее обидой и унижением, вспомнила, как совратил он ее той ночью, когда она узнала о помолвке Адама. Каждый его поступок был рассчитан заранее. Николай расстроил ее любовь с Адамом, методично разрушил ее жизнь, чтобы получить то, чего хотел. И он еще поощрял ее винить во всем отца.

— Пожалуйста, уйдите, — хрипло прошептала она.

— Эмма, скажите лишь, что вы мне верите.

— Я вам верю. Но это ничего не меняет. Слишком поздно... для нас обоих.

— Но это можно изменить. Мы можем спасти хоть часть того, что было у нас когда-то.

Эмма недоверчиво уставилась на него. Что еще оставалось между ними? Что стоило спасать? Чего он хочет от нее теперь?

— Вы предлагаете мне вступить с вами в связь?

Эти слова, казалось, ошеломили Адама. Эмма увидела по выражению его лица, что он не ожидал от нее столь откровенных высказываний.

— Прямая и простодушная, как всегда, — пробормотал он, и карие глаза его лукаво блеснули. — Это одна из ваших черт, которую я люблю больше всего. Я пытаюсь сказать, что хотел бы остаться частью вашей жизни. Мне так вас не хватает, Эмма.

Она прикрыла глаза, вспоминая, каким добрым и заботливым был Адам. Ей тоже его не хватало. Если бы она могла броситься к нему в объятия прямо сейчас и позволить поцеловать себя и утешить! Но эту свободу она утратила. Пусть муж и был ей неверен, но это не означало, что она может предать собственные принципы. Ей не было бы прощения, если бы она нарушила брачные обеты. Если бы она так поступила, то не смогла бы жить в мире с собой.

— Не думаю, что смогу что-либо дать вам, — прошептала она.

— Я удовольствуюсь самой малой частицей вашего сердца. Вы — моя истинная любовь, Эм. И останетесь ею до моего смертного часа. Никто не властен изменить это... даже Николай Ангеловский. — Лицо его стало жестким, каким она никогда раньше его не видела. — Боже мой, кто-то должен оказать миру услугу и избавить от него... пока он не покалечил еще чьи-нибудь невинные жизни.

Николай услышал стук в дверь библиотеки и с нетерпеливым рычанием повернулся от стола к порогу. Все утро у него нещадно болела голова, так что он еле мог работать. Цифры и чернильные закорючки словно плясали перед его глазами.

"Проклятое похмелье", — подумал он и решил, что отныне сократит обеденную порцию водки.

— В чем дело? — спросил он.

Странно взволнованный Роберт Соме просунул голову в дверь и торопливо заговорил:

— Ваша светлость, я пришел сообщить вам, что почти закончил реставрацию картины. Потребуется еще кое-что чуть тронуть краской и закрепить, но уже видно, какой это прекрасный старинный портрет.

— Я зайду посмотреть на него попозже.

— Ваша светлость, если позволите, я принесу его сюда вниз для немедленного показа. Уверен, вы будете ошеломлены.

Николай иронически поднял брови:

— Так и быть. Несите.

Художник так торопился, что оставил дверь за собой открытой. Николай нахмурился и вновь склонился над письменным столом, но строчки счетов сливались в неразборчивые узоры. Он услышал за спиной тихое чавканье и опять обернулся к двери.

Его сын, Джейкоб, стоял там с посыпанным сахарной пудрой кексом в руках. При каждом осторожном укусе на ковер сыпались крошки.

— Что тебе нужно? — пробормотал Николай. Джейкоб не ответил, лишь продолжал смотреть на него с бесстрашным любопытством.

— Где Эмма? Ты же обычно проводишь это время дня с ней.

Джейкоб заговорил, по-деревенски произнося английские слова, что не переставало удивлять Николая, так как вовсе не сочеталось с типично русской внешностью ребенка:

— Она в зверинце. К ней пришел какой-то мужчина.

У Николая создалось явное впечатление, что мальчик сообщает ему об этом намеренно,

в надежде, что Николай пойдет туда и прогонит незнакомца.

— В какой части зверинца? — спросил он сдержанным тоном. — У тигра?

— Нет, там, где Клео.

Николай встал из-за стола и широкими шагами вышел из комнаты через французское окно, чтобы скорее попасть в сады. Он был уже на полпути, когда увидел идущую от конюшен к дому Эмму. Стук калитки в стороне подсказал ему, что кто-то направляется к подъездной аллее. Он разрывался между желанием догнать посетителя и узнать, кто он такой, и возможностью неожиданно появиться перед Эммой и выяснить это у нее. Выбрав последнее, он быстрой походкой направился навстречу жене.

— Кто это был? — требовательно спросил он.

— Старый друг. Лорд Милбэнк, — на ходу ответила Эмма. Она миновала его, не останавливаясь, и, когда Николай потянулся к ней, резко отбросила его руку. — Не прикасайся ко мне!

— Чего он хотел?

— Ничего.

Волна слепой, бешеной ревности нахлынула на него. Он повернулся и последовал за Эммой.

— Я хочу с тобой поговорить, — настаивал он, хватая ее за руку и затаскивая в библиотеку.

— Не считай меня наивной и не оскорбляй своим неуклюжим актерством, — презрительно оборвала его Эмма. — Тебе абсолютно наплевать на меня и мои поступки.

— Скажи мне, зачем он сюда явился?

В синих глазах сверкнула ненависть.

— Адам рассказал мне о том, что ты сделал. Как ты угрозами заставил его отказаться от меня. Ты развел нас в разные стороны, а затем обманом взял в жены.

— Милбэнку было вовсе не обязательно бросать тебя. У него был выбор.

— Адам испугался тебя. И я его не виню. Ты — злобный и себялюбивый негодяй, без тебя на земле стало бы жить лучше и чище! — Голос ее упал до кипящего яростью шепота:

— Я презираю тебя, Николай, за то, что ты со мной проделал. Ты погубил мою жизнь.

Несмотря на всю черствость, Николай отпрянул при виде ее лица, осознав, что все это правда: Эмма его ненавидит, и он сам этого добился... Да, ему казалось необходимым оттолкнуть ее, чтобы сохранить себя, свою независимость. Но теперь он был совсем не рад, что достиг цели. Он был удручен, как никогда в жизни. В висках стучало, в ушах стоял звон, тонкий и пронзительный звук впивался в голову, становясь все мучительнее с каждой минутой. Николай потер лоб, стремясь как-то облегчить боль. Нет, сейчас никаких споров. Он разберется с женой потом.

"Убирайся отсюда", — хотелось ему сказать, но слова выговаривались попеременно на русском и английском. Мысли путались, все стало зыбким, расплывалось...

— В чем дело? — резко спросила Эмма, но он только растерянно помотал головой.

Последовавшее напряженное молчание нарушил мистер Сомс, почти вбежавший в библиотеку с реставрируемой картиной в руках.

— Ваша светлость, — заговорил он на ходу, не замечая, что прерывает семейную сцену. Улыбнувшись при виде Эммы, он бережно водрузил картину на стол Николая и отступил. — Княгиня Эмма, я расчистил портрет. Вы непременно должны на него взглянуть. Это нечто необыкновенное. Видите?

Николай сосредоточил взгляд на портрете. Перед ним был мужчина лет тридцати, с золотисто-каштановыми волосами, янтарными глазами, высокими скулами, резко очерченным овалом лица и упрямым, крепко сжатым ртом.

"Бог ты мой! — Он словно уставился в зеркало. Это была точная его копия. — Это мое лицо, мои глаза..."

Внезапно голову снова пронзила острая боль. Он попытался отвести взгляд в сторону и не смог. Как сквозь туман до него донеслось потрясенное восклицание Эммы:

— Это же вылитый ты!

Последнее слово эхом прокатилось в его мозгу: "Ты-ты-ты..."

Николай сделал отчаянную попытку вырваться из странного наваждения, но тело и разум не повиновались ему. Он зашатался и рухнул на пол. Картина словно затягивала его в себя, магнитом тянула душу, высасывая жизнь из цепенеющего тела. Он погружался во тьму, и цвет, ощущения, само время уходили, уносились от него прочь тающим водоворотом теней.

"Я умираю", — подумал он, захлебываясь в потоке горького раскаяния. Какую пустую жизнь он вел! Теперь никто о нем не пожалеет, не заплачет на его могиле. Внезапно ему захотелось, чтобы Эмма обвила его сильными тонкими руками, влила в него тепло... Но вокруг была пустота... ничто... Лишь мучительное смятение угасающих мыслей.

Часть третья

(В этой части автор излишне вольно обращается с хронологией и реалиями русской жизни Петровского времени.)

*И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

А.С. Пушкин

Кто-то проговорил по-русски:

— Ваша светлость, пора ехать. Ваша светлость...

Незнакомый голос неотступно бубнил, и Николай, медленно просыпаясь, застонал от мучительного стука в висках. Во рту стоял кислый привкус выпитого накануне вина. Протерев глаза, он обнаружил, что сидит за дубовым столом, уронив голову на твердую столешницу.

— Всю-то ночь вы пили, — продолжал корить его незнакомец. — Уже и времени нет побриться и переодеться перед выбором невесты. Пожалуйста, князь-батюшка, просыпайтесь поскорее. Надо!

— О чем ты болтаешь? — озадаченно пробормотал Николай. Голова была налита тяжестью. В комнате пахло знакомо и уютно: не приторным ароматом крахмала и шерстяных тканей, как в его английском доме, а свечным воском, березовыми дровами и кисленькой терпкостью клюквы. Этот запах был таким родным, так сильно вызвал в памяти родину, что он снова закрыл глаза и глубоко, с наслаждением вдохнул. Постепенно в мыслях всплывало недавнее: ссора с женой, портрет...

— Эмма, — произнес он, с усилием, поднимая голову, и, протерев глаза, продолжал:

— Где моя жена? Где...

Однако слова замерли у него на устах при виде незнакомой обстановки. Худенький юноша в старинном русском платье терпеливо ждал рядом. Его карие, такие же темные, как волосы, глаза сверкали раздражением и досадой.

— Ваша светлость, мы найдем вам жену, как только вы соизволите проснуться и отправиться на смотрины.

Николай подпер голову руками и прищурился:

— Ты кто такой?

Молодой человек тяжело вздохнул:

— Боюсь, вы приняли больше, чем я думал. Если хозяин не помнит, как зовут его любимого дворецкого, у него наверняка в голове туман. Как же мне быть, как не Федькой Сударевым. — Он подхватил Николая под локоть, чтобы помочь ему встать из-за стола, но Николай с тихим рычанием стряхнул его руку.

— Не тронь меня!

— Я пытаюсь вам помочь, князь-батюшка.

— Тогда скажи лучше, где я... и что случилось после того, как...

Тут Николай случайно опустил глаза и замолк на полуслове, заметив, во что одет. На нем были бархатная безрукавка, узкие штаны и белая рубашка с широкими, подхваченными в манжетах рукавами. Наряд выглядел нелепо старомодным, как и платье дворецкого. Вспыхнув от злости и стыда, он решил, что это чья-то глупая шутка. Однако когда он огляделся кругом внимательно, досада его сменилась тревожным изумлением.

Комната оказалась точной копией его покоев в московском особняке Ангеловских.

Выложенный хитроумным узором, на манер персидского ковра паркет, позолоченная мебель, тончайшая кружевная резьба на стенах и окнах были знакомы ему с детства. Но когда он оказался в изгнании, все это осталось там, на родине.

Николай, пошатываясь, поднялся.

— Что происходит? — прошептал он. — Где я? — Голос его зазвенел, срываясь в крик:

— Эмма, где ты, черт тебя побери?!

Федька встревоженно уставился на него:

— Князь-батюшка, здоровы ли вы? Может, хотите что-нибудь скушать? Может, хлеба свежего, мягкого? Рыбки копченой? Или говядинки запеченной?

С внезапной поспешностью Николай шагнул мимо него к двери и ошеломленно замер на пороге. Он стал метаться из комнаты в комнату, как зверь, попавший в клетку. Он ничего не понимал. Пот заливал ему глаза, сердце стучало, словно желая выпрыгнуть из груди. Он уже никогда не надеялся увидеть то, что было вокруг: мебель, стены, иконы... Столь же странно одетые слуги кучками теснились по углам, растерянно жались к стенам при встрече, но заговорить не осмеливались.

— Князь-батюшка, — послышался за спиной встревоженный голос дворецкого.

Однако Николай не остановился, пока не добрался до входной двери. Он распахнул ее, и порыв резкого ледяного ветра ударил ему в лицо, ожег щеки, пробрался в тонкие рукава. Князь содрогнулся и замер на месте.

Перед ним раскинулась Москва... Белокаменная... Златоглавая...

Особняк его располагался почти на самом краю города, на холме, вознесшемся над морем сверкающих золотом, увенчанных крестами церковных куполов. Между церквями теснились дома, деревянные и каменные, с ярко раскрашенными синими, зелеными и красными крышами. Дым бесчисленных печей поднимался в небо, наполняя ноздри свежим запахом мороза и едкостью копоты. В оцепенении Николай смотрел, как медленно опускаются на промерзшую землю хлопья снега, укрывая город мерцающим покрывалом серебряных блесток.

У него задрожали колени так сильно, что он вынужден был опуститься на оледеневшую ступеньку.

"Может, я умер?" — подумалось ему. Он даже не заметил, что произнес это вслух, пока не услышал язвительный ответ Сударева:

— Нет, не умер, хотя, судя по вашему виду, до этого недалеко. К тому же, если будете и дальше стоять здесь раздетым, вы точно застудитесь до смерти. — Дворецкий заботливо коснулся его плеча. — Князь-батюшка, вам надо вернуться в дом. Вы сами назначили меня надзирать за хозяйством и всячески о вас заботиться. Я жалованья своего не буду стоять, если дам вам заболеть. Пойдемте, карету скоро подадут, и вы поедете смотреть невест, как и хотели.

Николай не двинулся с места, продолжая разглядывать город. Ему хотелось зарыдать от ужаса и счастья, броситься наземь и поцеловать оледеневшую землю России. Родная сторона!.. Но эта Москва была моложе, новее, чем помнилось ему. Дремучие леса, ее окружавшие, еще не были вырублены и не поредели. В уличном шуме сливались грохот телег, выкрики разносчиков, окрики караульщиков, вопли нищих, мычание и ржание скота. Дома и возки выглядели несовременно. Далекие деревни казались маленькими и были разбросаны далеко друг от друга, совсем не так, как ему помнилось. При нем народу и строений было больше, дома стояли кучнее, толпы были гуще. Возможно, все это сон?

Возможно, он скоро проснется? Как он сюда попал? Что случилось с Эммой и Джейкобом? Растерянный, неуверенный в себе, он послушно последовал за Сударевым обратно в дом. Федька подал ему кафтан такого же синего бархата, как и его безрукавка.

— Ваша светлость, позвольте помочь вам одеться.

Тяжелая одежда окутала Николая теплом. Ряд пуговиц спускался от середины груди до половины бедер. Отступив на шаг, Сударев оглядел князя и удовлетворенно крикнул.

— Не так щегольски, как обычно, но полагаю, будущую невесту ваш вид не разочарует.

— Чью невесту?

Федька рассмеялся, словно князь остроумно пошутил.

— Вашу невесту, князь-батюшка. Ту, которую вы выберете в спутницы жизни.

— Я уже женат.

Дворецкий залился хохотом пуще прежнего.

— Как я рад, ваша светлость, что хорошее настроение к вам вернулось.

Николай, не улыбнувшись, процедил сквозь зубы:

— Я не ищу себе невесту.

Сударев расстроено умолк, затем проговорил с досадой:

— Но, князь-батюшка Николай Дмитриевич, вы же сами сказали, что пора вам жениться! Разослали по всем городам посыльных, чтобы свезли сюда на смотрины всех незамужних красавиц. Они теперь собрались и ждут вас. Сюда родственники привезли дочерей и сестер из Суздаля и Владимира, а некоторых — даже из-под Киева, из Малороссии! А теперь вы не хотите даже взглянуть на них? — Он укоризненно смотрел на бледное лицо Николая. — Это все похмелье. Вы сейчас сами не знаете, что говорите. У вас всегда так, по старой нашей пословице: день пируете, а неделю голова с похмелья болит.

— Я не гулял и не пировал, — мрачно проворчал Николай, страстно надеясь, что все еще длится какой-то пьяный сон. Да, он просто пьян... вдрызг, вдребезги, до умопомрачения. Может, когда он протрезвеет, все это исчезнет?... Но пока ему ничего не остается, кроме как приноровиться к происходящему и не выказывать сомнений.

— Пойдемте, — жалобно уговаривал его дворецкий, — пора ехать на смотрины. Окажите по крайней мере им уважение, пройдитесь любезно вдоль ряда. Кто знает? Может, вам и приглянется какая-нибудь красавица, и вы с первого взгляда полюбите ее.

Жестом отчаяния Николай запустил в волосы обе руки. Ему так не хотелось принимать участие в нелепом фарсе. Хватит ему хлопот с женой, ведь он уже женат.

"Но пока будет длиться этот сон, — решил он, — надо терпеть".

— Ладно, тогда побыстрее покончим со всем, — угрюмо бросил он. — Поехать я поеду, но невесту выбирать не стану. Никакую.

— Ну и хорошо, — умиротворяюще ворковал Федька. — Только посмотрите на них одним глазком, и все. Это будет и по чести, и по совести, раз уж они приехали в такую даль.

Небольшая толпа слуг провожала Николая, помогая сойти по скользким ступенькам. Лакеи сноровисто укутали его меховой полстью и вручили кубок вина.

— Вина-то не стоило бы больше пить, — начал было Федька, залезая в возок вслед за барином.

Николай, яростно сверкнув глазами над краем усаженного самоцветами кубка, заставил слугу умолкнуть. Выпить ему было просто необходимо, а увещательный тон дворецкого надоел до смерти. Горячее вино было сладким и крепким, так что оно взбодрило Николая и заглушило охвативший его страх.

Раззолоченный возок был запряжен тройкой вороных и поставлен на полозья, которые теперь легко скользили по снежному ковру. Герб Ангеловских был вышит на бархатных подушках, выложен золотом, а также хрусталем и драгоценными камнями на крыше и дверцах возка.

— Я — Ангеловский, — медленно произнес Николай, кладя руку на герб.

— Так и есть, — с чувством согласился Федька.

Николай перевел взгляд на дворецкого, в чертах которого постепенно проступало что-то знакомое. Сударевы служили многим поколениям их семьи. Кто-то даже последовал за ним в изгнание, но князь не мог припомнить никого из них по имени Федор. Хотя... в далеком детстве, кажется, жил у них старик Сударев, которого все звали Федорыч. Может, этот Федька был его отцом? Или дедом?

"А кто же тогда я?"

Николай залпом допил вино, разгоняя гнездившийся в груди холодок. Слуга назвал его Николаем... князем Николаем Дмитриевичем... Но ведь так звали и его прапрапрадеда!

Возок миновал дома и рынки посада — часть города, раскинувшуюся между стенами Кремля и внешними земляными валами, окружавшими Москву. Прохожие кутались в широкие длинные шубы и кафтаны, надвигали на лбы меховые шапки. Взмахами рук они приветствовали и провожали проносившиеся мимо сани. Эта сцена неприятно напомнила Николаю толпы любопытных, собравшихся поглазеть, как он навсегда уезжает из Санкт-Петербурга.

— Куда мы направляемся? — сухо спросил он.

— Разве не помните? В особняк вашего друга, князя Чоглокова. У него единственная в Москве бальная зала, которая сможет вместить всех девиц. Он предоставил вам для смотрин ее и примыкающие помещения.

— Очень любезно с его стороны, — мрачно отозвался Николай, сжимая в озябших пальцах пустой кубок. Они мчались по городу, построенному кольцами или скорее слоями, как луковица, сердцевиной которой был Кремль. В одних местах сгрудилось по несколько барских усадеб, в других — скопление золотых церковных куполов напоминало поросль экзотических цветов, рядом с которыми деревянные домики обывателей казались особенно низенькими и маленькими. Почти все строения были деревянными, а дороги — немощеными.

Как сквозь сон услышал Николай перезвон церковных колоколов, возвещавших православным начало обедни. Ни в каком другом городе на свете не звонят в колокола так много и так часто, отчего воздух московский поет и звенит радостным гулом. Если это продолжался сон, то такого яркого, похожего на явь и приятного сна ему никогда еще не снилось...

Наконец возок подкатил к большому особняку, фронтон которого был украшен стройными деревянными колоннами. С боков к нему примыкали два восьмиугольных флигеля. По обе стороны улицы и у ворот толпился народ. Завидев в окошке возка Николая, толпа разразилась приветственными криками. Он глубже вжался в сиденье и угрюмо насупился.

— Не тревожьтесь, ваша светлость, — заметил Федька. — Скоро все кончится.

— Поскорее бы.

Лакеи в парчовых ливреях распахнули дверцу и проводили Николая в дом. Сударев следовал за ним по пятам, держа в руках деревянную шкатулку с золотым замком. Хозяин

дома, предположительно князь Чоглоков, уже ждал их в широких и низких сенях. Это был лысый старик с тонкими седыми усиками, забавно встопорщившимися, когда он приветливо заулыбался.

— Князь Николай, друг мой, — проговорил Чоглоков, лукаво блестя глазами. Он обнял Николая и засмеялся, запрокинув голову. — Ты будешь доволен выбором, смею тебя уверить. Таких красавиц поискать. Я никогда не видел столько прекрасных лиц сразу. А волосы!.. Как шелк. А груди!.. Словно сочные плоды. Ты легко выберешь себе по нраву. Мы как, сначала выпьем или сразу отправимся в бальную залу?

— Не надо пить, — торопливо зашептал Сударев, делая вид, что не замечает свирепого взгляда своего князя. — Его светлость князь Николай Дмитриевич пылко стремится поскорее увидеть привезенных девиц.

Чоглоков рассмеялся:

— Кто его упрекнет? Следуй за мной, князь Николай, и я провожу тебя в рай.

Коридоры звенели взволнованным девичьим щебетом. Гул становился все сильнее по мере приближения к бальной зале. Самодовольно ухмыльнувшись, Чоглоков потянул на себя дверную ручку в виде головы льва и распахнул двери.

Раздался неслаженный хор ахов и охов, а затем наступила тревожная мертвая тишина. Николай помедлил на пороге, но Чоглоков и Федька совместными усилиями подтолкнули его вперед.

— Господи Боже! — пробормотал Николай. В зале собралось около пяти сотен девушек, а может, и больше. Они стояли нестройными рядами, и все как одна смотрели на него в ожидании его выбора. Большинство были в длинных, до пола, полотняных рубахах л накинутых поверх платках красного, самого любимого в России цвета. У всех девушек волосы были заплетены в косы и убраны лентами и платочками. У многих на головах красовались кокошники из золотой или серебряной скани. Несколько самых храбрых девиц уставились на приближавшегося князя с открытым восхищением.

Он почувствовал, как жаркий румянец залил ему лицо и шею, и обернулся к идущему следом Федору.

— Я не могу... — начал было он, однако тот жестко ткнул его локтем.

— Да вы только поглядите на них, ваша светлость.

— Робеешь? — насмешливо фыркнул Чоглоков. — Это на тебя не похоже. Или тебе все еще неохота жениться? Уверяю тебя, это не так уж плохо. Кроме того, род Ангеловских должен продолжаться. Выбери себе жену, друг мой, а потом пойдем и выпьем водки.

Выбери себе жену... Легко сказать! Чоглоков проронил это небрежно, словно предлагая выбрать на подносе закуску. Николай с трудом сглотнул и шагнул к длинному ряду девушек. Ноги будто свинцом налились. Он нерешительно миновал одну девушку, потом другую, едва заставляя себя смотреть им в глаза. Его провожали хихиканье, улыбки, лукавые взгляды, легкий шепоток. А иногда перед ним возникало отчаянное лицо девушки, явно оказавшейся здесь не по своей охоте, как и сам Николай. Он шел вдоль ряда красавиц, выпрямлявших спины при его приближении, чтобы выставить напоказ свои пышные прелести. Тонкие пальцы нервно теребили юбки и платочки. Для каждой девицы, которую Николай отверг, пройдя мимо, у Федора находились слова утешения и золотая монета из шкатулки.

Где- то в середине ряда возможных невест Николай заметил мелькнувшие в толпе рыжие волосы девушки, более высокой, чем остальные. Она стояла несколько дальше по ряду, обращая на себя внимание полной неподвижностью среди переминающихся с ноги на

ногу и подталкивающих друг друга соседок. Лицо ее было отвернуто от него в сторону, но по манере держаться... чуть ссутулившись, чтобы скрыть высокий рост...

Широким шагом Николай устремился прямо к ней. Сударев, встревоженно окликая, поспешил за ним.

— Князь-батюшка Николай Дмитриевич, вы пропустили несколько очень милых девиц...

Однако Николай уже добрался до заветной цели и, схватив девушку за плечи, уставился в ее синие глаза и слегка потряс. В его душе смешались гнев и облегчение.

— Эмма, — рявкнул он, машинально переходя на английский, — что происходит? Что ты здесь делаешь?

Она растеряннотнула головой и ответила на чистейшем русском языке:

— Ваша светлость... Я не понимаю... Простите меня, если я вас чем-то обидела.

Дернувшись как от удара, Николай выпустил ее руку. Его жена Эмма не говорила по-русски. Но голос принадлежал ей. И синие глаза были ее, и тело! Он замер в недоумении, вперив в нее пристальный взгляд, а вокруг раздавалось возбужденное перешептывание.

Сударев взял на себя объяснение с девушкой.

— Ну-ка ты, рыженькая, — спокойно проговорил он, — как тебя зовут?

Не отводя глаз от Николая, она ответила:

— Емелия.

— Я хочу поговорить с тобой, — тихо сказал Николай. — Сейчас же. — И прежде чем кто-либо успел произнести хоть слово, потянул ее за собой прочь из залы. Толпа женщин заволновалась, ряды расстроились в беспорядочную массу. Князь Чоглоков расхохотался.

— Николай, — крикнул он им вслед, — такое положено делать после венчания!

Не обращая внимания на суматоху и оклики, Николай продолжал тащить девушку за руку. Она молча повиновалась. Он завел ее в первую попавшуюся пустую комнату и закрыл за собой дверь. Только тогда она попыталась освободиться, резко выворачивая запястье из его цепких пальцев.

— Что случилось? — настойчиво спросил Николай, нависая над ней. — Мы с тобой спорили в библиотеке. Сомс принес этот чертов портрет, все вокруг потемнело, и...

— Простите, я ничего не понимаю, — по-русски повторила она, растирая покрасневшее запястье и настороженно глядя на него как на сумасшедшего.

Свобода и легкость, с которыми она изъяснялась, взбесили Николая.

— Когда мы виделись в последний раз, ты и десяти слов не знала по-русски!

Девушка попятилась от него к двери.

— По-моему, мы раньше не встречались, — пролепетала она, и глаза ее тревожно потемнели. — Ваша светлость, пожалуйста, позвольте мне удалиться...

— Погоди, погоди! Не бойся меня. — Николай схватил ее в объятия и крепко прижал к себе окаменевшую фигурку. Голова у него шла кругом. Он судорожно пытался сообразить, что происходит. — Разве ты не знаешь меня, Эмма?

— Я знаю о вас, светлый князь. Вас все уважают и боятся.

Освободив одну руку, Николай ухватился за свисающую по спине ярко-рыжую косу.

— Те же волосы, — пробормотал он и погладил кончиками пальцев нежную бледную щеку. — Та же кожа... те же веснушки... те же самые синие глаза... — Он ощутил прилив неизъяснимого глубокого наслаждения от того, что держит ее в объятиях, такую прекрасную и знакомую.

Ее полуоткрытый в растерянности рот был таким же сочным и манящим, как всегда. Он склонился и внезапно поцеловал ее. Она потрясенно ахнула, не противясь, но и не отвечая на поцелуй. Напоследок Николай легонько провел губами по ее губкам, затем поднял голову и хрипло произнес:

— Тот же вкус. Это должна быть ты. Разве ты меня не помнишь?

В дверь застучали, и раздался встревоженный голос Сударева:

— Князь-батюшка Николай Дмитриевич, вы здесь? Ваша светлость...

— После, после! — прорычал Николай. Он подождал, пока шаги дворецкого удалились, и снова обратил взор к девушке, которую продолжал держать в объятиях. Притянув ее к себе еще теснее, он закрыл глаза и вдохнул аромат ее кожи.

— Не знаю, что произошло, — выдохнул он в нежную ямку у нее под ушком. — Какая-то бессмыслица.

Емелия решительно вырвалась и, отступив на несколько шагов, уставилась на него, поднеся ко рту дрожащую руку. Ее широко раскрытые глаза поражали глубокой синевой.

— Ваша светлость, вы решили выбрать меня? Поэтому отвели меня в сторону?

Николай молчал, стараясь понять, что с ним творится.

Прочитав ответ в его глазах, Емелия слегка кивнула, словно получила подтверждение давним мыслям.

— Я ждала, что так и будет, — задумчиво произнесла она. — Почему-то я знала, что, если приеду в Москву, вы выберете меня.

— Откуда могла ты это знать? — хрипло спросил Николай.

— Просто у меня было такое предчувствие. Я наслушалась рассказов о вас и подумала, что, пожалуй, смогу стать хорошей женой такому, как вы.

Николай снова двинулся к ней, но она слегка попятилась. Он заставил себя остановиться, хотя мучительно жаждал дотронуться до нее еще раз.

— Что же обо мне рассказывают?

— Что вы очень умный. Еще говорят, что вы в фаворе у царя, потому что побывали за границей и понимаете иностранцев. Даже бреете лицо, как они. — Емелия с любопытством разглядывала крутую линию его подбородка. — А в наших краях все мужчины носят бороды.

Медленно приблизившись к нему и протянув руку, она погладила его подбородок... раз... другой... Кончики пальцев касались его кожи нежно, почти невесомо. Робкая улыбка заиграла у нее на губах.

— Гладко, как у ребенка.

Николай поймал ее ладонь и прижал к своей щеке. Она была теплой, настоящей... слишком настоящей, чтобы все это происходило во сне.

— Эмма, погляди мне в глаза. Посмей сказать, что никогда не видела меня раньше! Что мы никогда не касались друг друга, не целовались! Повтори, что ты меня не знаешь!

— Я... — Она беспомощно покачала головой, не отводя глаз от его яростного взора.

Он отпустил ее и заметался по комнате кругами, отчего и она была вынуждена поворачиваться, чтобы не терять его из виду.

— Тогда кто же ты такая? — еле сдерживаясь, тихо осведомился он, наконец ощутив гнев и какую-то отчаянную пустоту внутри.

— Меня зовут Емелия Васильевна.

— Я спрашиваю о твоей семье.

— Отец мой умер. Дядю и брата забрали из деревни строить новый город на Неве. Я не

могла оставаться в деревне одна... и не хотела выходить замуж за крестьянина.

— Почему же?

— Те, кого не угнали на строительство Петербурга, не хотели на мне жениться, — не отвечая прямо на вопрос, робко продолжала она. — Мою семью не любили за... отцовское вольнодумство. Впрочем, не важно, почему никто в округе не хотел взять меня в жены. Они были либо слишком молоды, либо слишком стары, так что и работать-то толком не могли. И бедные они были... Я хотела от жизни чего-то большего.

— Больше денег?

— Нет, — резко возразила она. — Я хотела выйти за человека, с которым можно поговорить. Хотела учиться, узнавать о разных вещах, о том, каков мир, лежащий за нашими лесами. — Девушка опустила голову и со смущением честно добавила:

— Конечно, оказаться богатой было бы неплохо. Я решила, что стоит попытаться.

Внезапно Николай рассмеялся в приступе нежданного веселья. Наивное искреннее признание было так в духе Эммы, так напомнило ему очаровательную прямооту его жены.

— Что ж, такое откровенное честолубие должно быть вознаграждено.

— Что вы имеете в виду, ваша светлость? — явно озадаченная, спросила она.

Николай глубоко вздохнул.

— Я имею в виду, что женюсь на тебе. Пойду пока на поводу у событий. Бог даст, это рано или поздно закончится.

— Что закончится?

— Этот кошмар, — пробормотал он, — это наваждение. Называй, как хочешь. Все кажется таким реальным, что мне начинает чудиться, будто я и впрямь сошел с ума. Но ведь я ничего не могу с этим поделать, не так ли? Словом, я выбираю тебя, Эмма... Емелия... кто бы ты там ни была. Я всегда выбираю тебя, хотя бы ты и проклинала меня потом.

— Не понимаю.

— Не важно! — Он протянул ей руку. — Просто иди за мной.

Она поколебалась, потом дала ему руку. Ее длинные тонкие пальцы сплелись с его, сильными и мощными.

Николай повел ее обратно в зал, где их терпеливо дожидались князь Чоглоков, Сударев и вся беспокойная толпа женщин. Театрально взмахнув рукой, Николай указал на стоящую рядом, стыдливо краснеющую девушку.

— Вот моя невеста, — объявил он с усмешкой, стараясь изобразить довольного жениха.

Князь Чоглоков захлопал в ладоши:

— Прекрасный выбор, князь Николай! Отличная баба! Наверняка нарожает тебе здоровых сыновей.

Николай обернулся к Судареву и вопросительно выгнул бровь:

— Когда свадьба?

Вопрос заставил Чоглокова согнуться пополам от хохота.

— Ну и шутник!

Сударев попытался скрыть тревогу и растянул губы в безрадостной улыбке.

— Сегодня, разумеется. В особняке Ангеловских. Разве что ваша светлость пожелает обождать...

— Нет, пусть будет сегодня, — коротко приказал Николай. — А сейчас я хочу вернуться домой.

— А как же выпить?... — запротестовал Чоглоков.

Николай выдавил из себя дружелюбную улыбку. — Если не возражаете, как-нибудь в другой раз.

— Когда захочешь, — посмеиваясь, отозвался хозяин дома.

В том же возке Николая отвезли домой. Емелия примостилась рядом с ним, а Сударев устроился напротив и пониже. Емелия всю дорогу молчала, разомкнув губы лишь для того, чтобы отказаться разделить с Николаем меховую полсть.

— Мне не холодно, — ответила она. Николай недоверчиво фыркнул.

— Неужели? Отчего же ты побледнела и дрожишь? — Приподняв край меха, он махнул рукой, приглашая ее прижаться к нему. — Твой приступ робости нелеп. Вряд ли я стану совращать тебя в присутствии слуги... Да и в любом случае, не пройдет и нескольких часов, как мы поженимся. Придвигайся ко мне.

— Мне не холодно, — упрямо повторила она, хотя зубы ее начали постукивать.

— Отлично. Только не вини меня, если замерзнешь до смерти, не доехав до дому.

— Снаружи мне грозит меньшая опасность, чем внутри, — откликнулась она, со значением кивая на полость, после чего отвернулась, желая показать, что спор окончен.

Сударев, внимательно слушавший их перебранку, удовлетворенно заметил:

— Кажется, князь-батюшка, выбор вы сделали удачный. Жениться так и надо: на женщине, сильной телом и духом.

Николай с досадой поглядел на него и велел замолчать.

Вскоре они подъехали к усадьбе Ангеловских, и толпа слуг разъединила Николая и Емелию. Начиналась подготовка к предстоящей церемонии. Он заперся в своих покоях, потребовав водки и закусок. Их поспешно подал Сударев, настойчиво упрашивая не пить слишком много перед свадьбой.

Выпив водки, Николай заходил по комнате. Снизу доносились звуки приготовлений: торопливые шаги слуг, их голоса, внезапные взрывы возбужденного смеха. С каждой минутой настроение его падало все больше и больше.

Обследуя комнату, Николай внимательно разглядывал убранство постели: занавеси из шелковой парчи, расшитой золотой нитью и жемчугом, шелковое покрывало с вышитой посередине огромной буквой "А" и грудой меховых одеял.

В резном деревянном сундуке, стоявшем в углу, лежала пара пистолетов с золотыми накладками и курками в виде драконов. Рядом находились узорчатый эмалевый футляр для лука и золотой колчан. Ни одна из этих вещей не была ему знакома.

Закрыв сундук, Николай снова выпил водки. Запрокинув при этом голову, он поймал краем глаза красный отблеск в углу. Там висела небольшая икона, тускло светившаяся старинным золотом и багровым пламенем киновари. Потрясенный, он плотнул невпопад, и водка болезненно пошла комком по горлу. Тысячу раз видел он эту икону. Она висела в его детской. Повзрослев, он перевесил ее в свою спальню, а потом, при высылке из России, увез с собой в Англию.

— Бог ты мой! — вслух произнес он и так резко рванулся к иконе, что споткнулся. — Что же это делается? Как она здесь очутилась?

Изысканно строгая византийская живопись изображала окутанного сверкающим рубиново-красным облаком Илью-пророка, который спускался с небес на огненной колеснице. Гривы запряженных в нее коней полыхали пожаром. Николай всю жизнь почитал и лелеял этот образ, любил его за яростную силу цвета и тонкое мастерство иконописца. Другой подобной на свете не было!

Знакомая до боли, спокойно висевшая в углу икона, которую можно было потрогать, вдруг убедила его, что та, другая жизнь, которую он считал реальной, исчезла навсегда.

— Я не хочу этого! — прошептал он, и шепот по силе вложенного в него чувства был равен воплю. — Я не просил об этом. Не выбирал! Черт бы побрал все!

Отступив на шаг, он запустил стаканом в огненный круг. От удара об икону стакан раскололся и сбил ее со стены. В дверь сразу же постучали. Слуга осведомился, все ли в порядке, и, услышав в ответ грозный рык Николая, поспешно удалился. Стоя над упавшей иконой, Николай уставился на глубокую свежую царапину, пересекавшую край алого облака. Сохранится ли эта царапина через сто лет? Через сто пятьдесят... и далее?...

Что, если все это происходит на самом деле? Может быть, он умер и попал в преисподнюю? Возможно, аду понадобился свидетель, дабы наблюдать за развитием мерзкой истории его рода? И он сейчас следит за ней глазами своего предка...

Тут в голову Николаю пришла новая мысль, и колени его ослабели. Пошатываясь, добрался он до кровати и тяжело опустился на нее. Если он и вправду князь Ангеловский, собирающийся жениться на простой девушке по имени Еме-лия, то история его рода еще только должна будет состояться. У них родится сын Алексей, у того будет сын Сергей, за ним пойдет второй Сергей, за тем последует Дмитрий... а потом...

— А потом, — громко произнес Николай, — появлюсь на свет я... и Михаил...

Если он сможет удержаться и не завести ребенка от Емелии, род Ангеловских прервется. Не будет ни убийства Михаила, ни издевательств над ним. Да и собственная жизнь Николая, мучительная, греховная, тоже не состоится.

Тело Николая сотрясла дрожь ужаса: возможно, ему судьбой вручена власть воспрепятствовать собственному рождению.

Несмотря на настояния Сударева, Николай перед свадьбой не пошел в баню, не стал ни бриться, ни переодеваться. Запершись в спальне, он пил не переставая в попытке забыться и проспять этот кошмар. Ему казалось нечестивым снова пройти свадебный обряд. Много нагрешил он в своей жизни, но двоеженцем никогда не был. И вообще, он был Николаем Дмитриевичем Ангеловским, и место его было в Англии в 1877 году... рядом с Эммой Стоукхерст.

Из-за двери донесся приглушенный голос Сударева:

— Князь-батюшка Николай Дмитриевич, гости собрались. Венчание начнется, как только пожелаете. Вы ведь не заставите всех долго дожидаться?

— Я не собираюсь сегодня ни на ком жениться, — развалившись в кресле, отозвался Николай.

Наступило долгое молчание, затем снова прозвучал взволнованный голос Сударева:

— Ладно, ваша светлость. Но вам придется самому сообщить об этом гостям... и невесте. Я это делать отказываюсь, даже если вы отправите меня на конюшню или выбросите на мороз, чтобы я умер в муках. Нет, решительно я не стану ничего говорить.

Николай с трудом поднялся, подошел к двери, пинком распахнул ее и яростно уставился с высоты своего роста на бледного, расстроенного дворецкого.

— Мне труда не составит объявить им свое решение, — с издевкой произнес он. — Покажи-ка мне, где они собрались.

Рот Сударева сжался в ниточку.

— Как скажете, ваша светлость.

Он повел Николая вниз, в домашнюю церковь. Стены ее были увешаны иконами так

плотно, что свободного места почти не оставалось. Широкий стол при входе был заставлен блюдами, полными яблок, орехов, миндаля, изюма и других лакомств. Посредине красовался громадный медовый пряник, изукрашенный сахарной глазурью, и стояли кубки с вином. Небольшая толпа празднично разодетых гостей во главе с князем Чоглоковым окружала священника. На алтаре лежало Евангелие в кованом переплете. При виде Николая все заулыбались, разразились приветственными восклицаниями и поздравлениями. Окинув быстрым взглядом собравшихся, он перевел глаза на Емелию, и сердце его дрогнуло.

На ней были сарафан из золотой парчи и золотистый летник с коротковатыми, не по росту, рукавами. Какая-то добрая душа, вероятно, жена князя Чоглокова, собрала ее свадебный наряд.

Вышитую жемчугом фату придерживал на волосах венец из золотой скани, с которого на лоб спускалась крохотная, но лучистая рубиновая подвеска. Емелия казалась совершенно спокойной, если бы не букет, крепко стиснутый в руках. Перевязанные розовой лентой сухие цветы заметно дрожали, и хрупкие их лепестки осыпались на пол.

Это ее волнение окончательно сломило Николая. Не мог он отвергнуть Емелию на глазах у стольких людей. Не мог просто ее бросить. В устремленных на него синих глазах светилась робкая надежда, уголки губ чуть приподнялись, словно готовясь к улыбке... Так когда-то смотрела на него Эмма Стоукхерст.

Словно в тумане Николай шагнул вперед и занял свое место рядом с ней. Под хор одобрительных возгласов князь Чоглоков приблизился к нему, намереваясь вручить обрядовый серебряный кнут — символ права мужа воспитывать и наказывать жену. Увидев его, Николай покачал головой.

Чоглоков нахмурился.

— Но, Николай...

— Нет, — коротко возразил Николай, отворачиваясь от Чоглокова к Емелии. Глядя в ее изумленные синие глаза, он объяснил:

— Мы поженимся по-западному. Я не стану брать в руки кнут.

По толпе гостей пошли шепотки, прерванные тут же священником, который кивнул так резко, что длинная борода ударила по груди:

— Да будет по воле князя!

Мерным монотонным напевом он начал обряд венчания. Николаю и Емелии дали в руки по маленькому образку и поднесли хлеб-соль.

Тяжелые золотые кольца, в которых Николай смутно узнал фамильные реликвии рода Ангеловских, были освящены и переданы жениху и невесте, чтобы они обменялись ими. Сосредоточившись на обряде, Николай не смотрел на Емелию. Рука его не дрогнула, когда их запястья связали вместе шелковой лентой. С тихим достоинством священник обвел жениха и невесту вокруг аналая, а затем распустил скрепляющую их руки повязку. Следуя указаниям священника, Емелия начала опускаться на колени. По обычаю Невесте следовало склониться лбом на сапог жениха, чтобы выказать ему должную покорность.

Поняв, что происходит, Николай подхватил невесту под локти и вздернул ее вверх, до того как колени ее коснулись пола. Она изумленно ахнула и качнулась к нему.

— По западным обычаям следует обменяться поцелуем, — громко, чтобы все слышали, заявил Николай. — Моя жена будет мне не рабыней, а подругой и спутницей, равной во всем.

В ответ послышались смешки: некоторые гости сочли это неуместной шуткой. Однако

Николай не смеялся. Он твердо встретил взгляд Емелии и ждал ее ответа.

— Да, светлый князь, — наконец сдавленно прошептала она и закрыла глаза, когда после этих слов он нагнул голову и поцеловал ее в губы.

Ее рот был невинным и нежным. Он раскрылся под жестким напором его поцелуя. Николай обвил руками ее шею и притянул к себе, ощущая ладонями теплую шелковистость кожи. Упругая твердость ее груди коснулась его груди, и у него вырвался еле слышный стон удовольствия. Внезапно он захотел ее, отчаянно, яростно... так, что мучительно заныло в паху, в сердце, во всех уголках тела. Сам не зная, как ему это удалось, Николай отпустил ее. Священник передал ему красную деревянную братину, чтобы он отпил на счастье, и гости обрадованно захлопали в ладоши, приветствуя окончание церемонии.

— Пора праздновать! — выкрикнул кто-то, и все устремились к столу, где гостей ждали кубки с вином.

Николай посмотрел на новобрачную. Кровь гулко била ему в виски, пальцы напряглись при мысли о том, как он будет ее ласкать. Вожделение снесало его. Ему было все равно, как ее зовут. Все его чувства кричали, что это Эмма. Ее волнующее тело, ее неукротимая натура, само присутствие возбуждали его, как всегда.

Рядом возник Сударев и украдкой потянул его за локоть.

— Ваша светлость, — пробормотал он, не разжимая губ, — вы можете отвести свою невесту вверх. Вам нужно что-нибудь еще?

Николай оторвал взгляд от Емелии и коротко, со значением сказал:

— Уединение. Если кто-нибудь сегодня войдет ко мне в спальню, убью. Ясно?

— Но, князь-батюшка, по обычаю гости имеют право через два часа осмотреть простыни...

— Но не по западным обычаям.

Сударев скривился, но послушно кивнул:

— Нелегко служить боярину новомодных правил. Хорошо, ваша светлость, я никого не пушу к вам.

Князь предложил Емелии руку, и она оперлась на нее, низко склонив голову, так что фата скрыла ее заалевшее лицо.

Хор озорных пожеланий звучал им вслед, когда они покидали гостей. Емелия нервно вцепилась в рукав мужа, подстраиваясь под его шаг, и Николая охватило алчное предвкушение. Он хотел ее так яростно, что готов был отстаивать свое право против всех и каждого... невзирая на последствия. Пусть на несколько ближайших часов весь мир провалится в бездну, но он растворится в наслаждении ее телом. Он ввел ее в спальню и затворил за собой дверь. От зажженных высоких толстых свечей в воздухе струилось янтарное мерцание. На столике их ждали приготовленные слугами кувшины с водой и вином.

Емелия замерла, поводя вокруг диким взглядом. Дыхание ее стало прерывистым и частым. Николай бережно приподнял венец и снял с нее шитую жемчугом фату. Поместив их на маленький столик, он вновь повернулся к ней.

— Повернись ко мне спиной, — мягко произнес он.

Она повиновалась и тихонько ахнула, почувствовав, как он ухватил ее свисающие до пояса косы. Он расплел густые рыжие волосы и запустил в них пальцы, отпуская на волю буйные ярко-рыжие кудри. Каждое его движение было неторопливым и нежным, хотя он жаждал повалить ее на постель и немедленно овладеть ею. Стянув с ее плеч золотистый

летник, он уронил его на пол. Затем Николай прижал девушку спиной к себе и крепко провел ладонями по ее телу, ощупывая сквозь ткань сарафана манящие округлые изгибы. Она задохнулась, вжалась в него спиной, а он взял в горсть небольшие упругие груди и легонько стиснул их, отчего соски ее затвердели, как камешки.

Николая потрясла доверчивость, с которой она предлагала ему себя. Он оперся подбородком ей на плечо и, уткнувшись лицом в нежную шейку, стал водить им по шелковистой коже. От яростного желания сердце его колотилось как безумное. Ладонь его скользнула вниз по плоскому девичьему животу к заманчивой расщелинке между бедрами. Дрожащая Емелия тяжелее оперлась на него. Глубокий вздох вырвался из ее груди, когда он твердо вжал ладонь в мягкий холмик, и жгучий жар запульсировал между их телами.

Обычно Николай предпочитал молчать во время любовных игр, не считая это взаимной радостью разделенных чувств. Слова казались ему лишними, они слишком обнажали бы душу. Но сейчас он ощущал глубокую потребность что-то сказать ей, как-то снять ее напряженность, от которой она вдруг словно оледенела.

— Я не причиню тебе боли, Рыжик.

— Я не боюсь, — отозвалась она, поворачивая к нему лицо. — Просто... мы совсем не знаем друг друга...

"Неужто не знаем? — хотелось воскликнуть ему. — Я бессчетное число раз держал тебя в своих объятиях, Я знаю тебя, Эмма! Знаю каждый дюйм твоего тела, каждое выражение твоего лица".

Он знал, как управлять ею, как заставить ее ощутить наслаждение, стыд, гнев... Но означало ли это, что он познал ее суть? Тайны ее сердца и ума, ее мечты и надежды были скрыты от него за семью печатями.

Пристально вглядывался он в стоявшую перед ним женщину, перебирая пальцами упавший ей на плечо красно-коричневый локон.

— Ты права, — тихо произнес он. — Мы пока чужие. Сегодня для нас обоих начинается новая жизнь. Нам надо довериться друг другу. Хорошо?

— Да.

Она робко улыбнулась и, застенчиво пробормотав что-то, потянулась к его кафтану. Он помог ей снять его и сам вытащил из узких, облегающих штанов рубашку. Расхрабрившаяся Емелия старательно расстегивала пуговички из драгоценных камней на манжетах, подхватывающих широкие рукава. Когда она покончила с ними, Николай стащил рубашку через голову и дал ей упасть на пол. Привычно ожидая бурной реакции на шрамы, он железным усилием воли заставил себя стоять неподвижно под девичьим взглядом, который скользил по его обнаженной груди.

Но на лице Емелии отразилось лишь робкое любопытство. Она коснулась его ключиц и твердых, выпуклых мускулов груди. Ее пальчики пробежали по ним нежными язычками огня.

— Вы очень красивы, — прошептала она.

Сочтя это насмешкой, так как никому никогда не пришло бы в голову назвать красивым человека, обезображенного жуткими шрамами, Николай опустил глаза... и вздрогнул от удивления.

Никаких шрамов и рубцов, уродовавших его грудь, не было и в помине. Золотистый свет свечей озарял безупречно гладкую кожу. Дрожащими руками Николай дотронулся до своей груди, поглядел на запястья... Они тоже были совершенно чистыми.

— Господи! — хрипло прошептал он. Ноги его подкашивались. — Что со мной происходит?

Емелия попятилась на несколько шагов и в смятении уставилась на него.

— Светлый князь, вам плохо? Вы заболели?

— Уходи, — проскрежетал он. Она побледнела.

— Что?

— Уходи! — резко повторил он. — Пожалуйста, найди себе другую комнату для сна.

Емелия судорожно втянула в себя воздух и смахнула с глаз набежавшие слезы.

— Чем же я провинилась? Чем не угодила?

— К тебе это отношения не имеет. Мне очень жаль, но я... — Николай потряс головой, не в силах продолжать объяснения. Пряча глаза, он отвернулся от нее, дожидаясь, пока она покинет комнату. Боль в висках стала нестерпимой. Было такое ощущение, словно кто-то вбивал гвозди ему в череп.

— Господи! — прохрипел он с мольбой, сливая в это единое слово все свои страхи, изумление, отчаяние.

Он вновь ощупал себя в поисках шрамов и вновь был потрясен, ощутив под пальцами нетронутую, гладкую кожу. Многие годы рубцы от кнута и следы ожогов были неотъемлемой его частью. Он всегда смотрел на них, когда хотел напомнить себе об изуверской жестокости, на которую способны люди. Как могли исчезнуть такие глубокие отметины, видимые свидетельства страшного опыта, круто изменившего его жизнь? Они испарились без следа, и с их исчезновением он словно утратил собственную личность.

Тяжко вздохнув, Николай, как куль, повалился на ближайший стул. Никогда не чувствовал он так свое одиночество. Он оказался отъединенным от всего, что знал, и не было никакого способа вернуться в единственно знакомую ему жизнь.

Николай не был даже уверен, что хочет этого. В той жизни у него не осталось ничего и никого. Он сознательно уничтожил все шансы на сердечные отношения с Эммой Стоукхерст. Зачем же было ему возвращаться? К чему?

Рассудок вернулся к нему с внезапной остротой. Было бы трагической ошибкой лечь в постель с Емелией. Не станет он рисковать ее возможной беременностью. И пальцем ее не тронет. Род Ангеловских умрет вместе с ним, и мир от этого станет только чище и лучше. Его пронзила мысль об Эмме Стоукхерст, ожидающей его там, в будущем, о том, что никогда он не женится на ней, не будет обладать ею... Однако он заставил себя не сосредоточиваться на тянущей ледяной тоске в груди.

Заметив кувшин с вином, Николай подумал, не напиться ли ему. Но это ничего не меняло. В лучшем случае дало бы краткую отсрочку, после которой он вновь оказался бы перед той же проблемой: что ему дальше делать?

Догадался ли Сударев, что Николай не осуществил свои брачные права, заподозрил ли что-то неладное или нет, но наутро он ничего по этому поводу не сказал. Худощавое лицо дворецкого было бесстрастным, хотя темно-карие глаза смотрели на растерзанный вид Николая пристально и оценивающе.

— Доброе утро, ваша светлость, — произнес он. — Я взял на себя смелость приготовить для вас баню. На случай, если вам сегодня захочется попариться...

Николай кивнул и последовал за дворецким в баню, пристроенную к особняку.

— Вы два дня не меняли платья, — бубнил Сударев, подбирая одежду, которую сбрасывал с себя Николай. — Вся дворня обрадуется, что вы решили помыться.

Эти слова напомнили Николаю о строгих русских требованиях к чистоте. Даже самые нищие крестьяне регулярно мылись. Это было одной из тех сторон жизни, в которой русские обогнали своих западных соседей, особенно в тот исторический период. Англичане даже побаивались тогда часто мыться, считая, что это делает их более подверженными болезням.

Деревянная банька была чисто выскоблена и просторна. Высоко вверху находилось узкое оконце. Удобный предбанник с большим очагом был обставлен мебелью, обитой узорчатым штофом. Дверь между баней и предбанником была закрыта, чтобы не выпустить пар. Он оседал капельками на стенах и стекле оконца и светлыми струйками стекал вниз.

Николай облегченно вздохнул и опустил по грудь в большую деревянную лохань, наполненную водой с пахучими травами. Тепло постепенно расходилось по его телу, расслабляя напряженные мышцы, успокаивая ноющую боль в сердце. Он закрыл глаза и откинул голову на край лохани.

— Оставить вас одного, князь-батюшка? — осведомился Федька.

— Оставь, — не открывая глаз, отозвался Николай.

— Я вернусь с бритвой, когда щетина ваша распарится и станет помягче.

Какое-то время в бане стояла тишина. Слышались только стук падающих с оконца капель и плеск воды в лохани, когда Николай двигал рукой или ногой. Клубы пара поднимались над камнями обложенной изразцами печки.

Николай дремотно нежился, мысли его плыли, неясно колыхаясь в полусне, как вдруг он услышал скрип половиц. Кто-то приближался к лохани.

— Это ты, Федька? — лениво проговорил он.

— Нет, — послышался тихий женский голос.

Николай открыл глаза. Сквозь горячий туман он увидел выступившую из облаков пару Емелию. На ней было простое голубое крестьянское платье. Глаза покраснели от слез, но рот был крепко сжат, а подбородок — упрямо выдвинут вперед. Он сел в воде и настороженно уставился на нее, не зная, пришла ли она с миром или разразится упреками. Бог свидетель, у нее были для этого все основания.

Чуть дрогнувшим голосом она пояснила:

— Я спросила у Сударева, где вы. Я... я должна с вами поговорить. Прямо сейчас. Попросить...

— Попросить? О чем? — пробормотал Николай, пораженный неземным видением. Ее хрупкая фигура словно плыла в облаках пара. Выбившиеся на висках волосы от влаги завивались в колечки, окружая худенькое личико с огромными синими глазами рыжим нимбом.

— Вы жалеете, что выбрали меня, — спешила высказаться хмурая Емелия. — Я, может быть, недостаточно красива или кажусь немного странной, но обещаю, что стану хорошей женой! Я сумею научиться и стать такой, как западные женщины.

— Емелия, — прервал он ее, — подойди сюда.

Она помедлила в нерешительности, потом шагнула вперед и уперлась бедром в край лохани. Николай потянулся к ней и, сжав мокрой ладонью ее тонкие пальцы, заставил себя встретиться с ней взглядом.

— Я... Мне очень жаль, что прошлой ночью все так получилось. Я говорю о том, как отослал тебя прочь. — Он давился словами. Извинения никогда не давались ему легко. — Ты все делала, как надо, — с усилием добавил он.

Она с сомнением смотрела на него. Пальцы их сплелись.

— Надеюсь, что это правда, но...

— Ты была там единственной, кого я хотел. Если бы вчера у Чоглокова не было бы тебя, я вообще никого бы не выбрал.

Розовый румянец окрасил ее бледные щеки.

— Это правда?

— Ты красавица. Один Бог знает, как ты мне желанна!

— Но прошлой ночью... почему же вы не...

— Все очень запутано... для меня. — Николай поморщился от неуклюжести собственных слов. — Я не могу объяснить так, чтобы тебе было понятно. Дьявольщина, хотел бы я сам понять, что произошло!

Не отводя от него глаз, Емелия задумалась, размышляя над его ответом.

— Я лишь хочу понять, желаете ли вы оставить меня своей женой.

Пойманный в ловушку глубокой синевой ее глаз, Николай помолчал и словно со стороны услышал свой голос:

— Да!

Она кивнула с явным облегчением.

— Тогда я останусь. Я буду слушаться вас во всем. Когда захотите, чтобы я пришла к вам в постель, вам надо будет только сказать.

Николай с трудом сглотнул слюну и, ослабив пальцы, выпустил ее руку. Затем он начал плескать водой себе на лицо. Залучить ее к себе в постель, облегчить свою мучительную потребность в ее теле... Ему не хотелось допускать подобных мыслей. Он запретил себе думать об этом и не отступит от своего решения... если не хочет, чтобы все пошло по цепочке, которая в будущем закончится бедой.

— Сударев должен вскоре принести сюда мою бритву, — произнес он, смахивая с лица капли воды.

Емелия робко указала на лавандовое мыло, лежащее рядом с лоханью.

— Помыть вам голову, светлый князь?

— Я сам позабочусь об этом.

— Мне не составит труда. Жена должна уметь делать все это для мужа. — Она подняла одно из стоящих на печке ведерок с водой и поднесла поближе к нему.

Николай заколебался, раздумывая, как ей лучше отказать, но, встретившись глазами с ее выжидающим взглядом, глубоко вздохнул и смягчился. Почему бы не позволить ей помочь ему с купанием? Какой в этом вред? Он пригнулся и чуть не подскочил, когда Емелия вылила ему на голову горячую воду.

— Какие красивые волосы, — заметила она, отодвигая со лба его намокшие локоны. — У них цвет темного меда, и лишь на макушке есть светлые пряди.

— Ничего особенного. — Он следил настороженным взглядом, как Емелия закатывала рукава платья. Она потянулась за скользким куском мыла.

— Как хорошо, что вы не тщеславны, — продолжала она с улыбкой в голосе. — По моему, многие мужчины с вашей внешностью загордились бы. — Зайдя со спины, она стала намыливать ему голову, затем взбивать на волосах пену. — Закройте, пожалуйста, глаза. Не хочу, чтобы мыло их разъело.

Николай откинулся на деревянный край лохани, и Емелия начала промывать ему волосы. Ее пальцы скользили по коже макушки и затылка, бережно терли за ушами. Ему всегда нравились ее руки, сильные, тонкие, изящные. Внезапно его пронзило желание, такое

мучительно острое, что он едва мог дышать. Если сейчас он повернет голову, то коснется губами ее груди, сможет поймать и прикусить сосок, втянуть его в себя, пососать, пока он не отвердеет у него на языке. Она по-кошачьи мурлыкнет... Как хорошо помнил он этот звук!.. И выгнется поближе, предлагая себя ему.

Он представил ее, обнаженную, в ванне рядом с собой... Гладкую мокрую кожу и темно-вишневые от воды волосы, плавающие облаком вокруг. Он станет вонзаться в нее мощными ударами, пока вода не заколышется, не забурлит, не расплещется от силы их страстного соединения.

— Хватит, — хрипло прорычал он, выпрямляясь. — Ты уже закончила?

— Да, светлый князь.

Он услышал, как она отошла к печке, затем вернулась и промыла ему голову чистой горячей водой, после чего передала ему сухое полотенце, чтобы он промокнул струившийся по лицу пот. Открыв глаза, он заметил, что смущенный взгляд Емелии не отрывается от его погруженного в воду тела. Щеки ее алели девственным румянцем. Николай ощутил, что едва может сдержать тягу к ней.

— Спасибо, — с трудом выдавил он. — Теперь найди Сударева и скажи ему, что я хочу побриться.

— Хорошо, но сперва не хотите ли вы, чтобы я...

— Сейчас же, — резко повторил он.

Емелия послушно кивнула и вышла. Николай разжал стиснутые зубы и тяжело выдохнул. Погрузившись поглубже в воду, он попытался успокоиться и расслабиться.

— Не знаю, сколько еще смогу я выносить эту муку, — пробормотал он и вздрогнул, чуть не до смерти испугавшись прогремевшего на всю баню хохота.

— Разговариваешь сам с собой, Николай?

Николай обернулся и уставился на вошедшего, постаравшись, чтобы лицо осталось невозмутимым, ни единым мускулом не выдавая изумления от подобной бесцеремонности.

Мужчина ростом почти в семь футов, лет тридцати пяти, широкими шагами подошел к лохани и, оглядев его с веселой насмешкой, объявил:

— Я только что видел твою молодую жену. Красавица и на вид крепкая, здоровая, вроде моей Катерины. Бог даст, друг мой, твой выбор окажется мудрым.

Лицо у незнакомца было круглое, непропорционально маленькое для его огромного роста и странно знакомое. Копна прямых темно-русых волос спадала до узких плеч. Верхнюю губу украшали тонкие усики. Никакая борода не смягчала жесткой линии тяжелого подбородка. Зеленовато-карие глаза лучились энергией. Кипучая жизненная сила, казалось, пронизывала его насквозь, бурлила в худощавом теле. Одет он был в западное платье, но говорил по-русски, с раскатистыми интонациями истинного славянина.

— Я приехал ненадолго со свитой, — сообщил он Николаю. — Нам потребно поразвлечься и отведать один из твоих добрых ужинов. Меншиков вернулся из Польши, и мы хотим доставить ему удовольствие. — Незнакомец лихо подмигнул. — Мы весьма обязаны моему Алексашке за викторию над шведами. Если теперь ты примешь командование, мы сразу выиграем войну!

— Я не военный, — проговорил Николай, судорожно пытаясь сообразить, о чем идет речь. Меншиков?... Так ведь звали фаворита и постоянного спутника царя Петра...

Мужчина, высившийся над ним посреди бани, был царь всея Руси, государь Петр I.

На счастье Николая, скорое появление Сударева прервало разговор, и князь смог собраться с мыслями. С сильно бьющимся сердцем он продолжал сидеть в лохани, пока слуга умело его брил.

Тем временем царь Петр расхаживал по бане, энергично разглагольствуя перед безмолвными слушателями. Николай был потрясен и зачарован одновременно. Его всегда восхищали деяния царя-реформатора. В школьные годы он много читал в разных книгах о том, как Петр Великий создал мощный флот России, как вел победоносную двадцатилетнюю войну со шведами и воздвиг великолепную столицу — город Санкт-Петербург. На все это нужна была необычайная воля, воля гения и дикаря. Оба эти качества со всей очевидностью присутствовали в стоявшем рядом с ним человеке.

Царь долго распространялся относительно хода военных действий и самоуверенности Карла, короля шведского, об успешной русской тактике "выжженной земли".

— Шведы с дурацким упрямством пытаются продолжать наступление через Польшу, хотя не могут

Обеспечить свои войска продовольствием, — угрюмо усмехнулся государь. — Но долго они так не продержатся. Скоро им придется прикинуть потери и отступить, иначе зима их совсем погубит.

— Карл, наверное, двинется на северо-восток, — заметил Николай, пытаясь припомнить читанную в юности военную историю. — Он постарается обойти с фланга оборонительный рубеж под Варшавой и наступать через Литву... — Голос глухо звучал из-под горячего полотенца, приложенного Федькой к его лицу.

— Ему никак не одолеть всех тамошних речек и болот, — презрительно возразил Петр. — А даже если одолеет, мы остановим его на границе, под Гродно.

Николай пожал плечами, вспомнив, что Карлу удалось пересечь Польшу и легко овладеть Гродно.

— То ведают лишь Бог да царь, — повторил он старинную русскую пословицу и сделал вид, что не заметил, как возвел к небу глаза Сударев, услышав эти льстивые слова.

Улыбка тронула узкие губы царя.

— Я соскучился по тебе, Николай. Пока буду в Москве, хочу видеть тебя почаще. Два года меня не было в первопрестольной! Много дел надо здесь переделать. Пожалуй, до святок не управимся. К несчастью, Меншикову придется возвращаться к полкам в Польшу.

— Это плохо, — поспешил сказать Николай, вставая из лохани и натягивая поданный дворецким халат.

Петр коротко рассмеялся, словно Николай озорно пошутил.

— Не надо притворяться, что ты по нем тоскуешь, Николай. Все знают о вашем с ним раздоре. Но тебе должно оставить свою к нему ненависть, по крайней мере на сегодня. Меншиков хорошо послужил своему государю и отечеству, так что следует уважить его за подвиги на ратном поле.

Николай невнятно пробормотал согласие, испытывая непривычное ощущение — глядеть на другого, мужчину снизу вверх. Его самого нельзя было назвать невысоким, но царь оказался просто гигантом.

— Кроме того, — продолжал Петр, — вам двоим нет причин не любить друг друга. У

вас с Меншиковым много общего. Оба вы умны, честолюбивы и хотите сломать обветшалые порядки, чтобы Россия сравнялась с Западом. Конечно, Алексашка не так хорош собой, ему не хватает твоего лоска, но у него немало своих талантов.

— Особенно по части накопления богатства, — бесстрастно проговорил Николай, вспомнив о прогремевшей в веках жадности царского любимца и бесчисленных историях о его мздоимстве и казнокрадстве. Поборы он брал со всех, с кого не лень.

При этом дерзком комментарии Сударев лишь тихо втянул в себя воздух.

Левая щека царя раздраженно дернулась, но он коротко хохотнул, бросив на князя предостерегающий взгляд:

— Мой Алексашка имеет недостатки, но верно мне служит. А вот что касается тебя, мой разумник... Как обстоят у тебя дела с московскими купцами? Убедил ты их создать торговые компании по примеру англичан и голландцев?

Николай помедлил, не зная, как отговориться, не выдав своего невежества в этом вопросе.

— Сомневаюсь, что они добровольно пойдут на это, — промолвил он наконец, открыто встречая пронзительный взор царя. — Нелегко перейти от лавки в посаде к торговому предприятию.

Царь недовольно фыркнул, но удивления не выказал.

— Вечно так с моим народом. К прогрессу их надо гнать палкой. Никогда не пойдут вперед по своей воле. Что ж, готовься, князь, получать новое назначение. Отныне хочу, чтобы ты ведал всеми торговыми и финансовыми делами этого города. Станешь советовать градоправителю. А то он, кажется, ничего не понимает в том, как делаются такие дела на Западе.

— Но я не... — начал было Николай, вовсе не стремясь получить официальный пост.

— Знаю, знаю, ты благодарен мне за это, — прервал его царь Петр, направляясь большими шагами к двери. — Мне надо еще осмотреть укрепления. И вообще проверить, как идет в городе строительство. Вернусь сюда попозже, к вечеру, чтобы с удовольствием поужинать и развлечься. Мне рассказывали, что ты обновил свой домашний театр. Надеюсь им полюбоваться.

Когда бесцеремонный великан удалился, Николай уселся на край лохани и ошеломленно потряс головой.

— Я точно сошел с ума, — пробормотал он. Сударев жестом пригласил его перейти в предбанник, чтобы одеться.

— Сейчас я помогу вам надеть свежее платье, ваша светлость, а потом сделаю все нужные распоряжения на вечер. Медлить нельзя. — Он помолчал и осторожно добавил:

— Вам, князь-батюшка, стоило бы быть с государем пообходительнее. Меншиков наверняка плетет против вас козни. Как всегда. Сейчас многое зависит от того, останетесь вы в царской милости или нет.

— Разумеется, — угрюмо буркнул Николай. Во все века власть царей была неизменной: жизнь подданных зависела от царской прихоти. — Мне полагается лизать один, ближний, царский сапог быстрее, чем Меншиков лижет другой, дальний. Боярский род имеет свои привилегии.

Сударев бросил на него потрясенный взгляд и, промолчав, тихо отправился по делам.

Дом гудел от суеты. Слуги готовили залы и спальные покои на случай, если царю вздумается остаться на ночь со свитой. Актерам домашнего театра велено было представить вечером французский фарс. Повар нещадно гонял слуг, готовя роскошное угощение. Сударев мелькал по дому, крутясь как юла, рассыпая приказы и указания встречным и поперечным.

Предоставленный сам себе, Николай уселся разбираться в текущих делах Ангеловских. К своему удивлению, он обнаружил, что большая часть семейного состояния почти не значится в документах. Проглядывая бумаги и расходные книги, он выяснил, что вопреки его ожиданиям род Ангеловских был отнюдь не богат. Доходы Ангеловские получали только от оброка с поместий и лишь чуть-чуть пополняли их участием в делах царского полотняного завода. Создавалось впечатление, что деньги не слишком интересовали князя Николая Дмитриевича.

— Светлый князь, — раздался с порога нежный голос Емелии.

Он поднял глаза и увидел, что она робко заглядывает в дверь.

— Что такое?

Она тихонько вошла в комнату.

— Сударев сказал, что сегодня за нашим столом будет ужинать государь. Мне надо там быть?

— Да, — коротко отозвался он, захлопывая расходную книгу. — Западные женщины всегда едят за одним столом с мужчинами. Государь строго этого придерживается.

— Ох! — Она тревожно нахмурилась и ущипнула рукав своего деревенского платья. — Но я... Мне нечего надеть, кроме сарафана.

— Сойдет.

— Но ведь так богатые не ходят... Это ведь не по-новому, а по старинке.

— Потом тебе пошьют несколько платьев, а пока придется поносить сарафан.

— Хорошо, светлый князь.

Он не сводил глаз с ее лица и заметил, что оно выглядит каким-то странно тусклым и белесым.

— Подойди-ка поближе, — приказал он. Емелия неохотно повиновалась и, волоча ноги, приблизилась к его конторке. Николай вгляделся в ее лицо. Нежную розовато-молочную кожу покрывал толстый слой не то пудры, не то мази, отчего ее цветущая прозрачность сменилась меловой маской. Николай провел пальцем по ее щеке, прокладывая на белом покрытии румяную дорожку. Чешуйки белил припорошили даже темно-рыжие полумесяцы пушистых ресниц.

— Мне дала это княгиня Чоглокова, — тихо объяснила Емелия. — При дворе все дамы этим пользуются. И мои пятнышки теперь не видны.

— Пятнышки? — повторил озадаченный Николай. — Ты имеешь в виду вот эти? — Под его движущимся пальцем проступила россыпь золотых веснушек. — Но мне нравятся твои веснушки. Не старайся их скрыть.

Она с сомнением поглядела на него.

— Они никому не нравятся. Мне в том числе.

— А мне нравятся! — Чуть улыбаясь, Николай приподнял пальцем ее подбородок.

— Можно мне остаться и немного побыть с вами? — порывисто попросила Емелия. — Все сейчас так заняты, а мне нечего делать.

Николай догадался, что она испытывает то же, что и он. Такое же беспокойное, загнанное чувство, которое томило его все утро.

— Хочешь прокатиться по Москве? Я собрался проехаться в Китай-город.

Глаза Емелии загорелись при мысли о торговых рядах под стенами Кремля, где размещались лучшие лавки всевозможных товаров.

— Я никогда там не бывала!

Его позабавило возбуждение жены.

— Тогда поторопись. Оденься потеплее, да не забудь умыться.

Емелия чуть не вприпрыжку поспешила прочь, а Николай велел слугам подать сани к крыльцу. Когда Емелия встретила его у парадных дверей, она была закутана в несколько толстых поношенных платков и шалей, делавших ее похожей на кочан капусты. Николай протянул руку, чтобы потуже завернуть у нее вокруг шеи головной платок, и удивленно поинтересовался:

— Неужели, дитя, у тебя нет какой-нибудь накидки или шубки?

— Нет, но эти шали очень теплые. Я в них почти не мерзну.

Николай, хмурясь, оглядел ее.

— Нам надо будет прибавить шубу к списку того, что тебе понадобится.

— Мне очень жаль, светлый князь, — потупилась она. — У меня нет никакого приданого... никаких нарядов. Я пришла к вам безо всего.

— Я бы этого не сказал, — ласково откликнулся он, засмотревшись на сверкающую синеву ее очей. Костяшками пальцев он случайно задел нежную кожу ее шеи и почувствовал, как от этого касания их закололо острыми иголочками. Он мучительно, до боли сознавал, что под толстым коконом платков и шалей скрывается стройная, изящно округлая фигурка. Ему хотелось подхватить ее на руки и отнести наверх, в спальню... раздеть и прижаться к ней обнаженным телом. Кровь неистово забурлила в его жилах. Однако он не мог поддаться этому порыву, как бы ему ни хотелось. Нельзя было рисковать тем, что она забеременеет, чтобы не повторилась вновь несчастная судьба рода Ангеловских.

— Пойдем, — буркнул он и повел ее на воздух. — Поедем поглядим на столицу.

В санях Емелия, поколебавшись мгновение, согласилась разделить с ним меховую полсть. Уютно подоткнув вокруг себя мех, они покатали через всю Москву к Кремлю. Николая поразили отличия в облике древней крепости. Он узнал привычные стены красного кирпича и луковицы глав кремлевских соборов, но Большой дворец еще не был построен, а самый большой в мире царь-колокол не только еще не был отлит, но даже еще и не задуман. Большие иконы, закрепленные на отвесной стене над воротами, обещали входящим Божью милость и защиту.

— Поразительно! — проронила Емелия, проследив за его взглядом. — Представить только, что делается за этими стенами... — Лицо ее посерьезнело, стало почти суровым. — Царь, спокойно сидя за крепостной стеной со своими приближенными, мановением руки может изменить жизнь всех, кто снаружи. Захочет государь Петр Алексеевич войны, и тысячи умрут за него. Захочет поставить новый город у Балтийского моря, и отправят туда таких, как мой дядя и братья. Сколько же народа поумирало, исполняя волю царскую! Наверное, ни дяди, ни братьев уже нет в живых.

— В этом никогда нельзя быть уверенным.

— Петербург — место гиблое. Там свирепствуют болезни и водятся дикие звери... Говорят, по ночам даже волки забегают на улицы. Нехорошо, что царь забрал туда насильно моих родичей. Может, он государь мудрый и великий, но, по-моему, это тиранство!

Выпалив все это, Емелия замолчала, опасливо косясь на князя, не зная, как отнесется он к ее мятежным речам.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Такие слова есть измена, — тихо промолвил Николай.

— Простите...

— Не винись. Мне можешь говорить все, что захочешь, но лишь пока не слышит никто другой. За меньшее людей казнили...

— Да, я знаю. — Она с любопытством заглянула ему в лицо. — А вы не накажете меня за такие речи?

Николай презрительно фыркнул, вспоминая пытки, которым подвергли его царские прислужники спустя почти два века.

— Вряд ли. По-моему, всякий, хоть мужчина, хоть женщина, может думать по-своему.

— Вы странный, — промолвила Емелия, и чарующая, застенчивая улыбка озарила ее лицо. — Я никогда не слыхала, чтобы кто-либо говорил такое...

Сани остановились у рынка. Под взглядами множества продавцов и покупателей они сошли на землю. Емелия ступила на замерзшую лужу и поскользнулась, но рука Николая поддержала ее.

— Легче, — пробормотал он, не выпуская ее запястья из цепких пальцев. — Смотри, куда ступаешь, а иначе упадешь, я и подхватить не успею.

— Спасибо, — задыхаясь, проговорила она и заулыбалась, глядя на окрестную суету. — О, сколько же здесь любопытного!

Они двинулись вдоль торговых рядов. Николай поддерживал жену за талию. Ряды представляли собой прилавки с навесами и полками, забитыми всем, что выставлялось на продажу. Торговцы шумели, выкрикивая похвалы своим товарам, всячески стремясь привлечь к ним внимание:

— Сапожки строченные на ножки точеные!

— Одеяла овчинные, пышные да длинные!

Среди общей суматохи выделялся тишиной и праздничными красками иконный ряд. Повсюду прохаживались разносчики с подвешенными на шее лотками, полными пирогов с капустой и кашей, коврижек, соленой рыбешки, иногда яблок, а также маленьких штофов с медовухой. Покупатели, и богатые, и бедные, брали еду с этих лотков, ничуть не гнушаясь случайным соседством.

Подальше, за рядами, располагались лавки ремесленников — плотников, златокузнецов, кожевенников и медников. Камнерезы привезли сюда свои изделия с далекого Урала: искусно выточенные пуговицы и амулеты из ярко-зеленого малахита и синего лазурита, а также украшения и бусы из прозрачных, сверкающих внутренним светом топазов и аметистов. В других лавках были выставлены бочонки с икрой, специи, пушистые груды роскошных мехов. Среди них бросались в глаза золотисто-рыжие лисьи и буровато-серые волчьи шкуры. Отдельно стояли лавки иноземцев, торгующих китайским чаем и другими заморскими товарами. Но их было мало по сравнению с тем разнообразием, которое принес потом с собой девятнадцатый век.

Николай увидел лавку с кружевами и потянул Емелию внутрь. Она с восторгом

устремилась к столам, заваленным кружевом всех видов и узоров, от грубого плетения до тончайшей шелковой паутинки. Осмотревшись, Николай выбрал шаль белого кружева, тонкую и хитросплетенную, из тех, что вяжут по вершку в час.

— Нравится тебе? — небрежно осведомился он, и, когда Емелия растерянно кивнула, бросил монету топтавшемуся рядом приказчику.

— Это мне? — восторженно воскликнула она, покрасневшись от волнения.

— Конечно, тебе. — Улыбка изогнула губы Николая. Он осторожно стянул у нее с головы темную шаль и покрыл красно-золотые волосы нежно-белым ажуром. — Кому же еще стану я покупать?

Кружевница, сухонькая старушка с узловатыми пальцами, одобрительно закивала:

— Ой, как пригоже. На красных кудрях она словно иней... Емелия бережно коснулась кружева.

— У меня никогда не было такой красоты, — пролепетала она. — Даже подвенечный наряд был с чужого плеча.

Шаль тщательно завернули и отдали им в руки. Затем Николай завел Емелию в лавку с благовонными маслами и душистыми настойками, от фимиама которых воздух казался густым и сладким. Пока Емелия любовалась вычурными флакончиками, разбиралась в пузырьках и душистых коробочках, Николай обратился к стоявшему в углу пожилому французу:

— Мне хотелось бы выбрать аромат для моей жены.

Старик окинул Емелию быстрым взглядом блестящих карих глаз.

— Она красавица. Может быть, ваша светлость, вы позволите мне смешать для нее особый парфюм? А пока у меня имеется один готовый. В нем роза, бергамот и чуть-чуть мяты. — Покопавшись в глубине лавки, он достал откуда-то флакончик синего стекла и, откупорив его, с поклоном поднес Емелии:

— Подставьте мне ваше запястье, мадам.

Емелия настороженно выставила руку, и француз капнул крохотную капельку и растер пробочкой у нее на коже. Емелия понюхала и ошеломленно заулыбалась Николаю.

— Пахнет весенним лугом!

— Я ведь говорил, что это будет чудесно, — с гордостью воскликнул француз. — Я творю парфюмы для всех благородных дам.

После недолгих тихих переговоров Николай купил духи и отдал Емелии. Она приняла их с испуганным лицом.

— Я не ждала, что вы станете покупать мне подарки, — прошептала она, бережно баюкая флакончик в ладонях, и, выйдя из лавки, добавила:

— Я ведь еще ничего не сделала, чтобы их заслужить.

— Ты теперь моя жена и можешь иметь все, что захочешь.

— Чего я хочу на самом деле... — начала она и покраснела до корней волос.

— Чего? — спросил Николай, побаиваясь ее просьбы.

— На самом деле я хочу... — начала снова Емелия и опять замолчала.

Николай остановился у обочины и вгляделся в ее лицо. Он и сам не понимал, почему стал покупать подарки и почему для него стало так важно показать ей, что она ему нравится. Она была единственной женщиной на свете, обладание которой он не мог себе позволить.

С горечью и тоской он задумался, почему жизнь его не может быть простой, как у других людей. Ни тогда, в Англии, ни теперь, в Москве, не удавалось ему слить воедино две

половинки своей души: ни ту, что жаждала любви, ни ту, что ее боялась.

— Нам лучше вернуться в усадьбу, — наконец произнес он. — Скоро прибудет царь Петр со своей свитой.

Одежда Николая была уже разложена в спальне: янтарного цвета бархатные штаны в обтяжку и усаженный драгоценными камнями парчовый жилет — все по самой последней моде. Он уже успел все это возненавидеть. Сковывающий движения покррой, чересчур яркие, вызывающие цвета, бросакая пестрота — все было наперекор его вкусу. Он привык к элегантной простоте черного с белым вечернего наряда девятнадцатого века, покроенного некоторой свободой фрака и брюк, при наглаженной хрусткой рубашке. Таков был стиль времен королевы Виктории. Однако в начале восемнадцатого века богатому человеку полагалось одеваться со щегольством павлина.

Чувствуя себя в этом вычурном наряде до крайности нелепым, Николай направился в покои Емелии. Жену он застал у зеркала французской работы с подзеркальником красного дерева. Она озадаченно всматривалась в синий флакончик духов, подаренных днем. Оглянувшись на звук распахнувшейся двери, Емелия восхищенно воскликнула:

— Светлый князь! Какой же на вас роскошный наряд!

Он невнятно буркнул что-то в ответ и приблизился к зеркалу. На Емелии был алый сарафан. В перекинутые на спину косы были вплетены алые ленты. Голову покрывала тонкая белая фата, которую придерживал на волосах золотой филигранный обруч. Не в силах сдержать желание дотронуться до Емелии, Николай поправил рубиновую капельку у нее на лбу. Большим пальцем он погладил тонкую ярко-рыжую дугу ее брови. Ему надо будет подарить ей драгоценностей: жена Ангеловского не может носить стеклянные подделки под самоцветы.

Емелия растерянно вертела в руках флакончик.

— У меня никогда раньше не бывало ничего подобного. Как им пользоваться?

— Большинство делают ошибку, душась слишком сильно. Ты просто тронь пробочкой запястья и за ушками.

Вытащив пробочку из флакона, Николай притронулся стеклянным пестиком к ее запястью и растер влажную точку кончиком пальца. Дурманящий запах летних цветов поплыл по комнате.

— Некоторые женщины любят душить места, где ближе и сильнее бьется кровь, — в ямке между ключицами, под коленями...

Емелия рассмеялась и сидела не шевелясь, пока он прикоснулся к нежным впадинкам за ушами.

— Но ведь никто моих ног не увидит!

Представив себе картину, как ее сильные стройные ноги, взметнувшись, обхватывают его талию, Николай замер. У него пересохло во рту, и он впился взглядом в смеющиеся синие глаза. Он может, если хочет, соблазнить ее прямо здесь, сейчас, отнести в постель, стоящую рядом, задрать до пояса ее сарафан...

Так как лицо ее находилось как раз на уровне его бедер, Емелия не могла не заметить телесную перемену, когда плоть его отвердела и вздыбилась под туго натянутыми штанами. Она залилась краской и, откашлявшись, спросила:

— Светлый князь Николай Дмитриевич, вы хотите?...

— Нет, — отрезал он и, отвернувшись от нее, решительным шагом направился к двери. На пороге он, не оборачиваясь, сказал:

— Полагаю, тебе следует поторопиться. Хотите вы того или нет, мадам, но сегодня вам придется быть хозяйкой и принимать у себя царя. Причем лучше бы вам это удалось, иначе неизвестно, чем это кончится для нас обоих.

Шестеро актеров играли комедию Мольера с очаровательной веселостью. Гости, около тридцати человек, расселись вокруг царя в домашнем театре Ангеловских и приготовились развлекаться. Театр был маленьким, но уютным, стены его были сплошь и рядом увешаны овальными портретами в золоченых рамах. Царь Петр, с одного бока которого сидел князь Николай, а с другого — Меншиков, заливался искренним хохотом, глядя на кульбиты актеров.

Николай, искоса посматривая на царя, тем не менее остро ощущал настороженность жены. Емелия, сидевшая рядом с ним, оцепенела. Причиной, как он предполагал, был страх перед государем. Большинство русских с детства приучены к мысли, что царь — самый могущественный человек на земле. Он — отец и защитник народа своего, выше его только Бог. Чтобы успокоить Емелию и привлечь ее внимание к представлению, Николай все время нашептывал ей на ушко смысл французских фраз и шуток.

Когда пьеса окончилась, гостей пригласили в столовую за длинный, уставленный яствами стол. Снова Николай сидел по левую руку царя, а Меншиков — по правую. Емелия сидела на несколько мест дальше от них и по сравнению с разодетыми придворными дамами выглядела неловкой и скованной.

Подали блюда с жареной дичью и густо сдобренной пряностями рыбой. В оправленных серебром кубках розового хрусталя сверкало рубиновое вино.

Николай разговаривал мало, просто сидел, откинувшись на стуле, и наблюдал за царем и Меншиковым. Не многих людей в своей жизни он так невзлюбил с первого взгляда, как Александра Даниловича Меншикова, недавно титулованного князем Ижорским. Возможно, так было потому, что Меншиков, очевидно, ненавидел его с той же яростью.

Высокий, с холодным лицом, исхудавший за время польской кампании, Меншиков прилип к царю как тень, стараясь предугадывать все его мысли и желания. У него были глаза необычайного бирюзового цвета, сверлившие всех пронзительным взглядом. Жесткий небольшой рот украшали тонкие усики, подобные царским. Терпением, хитростью и честолюбием Меншиков поднялся высоко во власти, что позволяло ему запросто разговаривать с царем. Между этими двумя людьми существовала крепкая дружба. Меншиков очень дорожил своими отношениями с царем и в каждом, с кем Петр доброжелательно разговаривал или кем восхищался, видел себе угрозу.

Тягучим кошачьим голосом Меншиков обратился к Николаю:

— Как прекрасно, что вы, следуя традициям Ангеловских, женились на простой крестьянке. Эти девки легко рожают, а дрессировать их весьма просто.

— Алексашка, — предостерегающе произнес Петр, но Меншиков лениво продолжал:

— Очень мудро, князь Николай, что вы женились не по любви. Ничто не должно мешать преданности царю и России, особенно любовь к женщине. Женщины — существа

требовательные, себялюбивые. Но пока мужчина твердо знает, что должно стоять на первом месте, с ним все будет в порядке.

— Я хорошо знаю, что должно стоять на первом месте, — тихим, но уверенным голосом проговорил Николай, холодно глядя на Меншикова.

Он видел, как потупилась Емелия, смущенно вспыхнув от недвусмысленных намеков на свое происхождение. Повернувшись к ней, Николай ласково произнес:

— Смотри-ка, Рыжик, как высоко ты можешь взлететь. Наш друг Меншиков тоже может теперь звать себя князем Ижорским, хоть и начинал с торговли пирогами на московском рынке.

Меншиков дернулся как ужаленный, а Петр громко захохотал.

— Нарвался, Алексашка, — сквозь смех проговорил он. — Тебе хорошо известно, что Николая задевать не надо. Он вроде спящего тигра: лучше его не будить.

— Не всем же рождаться боярами, как Ангеловские, — буркнул Меншиков. — Счастье России — государь, награждающий по заслугам, а не по роду, пусть и самому древнему.

— Все, чего я хочу, это чтобы мои люди были мне преданы и служили с рвением, — ответил Петр. — А таких качеств у крестьянина может оказаться больше, чем у князя.

Проследив за взглядом Николая, он обратил внимание на Емелию.

— Скажи-ка, из какой ты деревни, дитя?

Обычный вопрос. Такими обменивались из учтивости большинство русских людей при знакомстве. Однако действие его на Емелию оказалось неожиданным. Она побледнела, и на лбу у нее выступили капельки пота. Молчание ее невыносимо затянулось, так что Николай решил было, что она вообще не в состоянии отвечать. Наконец еле слышно она произнесла:

— Я... из Хованского.

Петр замер, лишь странный тик задержал его левую щеку.

"Что, черт возьми, это означает?" — с тревогой подумал Николай, внезапно сообразив, что Хованское вошло в историю как средоточие многих кровавых мятежей. Оно было одной из стрелецких слобод, откуда вырвалась волна бунтов, в том числе того, в котором на глазах ребенка Петра убили родичей его матери. Потрясение кровавой расправой вызвало жестокие судорожные припадки, мучившие царя всю жизнь. В минуту волнения тик искажал левую половину его лица и шеи. После второго стрелецкого бунта в Хованском совершилось множество казней мятежников, и земля там долго сочилась кровью. Царь Петр слышать не мог спокойно даже упоминания об этом селе.

Меншиков с нескрываемым злорадством разглядывал Емелию.

— И вся семья твоя, красавица, тоже из Хованского? — ехидно осведомился он.

— Да, — прошептала она, виновато опуская голову. У нее был вид преступницы.

Николая словно обухом по голове ударило сознание беды. Он вспомнил обрывки их разговора у Чоглоковых, ее неохотные ответы на расспросы. "Отец мой умер... Мою семью не любили за отцовское вольнодумство". Видимо, отец ее был казнен как бунтовщик-стрелец.

Пытаясь справиться с этой новостью, Николай почти не обращал внимания на происходящее вокруг. Между тем события развивались.

Петр с угрюмым видом решил поменять направление беседы.

— Хватит разговоров! — приказал он. — Всем есть! — Обратив суровый взгляд на Емелию, он заметил:

— Неудивительно, что ты такая тощая! У тебя на тарелке еды-то щепотка. И ни кусочка

мяса!

— Я... я не люблю его, — пролепетала, запинаясь, Емелия. Лицо царя совсем помрачнело:

— Не любишь мяса? Дурочка! Без мяса разве можно выжить? — Он отщипнул своими огромными пальцами кусочек курятины и бросил ей в тарелку, расплескав брызги жира. — Вот... своей рукой угощаю. Ешь!

Емелия дрожащей рукой взялась за вилку, но внимание всего стола сосредоточилось на ней. Она поднесла к губам блестящий от жира ломтик и с тоскливым видом уставилась на него

Николай наблюдал за ней с пробуждающимся сочувствием. Емелия проявляла те же пристрастия и антипатии, которые окажутся у нее в будущем. Мясоедение было противно ее натуре. Он не мог допустить, чтобы над ней издевались подобным образом, тем более что наверняка ее из-за этого просто вывернуло бы на стол. Поэтому он вмешался, сказав тихим голосом:

— Государь, позволь мне отослать мою непослушную жену из-за стола. Там, в своих покоях, она, оставшись без ужина, поразмыслит над собственной дурью.

Петр ткнул пальцем в курятину.

— Но лишь после того, как она съест это.

Николай посмотрел на Емелию. Она вновь поднесла кусочек мяса к губам. Лицо ее позеленело. Он понял, что сейчас ее стошнит.

— Вон! — рявкнул он.

Емелия бросила на него благодарный и несчастный взгляд и сломя голову кинулась прочь.

Шесть часов спустя Николай устало поднялся вверх. Напряженное тело ныло от злости, досады и сильнейшего ощущения, что его предали. После ухода Емелии настроение Петра окончательно испортилось и отравило любые попытки разговора. Меншиков усугублял царский гнев ехидным шепотком и непрекращающимися злобными намеками, а гости разрывались на части между удовольствием от неожиданного скандала и тревогой за себя. Было очевидно, что царь его молодую жену не одобрил. И Николай был готов с ним согласиться. Поглотив непомерное количество вина и водки, царь Петр и его окружение отбыли на ночлег, и Николай наконец освободился, чтобы заняться своей обманщицей-женой.

"Просто замечательно, — с яростью рассуждал он. — Только этого мне и не хватало в нынешнем сомнительном положении: посадить себе на шею жену, вся семья которой бунтовала против царя". Дай только Бог силы дотерпеть до комнаты Емелии, и он изольет на нее весь свой гнев. Он вынудит ее признаться в том, что ее отец был стрелцом. Он заставит ее вечно каяться в том, что она обманом женила его на себе. Она должна была понимать, что по собственной воле он никогда не подверг бы себя опасности, взяв в жены дочь изменника. Теперь тень подозрения упала на Николая, и отныне за каждым его шагом будут пристально

следить.

Добравшись до покоев Емелии, Николай тихо вошел и с тщательнейшей осторожностью притворил дверь. Спальня освещалась лишь красно-золотыми отблесками бушующего в печке огня. Он едва мог разглядеть скорчившуюся у постели фигурку жены. Кажется, она молилась.

"Прекрасно, — язвительно подумал он, — тебе понадобится много молитв, чтобы утешиться, когда я закончу".

— Сейчас мы с тобой поговорим, — произнес он голосом, подрагивающим от бешенства. Емелия кинулась к нему навстречу.

— Князь Николай, — задыхаясь, проговорила она. На ней лица не было. Вся она напоминала до смерти напуганную лань. — Вы должны наказать меня. Я разгневала царя, и теперь гнев его падет на вас. Вот, возьмите этот кнут. Меня надо высечь... Пожалуйста, мне невыносимо знать, что я натворила такое.

— Подожди, — прервал ее несвязный лепет Николай. Он заметил блеск серебряной рукоятки кнута и отмахнулся, чтобы она убрала его прочь. — Я хочу задать тебе несколько вопросов.

— Нет, пожалуйста, возьмите его, — настаивала она.

— Господи! Я не собираюсь тебя сечь! — Выхватив у нее из рук, он отшвырнул кнут в угол, где тот с тяжелым стуком ударился об пол. Обернувшись к дрожащей жене, он увидел, что она смотрит на него немигающими глазами, а по щекам ее струятся слезы. В один ошеломительный миг злость его исчезла, и он выругался, проклиная свою душевную слабость.

— Но вы же должны, — прошептала Емелия.

— Никому я ничего не должен, будь я проклят!

— Пожалуйста. — Она склонила перед ним голову и задрожала.

Не в силах сдержаться, Николай протянул руки и крепко обнял хрупкое тело жены.

— Просто скажи мне всю правду, — промолвил он, касаясь губами ее волос. — Был твой отец бунтовщиком-стрельцом или нет?

Она отчаянно разрыдалась. Слова полились из ее уст бессвязным потоком:

— Да... Его казнили... Мать умерла от горя. Я не могла рассказать вам. Я мечтала стать вашей женой, а если бы вы узнали...

— Если бы я это знал, то ни за что не женился бы на тебе, — закончил он за нее.

— Пожалуйста, накажите меня, — умоляла она.

— Дурочка ты, дурочка, — хрипло прошептал он и притянул ее к себе, стараясь успокоить и глядя по спине. Она дрожала не переставая. — Как, ради всего святого, могу я тебя наказать? Оставить на тебе след кнута? Как, по-твоему, могу я причинить тебе боль собственными руками? О, не думай, что мне этого не хочется, умница ты моя горемычная! Но даже очень постаравшись, я не смогу и пальцем тебя тронуть.

— Потому, что я ваша жена? — дрожащим голосом спросила она.

— Потому, что ты моя. Ты — единственная, кого я когда-либо желал, пусть в тебе и таится, наверное, моя гибель. А теперь перестань плакать. Это ничего не спасет.

— Я не могу п-перестать, — рыдала она, уткнувшись ему в шею.

— Прекрати, — велел доведенный до отчаяния Николай. Он отвел в сторону водопад рыжих кудрей и приник губами к мокрой от слез щеке. От вкуса ее слез, ощущения соли на шелковой коже у него кружилась голова. Рот его нашел уголок ее рта, скользнул по

трепещущему изгибу нижней губки к влажной гладкости внутри. Он целовал ее нежно и бережно, потом все крепче и жестче, пока язык его не проник через преграду ее зубов в рот и не завладел им победоносно и полностью. Ее рыдания прекратились как по волшебству, и она прильнула к нему всем телом. Емелия была такой теплой, такой упоительно зовущей, что желания его вышли из-под контроля, и он мог бы овладеть ею прямо тут же. Вместо этого он с мучительным стоном оторвался от нее и отпрянул к печке. Уставившись в потрескивающее пламя, он старался взять себя в руки.

— Я не могу на это пойти, — прохрипел он.

Емелия осталась неподвижно стоять там, где он ее бросил.

— Почему? — сдавленно выдохнула она.

Мысль о том, что пришлось бы ей рассказать, в каком виде он предстанет перед ней, заставила его саркастически усмехнуться.

— Никоим образом я не смогу объяснить это так, чтобы ты поняла. Господи, я должен буду рассказать тебе о таком!.. Ты никогда мне не поверишь!

— Я смогу, — прошептала она в несбыточной надежде. Голос ее раздался ближе, чем ранее.

— Неужели? — Смех его закончился свирепым всхлипом. — А если я расскажу тебе, что могу заглянуть в будущее? Если заявлю, что мы встретимся с тобой снова через сто семьдесят лет?

После долгого колебания она ответила:

— Наверное... я смогла бы в это поверить.

— Это правда. Я точно знаю, что ждет нас в будущем. Ничего хорошего из нашего брака не выйдет... ничего стоящего. Ангеловские — растленный род. Зная, сколько горя и несчастий принесут они в течение нескольких последующих поколений себе и другим, я не могу позволить будущему повториться. Я не допущу, чтобы от нашего брака появились на свет дети, потому что не желаю продолжения нашего рода.

В голосе Емелии прозвучало недоумение:

— Если вы так решили, зачем же женились на мне?

Он потряс головой и тихо выругался.

— Не знаю. Меня потянуло к тебе, и я не смог этому противиться.

— Это судьба, — просто откликнулась она.

— Не знаю, что это такое, — пробурчал он. — Но добра не жди. — Он поднял кочергу и свирепо разбил горящее полено.

— Коленька, — прошептала она, — а в будущем, когда мы встретимся снова, полюбим мы друг друга?

Он резко обернулся к ней, услышав, как она впервые назвала его. Она смотрела испуганно и растерянно, в глазах светилась томительная нежность, потрясая его до глубины души.

— Нет, — ответил он, откладывая кочергу. — В том нашем будущем ты возненавидишь меня, потому что я лишу тебя всего, что тебе дорого. А кончится тем, что я раз за разом стану причинять тебе боль.

— Не может вред проистечь из любви, — убежденно произнесла она. — Я знаю не слишком много о жизни, но в этом нисколько не сомневаюсь.

— Я не умею любить, — проговорил он хриплым от ненависти к себе голосом. — Никогда не умел. Да и недостойн я любви. Поверь, это так.

Снова слезы засверкали в синих глазах.

— Но я могу полюбить тебя. Тебе даже не придется любить меня в ответ.

— Нет, — только и смог прошептать он, не сводя глаз с ее разгоревшегося от бурных чувств лица.

Емелия решительно подошла к нему и обвила тонкими сильными руками. Она изо всех сил прижалась к нему, уткнувшись носом ему в шею.

— Мне все равно, что будет потом. — Слова ее будто прожигали его насквозь. — Одно лишь для меня важно: что ты сейчас со мной... и я люблю тебя.

— Ты не можешь меня любить, — горько возразил он, а сердце в груди раскалилось добела и готово было разорваться. — У тебя нет причин...

— Мне не нужно причин и поводов. Любовь их не требует...

У Николая не осталось путей отступления, не было защиты от ее упрямой, неразумной страсти. Он застонал и накрыл ее рот своим, отдавая с поцелуем весь пылавший в нем огонь. Он ощущал под руками ее тело, жадно и самозабвенно сжимал в горстях ее груди, бедра, ягодицы... Она раскрыла ему свой рот, отдала в его власть свое тело с нежной щедростью, перевернувшей его душу. Сомкнув вокруг нее руки, он прижал ее к себе так крепко, что она сморщилась и ахнула от боли. Тогда он слегка ослабил объятие и, упершись лбом в ее лоб, тяжело ловил ртом ее дыхание.

— Я не знаю, что делать, — простонал он. Никогда еще не доводилось ему произносить вслух подобное признание.

— Чего ты хочешь? — прошептала она. В вопросе таился вызов, впрочем, не слишком и таился: ведь, задавая его, она всем тесно прижатым к нему телом ощущала его возбуждение.

Ему хотелось освободиться от невыносимой муки, раздиравшей его сердце.

— Я хочу, чтобы не было ни прошлого, ни будущего. Хочу иметь возможность сказать тебе...

— Что сказать?

Николай немного откинулся назад, чтобы видеть ее сияющее счастьем лицо. В сердце стучалось что-то похожее на ужас. Он зажал ее голову в подрагивающих ладонях и уставился в мерцающие синие глаза. Она была такой прекрасной... и принадлежала ему!

— Не могу! — услышал он словно со стороны свой голос.

— Пусть будущее само о себе позаботится, — настаивала она. — Позволь твоим потомкам самим за себя ответить. Ты лишь одно можешь сделать: попытаться создать хорошую, добрую жизнь себе и мне.

Николай покачал головой, не вполне уверенный, что все обстоит так просто. Он никогда не жил только настоящим. Всю жизнь он нес в себе бремя мрачной истории своей семьи. А что, если отбросить все это? Тогда ведь почти наверняка все повторится вновь: надругательства отца над братом, его собственная распущенность...

Как сможет он отдаться любви к Емелии сейчас, зная, к чему она приведет?

Но ему так отчаянно хотелось быть с ней, что выбора не оставалось. Сколько времени отрицал он свои чувства к ней? Дни, месяцы, годы? И все зря! Зачем же продолжать тщетные попытки? Не важно, какой окажется цена, которую придется заплатить за любовь к ней. Она стоила любой!

Как только он принял это решение, бушевавшая в нем буря чувств стала стихать и в душе воцарились мир и покой, никогда ранее ему не ведомые.

— Кажется, я понял наконец, почему оказался здесь, — прохрипел он. — Не для того,

чтобы изменить историю своего рода, а для того, чтобы побыть с тобой. Вспомнить время, когда был способен так чувствовать.

— Как чувствовать? — прошептала она, и руки ее, скользя вниз, плотно обхватили его запястья.

Слезы застлали ему глаза, горло резко перехватило. Он с трудом сглотнул сухим ртом.

— Я... люблю тебя. — Ласково и впервые в жизни смиренно прижавшись губами к ее лбу, он ощутил, как затопляет его доныне неизведанная пронзительная и чистая нежность.

— Я люблю тебя! — снова повторил он, целуя ее трепетные веки.

Вжимаясь ртом в ее кожу и волосы, он продолжал вновь и вновь шептать эти чудесные слова, долгое время не замечая ничего вокруг. Ничего в мире не существовало, кроме них двоих, поглощенных друг другом, застывших в сияющем розоватом круге света, отбрасываемого горящими поленьями. Позднее они переместились на постель, хотя он не мог вспомнить, как это произошло, кто кого вел, он ее или она его. Николай раздел ее, сбросил одежду с себя и, прижимая Емелию к своему обнаженному телу, согревал ее, окружал теплом и покоем в их волшебном коконе из шелка и дамаска. Он обводил кончиком пальца сочные губы, прямой носик, смелый размах ее вишневых бровей. Она блуждала ладонями по его спине, легкими касаниями гладила бедра. Тепло ее рук наполнило его плотской жадью, которую он едва сдерживал всей силой воли.

Рот его медленно нашел ее губы и властно завладел ими, колено скользнуло между стройными шелковистыми ножками, раздвигая их. Он положил ладони ей на грудь и слегка сжал их, сразу ощутив, как, отвердев, уперлись в них ее соски. Емелия затрепетала и моляще выгнулась под ним, но он продолжал ласкать ее легкими, невесомыми прикосновениями. Никогда не был он так околдован... заморожен. Наконец-то он занимался с ней любовью, мог ласкать ее ртом, руками, всем телом. Он перецеловал каждый дюйм ее кожи, от узких изящных ступней до макушки, потом вернулся к нежнейшему местечку, зарылся ртом в сладостную пушистую красно-коричневую поросль. Емелия задохнулась изумленно и блаженно, пальцы ее запутались в его волосах, дыхание стало прерывистым. Когда она увлажнилась, готовая его принять, он приподнялся и приник к ней всем телом, кожа к коже.

Руки Емелии обвилились вокруг его шеи, губы прильнули к уху.

— Я не знаю, как тебе угодить, — с отчаянием пролепетала она. — Что мне сделать? Что я могу тебе дать?

— Себя! Больше я ничего не хочу. — Он целовал и гладил ее, поощряя исследовать его тело, и она все охотнее подчинялась. Когда оба не могли больше сдерживаться, он осторожно вторгся в нее, поморщившись от ее внезапного болезненного вскрика.

— Прости, — выдохнул он. — Мне очень жаль, что я причиняю тебе боль.

— Нет, нет... — Она обхватила его руками и ногами, выгибаясь ему навстречу, изо всех сил притягивая его.

Николай начал двигаться в ней, стараясь быть понежнее, но разгорающееся наслаждение медленно привело его на грань безумия. Он забыл обо всем: о себе, о том, кто он есть и кем был. Прошрое и будущее исчезли без следа. В мире существовала только она одна... Емелия... Эмма... Лишь она сумела развеять весь его гнев и всю горечь. Душа его распахнулась навстречу миру, и впервые в жизни он узнал, что такое быть счастливым.

Шло время. Для Николая эти зимние дни сменялись как во сне. Ему была подарена новая жизнь, возможность стать совсем другим человеком, и он вошел в эту роль с необычайной легкостью. В нем вдруг проявились качества, ранее ему чуждые, такие, как сострадание, терпимость, великодушие. Он никому не завидовал, потому что наконец получил все, чего хотел. Все его дни были заняты то встречами с купцами в торговом посаде, то подбором новых управляющих имениями Ангеловских. Кроме того, ему приходилось время от времени, хоть и неохотно, принимать участие в попойках царя Петра и его сподвижников. Однако большую часть досуга он проводил с Емелией.

Жена очаровала его своей жизнерадостностью и волей к жизни. Они катались на санях по ледяному покрову рек, для развлечения вызывали в усадьбу актеров и музыкантов, но чаще всего проводили тихие часы лишь вдвоем, когда Николай пересказывал ей легенды греков или римлян. Часами они занимались любовью, и каждое новое переживание превосходило восторгом предыдущие. Николая изумляло, насколько необходимой ему стала жена, как велика оказалась тоска по душевной и сердечной близости, томившая его в долгие годы одиночества. Никогда и никому не позволял он узнать себя так хорошо. Емелия могла свободно подшучивать над ним, дразнить или требовать внимания, а он был счастлив во всем идти ей навстречу.

Он задаривал ее бесконечными подарками: платьями из ярких шелков, бархата или парчи; накидками, роскошно отделанными кружевом; подходящими к ним по цвету башмачками и чулками; кожаными узорчатыми сапожками с золотым тиснением; придворными туфельками на высоких каблучках, в которых Емелия щеголяла с горделивой неуклюжестью. Николай подарил ей шкатулку из золоченого серебра, полную украшений для прически: черепаховых гребней, диадем с драгоценными камнями, бриллиантовых шпилек и целой радуги шелковых разноцветных лент.

— Это слишком, — запротестовала как-то Емелия. Они сидели в гостиной с Ильей Ильичом, сморщенным старичком, прославленным на всю Москву золотых дел мастером. — Зачем мне столько драгоценностей? У меня их больше, чем я смогу надеть за всю жизнь.

— Таких вещей никогда не бывает слишком много, — возразил старик, соблазняяще раскладывая перед ней на черном бархате свои изделия.

— Почему бы тебе не взять какой-нибудь браслет, — предложил Николай, подцепляя пальцем сверкающий рубином обруч.

Емелия покачала головой:

— У меня их хватит на обе руки от плеча до запястья.

Мастер указал на другие украшения:

— Может быть, это ожерелье из янтаря и алмазов? Или сапфировый крестик?

Она рассмеялась:

— Мне ничего не нужно. В самом деле!

— Княгиня заслуживает чего-то особенного, — объяснил Николай, не обращая внимания на протесты жены. — Чего-то необыкновенного. Что еще вы принесли показать?

Илья Ильич вытянул трубочкой губы и, порывшись в горке бархатных мешочков, запустил руку в один из них, вытащил горстку фигурок из самоцветов и расставил их на столе, приговаривая:

— Возможно, княгине понравится вот это... Полагаю, они приятны на вид.

Емелия восхищенно ахнула:

— О, как чудесно! Я никогда не видела ничего подобного!

Задумчивая улыбка мелькнула на лице Николая.

— Я тоже, — произнес он, хотя это было ложью. Этот маленький зверинец выточенных из самоцветов животных он взял с собой в изгнание. Лебедь из белого коралла с золотым клювом, малахитовая лягушка, аметистовый волк с золотыми лапами и среди прочего венец коллекций — янтарный тигр с желтыми алмазами вместо глаз.

Емелия взяла в руку тигра, разглядывая его со всех сторон.

— Посмотри, как сверкают его глаза. Разве он не прекрасен?

— Прекрасен, — мягко согласился он, не в силах отвести глаз от ее сияющего лица. Он оторвался от этого зрелища лишь на мгновение, чтобы сказать золотых дел мастеру:

— Мы берем их все.

Емелия радостно засмеялась и порывисто обняла его.

— Ты так добр ко мне, — прошептала она ему на ухо. — Ты заставляешь меня любить тебя чересчур сильно.

Он провел губами по ее нежной щечке.

— В любви нет понятия "чересчур".

Однако вскоре на дни тихого блаженства с Емелией набежала зловещая тень. Николай сознавал, что его отношения с царем резко ухудшились, перейдя из очень теплых в весьма сдержанные. Он продолжал сохранять, особенно на расстоянии, чувство восхищения государем, но вспыльчивый характер Петра, его свирепость и неразумное упрямство делали невозможным для Николая испытывать к нему искреннюю приязнь. А в те смутные времена уцелеть мог лишь тот, кто был у царя в милости.

Находясь под невероятным грузом забот, царь Петр объявил войну не только шведам, но и собственному народу. Он загнал сотни тысяч подневольных крестьян служить в армий и строить Санкт-Петербург, чем вызвал ропот во всех слоях общества. Недовольство и измена царили повсюду, так что немногие были вне подозрений. Тайный сыск не дремал, вынюхивая сведения о том, не сказал ли кто хоть единого подозрительного словечка против царя или его чиновников. Одному Богу ведомо, сколько невинных было оговорено зря и наказано в пример другим, часто без суда и следствия. Воздух Москвы бурлил заговорами, и Николай понимал, что стал мишенью неприязни многих.

— Зависть, — просто объяснил это Николаю его дворецкий, Федька Сударев, в ответ на замечание князя о том, что отношение к нему некоторых родовитых москвичей стало холодным. — В их глазах вам дано много больше заслуженного. Знатный род и богатство, красивая внешность... — Николай саркастически фыркнул, но Сударев, не смущаясь, продолжал:

— Да, да, вы очень хороши собой и женились на замечательной красавице. К тому же заслужили милость царскую своим пристрастием к новым западным идеям. Так с чего бы

нашим боярам вас любить?

— Милость царская ко мне... — пробормотал Николай. — Как мне представляется, она уже не стоит и ведра конских яблок.

— Ваша светлость! — ужаснулся Сударев, его темно-карие глаза тревожно заметались вокруг. — Нельзя вам говорить такое вслух! У стен есть уши! Вы подвергаете опасности себя и княгиню.

— Мы уже в опасности, — тихо промолвил Николай, поднося руку к большому синяку на подбородке. Он получил его днем раньше, на встрече царя Петра с восемью дворянами, которых тот собирался назначить губернаторами согласно нововведенному делению России. Меншикову поручался Санкт-Петербург, князю Дмитрию Голицыну — Киев, боярину Апраксину — Казань...

Николай разозлил Петра, отказавшись от архангельского губернаторства и не назвав причину отказа, которая, по правде говоря, заключалась в том, что ему не хотелось выбивать налоги. Между тем царь ждал от своих губернаторов в первую очередь именно этого: им вменялось в обязанность понуждать сборщиков налогов выжимать все больше денег из многострадального населения. Николай хорошо представлял себе, что его отказ будет иметь далеко идущие неприятные последствия, но все равно не смог себя заставить принять пост.

Недовольство Петра ударило по князю полной мерой. Царь пригвоздил его яростным взглядом, от которого многие из сидевших за столом содрогнулись, а остальные заерзали с плохо скрываемым злорадством.

— Ладно... назначу кого-нибудь еще! — язвительно рявкнул Петр. — Но коль скоро ты с таким спокойствием отказываешь царю в его просьбе, может, расскажешь мне, что ты сделал для моего блага? Если что-то делал вообще! Объясни, почему ты до сих пор не убедил московских купцов создавать торговые компании? — Он встал, подошел к Николаю и, наклонившись над ним, проорал прямо ему в лицо:

— Я требую большего рвения. Мне нужно действие! Почему мои люди так неповоротливы? Почему они не дают денег, нужных мне на войну со шведом? Я хочу получить от тебя ответ здесь и сейчас!

Николай остался бесстрастным. Он не отпрянул от оглушительного государева рева, даже когда брызги слюны, вырываясь из царского рта, полетели ему в лицо. Каким-то образом ему удалось ответить вполне спокойно:

— Государь, да вы же все источники доходов сочли и выжали досуха. Сборщики ваши все до копейки с народа собрали: и налог на рождение, и налог на женитьбу, и на воду для питья, и на бороду. Не смешно ли с бород-то деньги брать?

Николай замолк, внезапно осознав, что в комнате наступила гробовая тишина. Глаза Петра сверкнули ледяным блеском. Никто не мог поверить своим ушам: Николай осмелился сказать царю правду... прямо в глаза!

— А сверх всего, — продолжал он твердым голосом, — монополии государственные, недавно введенные, вздувают цену товара в пять раз против прежней. Теперь покойника схоронить невозможно: у людей денег на гроб не хватает. Крестьянам стала соль столовая недоступна. Все подорожало: и водка, и мех, и в карты сыграть... При таком раскладе купцам не с чего доходы иметь. Они возмущаются и не видят резона трудиться с большим рвением... лишь для того, чтоб их деньги на войну ушли.

— Я оценил твою искренность! — И без всякого предупреждения Петр ударил его кулаком в лицо. Сокрушительный удар пришелся Николаю в челюсть. Князь чуть не

свалился со стула. — А это тебе награда за дерзость.

У царя стремление к прогрессу вполне сочеталось с его западническими идеалами, но средства и способы достижения благой цели расходились с мечтой. Поморгав как следует, пока не исчезла слепящая темнота перед глазами, Николай сумел усидеть прямо. В ушах стоял звон.

Дикая ярость вскипала в нем. Его пожирало желание ответить таким же ударом, защитить себя. Но поднять руку на государя означало подписать себе смертный приговор. Неторопливо поднявшись, он сказал:

— Спасибо за урок, государь. Теперь я знаю, почем нынче правда.

Присутствующие только ахнули при этих дерзких словах, а затем в молчании проводили его взглядами, когда он твердым шагом покинул комнату. Царь промолчал тоже.

Вернувшись мыслями к настоящему, Николай еще раз дотронулся до болезненного места на подбородке и мрачно усмехнулся, а Сударев тревожно заговорил:

— Но, ваша светлость, царь бьет всех и каждого. Это у него в привычке. Вот и князя Меншикова он давеча побил в этом же доме, да так сильно, что тот кровью весь стол залил. Царь ничего дурного при этом в виду не имеет. Приближенным к нему людям приходится терпеть царскую досаду. Вам это давно известно!

— У его досады чертовски сильный удар справа, — пробормотал Николай.

— Синяк скоро пройдет без следа. — Молодое лицо Сударева сморщилось от старания убедить. — Пожалуйста, князь-батюшка Николай Дмитриевич, постарайтесь это забыть.

Ради Емелии, да и ради себя самого, Николай готов был попытаться.

Тем же вечером, позднее, поднявшись в комнаты, которые теперь делил с Емелией, он нашел ее сидящей за маленьким столиком, на котором особым образом были установлены друг против друга несколько зеркал. Посредине между ними горела свеча. Неяркий колеблющийся свет отбрасывал тени на стену за ней, выхватывая из мрака икону Ильи-пророка с его рубиново-красным облаком, которое лучилось так, словно само испускало сияние.

Озадаченный Николай застыл на пороге и стал наблюдать за женой. Она была в голубом бархатном домашнем платье, застегнутом спереди на маленькие перламутровые пуговики.

— Что это ты делаешь? — осведомился князь. Емелия подскочила на месте, но затем робко улыбнулась.

— Ты так тихо вошел, что я не услышала! — И она вновь обратилась к зеркалам. — Я пытаюсь прочесть наше будущее. Буду смотреть в зеркала, пока одно из них не покажет мне его. Если долго ничего не увижу, тогда расплавлю восковую свечу и вылью в воду. По тому, как воск застынет, можно будет угадать, что нас ждет.

Николай закрыл дверь и, подойдя к ней, бережно потянул за рыжий локон и улыбнулся, целуя ее в макушку.

— Неужели ты взаправду веришь в эту нелепицу?

Она подняла на него серьезные глаза.

— Разумеется! Это всегда помогает узнать правду. А разве за границей не верят в гадание?

— Полагаю, некоторые верят. Но большинство верят не в магию, а в науку.

— А во что веришь ты?

Он ласково погладил подставленную ему нежную шейку.

— Я верю и в то, и в другое. — Он повернул ее от столика к себе лицом. — Почему, дитя, тебя тревожит наше будущее?

Ее взгляд перешел на синяк, выделявшийся на подбородке мужа. Она осторожно коснулась его кончиками пальцев.

— Царю не нравится, что ты женился на мне. Это все знают.

Николай стиснул зубы. Потом спросил:

— Кто осмелился тебе так сказать?

— Я слышу шепотки об этом, куда бы мы ни пошли. По-моему, Меншиков и его друзья позаботились, чтобы все узнали, кто я такая. Тебе не к лицу иметь такую жену.

— К черту их всех! — резко объявил он и крепко ее поцеловал.

Через несколько мгновений Емелия отвернула от него лицо.

— Иногда у меня возникает желание...

Он нагнул голову к ее шейке и повел по ней цепочку поцелуев.

— Чего же тебе желается, Рыжик?

— Чтобы мы нашли способ заставить весь остальной мир исчезнуть куда-нибудь. И остались бы только мы с тобой, вдвоем.

— Я могу заставить его исчезнуть, — пробормотал он, находя губами ее рот и приныкая к нему.

Емелия недолго сопротивлялась, глядя на него встревоженными синими глазами.

— Мне нельзя причинять тебе неприятности. Я хочу принести тебе лишь уют и покой.

— Ты дала мне гораздо больше этого, — промолвил Николай, лаская ее тело под бархатным платьем. — Ты даешь мне возможность испытать чувства, которые я и вообразить себе не мог. Я люблю тебя больше жизни, Рыжик.

— Он сомкнул ладонь вокруг пышной груди и, когда дыхание ее стало прерывистым и она приныкла к нему с молящим стоном, торжествуя, понес ее на постель. Он намеревался доставить ей такое блаженство, чтобы она забыла обо всем и даже малейшие следы тревоги исчезли с ее лица... хотя бы ненадолго.

Сознавая, что подозрения Емелии насчет князя Меншикова, вероятнее всего, основательны, Николай начал обдумывать, каким образом помешать его проискам. Совершенно случайно они вскоре встретились в доме князя Чоглокова, слывшего завзятым книгочеем, столкнувшись в его библиотеке. Взяв в руки какой-то иностранный том, Николай вдруг почувствовал холодок между лопатками и, обернувшись, обнаружил стоявшего в двух шагах от него Александра Меншикова.

Зеленовато-голубые глаза Меншикова смотрели змеиным, немигающим взглядом, но

губы растянулись в улыбке.

— Добрый день, князь Ангеловский. Нашли себе чтение по вкусу? — Он кивнул на лежавший поблизости том — Рекомендую почитать вот эту реляцию о славных делах государя.

Николай, не сводя глаз с его лица, откликнулся:

— Я знаю все, что мне нужно знать об этом предмете.

— Может быть, вы все-таки почитаете его, чтобы вновь припомнить величие гения царя Петра и его государственную волю... не говоря уж обо всем, что он сделал для вас и нас всех. Знаете, мы с ним нынче утром говорили о вас.

— И что? — поинтересовался Николай. Все мышцы его напряглись и закаменели.

— Вроде бы царь весьма разочарован в вас. У него были на вас такие большие надежды, но вы предпочли растратить ваши таланты попусту. Такие способности... и все пошли прахом. Вы не приняли военное назначение, не захотели исполнить свой гражданский долг, приняв архангельское губернаторство... Решились даже жениться на дочери бунтовщика.

— О ней не смейте говорить ни слова, — негромко предупредил его Николай, грозно сверкнув глазами.

Тем не менее Меншиков продолжал, хотя и несколько более сдержанным тоном:

— Рассказала она вам о своем отце? Василии? Я многое о нем разузнал у нашего общего знакомого, главы тайного сыска. Василий и в самом деле был стрельцом, одним из тех, кто бунтовал против царя чуть не с рождения и принимал участие в убийстве царских родичей. Они должны были охранять царя, а вместо этого покушались на его жизнь. Он — один из злоумышленников, как их называет государь. Отец вашей жены прославился своими жаркими речами о том, что надо захватить столицу, убить бояр и вернуть трон сестре государя, царевне Софье. Он становился посреди толпы и, сверкая огненно-рыжими кудрями, выкрикивал зажигательные призывы к бунту. За это его еще прозвали "рыжим чертом". Помните, как стрельцы пошли походом на Москву? Василий был тогда одним из главных мятежников. Естественно, он был схвачен и умер под пыткой. Но измена стрельцов никогда не умрет в памяти царя. Так что каждый раз, когда он будет видеть вас или вашу огненнокосую женушку, сердце государя будет ожесточаться против вашего семейства. Женитьба на Емелии вредит вам в глазах государя. На вашем месте я бы от нее избавился.

Больше Николай сдерживаться не мог. Он набросился на собеседника и, притиснув его к стене, сомкнул пальцы на горле негодяя.

— А может, мне проще избавиться от тебя?

Гости Чоглокова замерли в изумлении, испуганно уставившись на них. Меншиков побелел от страха и злости.

— Убери от меня руки, — прошипел он. Николай не торопясь подчинился.

— Мне надоели сплетни и слухи, которые ты старательно распускаешь по Москве, — прорычал он. — Если я еще раз услышу гадости о себе или своей жене, то заставлю тебя за них ответить.

Губы Меншикова искривились в злобной ухмылке:

— Слишком поздно подправлять вашу репутацию, высокомерный друг мой. Ваша звезда уже закатилась. Вы больше не пребываете в милости у царя, потому что, как оказалось, цените свою гордость и независимость выше царской приязни. Это ведь такая игра... А вы не поняли и отказались играть. Что ж, теперь вас из этой игры исключили.

"Меншиков прав", — подумал Николай, и по коже у него пробежал озноб. Если он не

желает потрафлять прихотям царя, то не имеет права рассчитывать на царскую милость.

Русская зима набрала полную силу. Морозы стояли такие, что немудрено было обморозиться. Никто не решался высунуть нос из дома, не закутавшись в толстую меховую шубу, сшитую по достатку: у кого — из зайца, у кого — из соболя. Большие изразцовые печи стояли во всех комнатах особняка Ангеловских, испуская ровное тепло. Кроме того, обитатели дома постоянно согревались чаем, новомодным кофе или кипяченным с пряностями вином. Приближалось Рождество, и его предвестники — многочисленные праздники и танцевальные ассамблеи — будоражили всех радостной музыкой. По улицам бродили дети и подростки, распевая рождественские песни. В каждом доме пекли фигурные пряники и одаривали ими певчих и гостей

Захваченная праздничным весельем, Емелия настояла на том, чтобы Николай повез ее на ледяную горку, сделанную на радость детям и взрослым. Она представляла собой громадный длинный спуск, сложенный из деревянных бревен и глыб льда и залитый сверху водой. Люди забирались с санками на самый верх сорокафутового съезда, а затем на безумной скорости скатывались вниз с визгом и хохотом.

— Хочешь спуститься? — неохотно поинтересовался Николай, когда Емелия с молящим видом стала дергать его за рукав.

— Да, да, это такое изумительное ощущение... Ты когда-нибудь катался с горки?

— Только в детстве.

— О, это было слишком давно!

Она решительно потащила его на гору и уговорила кого-то одолжить им расписные деревянные санки.

Они взошли по ступенькам на самый верх, где жестокий ветер со свистом сразу же стал сечь им лица.

— Чувствую, что пожалею об этом, — пробормотал Николай, наблюдая, как скатываются другие по невообразимо длинному и крутому спуску.

Емелия властным жестом указала рукавичкой на санки. Глаза ее восторженно сверкали. Николай со стоном подчинился и уселся в санки, широко расставив ноги. Емелия села перед ним, устроившись между его бедрами, и напряглась в возбужденном ожидании. Стоявшие за ними в очереди люди весело помогли им направить санки, хорошенько подтолкнули, и... они помчались!

Холодный режущий воздух ворвался в глотку и грудь Николая, лишив его на мгновение способности дышать. Скрип полозьев наполнил уши певучим звоном. Головокружительное ощущение быстроты захватило его. Набирая все большую скорость, они миновали середину сверкающего склона. Емелия с заливистым смехом откинулась ему на грудь. Они мчались по серебряному льду все быстрее и быстрее, и вот уже показалось подножие горы. Там, чтобы замедлить спуск, был рассыпан песок. Николай уперся в него ногой, и санки остановились.

Продолжая неистово смеяться, Емелия повалилась на него, одновременно пытаясь извернуться, чтобы поцеловать его нажатое ветром лицо. Она обняла его с доверчивой

неуклюжестью непослушного щенка, восклицая:

— Я хочу съехать снова!

Николай улыбнулся и легонько поцеловал ее в губы.

— Мне хватило одного раза.

— Ох, милый! — Она с трудом поднялась на ноги и, когда он встал, обняла его за шею. — Ладно, может, это и к лучшему. Я боялась, что в конце концов мои юбки взлетят мне на голову.

— Позже, — пообещал он, тыча носом в ее холодную щеку.

Она пихнула его в грудь кулачком и засмеялась.

Праздничную ночь отмечали у Чоглоковых. Входя в балльную залу, Емелия улыбнулась Николаю: они оба вспомнили тот день, когда он выбрал ее из пятисот девиц.

— Теперь здесь все выглядит иначе, — сказала Емелия.

— Это все рождественские украшения, — отозвался Николай, разглядывая покрывавшие стены полотнища красного бархата, перевязанные гирляндами цветов и золотыми лентами. Длинные столы были украшены еловыми ветками и ломились от яств — яблок, изюма, разнообразных орехов и многочисленных пирогов. На одном из столов не стояло ничего, кроме пряников, на которых сахарной глазурью были изображены самые важные московские здания, включая Кремль и собор Василия Блаженного с его разноцветными главами. Пряный праздничный запах имбиря и корицы стоял в воздухе, смешиваясь с ароматом хвои и воска.

Оробевшая от великолепия разодетых гостей, Емелия нервно одернула пышные юбки.

— Я выгляжу как крестьянка в чужом наряде. Хоть бы ты позволил мне забелить пудрой лицо...

— Ты прекрасна, — прервал Николай, бегло касаясь поцелуем россыпи золотых веснушек на ее щеке. Однако Емелия была права: она не походила на княгиню, несмотря на роскошный наряд.

Дамы старались превзойти друг друга меловой бледностью ланит и усталой медлительностью жестов. Емелия же сверкала, как светлячок среди мотыльков. Изумительные красно-золотые кудри были перевиты жемчугом и высоко зачесаны. Лишь несколько длинных локонов ниспадало на плечи. Ее бархатное платье отличалось особым оттенком голубого, подчеркивавшего глубокую сапфировую синеву глаз. Квадратный вырез был оторочен светлым кружевом, называемым блендами, и не скрывал щедрую пышность груди, в то время как корсет утягивал талию в рюмочку. Николай был просто пленен ликующей красотой жены, и, судя по восторженным взглядам гостей, его мнение разделяли все присутствующие мужчины.

Наслаждаясь восхищением князя, Емелия раскрыла веер и бросила на мужа кокетливый взгляд поверх его волнистого края.

— А я знаю, о чем ты думаешь, когда смотришь таким взглядом, — приглушенным голосом сказала она. — Ты хочешь оказаться со мной в постели.

— Я всегда об этом думаю, — уверил ее Николай. Она удовлетворенно похлопала себя

по затянутой в корсет талии.

— На мне затянуто столько тесемок, что сегодня тебе до меня не добраться.

Он улыбнулся и чуть дотронулся кончиками пальцев до ее руки.

— Я найду путь, можешь мне поверить.

Их болтовню прервал приезд царя. Но сегодня перешептывания и волнение, которые всегда сопровождали появление государя, были сильнее обычного. Удивляясь, чем вызван неожиданный шум, Николай всматривался в толпу, окружившую царя Петра и его свиту, пока царь не выступил вперед на общее обозрение. При виде его Николай покачал головой, а Емелия резко втянула в себя воздух.

В противоположность всем гостям, разодетым в пух и прах, на царе была одежда простого крестьянина: красная рубаха, мешковатые серые порты и строченные валенки.

— Зачем это? — выдохнула Емелия.

Николай ответил почти беззвучно, не глядя на нее:

— Это такая дурная шутка. Он насмехается над крестьянами за то, что они жалуются на его указы.

Гости захихикали, захлопали в ладоши, а царь тем временем стал приплясывать, изображая русскую пляску, поворачиваясь в разные стороны, чтобы все сумели рассмотреть его наряд.

— Как ужасно, — тихо молвила Емелия, вспыхнув от стыда и гнева.

У Николая не нашлось на это ответа. Он уставился в красивый паркет, выложенный ковровым узором из различных пород дерева с точечными перламутровыми вставками, от души надеясь, что царю скоро надоест валять дурака.

— Кажется, вам не по вкусу пришлась царская шутка, — раздался у него над ухом медоточивый голос.

Сдвинув брови, Николай поднял глаза на князя Александра Меншикова.

— Если это можно так назвать, — процедил он сквозь сжатые зубы, бросая на противника грозный предостерегающий взгляд. Что-то в лице Меншикова встревожило Николая: было в его глазах едва скрываемое злорадное торжество.

Повернувшись с вычурным поклоном к Емелии, тот осведомился:

— Как поживаете, княгиня?

— Благодарю вас, очень хорошо, — ответила она с каменным лицом, не глядя на него.

Николай взял жену за локоть и попытался увести ее прочь, говоря:

— Извините нас, князь...

— Не торопитесь, — пробормотал Меншиков. — У меня есть некоторые новости для вашей красавицы жены. Сейчас, может, и не самый подходящий случай, чтобы их сообщить... Но с другой стороны, для подобных вестей никогда не бывает хорошей минуты.

Николай поглядел на Емелию, которая ответила ему растерянным покачиванием головы.

— Кажется, княгиня, вы надеялись разузнать о своей семье... точнее, о дяде и брате, отправленных на строительство Санкт-Петербурга. — Меншиков подчеркнул голосом обращение "княгиня" так, что оно прозвучало издевкой, а не почтительным титулованием.

Николай бесстрастно уставился на Емелию. Что, черт возьми, происходит? Она ничего не говорила ему о желании найти дядю и брата... ни словом их не упоминала. Сударев тоже не проронил ни слова.

Емелия залилась виноватым румянцем и сдавленным голосом объяснила:

— Я... я попросила Сударева узнать о судьбе дяди и брата. От них не было весточки с тех пор, как их отправили на работы в Санкт-Петербург... строить дома и соборы. Я хотела разыскать их и сообщить о своем замужестве и... — Она затравленно замолчала, пугливо заглядывая в лицо Меншикову.

— Почему же ты не пришла за помощью ко мне? — спросил Николай. — Ты думаешь, я бы тебе отказал?

— Не знаю, — горестно прошептала она. Меншиков удовлетворенно усмехнулся, довольный бурей, которую вызвал:

— По-видимому, доверие в браке быстро не рождается. В любом случае ваш слуга Сударев не смог ничего обнаружить. Мне недавно сообщили о его расспросах, и я взял на себя смелость провести собственный розыск... в качестве личного одолжения. — Он испустил долгий сочувственный вздох. — Вашим дяде и брату повезло вместе найти свой жребий, княгиня, хоть он и оказался плачевным. Они работали бок о бок, когда на них обвалилась стена. — Он горестно развел руками. — Оба погибли. Но для тех, кто жив, жизни должна продолжаться, не правда ли?

— Подите прочь, — прорычал Николай сквозь стиснутые зубы, — пока я вас не убил. Меншиков отступил на несколько шагов, но остался поблизости, пристально наблюдая за ними.

Тонкие пальцы Емелии стиснули веер так, что побелели ногти. Ее безудержно трясло. — Мы не знаем точно, может, это все ложь, — прошептал Николай, обвивая ее талию рукой.

— Нет, это правда. — Слезы, подступившие к ее глазам, заструились по щекам. — Я знала, что с ними случится плохое. Теперь у меня никого не осталось.

— У тебя есть я. — Николай гладил жену по плечам и спине. Несмотря на сочувствие ее горю, он ни на минуту не забывал об опасности, которая их подстерегала. — Тише, Рыжик, люди слушают.

— Им незачем было туда ехать, — плакала Емелия. — Они хотели жить у себя дома, в деревне, жить и стариться со своими семьями. Ненавижу царя за то, что отправил их в Санкт-Петербург! Он поступал так тысячу раз с тысячами людей!.. Как смеет он смеяться над крестьянами, у которых забрал все, что мог?

Николай так крепко сжал ее плечи, что она сморщилась от боли.

— Замолчи, ради Бога! Ничего больше не говори.

Она кивнула, глотая слезы и недосказанные горькие слова.

Но было уже поздно. Николай понял это по довольной ухмылке Меншикова и по выражению лиц услышавших ее речи гостей. С другого конца зала царь Петр заметил общее замешательство и грозно посмотрел в их сторону. Мрачное лицо его не сулило ничего хорошего.

Емелия была слишком потрясена, чтобы обращать внимание на что-то, кроме своего горя. Она без возражений подчинилась Николаю, когда он увез ее домой, лишь прижималась к нему в санях, как испуганный ребенок. Николай крепко обнял жену и всю дорогу, уткнувшись в ее волосы, шептал ласковые слова. Его собственные мысли и чувства перекипели и перешли в безнадежное оцепенение.

"Мы были обречены с самого начала, — думалось ему. — Женитьба царского советчика на дочери стрельца-бунтовщика — невозможный союз, безнадежный". Но если бы ему довелось начать все сначала, он снова женился бы на ней.

Дураком он не был и прекрасно понимал, что его больше не охраняет дружба с Петром. После случившегося нынче вечером Емелию скоро насильно заберут в Кремль и станут допрашивать. А допросы там проводятся с пытками. Николай не мог этого допустить. Он готов был защищать ее ценой своей жизни. Положение еще больше осложнялось тем, что Емелия уже вполне могла забеременеть. Он должен позаботиться, чтобы она оказалась в безопасности. Даже если не сможет защитить ее сам.

Мысль о ребенке... его ребенке... наполняла Николая мучительной радостью. Маленькое совершенное существо, беспомощный комочек, ни в чем не повинный, в котором сосредоточилось столько надежд...

— Боже мой! — беззвучно прошептал он, впервые позволив себе вспомнить о Джейкобе. Его сын из будущего, одинокий, нелюбимый... нуждающийся в отцовской защите. — Боже мой, сколько ошибок я натворил!.. — Он никогда не позволял себе питать родительские чувства к своему внебрачному ребенку, но сейчас вдруг испытал отчаянное желание обнять мальчика, уверить его, что он нужен, что он в безопасности, что он — часть рода и семьи.

Поцеловав жену в висок, он отвел губами легкие рыжие кудряшки и приник губами к белоснежной коже, шепча про себя: "Если мы в будущем встретимся вновь, я постараюсь возместить тебе все потери, исправить все ошибки. Тебе и ему. Клянусь, я люблю вас обоих".

Когда они доехали до дома, Николай задержался в сенях, чтобы рассказать Судареву о случившемся. Дворецкий был потрясен, он побелел от страха и раскаяния.

— Ваша светлость, я вовсе не хотел навлечь беду...

— Ладно, — махнул рукой Николай, — я понимаю, что ты всего лишь старался угодить жене моей. Кроме того, все наверняка пришло бы к тому же концу, что бы ты ни делал. Все в руках Божьих, Федор.

— Что теперь будет?

— Полагаю, они скоро явятся за нами, — ответил Николай и ощутил, как напряглась под его рукой Емелия. Задрожав, она устремила на него испуганный взгляд. Он продолжал говорить с Сударевым:

— Слушай меня, Федор. Я помогу жене собрать вещи, а ты готовься немедленно с ней уехать. Отвези ее в Новодевичий монастырь. Понимаешь? Тот, в котором содержалась царевна Софья. Они не откажут Емелии в убежище. — Николай обернулся к жене:

— Оставайся там, пока не минует опасность. Сударев поможет тебе потом найти пристанище в деревне. Поживешь там.

Лицо Емелии исказилось ужасом.

— Нет, — прошептала она. Больше ее губы не могли ничего выговорить.

Николай посмотрел на Федора:

— Сделаешь, как я приказал?

Слуга кивнул и с невнятным восклицанием отвернулся. Когда Николай повел Емелию вверх, в ее покои, она в отчаянии заговорила:

— Пожалуйста, не отсылай меня! В этом нет необходимости...

— Если так, я сам приеду за тобой в монастырь и привезу домой. — Он продолжал слегка подталкивать ее в спину. — Но мы попали в беду, Рыжик, и я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Она, всхлипывая, шла по лестнице.

— Если бы я не попросила Федора разузнать о моей семье...

— Дело совсем не в этом. Мои враги во главе с Меншиковым настраивают царя против меня. Возможно, моя женитьба на тебе облегчила им задачу, но все произошло бы точно так же... позже или раньше. Это судьба, Емелия. — Его собственные чувства бунтовали в душе против подобных слов, кипели тоскливым негодованием, но он постарался их подавить. Сейчас ему нужно было помочь жене смириться с неизбежным, иначе она вечно будет себя винить.

— Я без тебя никуда не поеду, — низким Страстным голосом проговорила она. — Ты не заставишь меня уехать одну.

— Что будет в этом хорошего? — мягко настаивал он. — Я смогу вынести все, если буду знать, что с тобой ничего плохого не случилось. Возможно, мы уже зачали наше дитя. Неужели ты хочешь рисковать им? — По грустному вздоху, прозвучавшему в ответ, он понял, что эта возможность ей в голову не приходила. — Если ты уже беременна, ребенок окажется в большой опасности. Он будет отпрыском подозреваемого в измене князя Ангеловского и к тому же наследником всех моих титулов и имений. Он станет мишенью злобных устремлений всех и каждого. Нет, о ребенке никто не должен знать, даже никто из родственников... пока он не сможет сам себя защитить.

— Почему ты так говоришь? — Она залилась горячими слезами. — Если ты пытаешься напугать меня, то тебе это удалось. Даже слишком. Я жалею обо всем, что натворила... жалею, что ворвалась в твою жизнь и загубила ее!

— Нет-нет... — Николай втянул ее в комнату и прикрыл за собой дверь. Крепко обняв ее, он нежно баюкал хрупкое тело жены, желая успокоить ее. — Никогда не говори такой чепухи. Ты — единственное, что дало моей жизни смысл и значение. Емелия, не жалею о том, что полюбила меня.

По-прежнему заливаясь слезами, она горячо обняла его в ответ.

— Нам надо уложить твои вещи, — спустя минуту напомнил Николай. — У нас мало времени...

Она подняла к нему несчастное лицо и прильнула губами к его рту. Он ощутил вкус ее слез, и мысли его рассеялись, как листья по ветру. Невольно откликаясь на призыв, он тесно прижал к себе ее трепещущее тело, почти расплющивая нежные груди. Только в этот миг он осознал, как колотится его сердце. Он безумно испугался за нее... и точно так же страшился разлуки с ней.

Николай взял в ладони ее заплаканное личико. Пальцы ее изо всех сил вцепились в янтарный бархат его кафтана, глаза мерцали непролившимися слезами.

— Пожалуйста... — прошептала она, — еще только раз... Это все, что у меня останется.

— Емелия, — начал было он, качая головой, но, посмотрев в синие глаза, сдался и жадно приник к ее устам. Она приподнялась на цыпочки, пылко откликаясь на его поцелуй, руки ее отчаянно блуждали по его спине и бедрам. Прерывистое дыхание вырывалось из груди, обжигая его щеки палящим жаром.

Прервав поцелуй, Николай неловкими торопливыми пальцами раздел ее, обрывая крючки и завязки, которые не хотели быстро расстегиваться. Корсет упал на пол, и Емелия облегченно вздохнула, растирая ладонями красные вмятины, оставленные китовым усом. Затем Николай начал раздеваться сам, и Емелия помогла ему стащить через голову свободную белую рубашку с пышными рукавами. Губы ее заскользили по гладкой мускулистой груди мужа. Она целовала ее, нежно дотрагивалась языком, лаская ямку между ключицами, пока Николай в нетерпении не потянул ее на постель. Он вытащил из ее

прически шпильки и драгоценные заколки, так что густые волны волос вольно упали, укрыв обоих огненным облаком.

Время безжалостно текло, пока они ласкали друг друга. В словах не было нужды: ими владела решимость отогнать на возможно более долгий срок вторжение окружающего мира. Николай согревал ладонями прохладную кожу Емелии, поглаживая гибкий стан и тонкую талию. Она выгнулась, поощряя его руки, глаза ее были полузакрыты в блаженном предвкушении. Его плоть отвердела от зверского, первобытного желания, он ощущал каждый толчок крови, пульсирующей в ней. Когда нервы его были на пределе, он ухватил ее за бедра и погрузился во влажную жаркую глубину, и она приняла его в свое нежное лоно. Он стал вонзаться в нее легкими мелкими ударами, постепенно углубляя их, пока не вошел целиком.

Тогда он замер, почти уткнувшись в нее лицом, сомкнув зрачки со зрачками, и затерялся в мерцающей голубизне.

— Рыжекосая жена моя... ты дала мне счастье, неведанное мной ранее. — Горло его сжалось тоской и страданием. — Обещай, что, если мы встретимся снова, ты вспомнишь меня.

— Как могу я тебя забыть? — слабым голосом спросила она, изнемогая от его движений и блаженно постанывая.

— Скажи, что любишь меня!

— Я люблю тебя, милый... и буду любить всегда. — Емелия бормотала эти признания, тычась носом в его шею, повторяла их, пока буря страсти не подхватила обоих на своих крыльях и не вознесла в сверкающем полете ввысь. Емелия притянула Николая руками и ногами и держала, не отпуская... Тогда, не в силах больше сдерживаться, он отдался на волю собственному оглушительному взрыву.

Николаю хотелось заснуть в ее объятиях, утонуть в блаженстве забвения. Вместо этого он заставил себя двигаться, оторвался от жены, вынырнул из мирного кокона постели. Вздрагивая от холода, торопливо оделся. Емелия лежала тихо, лишь глаза ее неотрывно следили за каждым его движением. Пересмотрев одежду в шкафу, Николай выбрал из всех нарядов жены самый простой — строгое бархатное платье с высоким закрытым воротом и длинными рукавами.

Тусклым голосом она спросила с кровати:

— В монастыре мне надо будет носить монашескую одежду?

Николай не мог не улыбнуться.

— Господи, вовсе нет.

Он принес платье к ней на постель и набросил на смятые простыни. Помедлил, любясь ее неизъяснимой красотой: стройными длинными ногами, буйной копной рыжих кудрей. Чародейка, чаровница, пленительная ведьма с сочным ртом, который и монаха введет во грех...

— Монахиней ты, Рыжик, никогда не сможешь выглядеть... Что бы на себя ни надела.

Она села на постели, придерживая у груди одеяло, и тихо спросила:

— Что будет с тобой?

Николай молчал, не зная, что ей ответить.

— Они убьют тебя, правда? — промолвила она. — Ты собираешься пожертвовать собой из-за того, что я наговорила, и из-за того, кто я...

— Нет, — поспешно произнес он, присаживаясь на кровать и привлекая к себе ее обнаженное тело. — Что бы со мной ни случилось, это будет не по твоей вине. Я наделал в

жизни множество ошибок еще до встречи с тобой.

— Я этого не вынесу! — Она вцепилась в его рубашку. — Не позволю тебе умереть за меня. — Слезы брызнули у нее из глаз, оставляя темные пятна на светлой тонкой ткани кафтана.

— Если до этого дойдет, я тысячу раз умру за тебя, — прошептал он. — Это гораздо легче, чем остаться без тебя.

— Пожалуйста, позволь мне не уезжать, — умоляла она, пытаясь удержать его высвобождающиеся руки.

Николай встал, указал ей на платье и направился к печке, уже почти остывшей. Прижав ладони к еле теплой изразцовой стенке, он грубовато бросил через плечо:

— Одевайся, Емелия. Времени нет.

Сухо, по- деловому он помог ей набить небольшой дорожный мешок одеждой и кое-какими личными вещами. Глянув в крохотное оконце с частым переплетом, он увидел, что сани поданы к крыльцу. Их полозья оставили глубокие борозды на свежем рыхлом снегу.

Николай обернулся к Емелии. Она покрыла голову белой кружевной шалью, которую он подарил ей в первый день после свадьбы. Легкая прелестная шаль не только закрывала волосы, но и бросала тень на лицо, так что теперь он мог видеть лишь блеск глаз и горестно вздрагивающие губы. Его потрясло мгновенное осознание того, что одна и та же женщина, вот эта, следовала за ним сквозь времена и поколения. Десятки картин и образов замелькали в его мозгу: Емелия в постели, обвивающая его длинными изящными ногами; она же, прыгающая от радости ни снегу, проказливая, как уличный мальчишка; она же в бане, с мокрыми вишневыми волосами... Она же — Эмма, с ее обворожительными улыбками и бурными возражениями, спорящая, танцующая, выходящая ему навстречу из зверинца в мужской рубашке и брюках. Он любил ее во всех видах и обличьях. И потерял ее дважды!..

Не говоря ни слова, Емелия сунула ладошку в его руку. Их пальцы сплелись в болезненно крепком пожатии. Все еще продолжая удерживать ее руку, Николай взял мешок, и они стали спускаться вниз.

Бледный Сударев ждал их у входной двери, его темно-каштановые волосы были непривычно всклокочены. В руках он сжимал одну из теплых накидок Емелии из шерсти такого темно-фиолетового цвета, что она казалась почти черной.

— Все готово к отъезду, ваша светлость.

— Хорошо. — Николай наклонился к самому уху дворецкого. — Не дай им схватить ее, — произнес он тихо, чтобы не слышала Емелия. — Ты знаешь, что они с ней сделают. — Выпрямившись, он пристально посмотрел на Сударева, оставляя недосказанным и так понятное обоим: он предпочитает, чтобы Емелия умерла быстро от руки Федора, а не была замучена жестокими пытками.

Дворецкий кивнул, понимая молчаливую просьбу князя.

— До этого не дойдет, — спокойно и твердо сказал он. Николай положил руку ему на плечо и крепко сжал его.

— Я доверяю тебе самое дорогое, что у меня есть, Федор.

— Знаю, князь-батюшка.

Взяв накидку из рук Сударева, Николай повернулся к жене и укутал ее плечи. Затем он бережно натянул ей на голову капюшон и попытался улыбнуться. Однако попытка не удалась. Он смотрел на Емелию с безнадежным отчаянием и не знал, что сказать напоследок, как проститься. Горло его было мучительно сжато от стараний удержать слезы.

— Я не хочу расставаться с тобой, — смиренно выговорил он наконец, беря в руки ее холодные, напряженные пальцы.

Емелия нагнула голову, крупные слезы катились по ее щекам.

— Я никогда больше не увижу тебя. Это правда? Он покачал головой и хрипло сказал:

— В этой жизни — нет.

Она высвободила руки из ладоней мужа и обвила ими его шею. Он почувствовал на щеке прикосновение ее мокрых от слез ресниц.

— Тогда я буду ждать сотни лет, — прошептала она, — или тысячи... если понадобится. Помни это, Коленька. Я буду ждать, чтобы ты пришел за мной.

Николай стоял в дверях и смотрел, как Сударев усаживает ее в сани. Вскоре они растворились в черно-синей ночи, и скрип полозьев стих в морозном воздухе.

— Храни тебя Бог, — произнес он, вцепившись пальцами в дверной косяк так, что побелели костяшки. Немного погодя он вошел в дом и велел слуге принести ему в гостиную водки. После чего, усевшись у печки, стал неторопливо пить, уставившись невидящими глазами в пространство.

Примерно через час слуга доложил, что прибыли двое из Тайного приказа. В ведение этого зловещего учреждения входили все преступления, угрожавшие безопасности государя и государства.

Они вошли в дом, и слуга тотчас проводил их к Николаю. Один из них держался тихо и почтительно, в то время как другой, узколицый, с неряшливой копной сальных черных волос, смотрел на князя с еле скрываемой издевкой.

— Князь Николай Дмитриевич, — произнес узколицый, — меня зовут Владимир Нечеретов, а моего спутника — Ермаков. Мы посланы из Тайного приказа в связи с известным происшествием на праздничном балу...

— Да, знаю. — Николай протянул руку к серебряному подносу с водкой. — Не хотите ли выпить?

Нечеретов не отказался:

— Благодарю вас, ваша светлость.

Николай неторопливо налил два стакана водки и, кивнув обоим сыскным, отхлебнул из своего.

Нечеретов оценивающе поглядел на Николая.

— Ваша светлость, мы явились, чтобы поговорить с княгиней Емелией Васильевной.

— Вам нет нужды с ней встречаться.

— Есть нужда, и великая, — настаивал Нечеретов, — Поступил донос, что она сегодня в присутствии государя произносила изменнические речи. А происхождение ее также весьма подозрительное...

— Она не представляет угрозы царю или кому бы то ни было, — прервал его Николай с вежливой улыбкой. — Красивая женщина, но не слишком разумная. Понимаете ли, она простая крестьянка, своих мнений и взглядов не имеющая. Боюсь, она неосмысленно

повторила подслушанные слова. По всей справедливости вам следует задержать истинного виновника.

— Кто же это, ваша светлость?

С лица Николая исчезла улыбка.

— Я, — без обиняков ответил он. — Даже простые расспросы докажут, что у меня вышла размолвка с государем. Всем известно, что из России вытянуты все соки ради царского престижа. Я осмелился объявить об этом прямо в присутствии государя.

Нечеретов внимательно посмотрел на него и допил свою водку.

— Нам все равно нужно допросить вашу супругу, ваша светлость.

— Вы зря потратите время. — Николай небрежно вытащил из кармана черный бархатный кисет и слегка подкинул на ладони, демонстрируя его тяжесть. — Уверен, что вы человек весьма влиятельный. Надеюсь, вы сможете устроить так, чтобы о ней забыли.

Приняв из рук Николая кисет, Нечеретов открыл его и наклонил над ладонью, высыпав на нее часть содержимого. В кисете оказались алмазы чистой воды размером в пятнадцать — двадцать каратов и более того. Многие из них были ограненными. Они представляли собой огромное состояние. Алмазы сверкали в глубокой горсти Нечеретова, как озерцо белого огня. Николай с трудом удержался от язвительной усмешки, когда оба сыскных прерывисто задышали.

Нечеретов тихо проговорил:

— Коль скоро она всего-навсего тупая крестьянка, ее и в самом деле нечего допрашивать.

— Рад, что мы сходимся во мнении. Нечеретов посмотрел прямо ему в глаза.

— Но, отведя подозрения от супруги, вы приняли всю вину на себя, и теперь мы обязаны доставить вас в Кремль для допроса.

— Разумеется. — И несмотря на ожидавшую его верную гибель, Николай вздохнул с облегчением.

Уже три дня Николай находился в Беклемишевской башне Кремля — древней твердыни на Москве-реке. В каменной крепости было холодно и мрачно. Николай видел свое дыхание в стылом воздухе камеры. Как ни странно, никто не приходил допросить его. Он сидел в тишине и ждал. Два раза в день ему давали воду и плошку заваренной мучной болтушки. В камере не было ни тюфяка, ни даже кучки соломы. Двое сокамерников Николая сидели на полу с пустыми глазами, безучастными лицами и не откликались на вопросы. Они не называли своих имен, предпочитали молчать, и только раз кто-то из них отозвался на слова князя о том, что им могли бы дать по крайней мере одеяла.

— Нам ничего не полагается, — невыразительным голосом пробормотал он. — Проступки бояр судят строже, чем бунт простолюдина, потому что от высших царь ждет большей преданности.

Другой молчал, он был явно болен. Сырой холодный воздух камеры на глазах ухудшал его состояние, вызывая тяжкий кашель и сильную лихорадку. На третий день их обоих увели,

и больше они не вернулись.

Николай, слушая далекие крики пытаемых, нечеловеческий, болезненный вой, задумался, не кричит ли это кто-то из его бывших сокамерников.

Он начал вспоминать, как его пытали в девятнадцатом веке, и впервые за все время испугался. Покорность судьбе покидала его. Ему не пройти снова через этот ад. Телесные увечья зажили, раны зарубцевались, но душевные страдания... Нет, он не вынесет этого снова. Скорчившись на голом полу, Николай уперся спиной в холодную стену. Никогда еще не чувствовал он себя таким одиноким.

Прошел еще день или два, и он понял, что заболел. Его трясло, голова горела, мысли путались. Все стало бессмысленным. Обхватив себя руками, чтобы унять дрожь, он то ли проваливался в беспамятство, то ли засыпал... и наконец позволил себе заплакать. В бреду являлись ему видения: Тася... его отец... Джейкоб... Миша, его покойный брат, смотревший на него с тоскливым укором... Он прятал от них глаза, не хотел смотреть, звал Емелию... Эмму... но они не приходили. Николай говорил видениям, что скоро умрет, что хочет увидеть жену, положить голову ей на колени и заснуть навеки...

Однажды в момент просветления Николая навестил нежданный гость: к нему пожаловал царь Петр собственной персоной. Съездившись в углу, Николай безучастно наблюдал за гигантской фигурой, возникшей на пороге мрачной, вонючей темницы.

— Николай, — обратился к нему Петр, и его бас гулко отразился от голых каменных стен, — мне сказали, что ты болен, и я решил навестить тебя.

— Зачем? — хрипло спросил Николай, еле выдавливая слова через потрескавшиеся губы.

Петр смотрел на него, как родитель на блудного сына.

— Я хотел лично убедиться, можно ли пробудить в тебе здравый смысл. Это не похоже на тебя, Николай. Несколько месяцев ты был сам не свой. Любовь, которую ты питал ко мне, твоя глубокая преданность... куда они делись?

Николай отвернул лицо, не трудясь отвечать.

— Ты позволил бабе погубить себя, — тихо продолжал Петр. — Простая крестьянская девка! Она отвратила тебя от меня, приворожила к себе каким-то заклятием. Иначе ей не удалось бы вытеснить из твоего сердца все, что ты ранее любил и почитал.

Жестокий приступ лихорадки сотряс Николая, и он еще больше вжался в угол.

— Я никогда никого... и ничего... не любил... до нее.

Царь вздохнул и присел рядом с ним на корточки.

— А теперь она довела тебя до гибели. Разве от добра придет такое унижение и разорение?

— Я не предавал вас, — промолвил Николай.

— Пока нет, но семена измены уже посеяны. Я должен быть самым главным в твоей жизни, только я, и никто кроме! Даже не Всевышний! Именно это необходимо мне, чтобы переделать Россию. — Петр пристально вглядывался в лицо Николая. — Даже теперь, — незлобиво продолжал он, — ты одно из самых прекрасных божьих творений, какое я когда-либо видел... Тебе было дано так много, Николай. Неужели тебе суждено прийти к ужасному концу?

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал Николай и зашелся в приступе отчаянного кашля. На губах его показалась кровь.

Огромная, похожая на лапу ладонь Петра ласково легла ему на лоб, пригладила волосы,

словно балуя любимого зверька.

— Я готов, Николай, еще раз предоставить тебе возможность выжить и вернуть мое расположение. Я все тебе прощу, если ты докажешь мне свою преданность.

Николай устало перевел на него воспаленные глаза.

— Что мне для этого придется сделать?

— Расторгни свой брак с Емелией, заставь ее принять постриг. Отошли от себя навсегда и больше с ней не встречайся. Можешь выбрать себе любую другую подходящую жену. Вернись к той жизни, которую вел раньше, и посвяти себя служению своему государю. Обещай мне все это, и я сию же минуту велю выпустить тебя отсюда. Я прикажу своему личному лекарю ухаживать за тобой, пока ты не поправишься.

Николай ответил слабой улыбкой.

— Я не смогу держаться вдалеке от нее, — прохрипел он. — Знать, что она где-то рядом... и не иметь возможности увидеть ее, коснуться ее... — Он покачал головой. — Нет! — Он снова закашлялся, внутри все горело огнем.

Петр отдернул руку и встал, яростно сверкнув глазами.

— Мне жаль, что ты так мало ценишь свою жизнь. Я ошибся в тебе. Ты выбрал не жизнь для царя, а измену и смерть. Так не жди теперь ни жалости, ни пощады!

— Любовь... — прошептал Николай, опуская голову. — Я выбираю любовь.

Он вновь впал в беспамятство, к счастью, до того, как его пришли допрашивать. Он замерзал, тело коченело, кровь стыла... Но возникавшие в камере призрачные фигуры не откликались на его мольбы дать ему плащ, одеяло, огня, чтобы хоть немного согреться. Он вспоминал, как прижималось к нему гибкое тело жены, как укрывали волны ее пышных огненных кудрей.

— Емелия, мне холодно! — пытался он докричаться до нее, но она мелькнула и исчезла, не услышав его зова.

Его трясло. Образы сказок его детства заполнили камеру: чудища, оборотни, ведьмы, красно-золотая жар-птица... Она взмахнула крыльями и превратилась в Эмму. Хохолок на макушке преобразился в сверкающие красно-коричневые кудри, обрамляющие милое лицо. Николай потянулся к ней, но она отшатнулась от него.

— Эмма, не покидай меня, — напрасно умолял он, но она таяла, уплывала прочь. Тщетно он просил ее:

— Эмма... ты нужна мне!

Время закружилось, завертелось водоворотом, недостижимым для просьб и молитв. Он почувствовал, как жизнь покидает его и наступающая тьма поглощает уходящее сознание, мысли, память, как все тонет в ее бездонной глубине...

Часть четвертая

*Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.*

А. С. Пушкин

— Ник! Ник! Открой глаза!

Он невнятно забормотал, желая снова погрузиться в уютную темноту. Но голос, нетерпеливый и тревожный, тянул его на свет, извлекая из глубокого сна. Сморщившись, он протер глаза и, шурясь, приоткрыл их. Оказалось, что он лежит, распростершись на постели, а рядом, на краешке кровати, сидит его жена.

Он был жив... и она была здесь же, яркая и красивая, как всегда.

— Емелия, — выдохнул он, пытаясь приподняться и сесть. Множество вопросов теснилось у него в голове, и он скороговоркой начал было их задавать.

— Не так быстро! Передохни минутку. — Эмма склонилась над ним и, окинув странным взглядом, приложила к его губам тонкий палец. — Ты говоришь по-русски. Но ты же знаешь, что я едва понимаю одно-два слова.

Он озадаченно замолчал, пытаясь сообразить, как спросить по-английски то, что его интересовало.

— Я думал, что никогда больше не увижу тебя снова, — наконец хрипло произнес он.

— Я и сама начала сомневаться, — сухохато откликнулась Эмма. — Поначалу я решила, что ты притворяешься... пока не брызнула тебе в лицо холодной водой. Но когда это тебя не оживило, мне пришлось послать за доктором. Он еще не приехал. — Она склонилась ближе и положила ему на лоб прохладную ладонь. — С тобой все в порядке? Голова не болит?

Николай ничего не мог ответить. Все его внимание было устремлено на нее. Его переполняли непривычные отчаянные порывы: он жаждал схватить ее в объятия и излить ей душу, но тогда она сочтет, что он сошел с ума.

Эмма медленно убрала руку с его лица.

— Почему ты на меня так уставился?

Николай оторвал от нее взгляд и осмотрел комнату.

Его спальня выглядела так же, как всегда: резная темная мебель, панели из красного дерева на стенах.

Неподалеку стоял Роберт Соме, худощавое лицо его было встревоженным. Он улыбнулся Николаю:

— Мы беспокоились о вас, ваша светлость.

Николай растерянно заморгал и вновь перевел глаза на Эмму:

— Что со мной случилось?

Эмма пожала плечами.

— Я знаю лишь, что ты рассматривал портрет, который реставрировал мистер Сомс... Тот, поразительно на тебя похожий. И вдруг ты ужасно побледнел и потерял сознание. Мистер Сомс был так любезен, что помог мне со слугами перенести тебя наверх. Ты был в беспмятстве не меньше часа.

— Одного часа? — ошеломленно повторил Николай. Опустив глаза, он увидел, что рубашка на нем расстегнута до пояса.

— Ты почти не дышал, — покраснев, объяснила Эмма.

Еще не вполне придя в себя, Николай провел ладонями по груди и ощутил под пальцами привычные рубцы. Он потер их, убеждаясь, что они существуют на самом деле. Роберт Соме отвернулся, явно испытывая неловкость при виде шрамов.

— Наверное, мне лучше оставить вас наедине, — сказал он, пятясь к двери.

— В этом нет нужды... — начала было Эмма и, когда Соме все-таки вышел, подняла глаза к небу. Горькая усмешка искривила ее губы. — Как будто нам может понадобиться интимная обстановка, — пробормотала она.

В голове Николая хороводом проносились, сменяя друг друга, образы и слова. Прошрое и настоящее смешались.

Переполненный любовью к Эмме, жадной ее близости, он потянулся к ней. Она резко отпрянула.

— Не прикасайся ко мне, — низким голосом проговорила она вставая. — Теперь я вижу, что с тобой все хорошо и ты можешь сам дожидаться врача. Я должна идти, у меня много дел. Налить тебе воды?

Она налила из фарфорового кувшина в хрустальный стакан воды и подала ему. Пальцы их на мгновение соприкоснулись, и Николай почувствовал, как по нему пробежала теплая дрожь. Он выпил, жадно захлебываясь, прохладную воду и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ты вроде не в своей тарелке, — заметила Эмма. — Возможно, это все из-за неумеренного возлияния? Рано или поздно такое должно было случиться. При том, сколько ты пьешь, удивляюсь, что это не произошло раньше... — Она замолчала, заметив, что Николай не сводит глаз с висевшей в углу иконы. — В чем дело? Что происходит?

Медленно отставив стакан, Николай поднялся с постели и, пошатываясь, направился к образу Ильи-пророка. С восемнадцатого века икона была покрыта окладом, усаженным драгоценными камнями.

Николай провел пальцами по открытой части иконы, подцепил ногтями одну из золотых пластин оклада и отогнул ее, не обращая внимания на растерянные возгласы Эммы. Зажав в кулаке пластину, он впился взглядом в изображение.

По краю алого облака шла резкая царапина... царапина, которую сделал он сто семьдесят лет назад! Николай провел по ней указательным пальцем и почувствовал, как по щеке его поползла горячая жгучая слеза.

— Это был не сон, — вдруг севшим голосом произнес он.

Эмма стала у него за спиной.

— Почему ты так странно себя ведешь? — требовательно спросила она. — Почему обдираешь икону? Почему?... — Она захлебнулась словами и смолкла, когда он повернулся к ней. — Господи, — прошептала она, попятившись. — Что с тобой происходит?

— Останься со мной. — Николай не глядя уронил на пол оторванную золотую пластину и направился к ней медленно-медленно, словно боясь, что быстрое движение ее спугнет и она бросится прочь. — Эмма... есть нечто, о чем я обязан тебе рассказать.

— Мне не интересны никакие твои рассказы, — резко оборвала она его. — После того что я сегодня выяснила... как ты загубил мои отношения с Адамом и разрушил всю мою жизнь...

— Мне очень жаль.

Эмма потрясла головой, как будто плохо его расслышала.

— Что?! Ну и ну! Впервые слышу, чтобы ты просил извинения. Такого еще не бывало. И ты считаешь, этого достаточно, чтобы уладить все, что ты со мной сотворил?

Он мучительно искал слова:

— Со мной кое-что произошло. Не знаю, как объяснить, чтобы ты поняла... Я никогда не говорил тебе правды о моих чувствах к тебе. Не хотел их признавать. А когда они стали слишком сильными, и я уже не мог с ними справиться, то постарался причинить тебе боль... чтобы ты держалась на расстоянии...

— Значит, ты именно поэтому спал с другими женщинами? — с язвительным презрением спросила она. — Потому, что твои чувства ко мне были чересчур сильными?

От глубокого стыда Николай не мог смотреть ей в глаза.

— Я больше никогда так не поступлю, Эмма. Никогда...

— Мне все равно, что ты будешь делать и как себя вести. Хоть каждую ночь спи с разными женщинами. Мне наплевать! Только оставь меня в покое.

— Мне не нужны никакие другие!.. — Николай схватил ее в объятия, прежде чем она успела увернуться.

Поразительная яростная радость овладела им, когда он вновь с невольной свирепостью сжал ее податливое тело. Эмма застыла, словно одеревенев, отвергая его своей безучастностью.

— Я заставлю тебя забыть все плохое, что я натворил, — произнес Николай. — Клянусь, я сделаю тебя счастливой... Только дай мне попытаться. Я хочу лишь одного — любить тебя! Тебе даже не надо отвечать мне любовью.

Эмма оцепенела: слова его отдались в ней эхом чего-то далекого и забытого.

— Что ты сказал? — слабым голосом переспросила она, начиная дрожать.

Отбросив всякую гордость и осторожность, он положил свое сердце к ее ногам.

— Тебе надо узнать правду. Я давно люблю тебя, Эмма. Я сделаю для тебя все, даже отдам за тебя жизнь...

Эмма вырвалась из его рук, дрожащая и разгневанная.

— Что, ради Господа Бога, ты пытаешься мне внушить? Хочешь свести меня с ума?... На протяжении многих дней и ночей ты доказывал мне, какой ты бессердечный негодяй... И вдруг падаешь в обморок перед картиной, а придя в себя, объявляешь, что я — любовь всей твоей жизни!.. Что за извращенную игру ты затеял?

— Это не игра.

— Ты не способен на любовь. Ты всегда заботился только о себе...

— В прошлом так и было. Но теперь все иначе. Теперь я наконец понял, что...

— Не смей лгать, что вдруг изменился! Только глупец поверит подобным словам из уст человека, отвергшего собственного ребенка.

Николай дернулся как от удара.

— Я собираюсь стать Джейкобу настоящим отцом, — мрачно заявил он, — хорошим отцом. Он будет жить счастливо и благополучно до конца своих дней...

— Хватит! — Лицо Эммы пылало от ярости. — Я и помыслить не могла, что в тебе столько мерзости. Одно дело — обманывать пустыми обещаниями меня, но лгать маленькому мальчику, внушать ему, что ты его любишь... Ты искалечишь ему душу!

— Я действительно его люблю.

— Ты бросил его на произвол судьбы так же, как всегда поступал со всеми. А я потом не смогу ничем ему помочь! О, мужчины — такие бессовестные, трусливые лгуны! Сначала

вы заставляете поверить, что на вас можно положиться, а потом без оглядки бросаете поверивших. Нет, я не дам тебе возможности предать таким образом меня и Джейка... Я этого не допущу.

— Отныне ты можешь на меня положиться. Я докажу это тебе тысячу раз. — Николай поднес к губам ее напрягшуюся руку и прижался к стиснутому кулачку. — Я никогда больше не причиню тебе горя. Поверь мне!

Эмма пристально вглядывалась в его глаза, и от того, что она в них увидела, у нее перехватило дыхание. Вывернувшись из его рук, она отбежала в другой конец спальни.

— Будь ты проклят, — простонала она и, хлопнув дверью, выскочила из комнаты.

В своей маленькой гостиной Эмма сжалась на кушетке, обхватив руками колени. От набежавших вопросов голова ее шла кругом. Да, у Николая нельзя было отнять способности снова и снова удивлять. Но такого... такой насмешки, такой издевки он еще себе не позволял! Сейчас он пытается убедить ее в том, что любит. Но не пройдет и дня, как он в очередной раз обидит и унизит. Что за гадкий характер!

Но глаза!.. В его глазах была такая странная... уязвимость. Что, ради всего святого, с ним произошло? Она вновь вызвала в памяти сцену в библиотеке: только что Николай надменно стоял посреди комнаты, а в следующее мгновение, увидев портрет своего предка, упал, потеряв сознание.

— Похоже на апоплексический удар, — сказал Роберт Соме, опустившись вместе с Эммой около него на колени.

— Но он еще так молод!.. — воскликнула она, кладя голову Николая к себе на колени. — О Боже, может быть, это вызвано его привычкой выпивать. Пожалуйста, пошлите за доктором! — Она бережно пристроила поудобнее его голову и пригладила словно выгоревшие на солнце волосы.

Слуги помогли перенести князя в спальню. Эмма не оставляла его ни на минуту. Она себя не понимала, не была уверена, из-за чего так испугалась. В конце концов нельзя было назвать их брак настоящим. Они не любили друг друга. И все же, когда он наконец открыл глаза, она испытала огромное облегчение.

Во время этого "мертвого" сна произошло нечто необъяснимое. Придя в сознание, Николай повел себя весьма странно. Он заявил, что любит ее. Она засмеялась недоверчиво и почувствовала, что еще секунда — и она зарыдает.

"Клянусь, я сделаю тебя счастливой... Только дай мне попытаться. Я хочу лишь одного — любить тебя! Тебе даже не надо отвечать мне любовью". Эти слова невероятно потрясли ее. У Николая был особый дар — проникать сквозь любую защиту. Особенно это касалось ее.

— А ведь Тася меня предупреждала, каков ты, — тихо промолвила Эмма. — Она говорила, что ты станешь лгать, и манипулировать мной, и изменять мне. Она была права. Что ж, я положу конец твоим играм, Ник. Ради Джейкоба и ради себя самой.

Она направилась в спальню Николая и, расправив плечи, вошла в приоткрытую дверь.

Доктор Уэйд, задумчивый седой человечек в очках, убирал инструменты в медицинский саквояж.

— Как он? — коротко поинтересовалась Эмма прямо с порога.

— Видите ли, ваша светлость, — негромко ответил доктор, с улыбкой подходя поцеловать ей руку, — по тому, с какой спешкой меня сюда вызвали, я ожидал увидеть князя на смертном одре. Однако ваш супруг выглядит отлично и здоровье его вроде бы в полном порядке. Я ничего плохого не обнаружил.

— Что же могло стать причиной его обморока? — нахмурилась она. — Он ведь был без сознания около часа.

Доктор покачал головой:

— Я не смог найти никакой видимой физической причины этого.

— Но он не разыгрывает болезнь! — настаивала Эмма. — Я делала все возможное, только что булавками не колола, чтобы привести его в чувство.

— Есть много непонятного в деятельности мозга, — ответил доктор Уэйд. — Как я понял, обморок князя Николая был вызван видом некоего портрета. Можно предположить, что этот портрет напомнил ему какие-то мучительные события его прошлого.

Эмма оценивающе посмотрела на мужа. Его лицо было замкнутым, бесстрастным и, пожалуй, загадочным. Она почувствовала его нетерпеливое желание, чтобы врач поскорее удалился.

— Мучительные события, — пробормотала она. — Что ж, их в твоей жизни хватало... Не так ли?

Николай сосредоточенно застегивал рубашку.

— Больше это не повторится.

— Пожалуйста, сообщите мне, если все-таки это случится вновь, — сказал доктор Уэйд. — А до тех пор примите мои наилучшие пожелания.

— Я провожу вас, — вежливо наклонила голову Эмма. Доктор покачал головой.

— Пожалуйста, оставайтесь с супругом, ваша светлость. Я, кажется, хорошо знаю дорогу в этом доме. — И он, подмигнув ей, удалился.

Скрестив руки на груди, Эмма посмотрела на мужа.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Вовсе не было нужды вызывать врача.

— Небольшой медицинский осмотр еще никому не вредил.

Николай фыркнул:

— Подожди, пока тебя не начнут тыкать то в живот, то под ребра.

Он поднялся, заправляя в брюки рубашку.

Эмма переступила с ноги на ногу, испытывая неловкость от того, что присутствует при его одевании.

— Я пришла, чтобы предупредить тебя, — сухо проговорила она. — Вероятно, я вскоре уеду отсюда и заберу с собой Джейка.

Он вскинул глаза, взгляд его внезапно стал пронзительным. Хотя он не произнес ни слова, но выражение лица и вся его фигура выражали резкое неприятие ее намерения.

— Я еще не приняла окончательного решения, — твердо, но сдержанно продолжала Эмма. — Однако в первую же секунду, как только почувствую, что ты вредишь Джейку, я увезу его отсюда.

— Только попробуй, — негромко произнес Николай. — Увидишь, что произойдет. —

Он говорил небрежным тоном, но так, что у нее мурашки побежали по коже. — Вы останетесь здесь. Джейк — мой сын. А ты — моя жена.

— Ну конечно... Всемогуший князь Николай так сказал! — с издевкой почти пропела она. — Может, кто-то тебя и боится, но не я. Я — не беспомощное, бессловесное существо, которое можно запугать и заставить выполнять твои приказы. Ты не можешь принудить меня оставаться здесь с тобой.

— Я могу принудить тебя захотеть этого.

Столько было в нем надменной, властной силы, упрямой и цельной, что у Эммы захватило дух. Она ничего не ответила, хотя он явно этого ждал, не стала спрашивать, зачем ему это, не попыталась вступить в пререкания. Она предпочла отступить, пробормотав:

— Я сообщила тебе свои намерения.

После такой заключительной фразы ей следовало быстро удалиться, но Николай приблизился и навис над ней, пугая своей мощью. Для женщины, привыкшей играть с тиграми и другими дикими зверями, ощущение физического страха было крайне непривычным.

— Прежде чем ты уйдешь, — продолжал Николай, — позволь сообщить тебе о моих намерениях. Я собираюсь вскоре вернуться в твою постель. Собираюсь стать тебе таким мужем, каким обязывался быть перед Богом.

— И не надейся!

— Я не позволю тебе покинуть меня. Ты слишком мне нужна.

Он никогда раньше не был таким — прямым, ошеломляюще искренним, откровенно выражающим свои чувства. И этим он пугал ее гораздо больше, чем прежней равнодушной небрежностью.

— Тебе не нужен никто, — с трудом произнесла она.

— Это не правда. Посмотри внимательнее, Эмма. Посмотри на меня и скажи, что ты видишь.

У нее не было сил повиноваться. Она слишком боялась того, что может прочесть в его глазах. Нагнув голову, она бочком протиснулась мимо него к двери и бросилась опрометью прочь. Слава Богу, он не стал ее задерживать, хотя она ощущала на себе его жаркий взгляд, пока не завернула за угол, скрывшись из виду.

Несколько минут Николай оставался один. Ему хотелось выпить чего-нибудь крепкого и бодрящего, но он сдержался. Больше он не будет затуманивать голову алкоголем, не будет заглушать спиртным свои эмоции и наслаждаться приятной пьяной дремотой. Ему нужно сохранять ясность мысли. Он ненавидел мрачное одиночество, на которое сам себя обрек. А еще ему было невыносимо видеть враждебность на лице Эммы. О, если бы она могла вернуть ему прежнее понимание и доверие! Он должен найти способ заставить ее вновь полюбить его.

— Емелия! — с тоской прошептал он, отчаянно желая узнать, что случилось с ней. Что довелось ей испытать после его смерти? Страдала ли она? Нашла ли в чем-то утешение? Был

ли в ее жизни другой мужчина? Мысль об этом наполнила его душу жгучей ревностью. Ему необходимо все это узнать! Иначе вопросы без ответов сведут его с ума.

Он отправился в библиотеку и начал рыться в старинных книгах и рукописях, разыскивая хоть какие-то обрывки сведений. Но в них ничего не было о судьбе Емелии Васильевны и крайне мало — об их сыне Алексее.

В одной из семейных хроник упоминалось, что в Москве внезапно объявился молодой человек Алексей Ангеловский, который провел детство в какой-то далекой, затерянной деревне. Судя по всему, он прожил благополучную жизнь, приумножая богатства и земельные владения семьи. В этом ему помогла продолжительная связь с императрицей Елизаветой. Князь Алексей Ангеловский прославился как человек образованный и обаятельный, покровитель искусств, сам игравший на скрипке. Со временем он женился и произвел на свет двоих детей, которые дожили до совершеннолетия. Но как же обстояло дело с его матерью? Что стало с Емелией?

С проклятием Николай оттолкнул от себя книги. Он наймет историка, пошлет его в Россию! с кучей переводчиков, если нужно, чтобы тот провел разыскания. Опершись локтями на письменный стол, он запустил пальцы в густые волосы и застонал. Наверное, он сошел с ума, если отчаянно стремится узнать историю женщины, жившей полтора столетия назад. Неужели все это случилось на самом деле? Может ли царапина на иконе Ильи-пророка быть простым совпадением? Возможно, это фантазии воспаленного мозга, стремящегося отвлечь его от крушения нынешней жизни?

Внезапно Николай вскочил и стремительно направился в детскую. Ему необходимо было увидеть Джейкоба, наладить отношения с сыном. Бог даст, мальчик простит, что он его бросил. Чем выше Николай поднимался по ступенькам, тем медленнее становились его шаги. Он должен был признаться себе со всей откровенностью, что испытывал страх перед собственным сыном. Он не имел ни малейшего представления, что значит быть отцом. Его отец был мерзким, злобным чудовищем. Воспоминания о детстве были мучительны и ужасны. Страшила возможность увидеть даже намек на нечто подобное в глазах сына. Он не хотел причинять боли Джейкобу и все же причинил.

— Я отрекся от него, пренебрегал им, — пробормотал Николай себе под нос. — Видит Бог, хуже родителя найти трудно.

О чем станет он разговаривать с малышом? Сумеет ли объяснить Джейкобу, что отныне тот может положиться на него как на отца? Теперь ему казалось невероятным, что он на самом деле собирался отослать мальчика прочь. Тогда он не позволял себе полюбить ребенка, но теперь ему хотелось заботиться о Джейкобе, дать ему все, что мальчик только пожелает. В мире столько удовольствий, которые он с радостью предоставит сыну. Он повезет его в обширное поместье на юге, где они будут собирать ракушки на берегу и строить замки из песка. Или покажет ему свой замок в Ирландии, где они смогут скакать по пустошам, устраивать пикники, удить рыбу и плавать в речках. Или возьмет Джейкоба на одну из своих яхт и научит его ходить под парусом. Или поведет на охоту в одном из своих дальних поместий...

"Я мог давно сделать для него все это, — горестно подумал Николай. — Мог дать ему счастливое детство, а вместо этого отвернулся от него".

Он медленно поднялся по лестнице и подошел к детской. Нерешительно помедлив у полуотворенной двери, он, прежде чем войти, постучался.

Джейкоб сидел прямо на голом полу, окруженный какими-то обломками и дребеденью:

небольшой кухонный горшочек, разные камешки, ветка дерева, деревяшка, обточенная в виде медведя... Николай угадал в фигурке изделие кучера, который любил в свободное время резать по дереву. Мысль о том, что кто-то из слуг позаботился об игрушке для малыша, в то время как он сам ничего ему не дал, заставила сердце Николая сжаться. Он окинул детскую внимательным взглядом. Комнатой давно не пользовались, и она была обставлена скудно: кроме маленькой кровати, старого сундука и облупившейся лошадки-качалки, в ней ничего не было.

Джейкоб с любопытством посмотрел на князя точно такими же, как у него, глазами.

"Как он напоминает мне Мишу", — подумал Николай, и его пронзила мучительная боль. Однако каким-то образом ему удалось улыбнуться.

— Привет, Джейк, — спокойно произнес он. — Я решил навестить тебя. Не помешал?

Мальчик кивнул и продолжал играть с деревянным медвежонком.

— Ты знаешь, что медведь у русских любимый зверь? — заметил Николай, садясь по-турецки на пол рядом с сыном. — В древности мы поклонялись медведю, как божеству. У нас есть суеверие, что присутствие медведя отгоняет злых духов.

Джейкоб с интересом посмотрел на резную игрушку, а затем подтолкнул к Николаю горшочек.

— А как насчет лягушек?

Приподняв краешек кисеи, накрывавшей горшочек, Николай увидел, что в него на полдюйма налита водой и на дне крупный плоский камень для удобства блестящей оливковой лягушки. Николай улыбнулся и ловко подхватил ее так, что она быстро задергала лапками.

— Прекрасный экземпляр, — кивнул он, окидывая ее одобрительным взглядом. — Где ты ее отловил?

— Вчера в пруду. Эмма мне помогала.

— Меня это не удивляет, — усмехнулся уголком рта Николай и вернул лягушку на место. Он с удовольствием полюбовался бы на то, как его жена, вздымая брызги, прыгает за лягушкой в безукоризненной формы пруд его регулярного французского парка.

— Эмма говорит, что я должен сегодня вечером выпустить ее обратно.

— Ты очень любишь Эмму, правда?

Джейкоб кивнул, аккуратно прикрывая кисеей горшочек, чтобы лягушка не выпрыгнула, и тревожно поглядел на Николая.

— Вы сегодня заболели? Я видел, как вы упали на пол.

— Со мной теперь все в порядке, — твердо ответил Николай. — Я чувствую себя лучше, чем когда-либо. — В молчании он прошелся по комнате и недовольно покачал головой. — Тебе, Джейк, нужны игрушки... Книжки, игры, не говоря уж о мебели.

Он подошел к сундучку и приподнял скрипучую крышку. Там лежали несколько выцветших книжек на русском, коробочка с игральными картами и старая деревянная шкатулка, вся в царапинах и зарубках. Слабая улыбка изогнула его губы, когда он вытащил тяжелую гремющую шкатулку из сундучка.

— Я не видел ее, наверное, с твоих лет.

Под заинтересованным взглядом Джейка Николай распутал кожаный шнурок, обмотанный вокруг шкатулки. Внутри лежали две полные армии раскрашенных оловянных солдатиков и складная лакированная доска. В разложенном виде она представляла собой поле сражения. Это был полный набор солдатиков для разыгрывания Крымской войны — с

пушками, лошадьми, провиантскими фурами и крохотным мостом.

— Вот это англичане, — объяснил Николай, беря в руки фигурку в красном мундире, — а в синем — русские. Мы играли в солдатиков с братом Мишей. На самом деле эту войну выиграли англичане, но в наших с Мишей играх всегда побеждали русские. — Он передал солдатика Джейкобу. — Теперь они твои.

Джейкоб внимательно разглядывал фигурку за фигуркой.

— Вы сыграете со мной? — попросил он. — Можете быть англичанином.

Николай заулыбался и помог сыну расставить на поле битвы солдат и артиллерию. Он часто посматривал на ребенка, гордясь, что такой красивый и крепкий малыш — его сын. У него тонкие черты лица, пушистые ресницы и густые брови вразлет. Внешность его была несколько экзотической: сказывалась примесь татарской крови, от которой Ангеловские получили в наследство и свое упрямство, и железную волю.

— Джейк, — тихо проговорил Николай, — есть нечто важное, о чем я хочу тебе сказать.

Мальчик поднял на него глаза, слишком крепко стиснув в руке игрушечного коня, словно страшась того, что скажет ему Николай.

— Я очень сожалею о смерти твоей матери, — медленно продолжал князь. — Мне следовало сказать тебе это раньше. Я понимаю, как трудно тебе пришлось. Но теперь ты здесь, со мной, и я хочу, чтобы мы вместе проводили время и лучше узнали друг друга. А еще... больше всего на свете я хочу, чтобы ты с этих пор жил со мной.

— Всегда?

— Всегда.

— Значит, вы не станете никуда меня отсылать?

Николай с трудом сглотнул.

— Нет, Джейк. Ты — мой сын.

— Значит, я больше не буду ублюдком?

Гадкое слово потрясло Николая, вызвало в нем жгучее раскаяние... и ярость.

— Кто тебя так назвал?

— Люди в деревне.

Николай на миг замолк, затем протянул руку и чуть подрагивающими пальцами пригладил взъерошенные черные волосики сына.

— Так говорят потому, что я не был женат на твоей матери. Ты в этом не виноват, Джейк. Я должен был о тебе позаботиться. Если кто-то еще раз обзовет тебя ублюдком, скажешь, что ты — Ангеловский, русский князь. У тебя будет все самое лучшее: образование, дом, чистокровные лошади... И будь прокляты те, кто скажет, что я тебя балую.

Внимательно слушая эту пылкую речь, мальчик всматривался в князя пронзительными янтарными глазами.

— Почему ты не приехал за мной? — наконец спросил он тихим голосом. — Почему мама ничего мне о тебе не рассказывала?

— Я... — Николаю потребовалось собрать всю силу воли, чтобы прямо встретить взгляд ребенка и честно ответить ему:

— Я в своей жизни допустил много ошибок, Джейк. Был злым и себялюбивым, доставил много страданий всем окружающим. Но обещаю, что постараюсь быть хорошим отцом. Я отдам тебе все лучшее, что есть во мне!

Как- то утром Эмма отправилась на верховую прогулку. Она промчалась по деревне, не обращая внимания на ошеломленные взгляды ее обитателей. Прекрасно понимая, что представляет собой странное зрелище: рыжая ведьма, амазонка на бешеном коне, несущаяся так, словно дьявол гонится за ней по пятам, она тем не менее не огорчалась. Это был для нее единственный способ снять напряжение.

Она скакала, пока конь не притомился, а потом повернула назад, в поместье Ангеловских. Скачка помогла, но это было временное утешение. По сути дела, она сейчас жила с незнакомцем. Он выглядел, как Николай, двигался и разговаривал, как он, но никто не мог бы отрицать, что он совершенно изменился. Она не знала, почему или из-за чего произошла эта перемена, и тайна происшедшего несказанно ее раздражала. Две недели прошло с его обморока, а он все еще не проявлял никаких признаков возврата к прежнему Николаю. Слуги едва могли выполнять свою работу, так сильно их изумляло преобразование хозяина.

Начать с того, что Николай стал меньше заниматься своими делами и все больше времени проводил с Джейком. Под его любящим вниманием мальчик расцветал на глазах. Николай брал сына с собой повсюду — на прогулки по Лондону и его паркам, на лесопилку; они вместе посещали конюшни и другие места, которые интересовали Джейка. Мальчик ел теперь не в одиночестве, а вместе с Николаем и Эммой в главной столовой. Когда Николай работал за письменным столом в библиотеке, Джейк сидел поблизости с кучей игрушек. Самым же удивительным было то, что князь перестал пить, за исключением разве что редкого стакана вина после обеда.

Он каждый раз приглашал Эмму участвовать в их экскурсиях, но та большей частью отказывалась. Ее озадачивало происходящее, но она старалась, как могла, справиться с новыми порядками, которые завел Николай в их доме. Он купил для Джейка черного пони с лоснящейся шерстью и назвал его Русланом по имени любимого героя сказки Пушкина. К пони он прикупил лакированный детский экипаж, а детскую заполнил всевозможными игрушками, не говоря уж о новой мебели. Каждый вечер в гостиной он играл с сыном в карты или настольные игры.

Эмма сердито наблюдала, как быстро Джейкоб привязался к Николаю. Дети так легковерны. Между отцом и сыном установилась особая связь, пока еще хрупкая, основанная на их внутреннем сходстве. Оба были независимы, проницательны, настороженны по отношению к внешнему миру. Оба страстно хотели неизменности их нынешней жизни и уверенности в завтрашнем дне. И казалось, они нашли все это друг в друге.

Последнее время Николай начал подыскивать мальчику няньку и гувернера, советуясь при этом с Джейком, что всех причастных лиц оскорбляло или забавляло. Взрослые никогда не интересовались мнением детей, разве что по самым незначительным вопросам, но Николай подобных воззрений не разделял. Джейк купался в радостях новой жизни, смеялся, орал, с каждым днем становясь все более непослушным. Но он был так мил, что никто на него не жаловался. Наконец Эмма решила призвать Джейка к порядку.

После того как его в десять вечера уложили спать, она обратилась к Николаю.

— Я хочу обратить твое внимание на то, что детям в жизни нужен определенный

распорядок, — начала она, остановившись на пороге спальни мужа. — Джейку будет полезнее лечь спать в одно и то же время. Вчера вечером он лег в постель в девять часов, сегодня — в десять... И не только это. Сегодня днем за чаем ты позволил ему съесть три порции пирожного, и после этого ему не хотелось ужинать...

— У него в жизни хватало лишений. Пусть какое-то время побалуется.

— Ты думаешь только о своей больной совести и чувстве вины, а не о благополучии Джейка, — оборвала она его. — Этим ты оказываешь плохую услугу и ему, и окружающим. Ты не должен потакать ему во всем!

— Но ведь мне больше некому потакать, некого баловать, — с грустью проговорил он, и в глазах его вспыхнули теплые огоньки, почему-то вдруг ее обескуражившие. — Если только ты не согласишься добровольно занять это место.

— Не будь смешным.

Николай слегка улыбнулся при виде ее смущения и сделал приглашающий жест в сторону уютно стоящих у камина обитых бархатом кресел.

— Заходи, Рыжик, давай посидим, выпьем...

— Нет, — проговорила она, стараясь смотреть куда угодно, только не на мужа. На нем был бархатный халат глубокого коричневого, соболиного цвета. Волосы с выгоревшими светлыми прядками небрежно взъерошены. Пусть мужем он оказался никудышным, но все равно она считала его одним из самых привлекательных мужчин на свете. — Я устала и иду спать.

Он приблизился к ней вплотную и приподнял пальцем длинный рыжий локон, упавший на плечо.

— Не тревожься о Джейке, — пробормотал он, играя локоном. — С ним все будет хорошо.

Эмма нервно облизнула губы. У нее было такое чувство, будто прядь ее волос ожила и стала проводником ощущений. Она представила себе его руки на своем теле, его ласковые пальцы, и сердце ее бешено забилося.

— Не могу не тревожиться, — прошептала она. — Я теряюсь, наблюдая, как ты проводишь с ним столько времени после того, что видеть его не мог.

— Знаю. — Он навил ее локон на палец и крепко зажал в ладони. — Когда Джейк впервые здесь появился, я увидел только одно — его поразительное сходство с Мишей. Мне было мучительно больно смотреть на него и вспоминать убитого брата. — Взгляд его потемнел, густые золотые ресницы опустились, скрывая переживания. — Ты помнишь, я тебе рассказывал о том, как отец избивал нас? Самое худшее доставалось на долю Миши, возможно, потому, что он был беспомощнее меня. Сколько раз я пытался утешить брата, плачущего после издевательств отца! Ты не можешь себе представить мою злость и чувство вины при виде несчастного, беззащитного ребенка... — Он замолчал и криво усмехнулся. — И я ничем не мог помочь Мише: я был слишком мал, чтобы противостоять отцу. Но о своем сыне я могу позаботиться и дать ему все, что нужно для счастья. Мне словно дан второй шанс...

Эмма стояла, не шевелясь, зачарованная напряженным молчанием, повисшим между ними. Оно перерастало в тяжелое, жаркое томление. Николай всегда знал, как вызвать в ней отклик. Она ненавидела его за эти игры и в то же время отчаянно хотела, чтобы это не было игрой. Он притворялся человеком, которого она с легкостью могла бы полюбить, человеком, о котором она когда-то мечтала. Он великолепно разыгрывал эту роль, и она снова и снова

ловила себя на том, что верит ему, пусть на одно-два мгновения. Сердце ее ныло от желания любить этого человека, недостойного любви, который из каприза унизит и предаст в любую минуту.

— Почему ты так со мной поступаешь? — жалобным шепотом спросила она, не в силах скрыть предательские слезы.

— Эмма, — нежно произнес он, отпуская ее локон.

Она отпрянула и в упор посмотрела на него, качая головой. Прежде чем он успел произнести хоть слово, она быстро пошла прочь.

После полуночи, когда Эмма уже спала глубоким сном, Николай тихонько вошел в ее гостиную. Он поглядел на приотворенную дверь спальни, и ему показалось, что он слышит ее сонное дыхание. Медленно опустившись в кресло, он взял со столика резную фигурку из подаренного ей когда-то маленького каменного зверинца. Янтарный тигр потеплел в его руках, сияя в полумраке. Водя пальцем по гладкой спинке зверя, он вглядывался в темноту спальни. Его терзали вожделение, одиночество, волновала близость жены. Но он не станет овладевать ею, пока она не призовет его, не полюбит так, как любила Емелия.

— Емелия, что стало с тобой? — прошептал он по-русски, сжимая в кулаке тигра.

Он расспросил своих слуг, особенно сестер Сударевых, пытаясь выяснить, известно ли им что о Емелии, но, кроме старых легенд, им нечего было рассказать. В конце концов он нанял одного из сотрудников Британского музея, сэра Винсента Олмэя, чтобы тот поехал в Россию и провел изыскания в частных и государственных архивах для выяснения судьбы княгини Емелии Васильевны. Николай не сомневался, что его семья не станет препятствовать сэру Ол-мэю в розысках. Возможно, даже кто-то из сестер ему поможет. До тех пор пока Николай не узнает, что случилось с его прошлой женой, покоя душе не будет. Если бы только он тогда мог что-то сделать для Емелии, как-то защитить ее...

Он заставил себя неподвижно сидеть в кресле, хотя все тело его ныло от безумного желания пойти к Эмме и заключить ее в объятия.

— Ты же обещала, что вспомнишь меня, — яростно шептал он, вглядываясь в темноту ее спальни. — Ты сказала, что узнаешь меня!

На следующий день к Эмме явился неожиданный гость.

Николай с Джейком уехали на очередную прогулку по Лондону, а она наслаждалась утренним чаем, когда вошел дворецкий Станислав и подал ей серебряный поднос с лежащей точно посередине визитной карточкой. Эмма удивленно раскрыла глаза, увидев имя лорда Адама Милбэнка.

— Отослать его прочь, ваша светлость? — осведомился Станислав.

— Нет, — рассеянно проговорила она, — проводите лорда Милбэнка в гостиную.

Лицо дворецкого осталось бесстрастным, но черные брови чуть поднялись вверх.

— Хорошо.

Эмма пригладила кудри, подвязанные зелеными лентами и сколотые на затылке в узел. Одернув темно-зеленое бархатное платье, поправив турнюр и шелковые оборки на груди, она поспешила в гостиную. Странно, что Адам приехал к ней с визитом, особенно если учесть неприязнь, которую он питает к ее мужу. Может быть, он хочет поговорить с ней о прошлом или даже наладить заново дружбу... Но для какой цели? Ей это было непонятно. Впрочем, не важно: появление Адама отлично подходило для ее целей.

Николай узнает об этом визите и будет взбешен. Она хотела, чтобы муж испытал хотя бы долю тех страданий и мук уязвленной гордости, которые заставил пережить ее. Может быть, ей не стоило использовать для этого Адама, но в конце концов это значения не имело. Они оба ее использовали, и Адам, и Николай, так что пора было им отведать собственной похлебки.

Станислав провел Адама Милбэнка в гостиную и осведомился, не требуется ли Эмме чего-нибудь.

— Подайте, пожалуйста, чаю, — распорядилась она.

— Сию минуту, — тихо произнес дворецкий и удалился. Эмма протянула руки навстречу Адаму, человеку, которого всегда считала истинной любовью всей своей жизни.

— Адам, — улыбнулась она ему, — я собиралась пригласить вас на чашку чая. Как мило, что вы пришли!

Явно удивленный столь радушным приемом, он взял ее руки в свои и слегка пожал. Его мальчишеское лицо было встревоженным, но карие глаза светились надеждой.

— Я собирался всего-навсего оставить визитную карточку...

— Нет, останьтесь и выпейте со мной чаю, — настаивала она. — Разумеется, если у вас есть время.

— Это самое лучшее занятие, которое я мог бы придумать. — Адам прошел в комнату, держа в руках шляпу и хлыстик. Окинув взглядом обстановку гостиной, он изумленно покачал головой. — Такая роскошь, а вы смотрите среди нее естественно и непринужденно, как дома.

— Но это и есть мой дом, — звонко засмеялась Эмма. — Однако я почти не изменилась. Я по-прежнему большую часть времени провожу в зверинце со своими старыми любимцами — Маньчжуром, Клео и Престо...

— Как поживают ваши животные?

— О, они быстро освоились на новом месте.

— А вы?

Улыбка ее погасла, и она, старательно расправляя юбки, стала медленно усаживаться в кресло с вышитыми подушками.

— Я все еще приспосабливаюсь, — честно ответила она. — Николай... он человек непростой... неровный. Его нелегко понимать... С ним нелегко жить.

— Но, Эмма, вы с ним счастливы?

Разговор выходил за рамки светской беседы, становился слишком интимным. Однако прошлые их взаимоотношения облегчили Эмме беседу. Она, пожалуй, даже чересчур просто соскользнула на привычно душевную доверительность общения с Адамом.

— Нет... но и нельзя сказать, что несчастлива.

Адам сел рядом, устремив на нее полные меланхолии карие глаза. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Я много думал о вас после нашего последнего разговора. Есть еще кое-что, о чем я хотел бы вам рассказать, но в то время это было не к месту. Тогда я мог думать лишь о том, чтобы вы узнали правду о своем муже. О том, как он встал между нами. Однако я не решился увидеть вас, прежде чем вы успеете поразмыслить обо всем.

— О, я много размышляла о том, что вы мне рассказали, — мрачно подтвердила Эмма. — Я высказала Николаю все, что думаю о его пристрастии управлять людскими судьбами.

— Он погубил наши с вами жизни, Эм. Я женат на нелюбимой женщине. Казалось, мне тогда оставалось только это. Я знал, что вас мне не получить, слишком велико было противодействие вашей семьи и Николая. Поэтому, когда я встретил Шарлотту...

— Пожалуйста... — перебила его Эмма. Она подняла руку, чтобы остановить его, испытывая неловкость от подобной откровенности. — Я не хочу о ней говорить.

— Разумеется. Но позвольте по крайней мере сказать вам, что мы несчастливы оба, Шарлотта и я. Мы не подходим друг другу. Совсем не так, как было у нас с вами. — Взволнованный Адам нетерпеливо запустил пальцы в свои шелковистые темные локоны, растрепав безупречную прическу. Голос его почти срывался на крик, глаза блестели лихорадочным блеском, весь вид его был совершенно непривычен для Эммы. — Я не перестаю думать о том, что могло быть у нас, — без обиняков заключил он. — Вы когда-нибудь представляли себе, как бы все было, если бы мы поженились с вами?

— Раньше я часто думала об этом, — призналась она. — Но в последнее время... Нет, по-моему, я не могу позволять себе подобные мысли.

— А я не могу не думать о том, чего меня лишили. Ваш муж проник в нашу жизнь и отнял у меня все, чего я хотел. Я воображал себе чудовищные муки и унижения, на которые мечтал его обречь... — Он ошеломленно смолк, так как Эмма расхохоталась.

— Извините. — Она попыталась сдержать свое неуместное веселье. — Просто... вы не первый и не единственный, поверьте! Полагаю, что почти все, кто знаком с Николаем, чувствуют то же.

— Я не нахожу это забавным, — с достоинством проговорил Адам, и на скулах у него вспыхнули алые пятна. Эмма посерьезнела, но смех еще рвался из ее груди.

— Вы правы, — с трудом удалось ей выговорить. — Николай — абсолютный негодяй.

— Для меня пытка представлять вас с ним... Как, должно быть, он издевается над вами! Как, например, он вас унизил, навязав вам своего внебрачного сына...

— Нет, — быстро отозвалась она. — Это я захотела, чтобы Джейк жил здесь, с нами. Я люблю этого мальчика... и Николай тоже. — Она приумолкла, вдруг осознав до глубины души правду своих слов. — Я считала, что Николай не способен любить кого бы то ни было, — продолжала она с удивлением в голосе, — но он обожает своего сына. Или Николай переменился, или... в нем есть что-то, чего я ранее не замечала. В любом случае — он самый заботливый отец, какого я когда-либо видела... за исключением собственного.

— Ваш отец?! — возмутился Адам. — Вы сейчас говорите о двух людях, которые приложили все силы, чтобы нас разлучить! Властные и хитрые, они стремятся всех вокруг себя держать под контролем! — Он схватил ее руку и отчаянно стиснул. — Эм, дорогая, разве вы не помните, как все было между нами? Мы так сильно любили друг друга, и нас

разлучили эти двое ради своей эгоистической привязанности к вам. И сделали это с такой бездумной легкостью... — С раздраженным вздохом он оборвал себя на полуслове.

— Да, — согласилась Эмма. — Но почему это оказалось так легко? Если бы мы в самом деле любили друг друга, разве им это удалось бы?

Они замолчали, вспоминая те дни.

Эмма, говоря о прошлом, не испытала ожидаемой боли. Ни сердечных мук, ни тоски. К ее удивлению, эти воспоминания даже помогли ей избавиться от чувства горечи и обиды. Еще более удивительным представлялось то, что Адам утратил волшебный блеск и очарование, какими был окутан в ее памяти. Он выглядел совсем не таким красивым и не таким безупречным, как ей казалось. По правде говоря, он был в некотором роде довольно средним, обычным... Это открытие очень ее озадачило. Адам больше не заставлял ее сердце трепетать от радости, не наполнял душу пьянящим восторгом.

"Я больше не хочу его так, как хотела когда-то", — подумала она.

— Вы стали такой красивой, — пробормотал он, разглядывая ее, — такой царственной и элегантной.

— Я ничуть не изменилась, — смущенно откликнулась она.

— Нет, изменились. В вас была трогательная застенчивость, такое выражение глаз, словно вы хотите спрятаться от остального мира. Теперь этот взгляд исчез. Вы стали такой... лощеной... уверенной в себе... неприступной.

Эмма сморщила нос и засмеялась:

— Неприступной? Такое определение скорее подошло бы горной вершине или военному кораблю!

Адам ответил ей улыбкой.

— Вы — как расцветшая роза. Такое определение больше вам нравится?

— Гораздо больше.

Он, казалось, наслаждался каждой проведенной с ней минутой.

— Боже мой, как нам хорошо вместе! Мы смеемся, беседуем, — рассуждал он, — так, как бывало раньше. Вы помните, как это было? Сколько радости приносили нам наши встречи! Я никогда, не чувствовал себя таким счастливым, как тогда.

— Давайте взглянем на прошлое честно и открыто, — твердо произнесла Эмма, глядя ему в глаза. — Если бы за мной не давали большого приданого, вы никогда бы мной не заинтересовались.

— Прежде всего мне были нужны вы! Если к тому же у вас оказывалось большое приданое, тем лучше. Разве это так уж плохо — желать денег и тех преимуществ, которые они несут с собой: комфорта и уверенности в будущем?

— Теперь у вас есть деньги. Вы женились на очень неплохом состоянии.

Выражение его глаз странным образом изменилось. В них появился болезненный, жесткий блеск.

— Никакое состояние не возместит потери любимой.

Эмма попыталась придумать ответ, чтобы смягчить возникшую напряженность, но тут услышала, что кто-то вошел в гостиную. Она с облегчением обернулась к двери, подумав, что это служанка принесла наконец чай, но увидела в дверях мужа.

Ей следовало бы обрадоваться такому везению. Она никогда не сумела бы так удачно подгадать время, чтобы Николай застал ее в разгар милой беседы со старым поклонником. Но вместо этого ее охватил тихий ужас. Она собиралась возмутить спокойствие, но,

добившись цели, усомнилась, что хотела именно этого.

Лицо Николая пылало. Странно! Обычно он умело скрывал свои чувства, но сейчас выглядел просто свирепым. Казалось, в нем бурлит бешеная ярость, готовая в любую секунду выплеснуться наружу. Адам Милбэнк встал и сжал кулаки, всем видом выражая не смущение и вину, но такую же ярость. Ненависть наполняла комнату, пульсируя как живая. Эмма была потрясена повисшей в воздухе взрывчатой угрозой. Когда-то она с огромным удовольствием вызвала бы между ними драку и полюбовалась бы ею, но теперь постаралась разрядить ситуацию.

— Ник, — с легкой улыбкой обратилась она к мужу, — ты сегодня рано вернулся. А я как раз беседую с лордом Милбэнком в ожидании чая...

— Боюсь, у меня нет времени для чая, — прервал ее Адам, не сводя глаз с князя. — Я вспомнил, что должен побывать еще в одном месте. Мне необходимо ехать сию минуту.

— О, как жаль, — тут же откликнулась Эмма и попыталась поскорее проводить его к двери. — Было приятно с вами повидаться. Пожалуйста, передайте наши наилучшие пожелания и поклон леди Милбэнк.

И тут раздался воинственный голос Николая:

— В последний раз, Милбэнк, вы крутитесь у юбок моей жены. Не пытайтесь проделать это снова, или я разорву вас на части.

Но вместо страха эта речь вызвала в Адаме вспышку злорадства.

— Вы видите меня не в последний раз, — прошипел он с вызовом. — Однажды вам удалось разбить вдребезги мои мечты, потому что я испугался. Но теперь я вас больше не боюсь. Я сведу с вами счеты и обещаю: ждать этого вам долго не придется. Это мой долг перед Эммой и самим собой.

Рука Эммы, лежавшая на руке Адама, упала, и она удивленно воззрилась на него. Ей никогда ранее не доводилось слышать из его уст ничего подобного.

Быстрыми шагами он вышел из гостиной, оставив ее лицом к лицу с мужем, наблюдавшим за его уходом с презрительной усмешкой на губах.

— Где Джейк? — поинтересовалась она, пытаясь держаться непринужденно, хотя внутри у нее все сжалось в дрожащий комок.

— Когда Станислав сообщил мне, что здесь Милбэнк, я отослал Джейка наверх. — Он окинул ее быстрым взглядом. — Ты пригласила его приехать?

— Нет, он приехал сам со светским визитом... Хотя я стану приглашать его или кого мне вздумается, не спрашивая у тебя разрешения.

С потемневшим лицом Николай шагнул к ней.

— Я не потерплю его присутствия в моем доме.

— После всего, что ты сделал со мной, ты утратил право предъявлять мне претензии по поводу выбора друзей или того, как я с ними себя веду.

— Я не предъявляю претензий. Я приказываю тебе держаться от него подальше.

— Ах ты, надменный, самовлюбленный... Можешь тиранствовать над кем угодно, но не надо мной! И прекрати обращаться со мной как с дурочкой. Нечего притворяться, будто ревнуешь, когда я прекрасно знаю, что тебе на меня плевать.

— Я люблю тебя! — прорычал он. — Будь ты проклята, что не веришь этому!

Она резко рассмеялась:

— Ты так мило выражаешь свою любовь!

— Я в самом деле тебя люблю, — произнес Николай сквозь зубы. — Так сильно, что

готов разорваться. Ты не представляешь, как нужна мне! Каждую ночь я с ума схожу, зная, что ты так близко... в своей постели...

Он оборвал себя и заключил ее в объятия, такие крепкие, что у нее не было возможности вырваться.

— Эмма, — бормотал он у нее над ухом, прижимая к себе так сильно, что она ощущала пробегающую по его телу дрожь, трепет зажатой в узде мощи, рвущейся на свободу. Он был дико возбужден: вздыбившийся под панталонами гребень его плоти жарко упирался в соединение ее бедер. Эмма почувствовала отклик собственного тела. Кровь стучала у нее в висках в такт его пульсу. Внезапно она поняла, что хочет, чтобы он так сжимал ее... что жаждет этого уже много дней и ночей.

Она ощутила его губы на своих, жадные, жесткие и сладостные, ощутила крепость его рук, тянувших ее вверх по его телу. Грудь его содрогнулась вздохом облегчения, губы алчно исследовали теплую влажность ее рта. Она почувствовала принесенный с улицы морозный запах его одежды и смесь уютных запахов гостиной: чая, крахмала и полировочного воска. Они сливались в приятной привычной гармонии. Эмма приникла к нему, обвив руками и ногами, чтобы удержать поближе. От возбуждения дыхание ее стало частым и прерывистым. Николай никогда раньше не целовал ее с такой самозабвенностью — не с умелой сексуальностью опыта, а с грубой непосредственностью страсти. Ощущения нарастали быстро и бурно... слишком быстро, и она с испуганным рыданием оторвалась от него.

Николай отпустил ее без борьбы, но продолжал глядеть ей в глаза жаркими золотыми очами.

Эмма с трудом перевела дыхание и обхватила себя руками. Никогда еще не чувствовала она себя такой незащищенной, такой до ужаса ранимой. В этот миг она отбросила всякие планы борьбы с ним, все свои намерения поставить его на место. Она должна держаться от него подальше, если хочет сберечь себя, остаться неуязвимой.

— Не приставай ко мне подобным образом, — дрожащим голосом выговорила она. — Если тебе так сильно нужна женщина, пойд и найди себе любую другую. Я тебя не хочу! Если даже я получила бы от этого удовольствие, то возненавидела бы себя потом.

У нее перехватило горло, и, не в силах больше выдать ни звука, она стремительно выбежала из гостиной.

Николай решительно отправился вслед за ней. Он хотел узнать в точности, о чем говорила она с Милбэнком и какие чувства испытывала к прежнему поклоннику.

Эмма выскочила из дома и направилась к зверинцу. Ее зеленые юбки мели мерзлую землю, вздувались на ветру.

— Эмма! — рявкнул он, и она яростно сверкнула на него глазами через плечо.

— Поди прочь! Я не хочу с тобой говорить!

— Почему Милбэнк вдруг решил тебя навестить? Чего он хотел?

— Он хочет, чтобы мы оставались друзьями, и ничего больше, — презрительно ответила она.

— Черта с два! — пробурчал Николай, заходя за ней в зверинец.

— Не входи сюда, Ник! — донесся до него от клетки с тигром голос Эммы. — Я хочу провести несколько минут в мире и спокойствии со своим...

Внезапно наступила гробовая тишина.

— Эмма! — окликнул ее Николай и, нахмурившись, осторожно прошел дальше. И тут он понял, почему Эмма вдруг затихла. Он увидел клетку с Маньчжуром, и у него остановилось

сердце.

В клетке рядом с тигром находился Джейк.

Николай оцепенел от страха, равного которому не испытывал никогда. Клетка оказалась не заперта на задвижку, и Джейк, подняв засов, спокойно смог войти внутрь. Мальчик стоял сбоку от входа, а тигр сжался в комок посредине клетки. Маньчжур рычал от растерянности и раздражения, наблюдая за маленьким существом, вторгшимся на его территорию.

Эмма медленно обернулась к Николаю. На смертельно бледном лице горели темно-красные дуги бровей. Онемевшие губы попытались шевельнуться. Она хотела что-то сказать, но лишилась дара речи.

Мысли Эммы неслись в каком-то бешеном круговороте. Она подавила леденящий ужас и уставилась на тигра, стремясь понять его настроение. Ей не нравилось, как сосредоточенно уставился Маньчжур на ребенка, не сводя с него глаз. Такое напряженное внимание обычно предшествует внезапному прыжку на добычу. Белые усы зверя подергивались. Медленно переставляя лапу за лапой, он стал подбираться к мальчику. Хотя когтей у Маньжура не осталось, но зубов была полна пасть: по пятнадцать с каждой стороны, включая длинные клыки, которыми тигр мгновенно перекусывает шею добычи, и острые, как лезвие секиры, резцы. Мощные челюсти хищника смыкаются на бьющейся из всех сил добыче и либо прокусывают затылок жертвы, ломая позвоночник, либо сдавливают ей горло так, что она задыхается.

Маньжур, казалось, еще не решил, что ему делать, и Эмма с робкой надеждой поняла, каким образом лучше напасть на это маленькое существо. У Эммы появилась надежда. Бодрым свистом она привлекла к себе внимание зверя и, направившись к ведру, в котором обычно приносили ему мясные обрезки, подняла его якобы с трудом, словно оно было полным.

— Маньжур! — позвала она, относя ведро к дальней стороне клетки, подальше от Джейка. Оставаясь снаружи, она вновь окликнула тигра:

— Поди сюда, красавчик, посмотри, что у меня для тебя есть!

Тигр медленно послушался и неспешно зашагал к ней с низким мяукающим подвыванием. В ту же секунду Николай рванулся к клетке, поднял засов и скользнул внутрь. Возмущенный появлением еще одного незваного гостя в своем законном уделе, тигр раздраженно зарычал и круто обернулся, не обращая внимания на зов Эммы. Николай железной хваткой вцепился в сына и вынес его из клетки, тут же захлопнув дверцу прямо перед носом тигра.

— Папа, — сердито завопил Джейк, вырываясь из рук отца, — я еще не хотел выходить! Папа, отпусти меня!

Но Николай не мог его отпустить. Не в силах унять нервную дрожь, он крепко прижимал к себе маленькое тельце сына. Эмма выронила ведро и прислонилась к ближайшей стенке. Голова у нее кружилась, и сердце трепыхалось от панического ужаса.

Когда Николай смог наконец заговорить, он поставил ребенка на пол и опустился перед ним на корточки, глядя прямо ему в глаза.

— Что ты там делал? — спросил он севшим голосом. — Я отослал тебя наверх, в детскую.

— Мне туда не хотелось. Я хотел увидеть тигра. — Вид у Джейка был несчастный, но вызывающий. Он все еще не понял, какой опасности подвергся.

— Тебе было ведено никогда не ходить в зверинец без меня или без Эммы.

— Но, папа, Маньчжур не причинит мне вреда. Он меня любит!

Бледный и мрачный, Николай проговорил строго и решительно:

— Ты меня не послушался, Джейк. Не хочется тебя наказывать, но ты не оставил мне выбора. Я запрещаю тебе месяц посещать зверинец. — И, не обращая внимания на протесты ребенка, Николай перебросил его через колено и отвесил три крепких шлепка по попке. От удивления Джейк взвыл и залился слезами. Поставив его на ноги перед собой, Николай хрипло произнес:

— Этот тигр очень опасен, как и остальные содержащиеся здесь животные. Ты до смерти перепугал меня с Эммой. Я не хочу, чтобы с тобой случилась беда. Поэтому ты должен строго выполнять установленные нами правила, даже если не всегда понимаешь, зачем это нужно.

— Хорошо, папа, — прорыдал Джейк, отворачивая лицо, чтобы скрыть слезы.

Николай притянул его к себе и крепко обнял. Ребенок тут же обвил руками его шею.

— Все в порядке, — шептал ему Николай. — Все прощено, только не забудь поступать так, как я велю.

— Можно мне теперь пойти поиграть в детскую?

Николай кивнул и прижал его к себе напоследок.

— Да, можешь идти.

Джейк отступил на шаг, вытер слезы кулачками и с любопытством уставился на отца.

— Папа, почему ты плачешь?

После недолгого молчания Николай сердито ответил:

— Ужасно, что пришлось тебя отшлепать.

Невольная улыбка промелькнула на лице Джейка.

— Мне это тоже не понравилось. — Он подбежал к Эмме и обхватил ее двумя руками. — Прости меня, Эмма.

Слишком растроганная, она не нашла слов, поэтому лишь взъерошила ему волосы и поцеловала в макушку, после чего он убежал. Когда быстрые детские шаги стихли в отдалении, Николай провел ладонями по лицу и глубоко вздохнул.

Эмма нерешительно приблизилась к нему:

— Ник, я считала, что четко объяснила ему.

— Он знал, что не должен ходить сюда один, — ответил Николай, оборачиваясь к ней. — Он своевольный ребенок, очень любознательный и любопытный. Мне следовало ждать чего-то подобного.

Эмма удивилась, отчего он все еще пепельно-бледен и почему в глазах у него застыло отчаяние.

— Слава Богу, все обошлось. Беды не случилось.

Однако Николай не спешил с ней соглашаться. Он вытер рукавом пот со лба и откинул упавшую на глаза повлажневшую прядь волос.

— Я никогда в жизни не бил ребенка.

Наконец Эмма поняла. Этот случай напомнил ему о брате Мише и о том, как издевался над ним их отец.

— Ты не бил Джейка, — тихо, но уверенно проговорила она. — Ты его отшлепал, и совсем не сильно. Сделал ты это для того, чтобы он больше никогда не подвергал себя опасности. Джейк это понял, Николай. Ты не причинил ему боли. — Она помедлила и

добавила мягким тоном:

— Ты вовсе не похож на своего отца.

Он молчал и глядел отрешенно, словно погрузился в воспоминания о другом времени и другом месте.

— Нелегко быть родителем, правда? — тихо спросила Эмма. — О стольком надо заботиться... — Она замолчала, потому что произнесенные ею слова пробудили мысли об отце. На нее нахлынуло чувство вины, тоскливое желание его увидеть. Лукас Стоукхерст всегда был любящим родителем, оберегал ее от всех тревог и бед, даже чересчур, а она буквально выбросила его из своей жизни. Как же она по нему соскучилась! Она устала наказывать свою семью и саму себя, ей хотелось помириться с ними. — Не чувствуй себя виноватым, — прошептала она, слишком поглощенная своими мыслями, чтобы заметить, ответил ей Николай или нет.

Вечером того же дня в восемь часов Эмма поднялась в детскую. Она собиралась объяснить Джейку, что, хотя часто говорит о Маньчжуре как о домашнем любимце, он остается опасным зверем, а не ручным животным, как, например, Самсон. Маньчжура надо любить, но опасаться, потому что характер у него непредсказуемый. Она чувствовала себя виноватой, что не сумела объяснить это Джейку достаточно ясно.

Приблизившись к верхней ступеньке лестницы, она услышала доносившийся из-за неплотно прикрытой двери детской сонный, ленивый голосок Джейка:

— Папа, а когда мы найдем няньку, ты все равно будешь рассказывать мне сказки?

— Разумеется, — послышался ответ Николая. — Хотя, думаю, у нее найдутся и свои сказки, чтобы тебя развлечь.

— Мне больше всех нравятся русские.

— Мне тоже. — В голосе Николая слышалась улыбка. — Так на чем мы остановились?

— Иван-царевич повстречал серого волка...

— Да-да... — Зашелестели страницы. — И случилось так, что это оказался заколдованный волк, который уже знал о том, как Иван-царевич ищет сказочную жар-птицу. "Я ведаю, где живет жар-птица!" — воскликнул волк и предложил отвезти царевича прямо к ней. Сел Иван-царевич к нему на спину, и помчались они сквозь ночь, пока наконец не добрались до сада, окруженного высокой золотой стеной. Там находился дворец царя Ахмата.

Эмма тихонько попятилась и удалилась, представив себе Джейка, свернувшегося калачиком на постели, зачарованного убаюкивающим баритоном отца. Она чувствовала себя одинокой, несчастной, жаждущей чего-то, неясного ей самой. Выпив залпом бокал красного вина и не ощутив вкуса, она улеглась в постель. Свернувшись в тонкой батистовой рубашке под грудой одеял, она ждала, пока ледяные простыни согреются. В комнате было холодно и темно, в сумраке таились тени, их насмешливые голоса звучали у нее в мозгу.

Она вспомнила слова Таси: "Не стоит он доверия. Николай — опасный человек, Эмма".

Тихое отчаяние отца: "Ты всегда сможешь вернуться. Я приму тебя с распростертыми

объятиями".

Мольбу Николая: "Я никогда больше не причиню тебе горя. Поверь мне!"

Воспоминания долго не давали ей уснуть, наконец она задремала. Но и во сне не было ей покоя. Эмму захватил один из самых странных снов, какие она когда-либо видела, причем он был таким ярким и подробным, что напугал ее до мозга костей.

Она находится в холодной темной комнате с деревянными стенами, каменным полом и крохотным квадратным окошком. Стены увешаны иконами, их сумрачные лики смотрят на нее, нарисованные глаза отражают ее тоску и печаль. Отчаянно рыдая, она мечется по комнатке, метет пол подолом длинного темного одеяния. Она знает, что Николай сейчас терпит муки, но не может поехать к нему. Ей дано лишь ждать в бессильном страдании. Две женщины, одна из которых — монахиня в сером куколе, пытаются ее успокоить, но она вырывается из их ласковых рук, отворачивается от их сочувственных лиц. "Он умирает, — плачет она. — Я нужна ему, он там совсем один. Я должна поехать к нему! Не могу этого вынести, не могу!"

С криком Эмма вырвалась из сна, задохнувшись слезами, села на постели. В знакомой спальне стояла какая-то потусторонняя тишина.

"Это был просто сон", — сказала она себе, утирая слезы. Но почему-то они продолжали литься, и сердце ныло от боли, словно кто-то и вправду умер. Она не знала, как прогнать эту боль. Выскользнув из постели, она пошла, сама не зная куда, и вдруг обнаружила, что идет к покоям Николая. Длинным рукавом она промокнула лицо и, добравшись до двери, застыла на пороге. Тонкая трепещущая фигурка, призрачно белеющая в темноте. Лунный свет, струившийся в окно, собрался лужицей на ковре, покрывающем пол.

— Ник, — прошептала она и услышала шелест простыней и охрипший со сна голос Николая:

— Кто это?... Эмма?

— Мне снился кошмарный сон, — пролепетала она. Никогда не испытывала она такого бесконечного, безнадежного горя. Он должен был осязаемо ощутить его, словно чужое присутствие рядом в комнате.

— Расскажи мне, — попросил он.

— Ты умирал, ты звал меня, но я не могла прийти к тебе. Я была в келье монастыря, и они меня не пускали. Не давали уехать.

Он ничего не ответил, лишь невнятно пробормотал по-русски ее имя.

Стараясь справиться со слезами и словами, Эмма несколько минут не могла ничего выговорить. Затем отчаянный вопрос, рожденный неделями тоски и обиды, вырвался из ее сердца:

— Почему ты так изменился? Что случилось с тобой в тот день, когда ты упал в обморок перед портретом?

Она наконец задала свой вопрос. Николай не сразу смог заговорить. Он был так переполнен пылким желанием, что понимал: объяснение получится бессвязным лепетом. Сотни раз он повторял в уме разные варианты рассказа, подыскивал верные слова, чтобы она приняла его историю, поверила ей.

Но сейчас все казалось безнадежным. Как сможет она понять, если он сам ничего не понимал?

Еле слышным голосом он начал свое объяснение:

— В течение того часа, что я пробыл без сознания, мне привиделось, будто я перенесся

в Россию. Я воплотился в своего предка Николая.

— Того самого Николая, — робко спросила она, — который выбрал себе жену из пятисот девиц?

— Откуда ты это знаешь? — вскинулся он.

— Мне рассказала эту историю Марфа Сударева. О том, как князь Николай женился на одной из этих девушек.

— Да. Все это происходило в том сне. Ты была невестой. Тебя звали Емелия Васильевна, и я влюбился в тебя.

— Что же произошло потом? — с тревогой поинтересовалась она.

— Мы были вместе лишь краткое время, а потом я был арестован по подозрению в измене. Чтобы уберечь тебя от той же судьбы, я отослал тебя в Новодевичий монастырь, где ты родила моего ребенка. Я не знаю, что случилось с тобой после этого, — тихо добавил он. — Сейчас я стараюсь это выяснить.

Она была потрясена его тоном, таким обыденным:

— Господи, ты веришь в то, что это действительно случилось с тобой? По-моему, это был просто сон.

— Это было на самом деле.

Его уверенность ошеломила Эмму. Она поднесла руку ко рту, зажимая рвущийся из груди испуганный, недоверчивый смех.

— Ты говоришь так, будто сошел с ума!

— Я полюбил тебя сто семьдесят лет назад. Теперь я нашел тебя вновь.

Она задрожала, шепча растерянно:

— Нет! Нет!

— Не бойся, — мягко произнес он.

— Но это же нелепость какая-то!

— Почему тебе приснился сон, что ты в монастыре? Ответь, Емелия!

— Не называй меня так! Это случайное совпадение! — Она прерывисто дышала, страх туманил ей голову, леденил кровь. — Все это не похоже на тебя, Ник. Ты всегда был таким разумным, рационалистичным прежде всего. А теперь я слышу от тебя такую безумную фантазию, и ты настаиваешь, что она правдива. Ты, верно, пытаешься напугать меня до полусмерти! Ничего у тебя не выйдет.

— Это правда.

Эмма увидела, что он встает с постели и направляется к ней. Блики лунного света на его поджаром обнаженном теле переливались, подчеркивая красоту и откровенность его наготы. Она еще могла убежать, но ноги ей не подчинялись. Так она и застыла посреди комнаты, не в силах совладать с собой.

Сильные, горячие руки сомкнулись вокруг нее. Одна рука отвела волосы и крепко легла на затылок. Она ахнула, пытаясь отшатнуться, дрожь пробежала по ее телу.

— Я тебе не верю, — прошептала она. — Не верю в твои видения.

Николай испытывал невероятное облегчение от того, что смог все рассказать Эмме. Ее близость, аромат кожи привели его в лихорадочное состояние. Он должен овладеть ею немедленно, сию минуту. Русская речь полилась из его уст, мягкий рокоchuщий говор: Эмма не понимала ни слова.

— Что ты говоришь? — жалобно взмолилась она.

Он стал переводить, его жаркое дыхание обжигало ей шею.

— Мне все равно, веришь ты или нет. Я хочу, чтобы ты сегодня была в моей постели. Я хочу войти в тебя, ощутить, как обвивают меня твои руки и ноги.

Эмма выгнулась, отклоняясь от него, но он был сильнее, и мышцы его были налиты твердой решимостью.

— Я хочу тебя, — настаивал он с более сильным, чем всегда, русским акцентом. — Хочу заняться любовью с моей женой!

Она ощутила его губы на своей груди, они прожигали ее сквозь тонкую ткань рубашки. Николай нашел ее соски и покусывал, сосал мгновенно отвердевшие вершинки, пока она не перестала вырываться и не начала всхлипывать в истоме протестующего блаженства. Рука его скользнула меж ее бедер, лаская нежную долинку под тонким батистом.

— Эмма?... — простонал он, плотно прижимая ее к своей восставшей плоти. Пальцы его сомкнулись на ее ягодицах.

— Да, — прошептала она. Согласие и желание клубились в ней, сметая сомнения.

Николай отнес ее на постель и, склонившись над трепещущим телом, судорожно ухватил подол ночной рубашки. Отвернув лицо, она уткнулась в смятые простыни и зовуще раскинула ноги, сразу почувствовав, как он навис над ней. Он толкнулся в нее властным ищущим напором и задохнулся от наслаждения, когда ее тело приняло его, обволакивая нежной защитой, затягивая все глубже в свою темную сладость. Он вонзался в нее, откликаясь на возвратные толчки ее бедер в ритме, который скоро довел ее до сокрушительного экстаза. Она задохнулась в рыданиях, прильнула к нему всем телом и содрогнулась от восторга, ощутив изливающийся в нее поток его семени.

После этого они, усталые, лежали, сплетясь телами. Эмма спиной прижалась к его груди, ее ноги легли поверх его ног, а голова — на его руку. По ее телу все еще пробегали легкие волны пронесшейся бури блаженства. Прошло много времени, прежде чем она прошептала еле слышно:

— Я боюсь.

— Чего, душенька?

— Что это значит?

— Драгоценная душа моя, — с готовностью отозвался он, приглаживая растрепавшиеся рыжие кудри. — Чего ты боишься?

Крупная слеза поползла у нее по щеке и повисла на подбородке.

— Я не хочу тебя любить, — задыхаясь, проговорила она, — потому что тогда буду полностью зависеть от твоей милости, и ты разобьешь мне сердце. Я не допущу этого, Ник!

Он успокаивал ее тихим, ласковым шепотом. Отвел ее руки и стал целовать шею там, где край кружева встречался с кожей, покрыл плечи и грудь мелкими щекочущими поцелуями, от которых ее дыхание участилось, а соски отвердели и уперлись камешками в тонкий батист. Он приник к ней. Его могучие плечи, залитые лунным светом, сверкали серебряным блеском. Руки Николая, властные, способные на жестокость и ласку, бережно скользнули с ее бедер на грудь. Он продолжал, ласково шептать что-то, по-русски и по-

английски вперемешку. Слова словно осыпали ее тело серебристым теплым дождем. Потихоньку сдвигая вверх край рубашки, он приветствовал каждый новый дюйм обнажающейся кожи легкими поцелуями и покусываниями. Эмма потянулась вниз, чтобы коснуться его спины и ощутить под пальцами привычную шероховатость шрамов.

Рубашка взлетела вверх через голову, оставив ее совсем нагой. Эмма приникла к мужу всем телом. Они страстно целовались, перекатываясь по постели. Николай стонал под лаской ее рук, под нежными касаниями гибких пальцев. Он опустил голову ей на живот и скользнул по упругой поверхности к потаенной долинке между бедрами, пока не нашел умелым языком нежное средоточие удовольствия.

Сотрясаясь от сильнейшего желания, Эмма коснулась его волос, погружая пальцы в шелковистую массу и накручивая на них золотые пряди.

— Сейчас, — молила она, извиваясь под требовательными движениями его губ и языка. — Сию минуту, пожалуйста!..

Николай опустился на нее и медленно скользнул в манящее лоно, заполняя его до конца, пока Эмма не вскрикнула удовлетворенно. Они замерли, слитые воедино. Эмма видела во мраке спальни сверкающий блеск его глаз, неясный абрис лица. Она и не представляла, что Николай может быть таким ласковым, таким страстным...

— Кто ты? — прошептала она.

— Я тот, кто вечно любит тебя. Вечно, Эмма, — отозвался он.

Он вонзился в нее еще глубже, наслаждаясь ее беспомощным удовлетворенным всхлипом. Она прильнула к нему, отдавая всю себя целиком, щедро и безудержно. И он отдался ей точно так же, отпуская на волю пламя ярости, пока память прошлого не выгорела полностью и мир не стал опять чистым и новым.

Впервые Эмма проснулась утром в объятиях мужа. Она выждала, пока прошла первая растерянность пробуждения, затем поглядела на лицо Николая. Его янтарные глаза были открыты и смотрели на нее испытующе.

— Доброе утро, — произнес он по-утреннему хриплым голосом.

Он держал ее в объятиях всю ночь, иногда прерывая сны поцелуями. Он целовал ее лицо и шею, гладил нежную кожу. Под утро они еще раз занялись любовью, и тела их сплетались в ленивом медлительном ритме, пока потрясающее освобождение не унесло их в пучину блаженства.

Что могла она сказать ему после такой безудержно чувственной ночи? Щеки ее запылали, она отвела в сторону глаза и попыталась подняться.

Однако он остановил ее, буквально пригвоздив к постели. Впившись в ее зрачки пронзительным взглядом, он поинтересовался:

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю. Понятия не имею, как пойдет теперь наша жизнь и вообще как мне с тобой держаться. Спорить все время легко, я к этому привыкла. А вот как жить в мире? Не знаю, выйдет ли это у нас.

Теплые руки Николая накрыли ее голые ягодицы, ласково сжимая упругие округлости.

— Все очень просто, Рыжик. Будем двигаться день за днем.

Эмма почувствовала, как шевельнулась между их телами его плоть, ощутила пульсацию пробуждающейся в нем страсти. Он крепче притянул к себе ее ягодицы, не давая ей соскользнуть с него, в то время как губы его прокладывали жаркий влажный след по ее груди.

Она запротестовала задыхающимся голосом:

— Нет, Ник. Пора завтракать.

— Я не голоден.

— ...И я не заходила утром к зверям.

— Они могут подождать.

— Сюда может прийти Джейкоб.

— Не придет. Он не зря мой сын.

Она в последний раз попыталась его отвлечь:

— У меня все саднит.

— Я буду осторожен, и все будет в порядке, — прошептал он, перекатываясь так, что она оказалась распростертой навзничь. Толчком раздвинув ее бедра, он начал старательно убеждать ее в необходимости остаться. Со стоном наслаждения Эмма поддалась обещаниям его рук и губ. Обещаниям, которые он жаждал исполнить до конца.

Николай, казалось, принял как нечто очевидное, что после происшедшего она будет рада видеть его в своей постели. И Эмма ему не отказывала. Быстро пролетела неделя, в течение которой она просыпалась каждое утро с чувством открытия. Она узнавала такие вещи о своем муже, о которых за долгие месяцы супружества даже не подозревала. Он бывал удивительно нежен, помогая ей расплестать на ночь тяжелые волосы, массируя наболевшую от шпилек и гребенок кожу головы. Иногда натирал смягчающей мазью ее руки, обветренные и поцарапанные от работы в зверинце, или врывался к ней в ванную и купал ее, словно она была маленькой.

Однажды его настроение приняло хищный уклон. Застав жену в зверинце, он, не обращая внимания на слабые протесты, прижал ее к стене, спустил с нее брюки и взял прямо так, стоя, пока они оба не удовлетворились, мокрые от испарины и задыхающиеся. Он дразнил ее немилосердно, провоцировал и заставлял смеяться до тех пор, пока она не переставала соображать, чего ей больше хочется — поцеловать его или убить.

В середине дня Эмма позировала Роберту Сомсу для портрета. Николай приходил наблюдать и всматривался в нее с такой сосредоточенностью, что она в конце концов изгнала его из комнаты.

— Я не могу сидеть со спокойным достоинством, когда ты ешь меня глазами, — заявила она мужу, подталкивая его к двери.

Николай неохотно повиновался, но, когда она захлопывала за ним дверь, смотрел хмуро.

Он еще раз рассказал ей о своем сне. Это произошло в тот день, когда они гуляли по

заснеженным полям поместья. С неба плавно падали крупные снежинки, и Николай остановился, чтобы поцелуями смахнуть их с лица жены.

— Ты похожа на ангела, — пробормотал он, едва прикасаясь к сверкающим звездочкам, усыпавшим ее кудри.

— Ты тоже, — отозвалась она и засмеялась, стряхивая снег с его золотисто-каштановых волос. — На падшего ангела.

Николай внезапно затих. Эмма увидела, что он потрясенно уставился на нее.

— В чем дело? — настороженно осведомилась она.

— Ты выглядишь так, как тогда, в России. Я подарил тебе белую кружевную шаль, и ты покрыла ею голову.

"Я никогда не была в России!" — хотелось крикнуть ей, но она удержалась, внимательно вглядываясь в его лицо. Как же часто размышляет он о том таинственном периоде, когда перенесся в сон о прошлом! За его внешней невозмутимостью и замкнутостью Эмма ощущала отчаянную тоску, жадное стремление вернуть отнятое счастье. Николай всерьез верил в то, что в прошлой жизни они знали и любили друг друга. Конечно, ей не стоило поощрять такое заблуждение, но и высмеивать его за это она не могла.

— В том своем сне ты любил эту женщину, не правда ли? — тихо проговорила она.

Непонятное сильное чувство сверкнуло в его глазах.

— Этой женщиной была ты.

— Даже если и так, в этом нет ничего общего с нами нынешними, — сказала она. — В нашей теперешней ситуации это ничего не меняет.

— Для меня меняет все. Я помню, как прекрасно было любить тебя и быть тобой любимым.

— Мне жаль, если ты хочешь этого от меня, — сухим и чопорным тоном откликнулась Эмма. — Но это невозможно. Разве того, что есть, тебе мало? Быть в некотором роде друзьями, находить удовольствие в обществе друг друга?...

— Да, — последовал угрюмый ответ, — мне этого мало. Они в молчании продолжили прогулку и подошли к маленькой каменной часовне для православных русских слуг.

— Я никогда раньше в ней не бывала, — заметила Эмма. — Как она выглядит внутри?

Николай бесстрастно посмотрел на часовню и с тем же непроницаемым видом проводил Эмму к арочному входу. Распахнув дверь, он придержал ее, чтобы Эмма могла войти внутрь. Покрыв волосы голубым шарфом, Эмма вошла и стала оглядываться по сторонам. У стен, увешанных иконами, стояли высокие подсвечники с горящими свечами. Некоторые из них были зажжены недавно, их крохотные колеблющиеся огоньки сияли теплым желтоватым светом. Было торжественно и грустно. Казалось, стены часовни впитали в себя признания и мольбы всех верующих.

— Зажечь свечу? — приглушенным голосом спросила Эмма.

Николай не ответил. Суровые черты золотистого лица, казалось, застыли, сделав его поразительно схожим с окружающими их византийскими ликами святых.

— Ну, вреда это не принесет, — решила Эмма, выбирая тонкую длинную свечечку. Она зажгла ее от уже горевшей и установила перед иконой Богородицы с младенцем. Затем она повернулась, взглянула на Николая, и у нее перехватило горло.

В глазах его стояли жгучие слезы. Он не мог сдержать чувств, увидев Эмму в окружении русских икон при свете свечей. Никогда еще он не испытывал такой муки. Казалось, Эмма властвовала над его жизнью и смертью. Он не мог представить, что с ним станет, если она

так никогда и не полюбит его. Он страшился думать об этом.

Прошла вечность, прежде чем он заговорил, с нечеловеческим усилием взяв себя в руки. Голос его звучал тихо и ровно:

— Я не знаю, что произошло со мной в тот день. Не уверен, что это было: явь или сон. Знаю лишь одно — ты мне необходима.

Эмма стояла перед ним, в беспомощной растерянности глядя на человека, который ее соблазнил, женился на ней, а затем грубо предал. На самого сложного и волнующего мужчину из всех, кого знала. Дальнейшая жизнь с ним потребует от нее недюжинной отваги. Она словно оказалась лицом к лицу с тигром без решетки между ними. Она испытывала к нему смешанные и противоречивые чувства: страх, желание, гнев, нежность. Сможет ли кто-нибудь заморозить ее так же, как он? Стоит ли ей рискнуть и узнать на деле глубину его привязанности, его любви к ней?

Она шагнула к нему и нежно приложила ладонь к щеке Николая. Ей передалась дрожь, пронзившая его тело. Напряжение становилось невыносимым.

— Возможно, ты мне тоже необходим, — прошептала она.

Его пальцы погрузились в локоны Эммы, вцепились в них мертвой хозяйской хваткой. Он привлек ее к себе, вжимая в свое тело, расплющивая о свою грудь. Прильнув к ее рту, он шептал ей бессвязные неразличимые слова, а затем впился жадным поцелуем, обнимая жену так, словно никогда от себя решил не отпускать.

— Куда ты меня везешь? — спросил на другой день Джейк. Его ручонка была крепко зажата в руке Эммы, они направлялись к стоявшему у парадного подъезда экипажу. — И почему мы такие нарядные?

Сегодня Эмма с особым тщанием одела его в черные панталончики, голубой жилетик. На черных кудрях мальчика красовалась голубая шапочка. Для себя она выбрала модное серое платье, отделанное шелком в фиолетовую и серую полоску. Волосы ее были тщательно заплетены, заколоты узлом и увенчаны высокой шляпкой из фетра с грогреновыми лентами и газовым шарфом сиреневого цвета. Бархатный плащ с капюшоном, плавно переходящим в шалевый воротник, окутывал ее плечи.

— Мы едем с визитом к моей семье, — объяснила она Джейку. — Моя мачеха написала мне, что они несколько дней пробудут в городе.

— У тебя тоже есть мачеха? — удивился он.

— Да, — подтвердила Эмма, поправила ему шапочку и улыбнулась. — Так что не только у тебя бывают мачехи.

— А какая она у тебя?

— Она русская, как ты и твой отец.

— А она знает русские сказки? — Теперь в пытливым взгляде мальчика блеснул пылкий интерес. Эмма заулыбалась:

— Наверное, сотни сказок.

Ее радовало счастливое щебетание малыша и то, что, устроившись в карете, он достал из

кармана своих солдатиков и принялся разыгрывать сражение. Эмма была счастлива приветствовать любое развлечение: оно помогало ей унять нервную дрожь внутри.

Со дня свадьбы с Николаем, уже более четырех месяцев, она отказывалась видеться с родителями. Почти не было и переписки, за исключением нескольких сухих записок, которыми она обменялась с Тасей. Теперь она размышляла над тем, как они ее встретят. Будет ли их прием теплым или холодным? Что скажут они по поводу Джейка? Может быть, ей лучше было поехать одной? Но Эмме общество ребенка казалось просто необходимым. Кроме того, ей хотелось, чтобы они узнали о ребенке от нее. Это поможет им понять то, что она попытается им объяснить. Ведь Джейкоб был существенной частью тех перемен, которые произошли с Николаем.

— Вероятно, ты встретишься с моими братьями, Уильямом и Закари, — продолжала она. А карета тем временем въехала в длинную подъездную аллею. — Уильям — твой ровесник, вы с ним в некотором роде двоюродные, хотя родство настолько отдаленное, что его трудно проследить. Для русских семья бесконечно важна, они очень гордятся родственниками, так что, Джейк, думаю, Уильям с удовольствием признает тебя своим.

Джейк настороженно посмотрел на нее:

— А он мне понравится?

— Наверняка понравится, — твердо сказала Эмма. — Он хороший мальчик, не из тех, которые дразнятся или обзывают других.

— Но ведь я говорю как крестьяне, и еще я ублюдок.

Эмма до сих пор не задумывалась о том, что мальчик огорчен своим грубым деревенским говором.

— Совершенно ни к чему сообщать об этом людям, Джейк. Тебе нечего стыдиться своего происхождения, тем более что его не изменишь. А к твоей речи Уильям не будет придирается, и вообще, со временем твой выговор смягчится.

— Правда? — Джейку эта мысль, видимо, понравилась, и он вновь занялся солдатиками.

Волнение Эммы возрастало по мере приближения к дому в итальянском стиле — городскому обиталищу семейства Стоукхерстов. Вот показалось очаровательное трио круглых башенок с коническими крышами, окружавшие дом лоджии. Карета остановилась перед парадным входом, и лакей в парчовой ливрее помог Эмме и Джейку выйти.

Наверное, чувствуя и разделяя ее тревогу, Джейк сунул ладошку в руку Эммы, и они направились к двери. Эмма окинула быстрым взглядом его, затем себя, чтобы удостовериться, что они хорошо выглядят.

На пороге их встретил дворецкий. Улыбка осветила его непроницаемое лицо, когда он узнал свою любимицу.

— Мисс Эмма! — радостно произнес он, приглашая их в дом.

Тася уже спешила им навстречу.

— Я увидела в окно подъехавший экипаж! — воскликнула она, бросаясь к Эмме на шею. Лицо ее светилось радостью. — Как замечательно снова тебя увидеть!

Обе засмеялись от счастья. Горячим объятиям не помешал даже тяжелый бархатный плащ Эммы. Ее тревожное волнение стало стихать. Она наслаждалась привычным уютом родного дома и любящим вниманием Таси.

Откинувшись назад, Тася оценивающе оглядела ее.

— Потрясающе, — объявила она. — Сияющая, улыбающаяся, великолепно одетая. Ты,

Эмма, просто цветешь. — Взгляд ее перешел на маленькую фигурку рядом с Эммой, и серо-голубые глаза слегка расширились. Удивление заставило Тасю слегка побледнеть. Нежные губы задрожали, она прошептала что-то, по-русски. Затем, взяв себя в руки, спросила дрогнувшим голосом:

— Кто это?...

— Это Джейк, — ответила Эмма, положив руку на окаменевшее плечико ребенка. — Сын Николая.

Проявив необыкновенную выдержку, Тася скрыла изумление.

— Разумеется, породу Ангеловских узнаешь сразу. Особенно глаза. — Она встретила взглядом с мальчиком и улыбнулась, заметив добрым голосом:

— Сын Николая. Полагаю, это означает, что я — твоя бабушка, не так ли? — Прощумев шелковыми юбками, она опустилась рядом с ним на колени и обняла его, окутав ароматом нежных духов.

— Ты слишком красивая, чтобы быть бабушкой, — с детской непосредственностью заявил Джейк, принимая ее ласку, и приглушенным голосом добавил:

— И пахнешь ты тоже не как бабушка.

Тася рассмеялась.

— А ты, мой милый, умеешь обращаться с женщинами, в точности как твой отец. Если хочешь, можешь называть меня "ба-бу-ля". Так часто зовут бабушек русские. — Она встала и, сняв с него шапочку, погладила темную головку. — Хочешь посидеть с моим сыном Уильямом? Они с гувернером как раз заканчивают урок. Пойдем со мной и посмотрим, как они там.

— А где Закари? — поинтересовалась Эмма.

— Он в детской, у него время сна. — Тася протянула руку Джейку, который послушно ее взял.

Втроем они прошли по внутренним дворикам и холлам, обрамленным мраморными колоннами, поднялись по лестнице, вдоль которой висели бесценные гобелены со сценами из средневековой жизни. Тася поощряла болтовню Джейка, а он с жаром рассказывал ей о зверинце в поместье Ангеловских, о том, что он делает вместе со своим папой. Так добрались они до классной комнаты, уютной, переполненной игрушками и книжками. На стенах были развешаны географические карты и гравюры с иллюстрациями к детским книжкам.

Уильям, сидевший за столом напротив молодого человека ученой наружности, поднял глаза на вошедших. При виде Эммы он испустил восторженный крик и соскочил со стула.

— Эмма! — вопил он, возбужденно обнимая ее. — Эмма, ты вернулась!

Она, смеясь, крепко прижала его к себе.

— Ох, Уильям, ты вырос по крайней мере на дюйм!

Ее темноволосый братик был, как всегда, на редкость здоровым и энергичным. Поглядев на Джейка, она увидела, что он попятился на несколько шагов и наблюдает за ними издали со смешанным выражением любопытства и ревности. Выпустив брата, она протолкнула вперед Джейка и положила руки ему на плечи.

— Уильям, это твой кузен Джейк. Сын Николая.

Мальчики пристально посмотрели друг на друга и за несколько секунд оценили и приняли друг друга. Знакомство состоялось.

— Значит, ты — Ангеловский? — уточнил Уильям. Джейк с осторожной гордостью

кивнул:

— Я наполовину русский.

— Я тоже, — отозвался Уильям, и они обменялись застенчивыми улыбками.

— Посмотри, что у меня есть. — Джейк вытащил из кармана пригоршню солдатиков, и Уильям стал с интересом их разглядывать.

Тогда вмешалась Тася. Она коротко переговорила с гувернером, попросив включить Джейка в занятия.

Когда же мальчики уселись бок о бок за столом, Тася с Эммой покинули классную комнату и направились в гостиную.

— Папа дома? — с волнением спросила Эмма.

— Он на заседании правления железнодорожной компании. Я ожидаю его вскоре домой. — Тася обвила рукой тонкую талию Эммы. — А пока расскажи мне о Джейке.

— Николай впервые увидел его несколько недель назад. Мать Джейка работала молочницей на одной из ферм, принадлежащих Николаю. Недавно она умерла, и кто-то из ее деревни привел ребенка к нам. Николай решил оставить сына при себе и открыто его признал.

— Я нахожу все это удивительным, — откровенно призналась Тася. — Не припоминаю, чтобы Николай когда-либо проявлял любовь к детям. Дело не только в этом. Мальчик как две капли воды похож на Михаила, его вид, должно быть, причинил Николаю ужасную боль.

— Да, — кивнула Эмма. — Вся эта история оказалась для него большим потрясением. Сначала он на мальчика смотреть не мог, но теперь обожает его. Видеть их вместе — зрелище поразительное.

Тася недоуменно покачала головой.

— Полагаю, что дети вызывают в людях все лучшее. Даже в таком человеке, как Николай. — Она помолчала и добавила:

— Ты выглядишь здоровой и счастливой, Эмма. Надеюсь, Николай хорошо к тебе относится?

— Сначала относился плохо, — слегка покраснев, ответила Эмма. — Но в последнее время... — щеки ее запылали еще сильнее, — в последнее время все изменилось к лучшему. Правда, я не уверена, насколько эта перемена постоянна. Мне остается только надеяться.

Они сидели в гостиной и разговаривали. Тася, как всегда, шила. Иголка сновала в ее ловких нежных пальчиках, починя разорванный манжет мужниной рубашки. Чувствуя невероятное облегчение от того, что может откровенно обсудить наболевшее, Эмма рассказала Тасе о странном поведении Николая в последние месяцы.

— Сначала были минуты, когда ему казалось, будто он видит нечто знакомое. У него бывали видения, о которых он не любил говорить, и они его очень тревожили.

— Видения? — повторила Тася, опуская зашивую рубашку на колени и внимательно вглядываясь в Эмму. — Что за видения?

— Точно не знаю. Но каждый раз, когда это случалось, у него появлялось на лице странное выражение — смесь страха и гнева. А потом я нашла картину. Помнишь, в одном из писем я упоминала, что мы реставрируем старый пейзаж? Оказалось, что под ним находился портрет предка Ангеловских. Какого-то очень отдаленного прадедушки Ника. Точный его двойник. Когда он впервые его рассмотрел как следует, то побелел и упал без чувств. Мы целый час не могли привести его в себя. А когда он наконец очнулся, то стал совершенно другим.

— Другим? — Тася была ошеломлена и заинтригована.

— Передо мной словно предстала другая сторона медали. Еще вчера он не хотел иметь ничего общего ни со мной, ни с Джейком, а сегодня мы стали для него самым важным на свете. Позже он рассказал, что вспомнил свою прошлую жизнь, в которой мы с ним были женаты. После этого для него все изменилось. — Эмма смущенно насупилась. — Ни один разумный человек в такое не поверит. Да и мне никогда бы не пришло в голову, что среди всех людей именно Николай придумает подобную сказку. Скажи мне, bele-mere, мой муж что, сходит с ума или пытается меня одурачить, как последнюю простушку?

Какое-то время Тася молчала, сосредоточенно продолжая шить, потом проговорила:

— Полагаю, что вполне могу поверить в рассказ Николая.

— Ты, наверное, шутишь!

— Это в русской натуре — принимать всерьез подобные явления. Мы полны противоречий. Невоздержанные, суеверные, склонные к мистицизму. — Тася пожала плечами и чуть улыбнулась. — Возможно, у нас у всех была прошлая жизнь. Могу ли я это отрицать?

— Но ты же верующая! Ты знаешь Библию наизусть!

— Для русских вера — понятие растяжимое. Она включает в себя множество совершенно разных идей и представлений.

— Но я-то не такая. Я не могу позволить себе поверить в нечто столь необычное. Однако я вижу, Николай убежден в том, что его переживания были наяву. И кажется, они повлияли на него наилучшим образом.

— Тогда, может быть, тебе не стоит задаваться этим вопросом, Эмма? Попробайся принять то, что случилось, как данность и просто начни отсчет с этой минуты. Просто живи.

— Но каким образом... — начала было Эмма и вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату. Она подняла глаза, и сердце ее дрогнуло: на пороге стоял отец.

Лукас Стоукхерст выглядел точно так же, как всегда: высокий, представительный, с пронзительными синими глазами. Он смотрел на нее, и выражение его лица менялось на глазах. Оно смягчилось, взгляд засветился надеждой и любовью.

— Эмма!..

Она вскочила и, подбежав к нему, обвила его руками. Он был такой любимый, такой надежный! Счастье наполнило ей душу, и она уткнулась лицом в его плечо.

— Папа, послушай, — быстро заговорила она, крепко прижимаясь к нему, — я столько поняла за последнее время. Я слишком многого требовала от других людей, ждала от них совершенства. И особенно жестко относилась к тем, кого люблю. Так злилась, когда они меня разочаровывали тем, что имели человеческие слабости! Ты пытался защитить меня, помочь мне и был абсолютно прав насчет Адама Милбэнка. Прости меня за все, что я тебе наговорила. Это от ярости, но на самом деле я ничего такого не думаю. Я люблю тебя, папа. Я так по тебе соскучилась.

Отец не мог ничего ответить, он только глубже погрузил лицо в ее волосы и с трудом сглотнул. Руки его сжимали ее так крепко, словно хотели раздавить. Эмма смахнула с глаз слезы счастья. Она снова была со своей семьей, и все наконец уладилось.

Затем Эмма уселась поудобнее и пустилась в долгую беседу с родителями, рассказывая им тщательно исправленную версию своей жизни в доме Ангеловского. Ей доставило удовольствие, когда отец взял ее руку и нежно сжал в своих больших ладонях. Тася лучезарно улыбалась, довольная их возродившейся близостью. Немного погодя в гостиную спустились

мальчики, чтобы принять участие в чаепитии с пирожными. Уильям и Джейк быстро подружились. На коленях у Таси примостился еще сонный после дневного отдыха Закари.

— Я хочу поехать в гости к Джейку и побывать в зверинце, — объявил Уильям, перепачканный сладкой глазурью с кексов, которые они с Джейком поглощали с головокружительной быстротой. — Когда мне можно будет приехать? Пригласишь меня к себе, Эмма?

— Приезжай поскорее, — ответила Эмма, улыбаясь. — Звери тебе обрадуются, Уильям. — Она помедлила, но потом все-таки предложила родителям:

— Поскольку близятся праздники, может быть, вы приедете к нам вечером на Рождество и поужинаете с нами?

Тася сразу согласилась, облизнувшись при мысли о русских угощениях, которые наверняка приготовит кухарка Ангеловских. В разгаре обсуждения рождественских праздников появился дворецкий и доложил, что прибыл инспектор полиции и ожидает хозяина у парадного входа.

— Я ждал его, — сказал Люк. — Извините меня, я должен поговорить с ним наедине.

Уильям и Джейк сразу нашли предлог поскорее покинуть гостиную. Эмма не сомневалась, что они отправились поглазеть на посетителя.

Гостиная быстро опустела. Эмма удивленно уставилась на Тасю.

— Зачем, ради всего святого, явился сюда инспектор полиции?

Тася поморщилась.

— Позапрошлой ночью, когда мы спали, наш дом был ограблен. Это страшно взволновало меня и детей. Отец был в полной ярости. — Она доверительно понизила голос:

— Мужское самолюбие очень ранит, когда воруют твоё имущество прямо у тебя под носом. Люк поставил на уши Скотланд-Ярд, и они вчера прислали, сюда двух сержантов и инспектора. Он никому не даст покоя, пока виновник не будет пойман.

— Мне жаль несчастного вора. Что с ним будет, когда папа его найдет? — покачала головой Эмма. — Что было украдено?

— Драгоценности, наличные деньги и ящичек с пистолетами. — Тася нахмурилась, пожав плечами. — Легкость, с которой это было сделано, указывает на то, что вор был знаком с планировкой дома и местонахождением ценностей.

— Значит, вполне вероятно, что мы знакомы с тем, кто совершил кражу?

Тася кивнула и поцеловала Закари в макушку, крепче прижав к себе. Она словно стремилась защитить его от возможной угрозы.

— Наши слуги все давно с нами, мы им полностью доверяем. Так что, вероятнее всего, виновник был когда-нибудь нашим гостем. Возможно, мы принимали его или угощали ужином.

Эмма слегка передернулась:

— Мне это совсем не нравится.

Тася еще раз пожала плечами, практичная, как всегда:

— Жизнь полна неожиданностей. И слава Богу.

Когда Эмма с Джейком вернулись в поместье Ангеловских, Николай как раз провожал небольшую группу управляющих, счетоводов и стряпчих, которые представляли ему полугодовые отчеты по всем его разнообразным владениям. Последний из них распрощался, и Николай, посадив сына к себе на колени, стал расспрашивать, как тот провел день. Терпеливо выслушал он возбужденный рассказ Джейка о его новообретенных кузенах, бабушке и дедушке.

— Значит, тебе понравились Стоукхерсты? — тихо осведомился он.

— О да! — восторженно уверил его Джейк. — Я никогда до сих пор не встречал таких, как они.

— В этом я не сомневаюсь, — сухо отозвался Николай, искоса глянув на Эмму. Он невесело улыбнулся ей и вновь повернулся к сыну. — Почему бы тебе не пойти в детскую, Джейк? Возможно, там тебя поджидает новая игрушка.

Джейк вприпрыжку помчался наверх, исчезнув из виду с такой быстротой, что Николай и Эмма не смогли сдержать улыбки.

Николай встал и вопросительно выгнул золотистую бровь:

— Ну и как все прошло?

Эмма порывисто подошла к нему и обняла его за талию.

— Тася была, как всегда, добра и мила, а мы с папой уладили наконец все наши разногласия. Перед моим отъездом он даже признал, что, возможно, ты не такой уж плохой муж, раз я так хорошо выгляжу. По-моему, папе хотелось помириться, Ник. Не удивлюсь, если он соберется как-нибудь на днях поговорить с тобой. Мне думается, он готов принять тебя как зятя.

Николай саркастически усмехнулся:

— Почему при этой мысли у меня бегут мурашки по коже?

Эмма легонько прикусила ему мочку уха.

— Если папа решит наладить с тобой отношения, я надеюсь, что ты будешь с ним очень любезен и обаятелен. Ради меня.

Николай снял с нее шляпку и погладил по волосам.

— Мне не нравится, когда ты так туго заплетаешь и закалываешь волосы.

— Я стараюсь выглядеть респектабельной.

— Тебе не назначено судьбой быть респектабельной. Твой удел быть вольной и естественной, как твои звери. Нет-нет, больше меня не кусай. У меня для тебя есть подарок.

— Что за подарок? Где он?

— Тебе придется его поискать, — улыбнулся он, когда она стала обшаривать его карманы. — Не так бурно, Рыжик, ты можешь повредить нечто ценное.

С победным криком Эмма обнаружила и вытащила у него из кармана тяжелый бархатный мешочек. Распустив завязки, она встрясла из него на ладонь содержимое и тихо ахнула. Это был перстень — сапфир, оправленный в золото. Великолепный сверкающий камень величиной с яйцо малиновки. Его сияющие глубины играли всеми оттенками синего и голубого. Эмма перевела потрясенный взор на мужа.

— Примерь его, — сказал он.

Словно со стороны она смотрела, как он надел огромный сапфир ей на палец. Кольцо подошло идеально, сгусток синего огня словно парил над ее кистью.

— Почему ты его купил мне? — с недоверчивым восхищением спросила она.

— Потому что он подходит под цвет твоих глаз.

— Он невероятно красив, но... — Она погладила его, обводя пальцем выпуклые твердые мышцы. — Зачем ты мне его купил?

— Мне доставляет удовольствие видеть на тебе красивые вещи. Почти такое же, как видеть тебя вообще безо всего. — Он шептал ей нежные слова, легонько ласкал и поглаживал, расстегивая при этом ворот ее платья. Губы его льнули к обнажившейся шее, язык щекотал ямку между ключицами, в которой бурно бился пульс.

Эмма глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Ник, не надо.

— Пойдем наверх.

— Не перед ужином! — воскликнула она, краснея.

— Я хочу видеть тебя совсем обнаженной, чтобы на тебе не было ничего, кроме этого перстня.

— Ты невозможен, — проговорила она, позволяя ему увести себя из комнаты.

За неделю до Рождества Эмма была страшно занята, украшая дом колокольчиками, ярдами алых лент, ветками падуба и омелы. Сестры Сударевы и двое лакеев, взобравшись на лестницы, наряжали огромную ель, установленную посреди главного холла. Работая, они развлекали себя и Эмму русскими рождественскими песнопениями.

— Если бы только этот дом не был таким громадным, — жаловалась Эмма, привязывая пучки падуба к перилам. — Тут требуется втрое больше украшений, чтобы добиться праздничного эффекта.

— Да, но как же изумительно все выглядит! — воскликнула Марфа, прикрепляя к еловой ветке пряничного человечка.

Они напекли немереное количество имбирных пряников самых разнообразных форм и размеров, и теперь у них уже возникли проблемы с воришками, тайком подкрадывавшимися, чтобы отведать пряного лакомства. Постоянную угрозу представлял Самсон, то и дело порывавшийся проглотить имбирных человечков, свисающих с нижних веток рождественской елки. Он валялся под пахучими еловыми лапами, время от времени пытаясь содрать с себя повязанный на шею красный бант.

Дворецкий приблизился к Эмме с растерянным выражением на обычно невозмутимом ястребином лице.

— Ваша светлость, — пробормотал он, — я только что обнаружил на ступенях перед дверью вот этот пакет.

Бросив украшать перила, Эмма спустилась вниз и приняла из рук дворецкого маленькую картонную белую коробочку, перевязанную красным бантом. Прикрепленная к нему карточка гласила просто: "Эмме".

Улыбка промелькнула на ее лице:

— Интересно, кто бы это мог так странно послать подарок?!

Она развязала ленту и открыла холодную, слегка отсыревшую коробочку. В ней лежали

бархатный лоскуток, свежая алая роза и маленькая карточка с инициалом "А". Улыбка сползла с ее лица, лоб наморщился. Кто мог послать ей такой странный подарок и таким таинственным образом? Неужели Адам Милбэнк? Как-то раз давно он подарил ей точно такую же алую розу. Она коснулась бархатистых лепестков и тут же отдернула палец, уколовшись о шип.

— Ох! — Она сунула палец в рот и ощутила на языке соленый вкус крови.

Черные брови Станислава сурово сдвинулись.

— Ваша светлость, позвольте мне... — Он взял у нее ящичек и, развернув бархатный лоскуток, уронил ей на ладонь то, что в нем было.

Она удивленно ахнула при виде тяжелых жемчужных серег с золотыми дужками, холодивших ей руки. Сестры Суда-ревы приблизились полюбопытствовать и ахнули от восхищения:

— Какая красота!

Эмма почувствовала внутри неприятный холодок. Где-то она читала, что жемчуг — к слезам. Ящичек с алой розой и жемчугом — кровь и слезы. Она уронила серьги в ящичек.

— Хорошо еще, что здесь нет Николая, — пробормотала она. — Думаю, ему не понравится, что я получаю подарки от других мужчин.

— Нет, ваша светлость, не понравится, — подтвердил Станислав.

Кинув на подарок неприязненный взгляд, Эмма распорядилась:

— Пожалуйста, верните это лорду Милбэнку. Подозреваю, что это он послал мне. — Она помедлила и обвела глазами слуг. — Не стоит упоминать об этом князю Николаю. Он рассердится или станет ревновать, а я предпочитаю, чтобы наш рождественский праздник прошел без тревог и огорчений.

Все согласились с ней и занялись делами, стараясь воскресить царившее прежде веселое, праздничное настроение.

Эмма была встревожена неожиданным подарком, но решила временно выбросить его из головы. Что хотел Адам этим сказать? Дал ей понять, что до сих пор к ней равнодушен? Что хочет он от нее? Может быть, завести с ней роман? Как глупы бывают некоторые мужчины, желая лишь того, что не могут иметь. А может, этот дар должен означать его прочувствованное прощание? Впрочем, это было не важно. Она собиралась сосредоточиться на будущем, а не на прошлом. У нее наладилась хорошая жизнь с Николаем, которая обещает стать только лучше. Ничто не должно помешать их будущему. Она об этом позаботится.

Утром Станислав вошел к Эмме, когда она пила чай в своей маленькой гостиной.

— Ваша светлость, — обратился к ней дворецкий и замолчал как бы в нерешительности. Черные брови его были насуплены, губы поджаты.

— В чем дело, Стэнли? У вас чрезвычайно странное выражение лица.

Дворецкий проигнорировал шутливое прозвище.

— Ваша светлость, — продолжал он, — я только что обнаружил на парадном крыльце вот это. — И он протянул ей зажатый в руке предмет.

Эмма отставила чашку и во все глаза уставилась на него. Это была та же самая кроваво-красная роза, что прислали ей вчера.

— Разве вы не отослали ее обратно?

— Отослал, ваша светлость, вместе с жемчугом. По-видимому, на этот раз был оставлен только цветок.

Она покачала головой, разглядывая чуть увядшие лепестки.

— Кто бы ни был даритель, он проявляет поразительную настойчивость.

— Будем сообщать об этом князю?

Эмма на миг задумалась. Она была уверена, что роза прислана Адамом. Видимо, для того, чтобы вызвать трения между ней и мужем. Милбэнк был бы рад взбесить Николая и перессорить его с Эммой.

— Нет, — коротко сказала она, — это глупая история. Пожалуйста, выкиньте розу, и забудем об этом.

Наступил сочельник. Запах хвои волнами струился от елочки, установленной в углу маленькой семейной гостиной, отделанной золотистыми дубовыми панелями и украшенной гобеленами. Занавеси из бархата винного цвета на окнах были слегка отдернуты, и сквозь них в комнату проникал пронизанный звездным светом сумрак вечера. В камине трещал огонь, рассыпая веселые искры и оживляя желтоватыми бликами уютную полутьму.

Николай раскинулся посреди груды бархатных подушек на полу, наблюдая за женой, которая расхаживала по комнате, что-то доделывая и поправляя. Джейк в детской наверху давно видел сны о предстоящем праздничном утре. А у них впереди была целая ночь.

— Подойди сюда, — лениво промолвил он, прихлебывая вино из хрустального кубка, оправленного в золото и серебро и усаженного сверкающими алмазами и рубинами.

— Сейчас, — отозвалась Эмма, поправляя на деревце бусы из ягод. — Я еще не закончила.

— Последние два дня ты ничего не делаешь, лишь бесконечно перевязываешь по-новому ленты и передвигаешь на дюйм туда или сюда гирлянды.

— Поскольку завтра к нам явятся почти две сотни гостей, я хочу, чтобы все было идеально.

— Все уже идеально. — Николай подлил вина и залюбовался очертаниями бедер жены, когда она нагнулась в своих облегающих брюках. — Иди сюда сию минуту. У меня для тебя есть подарок.

— У меня для тебя тоже, — заодно ответила она и, перегнувшись за кушетку, вытащила оттуда большой квадратный предмет, по размеру похожий на картину в раме. Он был обернут темной тканью.

Николай оживился:

— Это твой портрет?

— Да. Мистер Сомс работал не покладая рук, чтобы закончить его к сроку.

— Дай мне на него посмотреть.

— Сначала подарок мне, — возразила она, уселась рядом с ним на пол, по-турецки подогнув длинные ноги, и приняла из его рук кубок с вином.

Николай не чинясь вынул из-под подушек сверток. Эмма с детским любопытством потянулась к нему.

— О, я больше всего люблю маленькие. — Разорвав бумагу, она открыла бархатную коробочку и с восторгом уставилась в нее, а потом осторожно вынула изумительно засверкавшую в свете камина брошь. По заказу Николая она была выполнена в виде тигра с полосками из черного оникса и желтых бриллиантов.

— Спасибо! — Эмма лучезарно улыбнулась мужу. — Он напоминает мне тебя.

— Вообще-то он должен был напоминать тебе о Маньчжуре.

— Вы с ним не слишком отличаетесь друг от друга, — заметила она, протягивая руку, чтобы погладить его затылок. — Оба вы одиночки, в прошлом жестоко раненные, и ни того, ни другого нельзя назвать полностью одомашненным.

Он бросил на нее взгляд, полыхнувший ярким золотом:

— Но ты ведь не хочешь, чтобы мы такими стали.

Криво улыбнувшись в ответ, потому что в словах Николая было много правды, Эмма притянула картину поближе.

— А теперь пришел черед твоего подарка. — Она помешкала, перед тем как развернуть картину, и слегка нахмурилась. — Она... она необычна. — Он махнул рукой, чтобы она не медлила. — Ну, тогда ладно. — Широким жестом Эмма сдернула покрывало. — Что ты о ней думаешь?

Николай молча и сосредоточенно вглядывался в портрет. Роберт Соме изобразил Эмму сидящей на подоконнике. На ней были белая рубашка с распахнутым воротом и легкие бежевые брюки. Неожиданную эротичность портрету придавало то, что Эмма была босой. Водопад распущенных рыжих кудрей, сверкавших от пронизывающего их солнечного света, ниспадал до бедер. Выражение лица, мечтательное, чуть серьезное, удивительно контрастировало с вольностью позы. Николай не мог оторвать глаз от портрета, находя его пленительным и чувственным.

— Он очень странный, правда? — спросила Эмма, пристально следя за реакцией мужа.

Николай улыбнулся и притянул ее к себе на колени, не сводя глаз с портрета.

— Он прекрасен. Спасибо тебе, Рыжик. Я буду дорожить им больше, чем всеми остальными шедеврами, которыми владею.

— Не знаю, где мы его повесим, — продолжала Эмма, откидываясь к нему на грудь. — Некоторых может оскорбить вид княгини в брюках.

Он нежно провел рукой по ее длинным, как у жеребенка, ногам.

— Я только такую княгиню и хочу иметь, Рыжик.

Она улыбнулась, довольная комплиментом, и начала нервно тереть пуговички на его рубашке.

— Николай, я тут подумала: есть кое-что, о чем ты должен знать.

— Что именно? — Николай почувствовал внезапную перемену ее настроения. Держа жену в объятиях, он терпеливо ждал, пока она подберет нужные слова.

— Не знаю, как тебе сказать, — наконец проговорила она. Николай приподнял ее подбородок и заглянул в глубокие синие глаза. Что-то всколыхнулось в нем, дрогнула какая-то струна, прозвеневшая почтительным ужасом и недоверием. Он понял, что она хочет сказать. Внезапная уверенность пронзила его насквозь, но он жаждал, чтобы она произнесла это вслух.

— Просто скажи это, Эмма.

— Я... — Она стиснула в пальцах тонкое полотно его рубашки. — Я думаю, что я... — Она снова затихла и только молча глядела на него, не в силах кончить фразу.

Он передвинул ладонь на ее упругий живот и вопросительно на нее посмотрел. Она ответила легким кивком, щеки ее полыхали пунцовым румянцем.

Николай глубоко вдохнул. Ребенок, их с Эммой ребенок — частица его в ней! Это известие вызвало в нем не прилив восторга, а что-то вроде ошеломленного смирения из-за того, что Бог подарил ему такую возможность. Мысль о трех детях терзала его душу: о Мише, брате, которого он бессилён был спасти, о Джейке, мальчике, которого он первоначально предал и от которого отрёкся, и Алексее, сыне, навеки для него утраченном. Возможность увидеть рождение своего ребенка, участвовать в этой новой жизни, стереть с лица земли руины своего прошлого и начать все с чистого листа... Николай склонился над Эммой и погрузил лицо в живую массу сверкающих кудрей.

— Значит, ты доволен? — спросила Эмма, сомкнув руки у него на спине.

Несколько мгновений он не мог ответить.

— Ты — моя жизнь, моя вселенная! — наконец произнес он дрогнувшим голосом.

После бурного рождественского утра, во время которого слуги обменивались подарками в большом холле, а хозяева — в семейной гостиной, дом был усеян обрывками бумаги и лентами.

Незадолго до приезда гостей Эмма поспешила переодеться в голубое шелковое платье, отделанное узкой черной тесьмой. Юбка была простого покроя, без оборок и складок, лишь отороченная черной бахромой. Из украшений на ней была только тигровая брошь, приколотая в пене белого кружева у шеи.

Служанки сутились, убирая разноцветный мусор пустых коробок и оберток, а на кухне жарилось-парилось угощение для двухсот гостей. Аппетитные запахи традиционных жареных фаршированных индейки и гуся смешивались с ароматами русских блюд: грибов в сметане, квашеной капусты и пропитанного ромом дрожжевого кекса с изюмом, называемого "ромовая баба".

Джейк носился по дому в безудержном восторге, размахивая новыми игрушками и нетерпеливо вопрошая, когда же приедут его кузены.

— Скоро, — успокаивала его Эмма, не в силах удержаться от смеха при виде противоречивых выражений двух лиц: Джейка — счастливо ожидающего и его отца — безнадежно смирившегося. Она знала, что Николай без радости встретится со Стоукхерстами, особенно с Люком. Эти двое никогда не были в хороших отношениях, а с момента свадьбы Николай и вовсе избегал своего тестя.

Поймав на себе шутливый взгляд Эммы, Николай скривил губы в подобии улыбки.

Она подошла к нему и поцеловала в щеку.

— Все пройдет удачно, — пробормотала она. — Гости будут в праздничном настроении, а мои родители очень рады приглашению. Перестань смотреть так, словно у тебя должны вырвать зуб.

— Ты собираешься рассказать своей семье о ребенке?

— Пусть пока это будет наша с тобой тайна.

Николай потыкался носом в нежные кудряшки у нее над ушком. Но прежде чем он успел ответить, в дверях возникла Марфа Сударева.

— Целая вереница карет показалась на подъездной аллее, — задыхаясь от бега, проговорила она.

— Спасибо, Марфа. — Эмма радостно захлопала в ладоши и потащила Николая приветствовать гостей.

Вскоре дом зазвенел веселыми голосами и смехом. Толпа детей собралась вокруг большой рождественской ели, в то время как взрослые потянулись в гостиную, где им поднесли глинтвейн, гоголь-моголь и русский напиток, подслащенный перебродившим медом. Лорд Шепли, прославленный музыкант, уселся за фортепьяно и стал наигрывать рождественские песни, а остальные гости хором ему подпевали. Убедившись, что все в порядке, Эмма успокоилась и расслабилась. Отец и Николай были любезны друг с другом, но соблюдали дистанцию, с преувеличенным вниманием наблюдая за играми детей. Тася, очаровательно выглядевшая в лиловом шелковом платье, поймала взгляд Эммы и лукаво ей подмигнула.

Решив проверить, как обстоят у поварихи дела с обедом, Эмма незаметно выскользнула из гостиной. Напевая первый куплет песенки "Украсим залы к Рождеству", она направилась на кухню. Внезапно чья-то рука твердо легла ей на локоть. Она круто обернулась и увидела Николая. Губы ее приоткрылись в изумлении, но спросить она ничего не успела, так как он взял в ладони ее лицо и страстно поцеловал.

— Зачем ты это делаешь? — все же спросила она, как только получила возможность говорить.

Николай показал на потолок. Там, над порогом, кто-то повесил ветку омелы.

— Мне не помешало бы даже отсутствие этого предлога.

Улыбка изогнула ее губы.

— Тебе следует развлекать гостей.

— Я лучше развлеку тебя.

Она рассмеялась и пихнула его в грудь, но он лишь крепче сжал объятия.

— Я хочу поскорее остаться с тобой наедине, — прошептал он, принося к ее устам.

Внезапно их прервал неожиданный звук — проказливое хихиканье детей. Эмма напряглась и прервала поцелуй, обернувшись к шалунам. Жаркий румянец залил ее лицо до

корней волос, когда она увидела троих мальчуганов — Джейка, Уильяма и Зака — в сопровождении ее отца.

Лицо Люка осталось невозмутимым, но темная бровь иронически выгнулась.

Молчание нарушил Джейк.

— Не обращайтесь на них внимания, — заявил он, закатывая глаза к небу. — Они все время так делают.

Зарумянившаяся Эмма вырвалась от мужа и поправила лиф платья.

— Что это вы четверо здесь делаете? — сурово поинтересовалась она, скрывая смущение. Джейк жизнерадостно улыбнулся:

— Я веду их в конюшню показать моего пони Руслана.

— Тогда не будем вас задерживать, — пробурчал Николай. Эмма тайком ущипнула его за невежливое замечание и откашлялась.

— Может быть, Николаю стоит вас проводить?

Джейк и остальные дети принялись бурно упрашивать Николая пойти с ними, и он неохотно согласился, бросив угрожающий взгляд на Эмму.

Она мило улыбнулась в ответ, надеясь, что отец улучит минуту поговорить с Николаем по душам. В любом случае им не повредит провести какое-то время вместе.

А хозяйка вернулась к своему намерению посетить кухню. Внезапно неизъяснимый страх будто иголочками заколол ей затылок, и она замедлила шаги. Ее встревожило ощущение чего-то неладного, словно смутная тень опустилась над домом. Бросив взгляд через плечо, она увидела, как Станислав приглашает от входной двери в холл троих гостей. В первом из них она узнала мистера Оливера Брикстона, американского посудного фабриканта, который однажды обедал у Ангеловского. Он был братом женщины, на которой женился Адам Милбэнк. Затем показалась маленькая некрасивая женщина, разодетая в дорогое шелковое платье с кружевами. Волосы ее были убраны в строгую, аккуратную прическу. Она опиралась на руку темноволосого мужчины с очень знакомым лицом. Адам явился на их рождественский вечер и привел с собой жену.

Эмма застыла на месте, но мысли ее неслись в бешеном хороводе. Как такое могло случиться? По-видимому, приглашение было послано мистеру Брикстону скорее из вежливости, чем в расчете, что он его примет. Но он решил приехать и, нарушая все правила этикета, привез с собой Милбэнков.

Брикстон непринужденно улыбался, явно позабыв о прежних отношениях Эммы с Адамом. Но Шарлотта Милбэнк знала о них. Любопытство, смешанное с недоверием читалось в ее серых глазах, устремленных на Эмму.

Сердце Эммы забилось так часто, что, казалось, сейчас выскочит из груди. На лбу выступила испарина. Зачем Адам сюда явился? Каковы его намерения? Люди станут наблюдать затаив дыхание, не случится ли ссоры между ним и Николаем. Она выдавила из себя улыбку и шагнула навстречу нежданым гостям, приветствуя их.

Некрасивое, но доброе лицо мистера Брикстона просияло, и он склонился с поцелуем к ее руке.

— Счастливого Рождества, ваша светлость.

Эмма пробормотала что-то в ответ и перевела взгляд на жену Адама, которая была по крайней мере на голову ниже ее.

Шарлотта Милбэнк удивила ее, заговорив первой тоном вежливым, но в котором слышалась сталь. Было какое-то несоответствие в том, что глубокий, звучный голос лился из

уст маленькой толстенькой женщины.

— Надеюсь, вы сможете пристроить лишнюю пару гостей, ваша светлость. Боюсь, это я настояла на том, чтобы сопровождать брата на ваш прием. С момента моего приезда в Англию я ото всех слышу о князе Николае и его великолепном поместье, не говоря уж о его жене и ее зверинце.

Эмма не сводила глаз с этой женщины, не осмеливаясь посмотреть на Адама.

— Вы и ваша семья — желанные гости на нашем рождественском празднике, леди Милбэнк.

Когда это имя слетело с губ Эммы, по ее телу пробежал странный озноб. Леди Милбэнк — имя и титул, о которых она когда-то мечтала больше всего на свете.

Круглое, пухлое лицо Шарлотты Милбэнк казалось бескостным, но кожа ее была безупречной — изумительная молочно-белая с легчайшим румянцем на скулах. Возможно, если бы она отличалась бойким характером, ее сочли бы привлекательной, но серые, как кремь, глаза излучали недоверие, а сжатый в ниточку маленький рот не улыбался.

Эмма испытала странную потребность утешить эту женщину, сказать, что ей нечего ее бояться. Но вместо этого она доброжелательно улыбнулась и повела Шарлотту в гостиную, к ближайшей группе гостей, и стала всем ее представлять. Брикстон и Адам задержались позади, так как Брикстон залюбовался огромной рождественской елью в главном холле.

Эмма оставила Шарлотту Милбэнк и занялась другими гостями, однако глаза ее беспокойно обегали комнату. Скоро должен вернуться Николай. Ей необходимо найти его заранее, предупредить о том, что к ним в гости явился Брикстон вместе с Милбэнками. Она старательно не смотрела в сторону Адама, хотя ощущала на себе его неотрывный взгляд.

"Будь ты проклят, Адам, — думала она сердито. — Зачем ты хочешь перевернуть мою жизнь? Что сделано, то сделано. Ты меня оставил и женился на другой, а я сумела прийти в себя и оправиться от удара. Так дай мне жить спокойно!"

Пробираясь сквозь толпу гостей, Эмма непринужденно играла роль хозяйки и наконец, улучив момент, посмотрела на Адама. Он стоял с приветливым видом, но казался напряженным, и улыбка его была натянутой. Жена находилась рядом, ее пухлая белая ручка хозяйски лежала на его руке. Мимоходом Эмма услышала обрывок их разговора. Адам пытался рассказать какую-то историю:

— ...Наши друзья наняли лакея с очень надменным лицом, одетого в роскошную синюю ливрею.

— Черную ливрею, дорогой, — небрежно прервала его Шарлотта.

Адам продолжал, словно не слыша ее:

— ...И мы гуляли в их саду вдоль тиссов.

— Это были фруктовые деревья, дорогой, — поправила Шарлотта.

— ...Когда слышали совершенно ужасный вопль и плеск! Этот лакей по дороге в каретный сарай поскользнулся и упал в рыбный садок. Я никогда так не смеялся.

— Это было крайне вульгарно, — чопорно добавила Шарлотта.

Эмма почувствовала на локте легкое прикосновение и, обернувшись, увидела рядом Тасю. Лицо Таси выражало легкую тревогу. Указав взмахом ресниц на Милбэнков, она тихо сказала:

— Вижу, у тебя появились незваные гости.

Эмма скорчила гримаску и вздохнула:

— Что будет, когда их увидит Николай!

— Николай не станет устраивать сцену, — уверила ее Тася. — У него отличное самообладание.

— Надеюсь.

— Адам выглядит просто подкаблучником, — заметила Тася.

— Да, я обратила на это внимание.

Адам всегда был обидчивым и болезненно гордым. Зачем он женился на женщине вроде Шарлотты? Возможно, она так держалась из-за неуверенности в себе: старалась самоутвердиться, изводя мужа?

— Бедная женщина, — внезапно промолвила Эмма. — Я знаю, чем оборачивается попытка удержать ускользающего из рук мужчину. Я долго пыталась это делать, пока не поняла всю бесполезность подобных стараний.

— О ком ты говоришь? — поинтересовалась Тася. — Об Адаме или о Николае?

Эмма горестно улыбнулась:

— Полагаю, об обоих. Но Николай переменялся, в то время как Адам остался прежним. По-моему, Адаму приятно держать женщину в состоянии неуверенности, чтобы она никогда не знала, можно ли на него положиться.

— Ты думаешь, что можешь положиться на Николая? — последовал тихий вопрос Таси.

— Да. Все, что я наблюдаю в последние несколько недель, убеждает меня: я должна рискнуть. Я решила довериться Николаю, пока не пойму, что ошиблась.

Тася пристально вгляделась в ее лицо.

— Ты полюбила его, Эмма?

Эмма заколебалась, обдумывая ответ. Уголком, глаза она заметила, что Адам высвободился из рук жены и стал не спеша пробираться сквозь толпу гостей, направляясь к высокой стеклянной двери, выходящей в сад. На пороге он остановился и посмотрел прямо на Эмму.

Адам явно хотел поговорить с ней наедине. Эмма сразу отвела от него взгляд, но лоб ее пересекла озабоченная морщинка. Вскоре она ускользнет из гостиной и присоединится к нему.

— Ты уверена, что поступаешь мудро? — спросила Тася, точно оценившая ситуацию.

— Наверное, нет, но это необходимо. Я должна прояснить наши с ним отношения раз и навсегда.

Николай вернулся в гостиную, испытывая облегчение. Мальчики порадовали Джейка восторгом при виде его пони. Стоукхерст был вежлив и прохладно дружелюбен, пробормотав, что хотел бы с ним побеседовать за рюмкой коньяка или чего-то в этом роде. Николай послушно согласился, понимая, что Эмма была права: ее отец явно стремится установить с ним мирные отношения.

Едва он пересек порог гостиной, как к нему приблизилась незнакомая женщина. Она была маленькой и толстенькой, с неожиданно хищными, свирепыми глазами на круглом личике.

— Ваша светлость, — обратилась она к нему низким голосом, — я — леди Шарлотта Милбэнк. Ваша жена и мой муж куда-то запропастились. Так как я незнакома с вашим поместьем, то вынуждена просить вас помочь мне их разыскать.

Темный сад был полон свистящих зимних шорохов. Земля под ногами оледенела, и голый кустарник живых изгородей покрылся инеем. В морозном ночном воздухе дыхание вырывалось изо рта Эммы призрачными тающими облачками.

Сад представлялся ей единственным местом, где им с Адамом было гарантировано необходимое уединение. Казалось вполне закономерным, что они должны сейчас встретиться на том же месте, где состоялось их последнее настоящее свидание, перед тем как Николай вмешался в их жизнь.

Вскоре она обнаружила то, что искала: маленькую полянку, окруженную ирландскими тисами. Адам ждал ее там, его длинные волосы слегка колыхались на ветру, легкими волнами обрамляя лицо и шею. Он казался постаревшим, словно со времени того свидания прошли не месяцы, а годы. Эмма чувствовала, что тоже стала старше. Как случилось, что оба они изменились так сильно?

Она уже не могла представить себя и Адама юными пылкими влюбленными и поняла, что теперь их разделяет нечто большее, чем ее замужество и его женитьба. Она никогда не любила Адама по-настоящему. Настоящая любовь принимает человека со всеми его недостатками и прощает ошибки. Понимает слабости и еще больше любит за них. То, что объединяло их с Адамом, было иллюзией, которая рассыпалась прахом при первом же серьезном препятствии.

Она остановилась в нескольких футах от него. Ее губы дрожали от холода.

— Зачем вы приехали, Адам?

Он протянул к ней руку. В ладони бледно мерцали жемчуга.

— Я хотел отдать их вам.

Это были серьги, которые она ему отослала. Эмма покачала головой и сложила руки под грудью.

— Я не могу их принять.

— Почему? Разве они не так хороши, как те драгоценности, которые он дарит вам? — Взгляд его упал на тигровую брошь.

Эмма с трудом сглотнула, испытывая неловкость от того, что находится с ним наедине.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она нетерпеливо и жалобно.

— Я хочу вернуться в тот вечер, когда мы были с вами здесь, в саду. Я все сделал бы иначе. Я не дал бы запутать себя и на этот раз не покинул бы вас. Слишком поздно я понял, что вы были для меня единственной возможностью стать счастливым.

— Это не правда.

— Разве? Говорят, что князь Николай изменился, что женитьба на вас преобразила его. Он стал лучше. Вы могли бы сотворить такое и со мной, если бы я женился на вас. Чтобы стать моей женой, вы бы бросили вызов своей семье и всему миру. Вы бы любили меня.

Когда- то подобные речи из уст Адама доставили бы Эмме огромное удовольствие. Она наслаждалась бы, слушая, как он сожалеет, что покинул ее. Но теперь его стенания были ей не нужны. Она хотела навсегда изгнать его из своей жизни.

— Адам, ни вам, ни мне не стоит жить прошлым.

— А что, если я не могу не думать о нем? — яростно спросил он, швыряя серьги к ее ногам с такой силой, что одна из дужек сломалась, а жемчужины разлетелись вокруг ее юбок. — Я хотел увидеть сегодня на вас мои украшения.

— Вам следовало подарить их своей жене.

— Я не люблю ее, — сказал Адам, и глаза его потемнели от отчаяния. — После отказа от вас я продал свою душу. Я думал, что состояние Шарлотты будет достаточным утешением. Знаете, что мне пришлось узнать? — Он горько рассмеялся. — Мое новообретенное богатство принесло с собой обязательства, от которых меня выворачивает наизнанку. Шарлотта обращается со мной как с дрессированной мартышкой. Она ждет от меня послушания, беспрекословного выполнения ее воли и вознаграждает меня, только если я это делаю. Я утратил гордость и самоуважение.

— Ох, Адам, — печально прошептала Эмма, — вы не должны рассказывать мне об этом. Я не могу вам помочь.

— Нет, можете!

Эмма открыла было рот, чтобы возразить ему, но услышала звук шагов по замерзшей земле и шорох одежды, задевающей за кусты. Спустя несколько секунд на полянке появилась Шарлотта Милбэнк. Ее бледное лицо оставалось невозмутимым, но в глазах сверкало злое торжество.

— Мы нашли их, — объявила она своему спутнику, который вышел на полянку и встал рядом с ней.

— Ник! — проговорила Эмма, и сердце ее упало. Ее муж тихо обратился к Адаму:

— Убирайтесь с моей земли, или я убью вас! — Из уст некоторых людей это прозвучало бы как эффектная фраза, но Николай был абсолютно серьезен.

— Нет, — поспешила вмешаться Эмма. — Оставь их, Ник. Не давай сплетникам новой пищи. Кроме того, у тебя деловые отношения с Брикстоном и его американскими друзьями. Ведь так? Ты не должен оскорблять Брикстона, выгоняя из своего дома его сестру с мужем.

Тигриный взгляд Николая впился в ее зрачки.

— Почему ты хочешь, чтобы Милбэнк остался?

— Нам все равно пора ехать, — пробормотала Шарлотта и шагнула вперед, чтобы взять мужа за руку. — У меня разболелась голова. К тому же я увидела то, ради чего приехала сюда. Пойдем, дорогой.

Сначала казалось сомнительным, что Адам ее послушается. Молчание мучительно затянулось. Наконец он подчинился властному нажиму жены и покинул сад вместе с ней.

Николай смотрел на рассыпанный у ног Эммы жемчуг.

Ей захотелось оправдаться, хотя причин для этого не было. Рассердившись на свое смущение, Эмма перешла в наступление.

— Ну, что теперь, Ник? — сухо спросила она. — Что последует? Вопросы? Обвинения?

— Ты приглашала его? — осведомился он, по-прежнему глядя на жемчуг.

— Ты думаешь, мне хотелось его здесь видеть?

— Возможно. Ты что, испытываешь меня, Эмма?

Вопрос неожиданно привел ее в ярость:

— Я не стану оправдываться. Верь, во что хочешь!

— Я хочу услышать твое объяснение.

— Неужели? — с деланной наивностью осведомилась она. — Как чудесно, что ты решил проявить справедливость, после того как уже сделал свои выводы! Вы с Адамом совершенно одинаковы: пара собак, грызущихся из-за кости. Что ж, я не позволю никому из вас давить на себя, рвать и тянуть в разные стороны. Как ты смеешь глядеть на меня с подозрением, когда я изо всех сил стараюсь поверить в тебя! Неужели я не заслуживаю такого же отношения? Такой же слепой веры?

Ни единого звука, ни единого слова не донеслось в ответ, лишь полное молчание. Николай, казалось, был поглощен внутренней борьбой, которая требовала от него полной сосредоточенности. Эмма смотрела на суровый профиль мужа, высеченные лунным серебром линии носа и скул.

Наконец Николай сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, напряжение ушло из его тела.

— Я знаю, что ты его не приглашала, — грубовато признался он. — Но когда я увидел тебя здесь, рядом с ним, мне захотелось придушить вас обоих. Я ревновал.

Эмма почувствовала, что ее злость проходит.

— Для этого не было причины.

— Разве? — Он помолчал еще несколько мгновений. — Шесть месяцев назад я стоял в этом саду и слышал, как ты сообщила Адаму, что любишь его, произнесла слова, которых никогда не говорила мне.

— Разве я не говорила их тебе в прошлой жизни? — отозвалась она в слабой попытке пошутить.

— Да, говорила, — абсолютно серьезно ответил он. — И я хочу услышать их снова. Только надежда на это поддерживает меня, Эмма.

К общему облегчению, праздники прошли без дальнейших осложнений. Николай совсем выбросил Милбэнков из головы, посвятив себя нуждам своей семьи, арендаторов, занялся делами. Он наконец нашел опытного наставника для Джейкоба и пригласил его приехать днем в поместье. Пожилого мужчину провели в библиотеку, где его ждали Николай и Джейкоб. Николай жестом пригласил его присесть и объявил:

— Мистер Робинсон, мы с сыном хотели бы предложить вам место гувернера. Ваши рекомендации безупречны, а после встречи с вами на прошлой неделе мы оба согласились, что вы самый подходящий человек.

Робинсон, седой, солидный джентльмен, в течение сорока лет преподавал в Итоне и теперь пожелал вести менее напряженную жизнь частного преподавателя. Он обладал добротой и мягким юмором, которые Николаю очень пришлись по душе. В нем также чувствовалась упорная воля, предполагавшая воспитание с твердостью и здравым смыслом. Еще важнее было, что Джейк его одобрил, чувствуя в нем отеческую теплоту.

Улыбка раздвинула аккуратно подстриженные усы мистера Робинсона, и он без уверток

коротко сказал:

— Принимаю. Могу также добавить, что весьма необычно позволять ребенку сказать свое слово при принятии такого решения, но в этом видна некоторая свежая струя. — И он лукаво блеснул глазами в сторону Джейка. — Полагаю, что мы с юным Джейкобом поладим.

— Мы будем предоставлять вам отличные комнаты и обслуживание, где бы ни обитала семья. Мы также надеемся, что вы примете участие в наших возможных путешествиях.

— Я с удовольствием буду их ждать, ваша светлость. Путешествия дают прекрасную возможность пополнять знания. Даже человеку моего возраста.

— Вот и прекрасно. — Николай прервал себя на полуслове, так как в дверях библиотеки появился дворецкий. — В чем дело, Станислав?

— Посыльный только что принес это для вашей светлости. — Дворецкий подал ему на маленьком серебряном подносике запечатанное письмо и удалился.

— Извините меня, — проговорил Николай, обращаясь к Робинсону. Взломав восковую печать, он пробежал глазами письмо, адресованное лично ему. Оно гласило:

"Николай!

Мне хотелось бы обсудить с Вами дело первостепенной важности. Оно касается Эммы. Встретимся в старом домике привратника Саутгейт-Холла сегодня в четыре часа пополудни. Я бы предпочел, чтобы Вы никому об этом не упоминали. Стоукхерст".

— Что за дьявольщина? — пробормотал Николай, перечитывая записку. Загадочное послание ничем не походило на обычный прямой и четкий стиль Стоукхерста. Возможно, однако, что он тревожился о дочери. У Николая не было иного выбора, кроме как быстро откликнуться на приглашение. Он хотел наладить хорошие отношения с семьей Эммы. И если понадобятся дополнительные усилия, дабы угодить ее отца, он приложит их, чего бы это ему не стоило.

Джейк с любопытством уставился на него, в то время как мистер Робинсон робко поинтересовался:

— Плохие вести, ваша светлость?

— Нет, — задумчиво отозвался Николай, — просто неожиданные.

Он сомневался, что Эмме известно что-либо насчет послания ее отца. Сегодня она уехала на заседание Королевского общества гуманного обращения с животными. Такие собрания обычно длились весь день, так что было маловероятно, что она вернется до ужина. Если он выедет тотчас же, то успеет совершить поездку в загородную резиденцию Стоукхерстов, встретится с герцогом и вернется домой еще до возвращения Эммы.

Отодвинув письмо на край стола, Николай сухо заметил:

— Ох уж эти тесты и тещи! Они не успокоятся, пока не втянут вас в какие-нибудь хлопоты.

Пожилой джентльмен улыбнулся:

— Не могу не согласиться с вами, ваша светлость. Моя дорогая жена умерла десять лет назад, но ее семья до сих пор продолжает мне докучать.

Николай ответил ему улыбкой и взъерошил темные волосики сына.

— Джейк, я сейчас должен уехать, так, может быть, ты покажешь мистеру Робинсону

классную комнату? — Он повернулся к наставнику. — Станислав поможет вам до конца недели перевезти сюда ваши вещи и обустроиться. Дайте ему список того, что вам нужно.

— Благодарю вас, князь Николай. Большая честь, что вы доверили мне воспитание юного Джейкоба.

Джейк нетерпеливо подергал Николая за рукав:

— Куда ты едешь, папа?

— Я вернусь домой к ужину.

— Можно поехать с тобой?

— Не в этот раз. Ты должен остаться и быть хозяином дома, пока я не вернусь.

— Хорошо, папа, — послушно ответил Джейк, однако морщинка между черными бровками выдавала его недовольство.

Эмма вернулась с собрания Королевского общества гуманного обращения с животными сияющая, довольная успешно проведенным днем. Само по себе собрание оказалось скучным, и поскольку особых новостей не было, все закончилось очень рано. А вот отношение к ней стало совершенно другим. Как и предсказывал Николай, ее влияние и статус возросли, наверное, раз в десять, просто потому, что она стала его женой.

К этому времени члены общества узнали о баснословном богатстве человека, за которого вышла Эмма, а также о ее внушительном новом титуле. Ей нещадно льстили, соглашались со всеми ее предложениями, возносили до небес ее ум и милосердие. Сегодня президент назвал ее самым важным и влиятельным членом общества. Эмма была смущена, польщена, но несколько раздосадована тем, что вся ее предыдущая работа не принесла ей такого признания, как титул княгини Ангеловской.

Она вошла в холл, с удовольствием окунувшись в уютное тепло дома после зимней стужи.

— Привет, Стэнли, — улыбнулась она дворецкому, позволяя ему помочь ей снять накидку. Затем она сняла серую фетровую шляпку и перчатки. — Где мой муж? В библиотеке?

— Он уехал несколько минут назад, ваша светлость.

— Неужели? А куда?

— Он не сказал, мадам.

— Эмма! — раздался голос Джейка. Обернувшись, она увидела, что он со всех ног сбегает с главной лестницы, а хорошо одетый джентльмен следует за ним с более пристойной скоростью. — Это мой наставник, мистер Робинсон. Эмма приветствовала седого гувернера лучезарной улыбкой.

— Муж говорил мне о вас, мистер Робинсон. Так вы решили принять это место?

— Да, ваша светлость.

— Я очень рада! — Поглядев на Джейка, она спросила небрежно:

— Николай сказал, когда вернется?

— К ужину.

— Ты знаешь, куда он поехал?

— Да.

Поскольку продолжения не последовало, Эмма улыбнулась и терпеливо задала следующий вопрос:

— Тебе не хочется сказать мне куда?

— Я не могу сказать, мне придется тебе показать.

Озадаченная Эмма проследовала за мальчиком в библиотеку, а гувернер остался со Станиславом в холле. Подойдя к письменному столу Николая, Джейк перерыл несколько листков, пока не нашел нужную записку и поднял ее, зажав в ладошке:

— Вот!

Эмма укоризненно покачала головой.

— Просматривать чужие письма нехорошо, Джейк.

— Но ведь ты хотела узнать.

— Да, но... — Она уставилась на письмо, страстно желая узнать его содержание. — Черт! — негромко проговорила она и, улыбнувшись, взяла листок. — То, что я делаю, Джейк, очень плохо. Мы должны уважать право других на личную жизнь и тайну.

— Да, мэм. — Он наблюдал, как она читала записку, и золотые глаза его светились, как у кошки. Эмма совсем растерялась:

— Как странно! — Вовсе не похоже было на отца писать такие послания. Почему же он решил так поступить? — Но ведь это не его почерк! — вскричала она.

Нервы ее напряглись, желудок сжался в комок. Во всем этом было что-то очень неладное.

Господи, это же почерк Адама Милбэнка и его стиль! На миг в глазах у нее помутилось, и черные буковки поползли по белому листку как червяки. Она видела его почерк раньше, когда он писал ей любовные записки и свое прощальное письмо.

Адам Милбэнк хотел увидеться с ее мужем наедине.

Записка выпала из пальцев Эммы и, порхая, улеглась на пол. Она вспомнила, что говорил Адам о Николае, слова его жгли ей мозг:

"...Я не могу перестать думать о том, чего меня лишили. Ваш муж проник в нашу жизнь и отнял у меня все, чего я хотел".

"...Я собираюсь свести с вами счеты и обещаю: ждать этого долго вам не придется. Это мой долг перед Эммой и перед самим собой".

"...Боже мой, кто-то должен оказать миру услугу и избавить от него... пока он не покалечил еще чьи-нибудь невинные жизни".

— Нет, — прошептала Эмма, сжимая руки в кулаки. — Это безумие. Он не посмеет!

Однако в душе она понимала, что Николай в опасности. Не отвечая на растерянные расспросы Джейка, она быстрыми шагами подошла к деревянному шкафу, в котором Николай держал хрустальные графины с крепкими напитками и кое-какие ценности.

— Ты правильно сделал, что показал мне эту записку, Джейк, — сказала она, роясь в шкафу. — А теперь, пожалуйста, пойди в холл.

— Но почему?...

— Делай, как я говорю! — Она улыбнулась ему через плечо успокаивающей улыбкой и весело проговорила:

— Все будет в порядке.

Джейк неохотно повиновался и вышел, шаркая по ковру ногами. Спустя минуту Эмма

нашла то, что искала: пару вычурно украшенных французских пистолетов в ящичке красного дерева. Вытащив из него пистолет с легчайшим курком и рукояткой из слоновой кости с золотыми и серебряными накладками — он был тяжелым и уютно улегся ей в руку, — Эмма проверила, заряжен ли он, и обнаружила, что обойма полна.

Она сунула его в карман платья, и тяжелые складки юбок скрыли торчащий бугор. Затем она спустилась в холл и жестом потребовала плащ. Хотя лицо ее оставалось спокойным, наверное, она чем-то выдала себя, потому что мужчины посмотрели на нее странно.

— Стэнли, велите снова подать мне карету, — коротко приказала она. — Уверена, что лошадей еще не распрягли.

Дворецкий колебался мгновение, словно испытывая неодолимое желание переспросить ее или как-то по-иному задержать. Но ее глаза сурово встретились с его взглядом, и он кивнул:

— Будет исполнено, ваша светлость.

Какой-то экипаж уже стоял около старого домика привратника. Дыхание лошадей клубилось в морозном воздухе белыми облачками пара. Маленький, переживший несколько столетий домишко находился почти в двух милях от Саутгейт-Холла, на краю густого леса. Мимо него вилась тропка, в давние времена служившая подъездом к господскому дому. Однако она была заброшена, после того как много лет назад проложили более прямой путь к нему и построили новую сторожку.

Николай оставил свой одноконный экипаж и, потрепав гнедого по крутой блестящей шее, направился в домик. Погода стояла холодная, но она ничуть не походила на привычные ему жестокие русские зимы, которыми он наслаждался большую часть своей жизни. Однако ему хотелось, чтобы эта встреча поскорее закончилась и он мог вернуться домой, к Эмме. Будь они прокляты, прихвати его тестя! Хоть Николай и признавал, что обязан им потакать.

Толкнув тяжелую деревянную дверь, Николай вошел в помещение, промозглое и тусклое. Дневной свет едва сочился в маленькие грязные оконца. Стараясь приспособиться к переходу от яркой белизны снаружи, Николай поморгал глазами.

— Ладно, Стоукхерст, — сказал он, — говорите, в чем дело.

Но откликнувшийся голос принадлежал вовсе не Стоукхерсту. Он был тихим, злорадным и враждебным:

— Вы, наверное, не привыкли к такой жалкой обстановке, не так ли? Князю Николаю подавай только самое лучшее. Роскошный дом, деньги, красавицу жену, но теперь все это будет отнято. Отнято человеком, которого вы ограбили дочиста.

Говоривший сделал шаг вперед, и Николай узнал Адама Милбэнка.

Ошеломленный, не понимая, что происходит, Николай уставился на него немигающими глазами:

— Какого черта вам надо?

Милбэнк взмахнул рукой, в которой оказался зажат пистолет с длинным дулом.

— Я хочу мщения, и этим я его добуду! Вы позавидовали тому, что было у меня с

Эммой, и забрали ее себе. Думаете, вы лучше меня? Так вот, Ангеловский, между нами нет почти никакой разницы. Мы оба недостойны ее! — Адам тщательно прицелился и начал большим пальцем отводить курок. — Это пистолет Стоукхерста. Я застрелю вас и брошу его здесь... во владениях герцога. Вы с ним сговорились против меня. Теперь настала пора возмездия.

— Вы глупец, — почти ласково проговорил Николай, не сводя глаз с пистолета, который прыгал в руке Милбэнка, выдавая его безумное возбуждение. — Никто не поверит, что это сделал Стоукхерст.

— По крайней мере это бросит тень на славное имя, которым он так гордится. А мир станет лучше и чище без тебя, себялюбивый русский ублюдок!

— Как вы думаете, что произойдет потом? — осведомился Николай, переводя взгляд с оружия на вспотевшее лицо Милбэнка. — Вы кончите петлей палача. Эмма вам все равно не достанется. Она не хочет иметь с вами ничего общего.

— Она хотела меня, пока вы зверски нас не разлучили! — Пистолет дернулся, и в ответ невольно дернулся Николай. Адам хрипло засмеялся. — Вы правы, Ангеловский, вам следует бояться. Я действительно собираюсь это сделать. Я убью вас без малейшего сожаления, как муху. Но сперва станьте на колени. — И когда Николай заколебался, ярость Милбэнка, казалось, удвоилась. — На колени! На колени! Немедленно! Хоть раз я увижу вас униженным.

Николай медленно опустился на колени, неотрывно глядя на противника, хотя его трясло от гнева и протеста.

— Я начал обдумывать этот план, когда услышал, что вы женились на Эмме, — продолжал Адам. — С того момента ваша жизнь не стоила и шиллинга.

Николай облизнул пересохшие губы:

— Вы пожертвуете своей жизнью ради мести? А как же ваша жена?

— Моя жена? — повторил Адам и горько рассмеялся. — Толстая жалкая курица, которая вечно клюет всех вокруг. Каждый раз, глядя на Шарлотту, я вспоминаю, что по вашей вине оказался с ней. А вам досталась Эмма, вам, который заслуживает ее меньше всех на свете!

— Этого я не отрицаю, — тихо произнес Николай.

— Эмма будет благодарить меня до конца дней своих за то, что я собираюсь сделать.

— Нет, Адам, — раздался с порога голос, ошелобив обоих мужчин. Они были так поглощены спором, что ни один из них не заметил тонкую фигурку, проскользнувшую в приоткрытую дверь.

Эмма стояла перед ними. Подол ее юбки отсырел от мокрой земли, белеющее в полумраке лицо казалось осунувшимся и угловатым. Николай никогда не видел у нее такого пронзительно сверкающего взгляда, словно она находилась в гипнотическом трансе. Она шагнула вперед, держа в руке пистолет, притом гораздо тверже, чем Адам.

— Это безумие. Перестаньте наставлять эту штуку на Николая. Если тронете хоть волос на его голове, я вас пристрелю.

— Эмма, убирайся отсюда! — рявкнул Николай, похолодев от ужаса. Его жена, его ребенок! С ними не должно произойти ничего плохого, что бы ни случилось с ним самим.

Адам едва глянул на Эмму.

— Я не хочу убивать его у вас на глазах. Но сделаю это, если придется.

— Ради Бога, зачем вам это? — напряженно спросила Эмма. — Вы что, пытаетесь

напугать Николая? Что ж, вы преуспели в этом: нагнали страха на нас обоих. А теперь уберите пистолет.

Адам становился все более хмурым и встревоженным. Пистолет качнулся в его руках.

— Вы должны быть мне благодарны за то, что я собираюсь избавить вас от него. Разве вы не этого хотите, Эмма? Вы не можете любить это чудовище, вы хотите освободиться от него!

— Нет, не хочу. — У нее заметно задрожал подбородок. — Немедленно прекратите ломать комедию, Адам!

— Проклятие, Эмма! Уходи, пожалуйста, — в отчаянии взмолился Николай. Господи милосердный, неужели судьба снова разлучит их? После всех мук, через которые он прошел, после всего, что узнал, неужели он окончательно ее потеряет? Из прошлого донесся до него горестный шепот Емелии: "Я никогда больше не увижу тебя. Это правда?" — "В этой жизни — нет".

— Эмма, убирайся отсюда! — резко повторил он.

— Ни слова больше! Молчите! — прокричал Адам, глаза его горели ненавистью. Лихорадочный взгляд вернулся к Эмме. — Я не понимал, какие чувства к вам испытывал, пока не потерял вас. И я должен это сделать. Не могу допустить, чтобы он выиграл. Если я позволю ему уйти безнаказанным, то больше никогда не буду чувствовать себя мужчиной. Никто и никогда не верил, что я любил вас, Эмма, даже вы сами. Только таким образом я смогу это доказать. Тогда вы поймете.

— Не надо ничего доказывать, — промолвила Эмма. — Я вам верю. — Она почувствовала жжение слез, выступивших в уголках глаз. А внутренний голос ее вопил в ужасе: "Только не тронь его, пожалуйста!" Она сморгнула слезы, продолжая твердо направлять пистолет на Адама. — Но я не люблю вас, Адам. Я была одинокой, неуверенной в себе, а вы льстили мне и заставляли ощущать себя нужной, желанной. По своей незрелости я приняла это за любовь.

— Он обманул вас, и вы поверили его лживым измышлениям, — горячо настаивал Адам.

— Мы с вами были друзьями, которые испытывали друг к другу нежность. Это совсем не то что любовь. Теперь мы оба устроили свои жизни с другими. Вам не стоит разрушать их. Этим вы ничего не добьетесь. Так что положите пистолет, и мы уйдем. Я пойду с вами куда-нибудь, и мы спокойно поговорим.

— Нет, — быстро произнес Николай.

— Не вам решать, — насмешливо фыркнул Адам. — Здесь я команду, а не вы. Понятно?

— Положите пистолет, Адам, — требовательно повторила Эмма. — Я не шучу.

— Не могу, — последовал упрямый ответ.

— Сейчас же!

Адам, казалось, не слышал ее, глаза его были устремлены на Николая.

— Слишком поздно.

До конца своих дней не забудет Эмма того, что последовало далее. События разворачивались в каком-то своем, особом времени: секунды превратились в часы, все движения замедлились, растянулись до бесконечности, распались на миллион составляющих. Николай прочел в глазах Адама свой приговор: твердую решимость сейчас же убить его. Он повернул голову к Эмме, чтобы взглянуть на нее в последний раз. Глаза его

стали пронзительно прозрачными.

И тогда она спустила курок пистолета.

Оглушительно прогремел выстрел, многократно отразившись эхом в ее мозгу. Раздался тонкий, высокий крик:

— Коленька!

Только гораздо позже она поняла, что кричала сама. Ударом пули Адама развернуло, правое плечо его будто взорвалось алыми брызгами. Пистолет его выстрелил, но уже не в цель. Пуля попала в стену позади Николая.

Николай не пошевелился, когда Адам упал к его ногам. Он оцепенел, мозг его замер в ожидании смерти. Он странным образом ослеп и оглох, затерялся в темной пустоте. Постепенно чувства его проснулись, и он понял, что стоит на коленях, а Эмма присела около него на корточки. Руки ее сжимают его лицо, а теплое дыхание согревает кожу.

— Ник, — прошептала она. Синие глаза ее блестели слезами. — Господи, я люблю тебя! — Она целовала его глаза, щеки, губы. — Посмотри на меня, — повторяла она, заливаясь слезами. — Я не могу тебя потерять. Никогда! Понимаешь? Я люблю тебя!

Николай обвил ее руками, гул крови в ушах постепенно стихал. Он посмотрел на лежавшего ничком Милбэнка. Пуля, должно быть, попала в плечо или предплечье, так что мерзавец, вероятно, выживет. Снова переведя глаза на Эмму, он попытался вытереть слезы, струившиеся у нее по щекам. Она казалась такой беспомощной! Тигрица вдруг стала кроткой и нуждалась в поддержке и утешении. Между ними больше не было барьеров. Они прильнули друг к другу, наконец-то вместе, составляя единое целое. Прошное рассыпалось в прах и унеслось прочь.

— Откуда ты узнала? — удалось выговорить ему.

— Я увидела записку, узнала почерк Адама и поняла, что он хочет причинить тебе вред. Я должна была поехать и найти тебя.

Он до боли сжал ее в объятиях.

— Никогда не смей больше подвергать себя такой опасности. Что бы ни случилось!

Дрожащая улыбка коснулась ее губ.

— Ты не можешь мне приказывать, как себя вести, — сказала она, вытирая глаза рукавом.

— Не плачь, — прошептал он. — Все позади. Мы оба целы.

— Когда я поняла, что Адам может тебя убить, то осознала, какой пустой станет без тебя моя жизнь. Ты мне нужен. — Губы ее задрожали. Она пыталась справиться с собой. — Так что лучше оставайся со мной навсегда, Ник: или я превращу твою жизнь в ад!

— Ты крикнула мне по-русски "Коленька!", — напомнил он, глядя ее мокрую щеку.

— Неужели? — удивилась Эмма и на миг задумалась. — Да, похоже, что так, — медленно проговорила она. — Интересно почему? Возможно, я начинаю верить в твой сон.

Но это было уже не важно. Ведь в будущем их обоих ждало сияющее счастье.

— Не имеет значения. Главное, что ты теперь меня любишь, Рыжик.

— Да, — прошептала она, притягивая к себе его голову.

В месяцы, последовавшие за формальным обвинением лорда Адама Милбэнка в покушении на убийство и судом над ним, жена его Шарлотта обнаружила, что не может выносить пристального внимания публики и презрения высшего общества. Так что она сбежала к себе домой в Америку, где утешилась в кругу своей семьи, среди сомкнувших вокруг нее ряды Брикстонов. Суд пэров нашел Адама виновным и приговорил к кратковременному тюремному заключению и конфискации большинства земель и собственности.

Наедине с собой Эмма иногда вспоминала об Адаме с чувством вины и задумывалась, не могла ли заранее что-нибудь сделать, чтобы предотвратить его покушение на жизнь Николая. Как и сама она, Адам влюбился в иллюзию, а потом стал винить других за свои разочарования. Слава Богу, она наконец научилась лучше понимать жизнь и себя. В противном случае ей никогда не удалось бы обрести свое трудно доставшееся счастье с Николаем.

Во время последних месяцев беременности мир Эммы сузился до их поместья и небольшого круга друзей. Женщин в ее состоянии не поощряли появляться на людях, за исключением самых ранних стадий, когда можно было скрыть беременность под шальями и просторными накидками. Тася и другие дамы регулярно навещали ее, разгоняя скуку, но не допускалось никаких посещений театра, прогулок по городу, раутов или танцев, никаких поездок в парки или по лавкам. И, что хуже всего, ей было запрещено работать в зверинце. Николай буквально на руках вынес ее как-то днем из конюшни, куда был доставлен новый конь. Прежний владелец так жестоко наказывал строптивца, что конь вообще перестал доверять людям. После того как он крепко лягнул конюха, пытавшегося полечить ему воспалившееся копыто, Эмма отправилась успокаивать злополучное животное. Николай, которому сообщил об этом бдительный слуга, тут же поспешил в конюшню.

Не говоря худого слова, он завернул ей руки за спину и вывел оттуда. Эмма сначала вела себя виновато, но потом стала спорить.

— Дай мне побыть с ним несколько минут, чтобы он успокоился, — рассердилась она. — Я всегда так поступала с другими животными. Ты же это видел не раз!

— Этот чертов конь кусает и лягает всех, кто к нему приближается, — коротко ответил Николай, подталкивая Эмму так, чтобы она не смогла упереться ногами в землю.

— Я сама себе хозяйка, — настаивала она, прекрасно сознавая, что муж прав.

— Только не тогда, когда носишь моего ребенка.

В тот день ей потребовалось много времени, чтобы остыть от их перепалки. Гнев ее был главным образом направлен на саму себя. Да еще на то, что впервые в жизни она физически зависела от других. Она теперь так легко уставала, а стремительная легкая походка превратилась в утиную перевалочку.

— Это ведь не навсегда, — утешал ее Николай, явившийся отдохнуть рядом с ней, когда она улеглась в постель, чтобы поспать днем.

Он прилег к ней лицом к спине и нежно провел ладонью по ее выпуклому животу и налившейся груди. Эмма почувствовала, как он улыбается ей в затылок.

— Скоро ты снова вернешься к работе в своем зверинце, тебя будут кусать и царапать, и ты с восторгом будешь выгребать навоз.

Она мечтательно вздохнула, представив себе эту картину.

— Знаешь, так неприятно поручать слугам то, что хотелось бы делать самой. И не только. Я становлюсь такой толстой и неуклюжей!..

Он ласково засмеялся, рука его лежала на самой высокой точке ее живота:

— Ты стройная и худенькая всюду, за исключением этого места, Рыжик. И вовсе ты не толстая, а беременная. Русские считают, что ничего нет прекраснее женщины в таком положении.

— Мы же не в России, — проворчала она. — Мы в Англии, а здесь будущие матери не в моде.

Николай начал растирать ей спину внизу у позвоночника, находя самые болезненные и немеющие места и разминая их, пока Эмма не вздохнула удовлетворенно, мурлыкнув:

— Ох, как же я люблю твои руки.

— Только руки?

— Ну, в данный момент я ощущаю только твои руки.

— А как насчет этого? — Он прижался к ней бедрами, давая ощутить твердую мощь своего возбуждения. — Я нахожу тебя очаровательной, красивой и очень желанной, — поведал он, целуя сбоку ее в шейку. — Что ты думаешь об этом, мамочка?

Эмма улыбнулась и слегка заворочалась.

— Я думаю, что ты необычный мужчина с извращенным вкусом. — Она перевернулась на спину и обвила руками его шею. — И мне очень повезло, что я твоя жена.

Два месяца спустя Эмма сидела на постели и нянчила новорожденную дочурку, когда Ник уселся рядом. Кончиком пальца Эмма отодвинула с лобика девочки легкую рыжую прядку. Рыжие полумесяцы ресниц мирно дремали на розовых щечках.

— Как мы ее назовем? — спросила она. — Все имена, что приходили мне на ум, теперь кажутся неподходящими.

— Есть одно, которое я хочу тебе предложить. — Рука Николая легла на одеяльце, сползшее на колени к Эмме. — Мне хотелось бы назвать ее Мэри в честь твоей матери.

Эмма помолчала, склонившись к ребенку. Когда она вновь подняла голову, в глазах у нее блеснули слезы счастья.

— Да, мне тоже это нравится. Ее будут звать Мария Николаевна Ангеловская. Бог даст, она когда-нибудь научится писать свое имя без ошибок.

Их разговор прервал легкий стук в дверь спальни.

— Кто там? — спросил Николай. На пороге появилась служанка.

— Ваша светлость, пять минут назад вам принесли пакет. Мистер Станислав сказал, что он от сэра Олмэя. Мне отнести его в библиотеку, сэр?

Эмма увидела, как лицо мужа помертвело.

— Нет, — произнес он, — принесите его сюда.

— В чем дело? — спросила Эмма, когда девушка удалилась. — Кто такой сэр Олмэй?

Николай, казалось, не слышал ее, но спустя несколько мгновений рассеянно ответил:

— Историк, которого я нанял, чтобы провести разыскания в архиве Ангеловских в России.

— А-а... — Взгляд ее перешел с непроницаемого лица на пальцы, судорожно стиснувшие простыни. Тогда она сообразила:

— Ты попросил его узнать о Емелии?

— Я должен был это сделать.

— Да, конечно. — Эмма дотронулась до его руки и погладила побелевшие костяшки пальцев. Она могла лишь догадываться, как много это значило для ее мужа. То время все еще оставалось для Николая реальным и оказывало влияние на него бесчисленными способами, проявляясь в большом и малом. Он наверняка будет горевать, если узнает, что с Емелией Васильевной случилась беда.

— Ник, что бы с ней ни произошло, ты не был в этом виноват. Ты ведь это знаешь!

Николай, не отвечая, уставился на дверь, словно ожидая явления призрака. Вернулась служанка с пакетом в руках и подала его Николаю. По знаку Эммы девушка взяла ребенка и унесла спать в детскую.

Николай медленно стянул с пакета шнурок и развернул коричневую оберточную бумагу. Полная жгучего любопытства, Эмма наклонилась вперед. В пакете лежали сложенное письмо, два или три томика с непривычными буквами кириллицы на обложке и еще какой-то предмет, который Эмме не удалось рассмотреть, так как Николай взял его и, повернувшись к ней спиной, стал разглядывать. Затем он медленно поднялся и отошел к окну. Она видела, как он поднес к лицу ладонь — то ли смахнуть слезы, то ли отереть пот, она не поняла.

Подняв письмо, Эмма увидела, что оно написано по-английски.

"Его светлости князю Николаю Дмитриевичу Ангеловскому.

Завершая проведенные по Вашей просьбе изыскания, я хотел бы Вам сообщить о результатах моей поездки в Россию и поблагодарить за необыкновенное удовольствие, доставленное ею. Условия проживания и работы были великолепны, а переводчик, мистер Сергеев, выше всех похвал. Если у Вас возникнут вопросы относительно посланных мной материалов, я буду счастлив встретиться с Вами и дополнить их некоторыми подробностями. Большую часть сведений о судьбе Емелии Васильевны можно почерпнуть из писем, написанных ее сыном, Алексеем Николаевичем Ангеловским. Эти письма находились у Вашей старшей сестры, Екатерины, обаятельной женщины, которая передала их мне для Вас вместе со своими наилучшими пожеланиями. Кроме всего прочего, в них имеется упоминание о том, где жила княгиня Емелия в старости: в подмосковном дворце, который, по легенде, посетила императрица Елизавета в обществе князя Алексея..."

— Что с ней случилось? — хрипло спросил Николай, все еще не поворачиваясь от окна. Эмма быстро проглядела письмо, перескакивая через страницы.

— Емелия оставила монастырь через семь лет после твоей... после смерти князя Николая, — сообщила она. — Короткое время она с сыном жила у родственников Ангеловских в Санкт-Петербурге. Однако их продолжали преследовать правительственные и

городские чиновники, так что однажды Емелия с сыном буквально исчезли на десять лет. Не исключено, что они жили у нее на родине, в селе Хованском, так как в церковных списках один раз упомянута неизвестная женщина с ребенком-сиротой. Возможно, речь шла о Емелии.

Найдя в отчете Олмэя еще одно важное место, Эмма прочитала его вслух:

"Спустя два года после смерти царя Петра в 1725 году Емелия и ее сын окончательно перестали скрываться. Алексею в то время было лет девятнадцать-двадцать. Он объявил, что вступает во владение всем имуществом Ангеловских, и занял свое место в обществе в качестве законного наследника князя Николая Дмитриевича. Судя по всему, никто из родни не мог или не желал оспаривать его права. Алексей поселил Емелию в подмосковном дворце, где она прожила в мире и довольстве до конца жизни. Последующие двадцать лет он посвятил умножению своего состояния. Имеется ряд писем, сохранившихся с того времени, написанных собственной рукой Алексея и адресованных его матери в имение. Все это входит в те материалы, которые я Вам посылаю. Из переписки становится ясно, что Емелия Васильевна возражала против того, чтобы ее сын стал интимным другом императрицы Елизаветы, дочери Петра I. Однако она еще дожила до того момента, когда сын ее женился на русской дворянке и произвел на свет двоих детей: Сергея и Лидию. Указано, что смерть Емелии Васильевны наступила в 1750 году. Ей тогда было шестьдесят три года. Среди собрания бумаг Вашей сестры Екатерины мы обнаружили миниатюру с изображением Емелии Васильевны, написанную незадолго до ее смерти".

Голос Эммы стих. Она поняла, что держит Николай в руках.

— Ник! — тихо позвала она, откладывая письмо в сторону. Поднявшись с постели, она присоединилась к нему. Яркий свет полудня не давал сразу рассмотреть выцветшее изображение. Она коснулась его руки, и он наклонил миниатюру так, чтобы яснее было видно лицо.

Перед Эммой был крохотный портрет старой женщины с серебристо-персиковыми волосами. Лицо ее было в морщинах, но губы улыбались, и взгляд был царственным. Различить цвет глаз не представлялось возможным, но выражение их наводило на мысль о том, что она видит нечто далекое... или тоскует по нему.

— Похожа она на меня? — спросила Эмма, сплетая пальцы с пальцами Николая. Он ответил с трудом:

— Наверное, похожа. — Помолчав, он пробормотал:

— Она никогда больше не выходила замуж.

Эмма подняла на него глаза и увидела блеснувшую на щеке слезу.

— Да, не вышла.

— У нее никого не было!

— У нее был сын, — сказала Эмма. — Она утешалась Алексеем и памятью о Николае. Самое же главное: она верила, что они еще встретятся вновь. И они встретились.

Эмма почувствовала, как сходит его напряжение. Пальцы разжались.

— Правда встретились? — Он повернулся к ней, зажав в руке миниатюру. — Ты в этом

уверена?

Эмма улыбнулась и положила голову ему на грудь. После небольшой паузы он обнял ее.

— Я просто знаю, что это так.

Николай зарылся лицом в ее волосы, шепча слова любви, и они долго стояли обнявшись в ласковых лучах утреннего солнца.

Больше книг на сайте — Knigolub.net